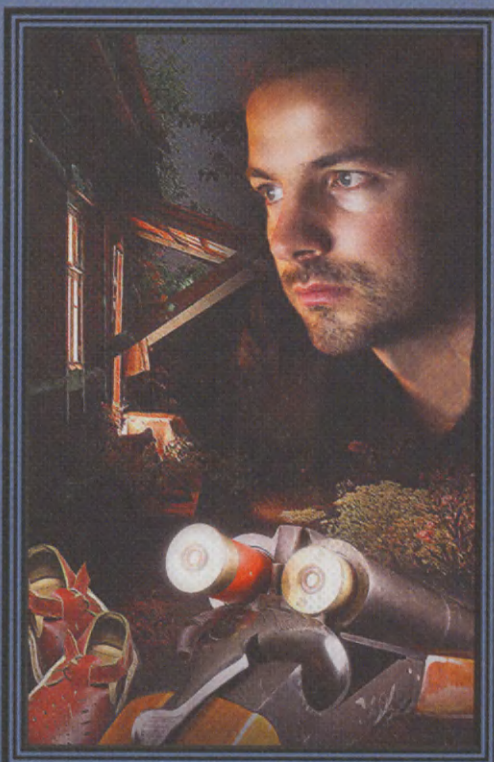

А. БЕЗУГЛОВ

ИЗУВЕР

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ

ИЗУВЕР

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

АНАТОЛИЙ
БЕЗУГЛОВ

ИЗУВЕР
★
ИНСПЕКТОР
МИЛИЦИИ

★
ПОВЕСТИ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Б40

16+

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Классическая библиотека приключений
и научной фантастики»

Безуглов А.А.
Б40 Изувер: повести / Анатолий Безуглов. — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2018. — 351 с. — (Классическая биб-
лиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 978-5-9524-5308-1

В повести «Изувер» рассказывается о трагедии в дачном поселке:
убиты несколько человек. Сложное расследование дойдет до суда и за-
кончится смертным приговором.

«Инспектор милиции» — это производственный роман из жизни
участкового. По распределению Дмитрий из Москвы попадает в дон-
скую станицу. Не на такое он рассчитывал, но неудачная шутка зака-
дычного друга обернулась именно так. Все будет в Диминой станич-
ной жизни и службе: и неудачи, и проклятия, и людская благодарность,
и любовь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9524-5308-1

© А.А. Безуглов, 2019
© ЗАО «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2019

ИЗУВЕР

ПОВЕСТЬ

Вечером 21 августа 1969 года дачный поселок Быстрица жил размеренной, спокойной жизнью. На улицах было много детворы. С волейбольной площадки доносились азартные возгласы играющих и гулкие удары по мячу.

Пожилые дачники чинно гуляли по поселку. Кое-кто возвращался из леса с лукошком, где лежали ядреные подберезовики и боровики.

В начале восьмого Александр Карпович Ветров, директор мастерских по изготовлению школьных пособий, уважаемый всеми человек, пошел поработать в свой сад. Сначала он хотел позвать в помощники сына — студента шестого курса медицинского института — Бориса и одиннадцатилетнюю дочь Ларису, но те увлеченно читали что-то, и он решил не мешать им. А так как жена, Надежда Федоровна, задержалась в городе, Александру Карповичу пришлось возиться на участке одному.

Через час Ветров вернулся в дом с ведром собранных яблок. Сын по-прежнему сидел в своей комнате на кровати с книгой в руках.

— Где Лариса? — спросил Александр Карпович. — Надо бы компот поставить варить.

— Не знаю, — ответил тот. — Может, пошла к Фае? Это была подружка сестры.

Александр Карпович выглянул во двор. Калитка отворена — значит, дочь вышла погулять. Время еще не позднее, волноваться нет причин. Правда, несколько дней назад у девочки было пищевое отравление, что всполошило всю семью, но Лариса уже поправилась и дала слово ни у кого ничего не есть.

Вечер стоял прекрасный. Здесь, в Быстрице, вдалеке от шумного города, отдыхали, как говорится, душа и тело.

За разговором с сыном Ветров не заметил, как за окнами постепенно сгустились сумерки. Александр Карпович любил беседовать с Борисом. Сын был начитан, разбирался в политике, литературе, искусстве.

Лариса что-то задерживалась, и это начало беспокоить отца, так как с наступлением темноты девочка обычно была уже дома.

— Сбегал бы ты к соседям, — попросил Александр Карпович сына.

Борис ходил к подруге сестры. Но там ее не было. А Фая, ровесница Ларисы, сказала, что виделась с ней около полудня.

Сообщение сына встревожило Александра Карповича. Когда из города приехала Надежда Федоровна, уже совсем стемнело, тревога за дочь еще больше возросла. Все трое — отец, мать и Борис — пошли к соседям, расспрашивая о Ларисе. Но никто не видел девочку вечером.

Вернувшись домой, обнаружили, что нет Ларисиных красных туфелек, в которых она обычно уходила играть на улицу. Александр Карпович вспомнил про отворенную калитку и про ключ от нее, который лежал на крыльце дачи.

Борис на всякий случай осмотрел весь участок, даже слазил на чердак: может, сестренка решила пошутить и заснула там? Но Ларисы нигде не было. Дело принимало серьезный оборот.

Никто из Ветровых даже не помышлял об ужине. Думали-гадали, куда могла пойти Лариса. Вечером, когда отец уходил в сад, а Борис находился в своей комнате, девочка читала в гостиной — так именовали Ветровы большую общую комнату на даче. Раскрытая книжка осталась лежать на столе.

И снова все трое отправились на улицу. Опять ходили по поселку, звали девочку. К поискам подключились участливые соседи. Кто-то высказал предположение, что Лариса, никому ничего не сказав, отправилась в город и заночевала у кого-нибудь из родных. Это предположение оставляло единственную надежду в том отчаянии, которое все больше охватывало Ветровых.

До утра никто не ложился спать.

Александр Карпович и Надежда Федоровна пили сердечные и успокаивающие средства, а Борис не находил себе места. С первой электричкой он поехал в город, а с вокзала — сразу к бабе Мане, родной тетке матери, к которой Лариса была особенно привязана. Баба Маня всполошилась и заявила, что внучатая племянница у нее не появлялась. Борис обзвонил и объездил всех родственников и близких знакомых.

Девочка как в воду канула.

Пока Ветров-младший искал Ларису в городе, в Быстрице была поднята на ноги местная милиция. С наступлением дня поиски девочки в поселке были продолжены. В них участвовали многие соседи Ветровых. Особенно тщательно прочесали примыкающий к Быстрице лес. Но все это не дало никаких результатов. Единственной находкой был носовой платок, обнаруженный в траве на перекрестке Баркановской и Красной улиц. Родители опознали его — платок принадлежал их дочери.

Давая объяснение работникам милиции по поводу исчезновения Ларисы, Ветровы отметили одну немаловажную деталь: из дома пропали две настольные игры дочери, в картонных коробках, которые обычно находились в гостиной. Вероятнее всего, Лариса отправилась куда-то с этими коробками, но куда и к кому — этого никто не знал.

Борис, вернувшись из города, первым делом спросил: «Нашли?» Ответ читался на заплаканных лицах родителей.

По инициативе инспектора уголовного розыска Быстрицкого отделения милиции был вызван проводник со служебно-разыскной собакой. Но и это ничего не дало.

Ларису не нашли ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день...

Работники милиции, занимающиеся поисками, опрашивали соседей по даче, родных. Все говорили, что Лариса не по годам крупная, почти с оформившейся женской фигурой — словом, акселератка. Это наталкивало на мысль: а не могла ли она стать жертвой насильника? Не исключалось, что ее куда-то заманили, а потом убили. Тем более что одна из соседок рассказала, что за несколько дней до исчезновения она якобы видела Ларису с незнакомым мужчиной.

Но труп обнаружить пока не удавалось.

Был объявлен розыск. Размноженные фотографии девочки с ее словесным портретом разослали по всей области. Более того, об исчезновении Ларисы Ветровой было сообщено в областной газете, а фото показано по местному телевидению. К населению обратились с просьбой: если кто видел девочку или знает что-либо о ее местонахождении, пусть срочно сообщит об этом в милицию. Но сообщений не поступало. Зато в квартире Ветровых беспрестанно звонил телефон: знакомые и малознакомые люди выражали сочувствие. Каждый звонок рождал надежду: а вдруг это Лариса или человек, который сообщит, где она? Но всякий раз Ветровых ждало разочарование, что еще больше сгущало и без того гнетущую атмосферу.

Из газеты и телепередачи узнали о горе Ветровых сослуживцы Бориса.

Кое-кто звонил, а некоторые приехали к нему на дачу, чтобы поддержать товарища.

Но хотя родные и близкие, соседи по дачному поселку и по городской квартире, сослуживцы и все знакомые окружили Александра Карповича, Надежду Федоровну и Бориса вниманием, это мало чем могло их утешить. Трудно было сказать, кто из них переживал сильнее.

Семья Ветровых жила дружно и счастливо. В ней царил согласие и любовь.

Многие им завидовали. Как говорится, «белой» завистью. А завидовать, по мнению окружающих, было чему.

Ветров-старший имел неплохое положение, пользовался как руководитель авторитетом у себя в коллективе.

Трудолюбивый, выдержанный, отличный семьянин. Сам не пил и не любил пьяниц, что не мешало ему быть хлебосольным хозяином. В доме Ветровых на праздники и торжества собирались многочисленные гости — солидные, уважаемые люди.

Под стать Александру Карповичу и Надежда Федоровна — любящая жена и мать, уважаемый человек на работе.

Что касается детей — родители были ими довольны. Дочь — послушная и ласковая, а Борис — гордость семьи.

Еще бы, поступил в институт, в который так трудно попасть из-за большого конкурса. Учеба шла успешно. Ветров-младший был на хорошем счету у преподавателей, участвовал в работе студенческого научного общества.

К пьянкам и пустому времяпрепровождению его не тянуло. При этом имел видную внешность. Неудивительно, что от невест не было отбоя.

Когда отец получил участок в Быстрице, дом поднимали сообща. Александр Карпович трудился над возведением дачи самозабвенно, не чурался никакой работы, даже самой черной.

И не раз соседи корили своих лентяев сыновей, приводя в пример Ветрова-младшего: тот и забор поможет отцу поставить, и дом покрасит, и огород вскопает. Словом, помощник хоть куда.

Что говорить, дружная была семья.

Труженики. Отсюда и достаток: отлично обставленная двухкомнатная квартира в городе, добротная дача. Поговаривали, что Ветров-старший намеревался приобрести «Волгу». В этом имелся свой резон: у Бориса была невеста, симпатичная скромная девушка, Ольга Каменева. Ее принимали в доме как свою. По мнению родителей, явно шло к свадьбе.

А какая свадьба без подарка, солидного и в то же время нужного? С машиной поездки на дачу стали бы удобнее и менее хлопотны.

И вот на эту семью, которую многие считали образцовой, обрушилось несчастье.

Лариса была любимицей родителей и брата. Наверное, потому, что младшая и девочка. Мысль о том, что с ней случилось страшное, была невыносима.

Надежда, теплившаяся какое-то время после ее исчезновения, растаяла. Конечно, каждый из Ветровых старался поддержать, подбодрить другого, но отчаяние становилось с каждым днем нестерпимее.

Александр Карпович постарел лет на десять. Ничто его не радовало. Между тем приближался его юбилей — шестидесятилетие, к которому давно готовились дома и на работе. Теперь думы о том, что этот день он встретит без дочери, жгли душу. Дачный поселок постепенно пустел. Многие уже выехали в город, чтобы подготовить детей к школе: купить новую форму, учебники. И это еще больше растравляло рану. Первого сентября нарядные, с букетами цветов все ученики придут к первому звонку, а Ларисы среди них не будет... Борис делился своими опасениями насчет отца с невестой и матерью. Сам Александр Карпович признался

ему: «Я, конечно, держусь, но уж если споткнусь, то так упаду!.. Я чрезвычайно устал... Мне очень трудно выносить все это... Не знаю, как мне еще удастся держать себя в руках».

Наверное, то же самое могла сказать о себе и Надежда Федоровна. На грани отчаяния находился и Борис, что трудно было не заметить родителям и друзьям. Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, родители приглашали на дачу приятелей, просили Олю Каменеву чаще бывать с ним. Александр Карпович и Надежда Федоровна считали, что из всех знакомых девушек она лучше всех понимает Бориса, относится к нему внимательнее и нежнее. По их просьбе Оля находилась при женихе неотлучно.

Подошло 28 августа — день шестидесятилетия Александра Карповича. На дачу приехало несколько самых близких родных и знакомых семьи Ветровых. Не для того, чтобы поздравить юбиляра, — просто люди хотели быть рядом в тяжелую минуту. Кто-то остался ночевать, кто-то быстро уехал, не в силах вынести тягостную атмосферу.

В народе говорят: беда не приходит одна.

Наступило 31 августа. Вечером в поселке было тихо. Не доносились с улицы голоса: начинался учебный год, детей увезли в город.

На даче Ветровых находились Александр Карпович, Надежда Федоровна, Борис и Оля Каменева.

В половине четвертого ночи, когда весь поселок спал крепким сном, к дому Бобринских, соседей Ветровых, прибежала бледная, насмерть перепуганная невеста Бориса и отдала им двуствольное ружье. Из малосвязного рассказа девушки соседи поняли только одно: сейчас произошла трагедия — Александр Карпович из этого охотничьего ружья убил свою жену и застрелился сам. Борис в таком состоянии, что Ольга боится, как бы он не сделал что-нибудь с собой, поэтому она решила унести ружье из дома.

Поспешившие на место происшествия Бобринские увидели страшную картину. Ужасные ранения головы у обоих не оставили никакого сомнения в том, что они мертвы. Александр Карпович выстрелил в себя с помощью шнура, привязанного к спусковому крючку ружья.

Борис, как сомнамбула, бродил по дому в трусах и майке, не замечая вокруг никого и ничего, потрясенный случившимся.

Скоро о трагическом событии узнали и другие жители Быстрицы. Многие собрались в доме Ветровых. Кто-то позвонил в милицию. В поселок приехала дежурная группа из райотдела внутренних дел. Вместе с ней прибыли заместитель районного прокурора младший советник юстиции Речинский и судмедэксперт.

После того как место происшествия было осмотрено и сфотографировано, Речинский решил побеседовать с Борисом.

Молодой человек находился чуть ли не на грани помешательства.

— Я так и думал... Я все время боялся этого... — без конца повторял он. Его трясло — то ли от нервного шока, то ли от холода. Утро выдалось свежее, а на нем была легкая рубашка с короткими рукавами.

Зампрокурора района попросил Бориса рассказать о случившемся.

— Лег я в двенадцать часов, — начал Ветров. — Родители легли в своей комнате еще раньше, в начале одиннадцатого. Мне показалось, что они уже заснули... Вообще-то с тех пор, как исчезла Лариса, ну, сестра, они не обходятся без снотворного... Я тоже стал плохо засыпать... И сегодня так же. Все время ворочался. Потом будто куда-то провалился. И вдруг — выстрел! — Борис замолчал и обхватил голову руками так, что побелели суставы.

— В котором часу это было? — задал вопрос Речинский.

— В половине четвертого. Это я потом посмотрел на часы, когда зажег свет. Ольга тоже проснулась. Моя невеста...

— Вы спали с ней в одной комнате?

— Да, в моей. Вместе. Понимаете, фактически мы уже муж и жена. Хотели подавать в ЗАГС. И поэтому...

— Понимаю, понимаю, — кивнул Речинский. — Продолжайте, пожалуйста.

— Ольга шепнула: сходи в их комнату, там что-то случилось. Хочу встать, пойти, но боюсь чего-то... Сам весь в поту... В последнее время отец был какой-то странный... Я сразу догадался, что в спальне родителей произошло что-то ужасное. Откуда-то появилась мысль: вот открою их дверь, а он в меня... Вдруг — еще выстрел... Тут уж я

вскочил. Словно пружиной подкинуло... Бросился к ним. Распахнул дверь. Темно, почти ничего не видно, а включать свет — страшно... И, главное, тихо. Абсолютная тишина. Я сдернул с отца одеяло. Ружье упало на пол. Я стал на ощупь искать у отца рану и вдруг заметил, что вокруг его головы все темное. Это была кровь... И на маминой подушке тоже... Я выскочил из спальни. Включил в большой комнате свет. На часах — около половины четвертого.

— А точнее? — спросил Речинский.

— Не то двадцать четыре минуты, не то двадцать семь... Зашел к Оле. Говорю: отец убил мать и себя... Мы вместе прошли в комнату родителей... Я поднял ружье с пола, но Оля зачем-то отняла его у меня и выбежала из дома... Потом появились Бобринские, ну, соседи... Потом еще какие-то люди... Потом вы...

— Вы сказали, что ваш отец в последнее время был какой-то странный. Когда это началось и в чем выражалось?

Борис рассказал, как пропала сестра, как переживал Александр Карпович. Да и вся семья тоже.

— Вдруг он стал все прятать, — продолжал Ветров. — Никогда ничего не прятал, а тут... Раньше у нас в холодильнике или в буфете стояли бутылки с вином, коньяком. Для гостей. Вообще-то отец не любитель спиртного. Мама и я тоже не пьем. А отец зачем-то спрятал все бутылки... И еще. Ни с того ни с сего говорит мне: «Все равно Ларочка всегда будет со мной». Я стал успокаивать его: конечно, она, мол, найдется, и мы опять будем все вместе. Он как-то странно посмотрел на меня и тихо произнес: «Не с вами... Ларочка будет со мной...»

— Когда произошел этот разговор? — задал вопрос зампрокурора.

— Дней пять назад. Я передал его маме. Она очень расстроилась. Опять, говорит... Я стал допытываться, что она имеет в виду под словом «опять». Мама расплакалась. Потом рассказала мне, что у папы было уже однажды душевное расстройство. Во время войны. Ты, говорит, Боря, медик, поймешь меня... Вспомни, мол, дядю Ваню...

— Кто такой дядя Ваня? — поинтересовался Речинский.

— Мой дядя, родной брат отца. Когда он умер, я был еще маленький. Ну а они скрывали, от чего умер дядя. Я узнал об этом совсем недавно. Папа проговорился. Ока-

зывается, Иван Карпович покончил с собой. Тоже застрелился...

— Ваш отец находился на учете у психиатра?

— Не знаю, — пожал плечами Борис. — Спрашивать у него было как-то неудобно. Сами, наверное, понимаете: такие вещи скрывают. И маму не расспрашивал... Одно мне известно доподлинно: отец был освобожден от службы в действующей армии во время войны. По состоянию здоровья.

— Какая болезнь?

— Не могу сказать. Я видел его освобождение от военной службы. Но там только цифровые и буквенные обозначения. Что скрывается за этим шифром, понятия не имею.

— Где находится это свидетельство?

— В городской квартире. Оно всегда лежало в буфете. Могу вам привезти.

— Хорошо, если понадобится, я скажу, — кивнул зампрокурора. — Александр Карпович не говорил конкретно о намерении покончить с собой?

— Конкретно? — повторил Ветров и ненадолго задумался. — Что-то вроде этого было... После того как пропала сестра, отец все время твердил: «Зачем нам жить?»

— Кому это «нам»?

— Ну, ему, маме и мне. Раз говорит, Ларочку не убеждали, то и жить не стоит... Особенно плохое настроение было у него в день рождения. Три дня назад. Смотрю — ходит по саду. К нам люди приехали, а он бросил всех и ушел на участок. Мы боялись оставлять его одного, поэтому я тоже вышел. Глянул на отца, а у него глаза какие-то безумные. Спрашиваю: «Что с тобой, папа?» Он тяжело-тяжело вздохнул и опять: «Зачем жить? Умереть ведь так просто. Один миг...» И так посмотрел на меня, что я испариной покрылся... Стал отвлекать его разговорами. А он словно и не слышит. Взял меня за руку и говорит: «Может, втроем? С тобой и с мамой?..» Честно говоря, я его понимал. Мне самому так тошно было... Тут нас позвали в дом.

— А об этом разговоре вы сообщили матери?

— Хотел, но не успел, — вздохнул Борис. — То гости мешали, то она приезжала поздно. Короче, случай не пред-

ставился. — Ветров помолчал, глядя куда-то сквозь Речинского. — Если бы я знал!.. Надо было сказать маме, отвезти отца к врачу... Тогда ничего не произошло бы...

— Кому принадлежит ружье, из которого были произведены выстрелы? — спросил Речинский.

— Это папино ружье. Он иногда ездил на охоту.

— А где оно обычно висело? — продолжал зампрокурора.

— В их комнате. Прямо над кроватью. Не знаю, может, у меня было предчувствие... Позавчера я перенес ружье в большую комнату. Смотрю, вчера утром отец снова повесил его на прежнее место. У меня была идея спрятать ружье и патроны... У отца их целая коробка... Не успел, — сокрушенно закончил Борис.

— Когда вы переносили ружье в большую комнату, оно было заряжено? — задал вопрос Речинский.

— Нет, не заряжено. Это я хорошо помню.

Речинский хотел поговорить и с невестой Бориса, но девушку в нервном расстройстве увез в город кто-то из соседей — так сильно подействовало на нее пережитое ночью.

Приехала машина из морга. Трупы были отправлены в город для вскрытия и проведения судебно-медицинской экспертизы.

Сколько ни искали представители следствия посмертную записку, обнаружить ее так и не удалось.

На что обратил внимание Речинский, так это на заряженный патрон шестнадцатого калибра, лежавший на тумбочке возле изголовья кровати в комнате родителей Бориса. Патрон находился с той стороны, где было обнаружено тело Александра Карповича.

Выходит, зачем-то нужен был Ветрову-старшему третий патрон, если Александр Карпович держал его под рукой.

Видимо, он предназначался для сына.

По факту гибели супругов Ветровых было возбуждено уголовное дело. Следствие вел следователь областной прокуратуры Рудковский.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть обоих наступила в результате ранения головы, причиненного огнестрельным оружием. И этим оружием явилось ружье, принадлежавшее Александру Карповичу Ветрову, — охотничья двустволка шестнадцатого калибра

производства Тульского оружейного завода. Патроны были заряжены дробью.

Выстрел в Надежду Федоровну был произведен с расстояния приблизительно семидесяти сантиметров. К себе Александр Карпович приставил срез ствола во время выстрела почти вплотную — на расстояние два—четыре сантиметра. Спусковой крючок был спущен им посредством шнура, перекинутого, скорее всего, через торцовую часть приклада.

Рудковский допросил Бориса Ветрова. Рассказывая о происшествии, тот повторил, правда более подробно, то, что сообщил ранее заместителю прокурора района Речинскому.

— Что же, по-вашему, толкнуло отца на самоубийство? — спросил следователь у Бориса.

— Пропажа сестры Ларисы, — ответил Ветров. — Папа очень переживал. Это подействовало на него чрезвычайно сильно... Понимаете, он считал себя в какой-то мере виновным...

— Объясните, пожалуйста, что значит «считал себя в какой-то мере виновным»?

— За несколько дней до исчезновения сестры у нее произошла ссора с папой.

— Из-за чего?

— В поселке ходили грязные сплетни... Как будто бы Ларису видели с каким-то взрослым парнем... Отец деликатно поговорил с ней, предупредил, что есть, мол, нехорошие люди... Сестра обиделась. Знаете, как бывает у детей?

Они все воспринимают в преувеличенном виде. Лариса замкнулась, не хотела разговаривать с родителями. Они к ней так и этак — безрезультатно. Отец попросил меня поговорить с Ларисой...

Я решил подойти к ней ласково. Сестра расплакалась. Уйду, говорит, из дома и все... Когда она пропала, я сказал о ее словах отцу. Конечно, не стоило... Теперь жалею об этом. Он страшно расстроился. Весь день вздыхал, потом признался: «Если Ларочка не найдется, никогда себе этого не прощу...»

— Когда состоялся этот разговор?

— Через день, кажется, после исчезновения сестры. Отец решил, что Лариса не простила ему того разговора и

ушла из дома. Мы с мамой, разумеется, пытались разубедить его... — Борис вздохнул и замолчал.

— Дальше?

— Конечно, с его большим воображением...

— Что вы имеете в виду? — спросил Рудковский.

— Нормальный человек не натворил бы такого, — сказал Борис и пояснил: — Я уже говорил. Отец был душевнобольным. Понимаете, раньше я не особенно придавал значения его странностям. Все люди разные. Одни веселые, другие мрачные. Каждый, как говорится, чудит по-своему... За несколько дней до этого убийства с самоубийством мать призналась мне, что у отца было психическое заболевание. Честно говоря, для меня это не явилось новостью. Поймите правильно, я ведь без пяти минут врач. Изучал психиатрию, бывал в больницах. Симптомы знаю. По-моему, основная причина случившегося — его болезнь.

— Если так, почему вы ничего не предпринимали? — спросил следователь. — Почему не заставили его лечиться?

— Легко сказать, — тяжело вздохнул Борис. — Ну, во-первых, психиатрия такая область, где случаи, подобные отцовскому, сразу распознать трудно. Надо принимать во внимание и возраст. В его годы у многих наблюдается старческий склероз. Во-вторых, речь шла о таком близком человеке, как отец. Согласитесь, нелегко признать, что твой отец — шизофреник. Хоть разум и требует признать, а сердце все равно сопротивляется. В-третьих, его болезнь прежде от меня скрывали. Как и то, что в их роду дурная наследственность. К сожалению, я узнал об этом буквально дня за два-три до случившегося.

— Что же вы узнали?

— То, что его брат — шизофреник. И что он застрелился. Моего деда по отцовской линии тоже признавали психически ненормальным. Он чуть в тюрьму не угодил... Как-то взял топор и стал на улице рубить столб. Это было в тридцатых годах. Ну, его арестовали как вредителя. Правда, потом разобрались, что к чему, и выпустили. Поняли, что лечить надо... И тетя, между прочим, ведет себя подозрительно. Сестра отца. Я ее люблю и не могу понять, почему она не пришла на похороны, хотя была очень привязана к папе...

— В чем, по-вашему, выражалось странное поведение отца?

— Неадекватность реакций... Простите, это научный термин. Попробую объяснить популярно. Настроение не зависело от видимых причин. Вдруг становился замкнутым без всякого повода...

Борис рассказал следователю о появившейся у Александра Карповича перед самоубийством мании прятать деньги, вещи, в частности бутылки со спиртным, а потом забывать, куда спрятал. И о странных словах отца «Ларочка всегда будет со мной».

— И еще. Я стал замечать за ним какую-то непонятную ритуальность... Придавал большое значение тому, где что находится. Например, фотография деда должна лежать в правом ящике письменного стола, а фото дяди Ивана — в левом. Мать случайно положила их в один ящик. Отец сделал ей настоящий выговор... Ружье на стене должно было висеть так, чтобы дуло было выше приклада. Перед сном он обязательно должен был дотронуться до серебра: ложки, подстаканника — в общем, что было под рукой. Явные признаки больной психики... Знаете, после всего этого я стал заниматься самоанализом: не передалось ли мне по наследству? — Борис печально усмехнулся. — Это вообще отрицательная черточка в нашей профессии — искать у себя симптомы всех болезней... Но, кажется, судьба меня помиловала. Победили мамины гены. Она с крепкой, здоровой психикой. Была...

— А ваша сестра? — поинтересовался Рудковский.

— Лариса еще маленькая, чтобы делать какие-то выводы. Шизофрения — болезнь, которая обычно проявляется в период полового созревания.

Раз уж разговор коснулся Ларисы, следователь расспросил подробнее о событиях, происшедших 21 августа.

— Знаете, — сказал Борис в заключение, — я не верю сплетням, будто ее видели с каким-то мужчиной. Злые языки... Не понимаю, зачем кому-то трепать наше имя...

Рудковскому было известно, что милиция продолжает поиски Ларисы Ветровой, но пока безрезультатно.

Конечно, исчезновение любимой дочери могло послужить поводом для решения Александра Карповича покончить с собой. Особенно, если учесть его болезненное состояние.

Допрошенная невеста Ветрова, Ольга Каменева, показала: после исчезновения Ларисы Борис не раз говорил ей о том, что его очень беспокоит поведение отца, он боится, как бы Александр Карпович не сделал чего-нибудь с собой, и что лучше всего было бы поместить его в больницу для лечения. Она подтвердила, что во время выстрелов находилась вместе с Борисом в одной комнате.

...О том, что у Ветрова пропала сестра, его приятели и сокурсники узнали из передачи областного телевидения.

Теперь же они узнали и о другой трагедии в семье Бориса — гибели родителей. Друзья старались не оставлять своего товарища одного в беде. Приходили к Ветрову домой, звали к себе в гости.

Студентам шестого курса, на котором учился Ветров, вскоре предстояло разъехаться на практику. Борис должен был отправиться в небольшой городок Средней Азии.

— Боря, — говорили ему друзья, — тебе нельзя сейчас отлучаться из города. А если найдется Лариса? Как она перенесет смерть родителей? И вообще, кто заменит ей отца и мать?

— Не могу я оставаться, — отвечал Ветров. — Хочу уехать куда-нибудь подальше, хоть немного забыться... Я уже не верю, что Ларису найдут. Разве что произойдет чудо...

— Нужно надеяться, — твердили товарищи. — Ведь в милиции еще не сказали ничего определенного.

В конце концов Ветров соглашается, да, надо надеяться.

Товарищи Бориса по курсу уговаривали его обратиться в ректорат института с просьбой, чтобы его оставили практиковаться в городе. Хотели даже направить целую делегацию. Ветров, уступив уговорам, пошел к проректору сам.

Проректор, профессор Петряков, отнесся к просьбе Ветрова очень внимательно.

— Мы обязательно что-нибудь сделаем для вас, — сказал он. — Правда, возможно, оставить в самом городе не удастся, но попробуем устроить вас на практику в области. Например, в районе, где, кажется, находится ваша дача. В Быстрице, так?

— Да, — кивнул Борис.

Петряков был осведомлен, где пропала сестра Ветрова.

А поиск Ларисы продолжался. Так как в области не удалось обнаружить ни девочку, ни ее труп, милиция объявила всесоюзный розыск.

В начале октября Борис женился на Ольге Каменевой. И хотя со дня смерти его родителей прошел всего месяц, никто не осуждал его: родные и друзья понимали, как трудно вынести горе в одиночестве. К тому же на плечи Бориса свалилась масса дел и забот по дому и даче. И год предстоял ответственный — преддипломный.

Ольга переехала жить на городскую квартиру Бориса. Знакомые, бывая у них, видели: молодая женщина делала все для того, чтобы он поскорее оправился от пережитого.

Вместе они разбирали бумаги и документы, оставшиеся от родителей. И как-то наткнулись на пожелтевший от времени листок. Это была выписка из истории болезни № 1062. В ней говорилось, что в 1943 году Александр Карпович Ветров находился на лечении в Свердловской психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения».

Ветров-младший представил выписку следователю Рудковскому.

— Когда-нибудь раньше вы этот документ видели? — спросил следователь.

— Нет, никогда. Родители, по-видимому, не хотели, чтобы я знал о болезни отца, — ответил Борис.

Рудковский приобщил выписку к делу. То, что Ветров-старший действительно страдал психическим заболеванием, теперь было подтверждено документально.

Итак, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, подтверждающего, что Александр Карпович мог убить жену, а затем выстрелить в себя, принимая во внимание болезнь Ветрова-старшего, которая привела его к убийству жены и самоубийству, следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела.

Когда об этом известили официальным письмом Бориса, он, читая его жене, не без сарказма заметил:

— А еще юристы! Смотри, как неграмотно написали: «Дело о самоубийстве ваших родителей прекращено...»

— А как надо? — спросила Ольга.

— Надо было: «Дело об убийстве жены и самоубийстве...»

Многих взволновала трагедия в семье Ветровых. И хотя дело было прекращено, в прокуратуру поступали письма,

в которых выражались сомнения в том, что Александр Карпович убил жену и себя. Однажды раздался телефонный звонок в кабинете заместителя прокурора области. Какая-то женщина, не пожелавшая назвать себя, коротко сообщила:

— Ветровых убили. Ищите получше! — и бросила трубку.

Зампрокурора решил еще раз ознакомиться с делом. Взяв его из архива, скрупулезно, лист за листом, изучил документы. Сомнения, высказываемые в письмах, охватили и его. В частности, он понял, что осмотр места происшествия после обнаружения трупов Ветровых был произведен поверхностно.

Имелись разногласия в показаниях свидетелей — соседей по даче. Но главное — с самого начала Рудковский фактически разрабатывал только одну версию — версию самоубийства Ветрова и убийства им жены.

Было решено отменить постановление о прекращении дела. Посоветовались с вышестоящим руководством.

Была создана следственная группа во главе со следователем по особо важным делам Владимиром Георгиевичем Гольстом, приехавшим из Москвы.

Ознакомившись с документами, которые достались ему от предшественника, Владимир Георгиевич пришел к выводу: «белых пятен» в деле предостаточно. Что собой представляли Александр Карпович Ветров и его жена Надежда Федоровна? Какие были у каждого из них взаимоотношения с родственниками, знакомыми, сослуживцами? Не было ли у Ветрова-старшего, помимо переживаний из-за пропажи дочери, и другой причины, толкнувшей на самоубийство? Может быть, женщина? Или он оказался замешан в темных махинациях? Бывает, человек так запутается, что видит один-единственный выход из создавшегося положения — смерть.

И, чтобы не обрекать на позор семью, убивает своих близких. То, что Борис остался в живых, могло быть случайностью. Недаром он опасался, что отец убьет и его, когда он вбежит в спальню родителей после первого выстрела. На тумбочке ведь лежал третий патрон.

Все это требовало проверки.

Владимир Георгиевич рассуждал дальше. А почему обязательно самоубийство? Может быть, убийство? Ни милиция, ни Рудковский эту версию не отработывали. Между

тем не исключено, что Ветровы пали жертвою убийцы (или убийц). Причем мотивы преступления могли быть самые разные. Первое — ограбление.

Ветровы слыли обеспеченными людьми. На даче имелись ценные вещи, возможно, и деньги. Охотничье ружье всегда висело в комнате, где спали Александр Карпович и Надежда Федоровна. Проникнуть в их спальню — дело пустяковое. Возможно, преступник не знал, что на даче, помимо старших Ветровых, в ту ночь находились Борис и его невеста. И этим вызвано то, что ограбление сорвалось. Убив супругов и услышав в соседней комнате шум, злоумышленник бежал через окно. Отпечатки пальцев на подоконнике, а также другие следы никто не искал.

Убить Ветровых могли и не с целью ограбления. Например, из мести. Не исключено, что Александр Карпович обидел кого-нибудь из своих подчиненных. Уволил, например, работника с неважной записью в трудовой книжке, и тот решил расквитаться.

Все осложнялось и тем обстоятельством, что за десять дней до гибели Ветровых исчезла их дочь.

А не было ли здесь единого, хорошо продуманного умысла: сначала убить Ларису, затем — ее родителей? Мог быть и такой вариант: человек, соблаздивший и убивший девочку, боялся, что ее родители что-нибудь припомнят или заподозрят, поэтому убил и их.

И еще. Не мог ли Александр Карпович сам убить свою дочь? Умышленно или по неосторожности. Труп спрятал. А раскаяние в содеянном довело его до убийства жены и самоубийства. Тогда становилось более понятным его странное поведение после исчезновения Ларисы. Правда, это поведение можно было объяснить и шизофренией.

Шизофрения... Гольст не мог понять, как человек столько лет скрывал свою болезнь, будучи начальником, а значит, на виду? Неужели никто не замечал — ни подчиненные, ни его руководство?

Словом, вопросов, требующих ответа, имелось немало. И предстояло ответить на них.

При первой встрече Гольст отметил, что у Бориса Ветрова интересная внешность. Продолговатое лицо, внимательные умные глаза с чуть припухшими веками под чер-

ными бровями с красивым изломом. Прямой нос, сжатые губы с ямочками в уголках, выдающийся вперед волевой подбородок. Лицо и вся его фигура выдают собранность и целеустремленность.

В начале допроса Гольст попросил Бориса рассказать об исчезновении сестры. Тот подробно изложил следователю события, происшедшие 21 августа на быстрицкой даче, поиски сестры и последующие действия милиции, родителей и его самого.

Так же подробен был рассказ Ветрова о гибели матери и отца. Гольст отметил про себя, что Борис хорошо владеет речью — говорит ясно и литературно грамотно и что это начитанный, интеллигентный молодой человек.

— Как относился к Ларисе ваш отец? — спросил следователь.

— Папа любил ее, — просто ответил Ветров. — Правда, она не всегда была послушна, особенно в последнее время. Но папа всегда прощал Ларису. Их ссору перед исчезновением можно считать недоразумением.

— Александр Карпович никогда не бил дочь?

— Что вы! — искренне удивился Борис. — Чтобы папа поднял руку на Ларочку! Он был строг, это верно. Мог наказать — не пустить в кино или к подружке. Но ударить — ни за что! Уж если кто с ней дрался, так это я. — Ветров печально улыбнулся. — В детстве, конечно. Знаете, иной раз как допечет... Нашлепаю, а через пять минут уже сидим в обнимку. Она плачет, мне жалко ее, маленькая ведь. — Борис тяжело вздохнул. — Не знаю, что бы я отдал, только бы еще раз погладить ее по голове, обнять...

— Скажите, у вашего отца были враги? — задал вопрос Гольст.

Вероятно, этот вопрос был для Ветрова неожиданным.

— Враги? — переспросил он и после некоторого размышления ответил: — Не знаю... Не думаю...

— Может быть, кто-то завидовал ему или затаил обиду за что-нибудь? — уточнил следователь.

— По-моему, таких людей не было, — сказал Ветров. — Папа — честнейший человек. Труженик. И если делал что-то для знакомых и даже малознакомых, то только хорошее. Все уважали его.

— А на работе? Среди подчиненных?

— Отец не очень любил делиться со мной тем, что происходило на фабрике. А вот поговорить о политике, любимых книгах, кинофильмах — всегда пожалуйста...

Гольст попросил вспомнить, не слышал ли Борис перед тем, как в спальне раздались роковые выстрелы, подозрительного шума.

— Я спал, — ответил Борис. — Проснулся только после первого выстрела.

— А когда вбежали в комнату, не заметили, правильно ли висела занавеска, было ли закрыто окно?

— Мне было не до этого, — признался Борис. — Помню только, когда я толкнул дверь в спальню, то увидел темные пятна на подушках отца и матери... Вокруг головы...

— Как вы сумели разглядеть это?

— Через окно падал свет от фонаря на улице.

На вопрос следователя, что, по мнению Бориса, толкнуло отца на убийство жены и самоубийство, тот ответил:

— Исчезновение Ларисы. Отец ходил сам не свой. Это очень сильно подействовало на его психику...

Фабрика школьных учебных пособий, которой руководил покойный Ветров, ютилась на окраине города. Когда Гольст увидел неказистое двухэтажное здание, построенное, наверное, еще в прошлом веке, с темными стенами из красного кирпича и узкими окнами, он усомнился, тот ли адрес ему дали. Но сомнений не оставляла вывеска, подтверждающая, что это действительно фабрика.

Потом уже, в разговоре с новым директором, следователь узнал, что раньше здесь были мастерские, которыми заведовал Александр Карпович. Всеми правдами и неправдами он постепенно превратил мастерские в то, чем теперь является это предприятие.

Директор вздыхал и охал, что ему досталось тяжкое наследство. Производственная база никуда не годится, не хватает квалифицированных кадров, материалы приходится выбивать с боем.

— Только Ветров мог тянуть эту ляжку, — со вздохом сказал он. — А я не умею бить поклоны начальству. Мне претит ловчить, химичить... Дайте фонды, гарантируйте поставщиков — тогда я развернусь...

Директор знал Ветрова только понаслышке и мало что мог сообщить о покойном.

Поразмыслив, Гольст решил поговорить с председателем группы народного контроля. Тот работал в полуподвальном помещении. В здании витали запахи масляной краски, свежей извести, свежераспиленного дерева. И все это вперемешку со столярным клеем и ацетоном.

Проходя мимо одной из комнат, следователь увидел, что там трудятся маляры. Внизу, в цокольном этаже, стоял сырой холод.

— Саранцев, — представился Гольсту мужчина лет тридцати пяти, в синем халате, надетом поверх телогрейки. Это и был председатель группы народного контроля. Несмотря на холод, он всегда был весел.

— Слава богу, начали ремонт, — сообщил Саранцев следователю. — Новый крепко взялся за дело. И правильно. Перво-наперво надо создать людям условия на рабочих местах.

— Да, атмосфера у вас, прямо скажем, неуютная, — поежился следователь.

— Ничего! — оптимистично заявил Саранцев. — Это временно. Через неделю поднимемся наверх. Хоть и негоже плохо говорить о покойнике, но Ветров больше думал о том, как бы поуютнее оборудовать дачу в Быстрице, а не цеха...

— Приходилось воевать с ним? — спросил Гольст.

— Еще как! — вздохнул Саранцев. — Ладно, что теперь вспоминать. Нет человека...

— И все же я хотел бы поговорить именно о нем, — сказал следователь.

Они поднялись наверх, в пустую, только что отремонтированную комнату.

Поначалу Саранцев говорил неохотно, чего, мол, ворошить прошлое. Но постепенно разговор налачился. Председатель даже начал горячиться — слишком много, как оказалось, накопилось обид от прежнего директора. Выяснилось, что Ветров злоупотреблял служебным положением — дача практически построена из материалов, добытых якобы для ремонта фабрики. Окружил себя людьми, готовыми делать все, что он прикажет. Вместе делали «навар».

— Какой? — поинтересовался следователь.

— Сам-то Александр Карпович в огонь за каштанами не лез... Все норавлил чужими руками... Например, каждый

год посылал своего «мальчика» — так мы называли его прихлебателей — в командировку во Владивосток. На целых два месяца. За счет фабрики. И чем, вы думаете, занимался этот «мальчик» на берегу Тихого океана? — спросил Саранцев и сам же ответил: — Фотографировал. На пляже. Привозил выручку до пяти тысяч. Куш, конечно, делил пополам с Ветровым.

— Как вы узнали это?

— Узнали, — усмехнулся Саранцев. — Помимо проезда, командировочных, материал тоже был наш, фабричный. Фотобумага и прочее...

Вскрывала группа народного контроля и другие «художества» прежнего директора.

— Ну и что же вы предпринимали? — задал вопрос следователь.

— Ставился вопрос...

— Результаты были?

— А как же, — снова усмехнулся Саранцев. — Я получил выговор. У Ветрова была рука где надо...

«Честнейший человек», — вспомнил Гольст слова Бориса, сказанные об отце. Неужели близкие не знали, откуда дача, дорогие мебельные гарнитуры, деньги на «Волгу»? Или Александр Карпович, как Янус, имел два лица: на службе — одно, а дома — другое?

То, что у Ветрова были доходы помимо зарплаты, следователь заподозрил, когда выяснил, какой оклад у директора фабрики. На трудовые деньги он не мог построить такой коттедж, который красовался в Быстрице на участке Ветровых, кстати, самом большом в поселке. Какими же чарами окутал Александр Карпович местные власти, чтобы получить лишние сотки? Это тоже предстояло выяснить.

Гольст побеседовал еще с несколькими работниками фабрики. Самое удивительное заключалось в том, что почти все хвалили Ветрова. Однако в похвалах умершему директору слышался один мотив: сам умел жить и другим давал.

Например, когда не шел план, Александр Карпович знал, где можно надавить в верхах. Задание корректировали, и в результате коллектив получал премию.

Ветров покупал уважение и авторитет копеечкой, полученной обманом, очковтирательством. Короче говоря, ореол «честнейшего и уважаемого» постепенно исчезал.

Как только Гольст попытался выяснить, не замечали ли сослуживцы у покойного директора признаков психической болезни, все тарасили глаза: нормальный, жизнелюбивый человек и весьма себе на уме. Какая уж там шизофрения.

Врач из фабричного медпункта тоже была удивлена тем, что следователь интересуется психическим состоянием Ветрова. Единственное, с чем обращался он в медпункт раза два-три за все время своего директорствования, — с просьбой измерить давление, которое у него было чуть повышено. Это наблюдается иногда у многих в его возрасте — понервничал, вот и подскочило.

Откуда же диагноз, поставленный в Свердловской психиатрической больнице в 1943 году? Шизофрения — не насморк. Она не проходит. Тем более если не лечиться. Но Ветров не состоял на учете у психиатра и не лечился.

Все это насторожило следователя.

...Бобринские в Быстрице не были дачниками, они жили там постоянно и задолго до того, как поселок оброс дачами. Когда-то здесь разбросанно стояло лишь несколько скромных домиков.

Жилища старожилов резко отличались от появившихся позже коттеджей горожан, приезжающих отдыхать на лоно природы только в теплые месяцы. На зиму почти все дачи запирались.

Анастасия Петровна Бобринская не работала — из-за травмы ноги она имела инвалидность третьей группы и получала скромную пенсию. Муж «крутил» кино в клубе, то есть был кинемехаником. Когда Ветровы отстроили дом в Быстрице, Анастасия Петровна подрядилась в летние месяцы убираться на их даче, а зимой приглядывать за ней.

Гольст решил побеседовать с Бобринской, надеясь, что она, как человек, часто бывавший в доме Ветровых, может сообщить интересующие следствие факты.

Анастасия Петровна заметно хромала. Была она несловоохотлива, так что пришлось потрудиться, чтобы разговорить ее.

— Александр Карпович был хозяйственный мужик, — сказала она о Ветрове. — Что хошь умел достать. Не то что мой лопух... Крышу уж давно менять надо, все железо проржавело... А Ветров покрыл дачу черепицей. Двести лет

стоять будет. И красотища какая! Я девчонкой в Прибалтике была, так там домики — что твои игрушки. А почему? Черепица...

Дача Ветровых, которую следователь видел из окон дома Бобринских — напротив, через улицу, действительно выглядела очень солидно.

— Правда, Александр Карпыч цену копейке знал. Прижимистый был... У них в доме строгий порядок: что заслужил, то и получай.

— В каком смысле? — не понял Гольст.

— Приучал детей к строгости и труду. К примеру, надобно забор покрасить. Другой бы со стороны нанял. А Ветров говорит сыну: хошь, мол, заработать — вот тебе краска, вот кисть. Кончил красить — получай заработанное...

— Вы хотите сказать, что Борис выполнял дома работу за деньги? — уточнил следователь.

— Ну да, — подтвердила Бобринская. — Вскопал огород — денежки на стол. У их, как говорится, все было на хозрасчете. Тряпку просто так не выбросят. Но это уже жадность, я так мыслю. Особенно Надежда Федоровна отличалась. Мы даже раза два поцапались с ней.

— Из-за чего?

— Да ладно, — отмахнулась Анастасия Петровна. — Что уж вспоминать...

— И все же? — настаивал Гольст.

— Обидно, — с горечью проговорила Бобринская. — Я уж у их старалась, как говорится, не за страх, а за совесть. Драишь полы, стекла — чтоб ни пылинки... Думаете, с моей ногой это просто? Пришла я однажды к Надежде Федоровне за месячным расчетом. Дала она деньги. Смотрю, пятерки не хватает. Я этак культурно, вежливо говорю: «Вы, Надежда Федоровна, наверное, обсчитались». А она: «Нет, мол, милая, все правильно. Забыла, что дала для твоей Фае Ларочкино платье?» Поверите, товарищ следователь, я чуть не села. Лариса из платья того выросла. Да и не просила я платье это. На что оно? Надежда Федоровна сама мне сунула. Ладно, думаю, пятеркой не озолочусь, нехай у Надежды Федоровны совесть заговорит... Правда, не сдержалась, пристыдила ее. Она отвечает: ежели не хочешь у нас работать, так и скажи. Ну, я и ляп-

нула: да, не хочу! Поцапались мы и разошлись. Дня через три Александр Карпович пожаловал. Нечего, мол, дуться, приходи, как прежде. Я уж остыла. Помирились. Но пятерку она так и зажилила...

— Давно это было? — спросил следователь.

— Года два назад. А этим летом?.. Валялся около сарая Ветровых кирпич — половинки, четвертинки. Остатки. Борис вывез за ограду, за деньги опять же.

Мой, — так называла Бобринская мужа, — говорит Карпычу: сосед, можно взять кирпич? Нам аккурат надо было пристройку чинить. Ветров говорит: бери, коли надо. Ага. Перетаскали, починили пристройку. Потом дает мне Карпыч расчет за месяц. Гляжу: опять пятерки не хватает. Надежды Федоровны как раз не было, она цветы продавать поехала в город. Спрашиваю: где пятерка? Ветров говорит: кирпич брали? Брали. Я ему: так ведь бой, вам все равно не нужен. А он на полном серьезе: раз вам нужен, значит, платить надо. Не у нас, так в другом месте купили бы. И пошло-поехало... Целую лекцию мне прочитал, что каждая вещь свою цену имеет. Ну, плюнула я, повернулась и ушла. Мой, как узнал, тут же к Ветровым побег. Чуть не до драки дошло... Но куда ему с двоими? Борис за отца вступился. Я решила: все, ноги моей больше у них не будет. После той ссоры не ходила убирать.

— А это когда случилось?

— Да за неделю до пропажи Ларисы. — Бобринская вздохнула. — Вот сейчас все думаю: и чего мы так не бережем хорошее в жизни? Ну, поругались. Из-за чего? Из-за какой-то пятерки. А теперь их уж нет... Я их, конечно, не осуждаю сейчас. Плохо, что сынка воспитали по-своему...

— А Ларису?

— Ларочка была золото, — растроганно протянула Анастасия Петровна. — Ласковая, добрейшая душа. Дружила с моей Фаей. То пирожок принесет, то шоколадку. Всем делилась. Надежда Федоровна недовольна была, сколько раз отчитывала Ларису. Нет, говорит, в дом, так ты из дома... Может, Ларочка поэтому и убегла? — Анастасия Петровна жалобно посмотрела на следователя. — Сердечко хорошее было у девочки. Сколько раз она плакала вот тут. — Хозяйка показала на старенький диван.

Гольст попросил Бобринскую вспомнить о событиях в ночь на первое сентября. Та рассказала, как в половине четвертого к ним прибежала невеста Бориса с охотничьим ружьем и сообщила о трагедии в доме Ветровых.

— Я в первый раз пошла в ихний дом после ссоры. Борис ходит по дому в одних трусах и майке. А что было в спальне — ужас! — Анастасия Петровна передернула плечами. — Я месяц после этого спать не могла...

— Вы слышали выстрелы?

— А как же! Очень даже хорошо слышала.

— А не можете сказать, сколько времени прошло между первым и вторым выстрелами?

Бобринская задумалась.

— Да как вам сказать... Быстро время прошло...

— Ну, сколько минут? Хотя бы приблизительно?

— Какие там минуты! Почти один за другим... Секунды три-четыре.

— Это вы точно помните? — переспросил Гольст.

— Не верите — можете у моего спросить. Он подтвердит. Зачем мне врать? — даже несколько обиделась Анастасия Петровна.

Допросив Бобринского, следователь получил тот же ответ: между первым и вторым выстрелами прошло не более четырех секунд.

— Ну и порядки были в семье Ветровых! — заметил следователь Сергей Михайлович Ворожищев, один из участников следственной группы, когда прочитал показания соседей. — Все оценивалось в рублях. А где же сердечность и доброта, о которой говорили все вокруг? Хлебосольево?

— Насчет доброты — это для посторонних. А хлебосольево... — Владимир Георгиевич усмехнулся. — Ветровы приглашали только нужных людей. Александр Карпович имел большой круг знакомых. Например, из стройтреста — чтобы доставать стройматериалы. Начальника телефонного узла — чтобы городской телефон провести на дачу. Замначальника горторга — дефицит... Все как на подбор номенклатурные работники. За столом у Ветровых рекой текли коньяк, марочные вина. Само собой разумеется, икра и другие деликатесы...

— Ну, тогда понятно. И все же странно, человек с таким размахом, а мелочился. За какое-то старое детское платьице удержал у домработницы пятерку. А история с кирпичом — просто курам на смех.

— Это что! — сказал Гольст. — В прошлом году скандал был. Пришли проверять показания электросчетчика. Дома была одна Лариса. Контролер заподозрил что-то неладное: огромный дом, разные электроприборы, даже электрическая пила, а расход энергии — на копейки. И обнаружилось приспособление для кражи электричества. Ветрову удалось замять дело через знакомых.

— Несolidно. Значит, скупердяй, да еще нечестный, — подытожил Ворожищев. — Хорошенький пример для детей. Вот так и вырастают хапуги да стяжатели.

Разговор зашел о ночи с 31 августа на 1 сентября.

— Мне не дают покоя показания Бобринских о выстрелах, — сказал Гольст. — Если они не ошибаются, версия о самоубийстве Ветрова и убийстве им жены представляется более чем сомнительной.

— Да, — кивнул Сергей Михайлович, — три-четыре секунды... Успеть в такой короткий срок убить жену, потом лечь в постель и выстрелить в себя — вряд ли возможно.

Владимир Георгиевич пожал плечами.

— Вообще-то оценка времени субъективна. Зависит от состояния человека. В иных ситуациях и мгновение кажется долгим.

— Надо уточнить у кого-нибудь еще. Рядом с Ветровыми находится дача неких Цыплаковых. Борис говорит, что они прибежали к ним почти одновременно с Бобринскими. Они не спали всю ночь, сидели у постели тяжелобольного. Значит, тоже слышали выстрелы. Их сейчас нет в городе, отдыхают в Кисловодске. Скоро должны вернуться. Тогда и допросим. Не забывайте, что муж и жена Бобринские одинаково определили интервал между выстрелами.

— Владимир Георгиевич, — задумчиво произнес Ворожищев, — если предположить убийство... Не мог это сделать Бобринский? Вы же сами говорите, что он едва не подрался с Ветровым из-за той пятерки, которую Александр Карпович вычел из денег домработницы.

— Не едва, а подрался, — уточнил Гольст. — Их разняли и успокоили Цыплаковы.

— Вот видите. Помимо обиды, тут могла быть еще и зависть. Для Бобринского Ветровы кто? Барчуки. Заносчивые и к тому же нахальные.

— Обидели мужика крепко, это верно, — согласился Гольст.

— Что представляет собой Бобринский?

— Несдержанный, вспыльчивый. Его в Быстрице побаиваются. Но чтобы пойти на убийство... — Владимир Георгиевич покачал головой. — На меня он произвел неплохое впечатление. Прямой, справедливый, рассуждает трезво.

— А может, довели его эти Ветровы?

— Будем проверять, — сказал Гольст.

Допрос тетки Надежды Федоровны, бабы Мани, как называли ее в семье Ветровых, провел следователь Ворожищев.

Мария Ивановна была крепкой старухой. Простое крестьянское лицо, круглые щеки с мелкими розовыми прожилками, мягкий деревенский говор.

Чувствовалось, что Мария Ивановна недолюбливала супруга своей племянницы.

— Бог ему судья, — сказала она об Александре Карповиче. — Но хочу заметить: до него Надя была другая. Это уж при Александре стала такой жадной.

У Ветрова ведь раньше была другая жена. Развелись сразу после войны. Я слышала, она сама ушла. Допек муженек своей скаредностью. А Надежда пошла за Александром — как в омут кинулась.

Еще бы, мужиков вокруг мало, погибли на войне... Ветров был с положением, солидный. Сошлись они в сорок пятом, а через год Боря родился. Живут год, другой, третий, а все не расписываются. Я как-то спросила у Нади, почему не оформляете брак по закону? Не боишься, что он бросит тебя с сыном — и поминай как звали? Она отвечает: нет, не бросит. А не регистрируемся, потому что мне пособие платят как матери-одиночке. Это ее Александр подучил.

Уж я срамила Надежду, так срамила. Не стыдно, мол, перед людьми? Да и не гоже государство обманывать. Мо-

жет, кому-то это пособие действительно нужно позарез, а с их доходами... Она говорит: как муж скажет, так и будет. Зарегистрировались аж в пятьдесят первом году! Ветрову смотреть на белый свет деньги глаза застили! Надя — солидный человек, заведующая детским садом, а до последнего времени цветы продавала, клубнику. Сама! — Старушка покачала головой. — Или я чего-то не понимаю, или свет перевернулся. Не знаю...

— Как Александр Карпович относился к своим детям? — спросил следователь.

— Борьку в свою веру обратил. Деловой... Не чихнет за просто так. Отец сызмальства приучил: получит в школе четверку — деньги на мороженое, пятерку — на кино. В институт поступил — на тебе пятьсот рублей.

— За что? — удивился Ворожищев.

— Ну, потрудился, мол, заработал.

— Так ведь институт сыну нужен, а не отцу.

— Вот и я говорила: кого растите? — Она сделала ударение на первый слог, отчего слово прозвучало как-то значительнее. — Он же сам потом, когда в старости будет ухаживать за вами, плату потребует...

— Это вы Александру Карповичу говорили?

— Наде. Она только молчит... Да и что с нее взять — на мужа, как на икону, молится. — Баба Маня вздохнула. — Что вы хотите, сыну шестой годок шел, а ему бочонок подарили, чтобы деньги копил. Вот и вырос такой же, как папаша...

— А Лариса?

Мария Ивановна расплакалась. Внучатую племянницу она любила. Единственную из всех Ветровых. За ее приветливый нрав, доброту и бескорыстие.

— Поверите, — сказала старушка, — своих детей так не любила, как Ларочку...

Ворожищев поинтересовался, известно ли Марии Ивановне о психической болезни Ветрова-старшего.

— В первый раз слышу! — удивилась старушка. — Помоему, был отменного здоровья мужчина...

— А его брат, Иван Карпович?

— А что брат? — в свою очередь спросила баба Маня.

— Он ведь, говорят, покончил с собой. На почве шизофрении.

— С чего это взяли? Тоже был нормальный. На охоте погиб. Любил того, — она шелкнула себя по воротнику, — вот под этим делом нечаянно и выстрелил в себя. Ружье чистил вроде бы или еще что произошло... Факт только, что по неосторожности это вышло. Вот до чего вино доводит. — Она осуждающе покачала головой.

Проверкой было установлено: действительно, родной брат Ветрова, Иван Карпович, погиб в результате несчастного случая. Ни шизофренией, ни другими психическими заболеваниями он не страдал.

Беседы со знакомыми Александра Карповича также доказывали: никто даже не подозревал, что у бывшего директора фабрики была шизофрения.

Все это казалось более чем подозрительным. Гольст еще сильнее усомнился в болезни Ветрова, когда ознакомился из личного дела с автобиографией Александра Карповича. Из нее вытекало, что А.К. Ветров находился на фронте и после контузии был уволен в запас.

Тогда при чем тут Свердловск, психиатрическая больница? Откуда появилась выписка из истории болезни? Тут явное противоречие. Если его, контуженного, уволили в запас, зачем надо было освобождать от военной службы во второй раз уже из-за шизофрении?

Чтобы разобраться в этом, Гольст сделал запрос в военно-медицинский архив. Ответ пришел буквально на третий день. И что же выяснилось. А.К. Ветров был призван в ноябре 1942 года в армию Бийским городским военным комиссариатом и прослужил четыре месяца в запасном полку в городе Камышове. В 1943 году он был направлен в Свердловскую психиатрическую больницу. Там его признали больным шизофренией и уволили из армии по состоянию здоровья.

— Значит, сведения, сообщаемые в автобиографии, — ложь, — констатировал Ворожищев.

— Ну да! Фронтовик, контуженный — такое вызывает уважение. Но это далеко не первая и не последняя ложь Ветрова. Трудовой стаж, по документам, начинается у него якобы с 1924 года, то есть с пятнадцати лет. И вот я думаю: не организовал ли Александр Карпович себе шизофрению сам?

— Чтобы избежать отправки на фронт?

— Вот именно.

— Но ведь выписка из истории болезни подлинная, — сказал Ворожишев.

— А болезнь могла быть мнимая. Симуляция. Как видно, Ветров никогда не стеснялся в выборе средств. Обманы и подлоги — это стиль его жизни.

Чтобы выяснить, болел Ветров шизофренией или нет, Гольст вынес постановление о назначении посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Следственная группа, возглавляемая В.Г. Гольстом, работала в тесном взаимодействии с уголовным розыском. Непосредственное участие в расследовании принимал капитан Леонид Витальевич Самойлов, опытнейший работник городского управления внутренних дел. С Владимиром Георгиевичем они встречались чуть ли не ежедневно.

Как уже говорилось, Гольст не исключал возможности, что к исчезновению Ларисы Ветровой и гибели ее родителей мог быть причастен один и тот же человек. Разыскное дело Ларисы было затребовано из Быстрицкого отделения милиции. Владимир Георгиевич попросил Самойлова обратить особое внимание на тот факт, что девочку незадолго до исчезновения видели якобы с незнакомым мужчиной.

Снова были допрошены соседи Ветровых по даче. Где, когда видели Ларису с тем человеком? Как он выглядел? Из местных ли? Капитан тщательно изучил картотеку лиц, состоящих на учете в районной милиции.

Когда следователь поинтересовался у Самойлова результатами, тот ответил:

— По существу, Владимир Георгиевич, никаких определенных примет о том мужчине никто сообщить не может. Более того, я так и не нашел ни одного человека, который бы лично видел Ларису с ним. Короче, тетя Маша слыхала, что бабка Дарья видала...

— Считаете, сплетни?

— Похоже.

— И все же надо искать возможного соблазнителя.

— Разумеется, — кивнул Самойлов. — Но... — Он улыбнулся. — У кого это из писателей: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно...

— Если кошки там нет, — тоже с улыбкой закончил Гольст. — Однако, как говорится, дыма без огня не быва-

ет. Лариса, судя по показаниям знакомых, была не по годам развита, с мальчишками заигрывала.

— Уж кто действительно не по годам вел себя с представителями противоположного пола, так это ее старший брат, — заметил капитан.

— Борис?

— А кто же еще. Родители, мне кажется, закрывали глаза на то, что их сын слишком рано узнал женщин.

— Есть факты?

— Судя по тому, что говорят соседи и знакомые... Когда родители и сестра бывали на даче, Борис приводил девушек на городскую квартиру. А когда пустовала дача — заявлялся с компанией туда. Причем женщины каждый раз были разные. Некоторые значительно старше самого Бориса.

— А может, родители об этом ничего не знали? — высказал предположение следователь.

— Трудно поверить, — ответил инспектор уголовного розыска. — Я понимаю, парень он привлекательный...

— Интересный, — согласился Гольст.

— Но ведь родители должны были как-то сдерживать его. Воспитывать, что ли, цельность, высокие нравственные качества. — Увидев, что следователь задумался, капитан спросил: — Появилась какая-то идея?

— Очередная. Я вот что думаю: а не замешана ли тут ревность? Точнее, месть на почве ревности?

— Возможно. Или месть за попранную честь сестры, дочери...

— Вот-вот, — подтвердил Гольст. — Поработайте в этом направлении.

— Хорошо, — кивнул Самойлов.

Через несколько дней капитан сообщил Гольсту, что в прошлом году у Бориса Ветрова была какая-то неприятность, связанная с одной девушкой — Мариной Зубовой. А этой весной вернулся из армии брат Марины — Виктор и якобы обещал рассчитаться с Борисом. Более того, Виктора Зубова вроде бы видели в Быстрице незадолго до трагических событий на даче Ветровых.

Гольст решил побеседовать с девушкой.

Марине только-только исполнилось девятнадцать лет. Она очень смущалась.

Тактично, без нажима, Владимир Георгиевич все же сумел добиться от нее показаний.

— В прошлом году я лежала в городской больнице... — начала рассказывать Зубова.

— А что у вас было?

— Ревмокардит. Там красивый двор, как парк. Гулять можно. Сажу я как-то вечером на скамеечке, смотрю, идет Боря Ветров. В белом халате...

— Вы были знакомы раньше?

— Ну да! Я знала, что Боря учится в медицинском. Он подошел ко мне, поздоровался, поинтересовался, что со мной. Я сказала, что лежу в четвертом отделении. А он в это время был на практике, и как раз в ту ночь у него было дежурство. Боря спросил, в какой я палате. Когда поужинали и легли спать, он пришел. Говорит — пойдём, послушаем музыку, а то, мол, здесь скучища.

Я пошла. А что? Действительно, в больнице от тоски не знаешь, куда деваться.

Он повел меня на другой этаж. Зашли в какую-то комнату. Там были только столик и лежанка, обитая дерматином, ну, как в больницах бывает. В комнате находился еще один врач, вернее, практикант, как я потом поняла...

— Кто такой?

— По-моему, они с Борисом учатся вместе.

— Его имя, фамилия?

— Борис называл его фамилию... Полонский!

— А имя?

— Не помню. Еще там была медсестра Таня. На столе — две бутылки вина, бутерброды с колбасой. Я спрашиваю: где магнитофон? Полонский смеется: еще, мол, не купили. И предлагает мне выпить. Я стала отказываться, потому что врачи категорически запретили мне пить спиртное. А Борис на полном серьезе заявил, что все это ерунда и никакой болезни у меня нет, просто издержка переходного возраста. В общем, уговорили выпить...

— Вы пили? — уточнил следователь.

— Все пили... Потом поиграли немного в карты. Ну, еще выпили... Я опьянела... Полонский и Таня куда-то ушли... Борис опять заставил меня выпить, произнес тост за мое выздоровление... Потом стал целовать меня... А дальше я не помню...

— Еще пили?

— Кажется. В общем, когда я проснулась, то свет не горел и в комнате никого не было. Я одна и... и... ну, в общем, совсем без ничего... Без одежды...

Зубова замолчала, опустив голову.

— А где был Ветров? — осторожно спросил Гольст.

— Не знаю. Мне было очень плохо... И голова, и все тело болели... Страшно стало: вдруг узнают?

— О чем?

— Ну... — Зубова замялась. — Борис имел со мной близость...

Из дальнейших ее показаний выяснилось, что о ночной попойке в больнице стало известно главврачу. Поднялся шум. Борису грозили большие неприятности в институте, но как будто отцу удалось замять скандал. Пострадали Таня (она ушла с работы «по собственному желанию») и Марина, которую тут же выписали.

— Ну что ж, — сказал Гольст, обсуждая эту историю с Самойловым, — основания для мести у Виктора Зубова имелись серьезные.

— Правда, погибли родители, а не Борис, — заметил капитан.

— А до этого — исчезла Лариса. Может, око за око, зуб за зуб? Надо проверить, какие у Виктора друзья, где он был в день пропажи девочки и в ночь, когда погибли Ветровы-старшие.

— Проверим, — кивнул Самойлов.

— Было бы интересно также узнать, не случались ли у Бориса Ветрова и другие неприятности, подобные этой.

Сергей Михайлович Ворожищев еще раз допросил кое-кого из родственников Ветровых.

— Наша версия о том, что тут убийство, кажется, еще больше подтверждается. Косвенно пока, — сказал он, делаясь с Гольстом своими впечатлениями.

— Выкладывайте подробнее, Сергей Михайлович, — попросил Гольст.

— Интересные сведения сообщила сестра Ветрова-старшего Ангелина Карповна. Она была очень близка с братом. Говорит, что поражалась самообладанию Александра Кар-

повича. В те дни, когда пропала дочка, он лучше всех держался в семье. Переживал, конечно, но духом не падал. Искал мастеров для камина...

— Что-что? — не понял Гольст.

— Хотел сделать на даче камин. Представляете?

— Да уж... — Владимир Георгиевич задумчиво чертил на бумаге замысловатые узоры. — Исчезла дочь, а ему — камин...

— Вы слушайте дальше, — продолжал Ворожищев. — В день своего шестидесятилетия, буквально за три дня до смерти, Ветров принимал гостей, пил вино...

— Может, хотел забыться немного, отвлечься от тяжелых дум?

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Ворожищев. — Все может быть... Но при этом он, опять же, поделился кое-какими планами с сестрой... Повел ее на участок, показал, где собирается строить финскую баню...

— Сауну, — уточнил Гольст.

— Точно, — кивнул Ворожищев. — Говорит: будешь, сестра, приезжать париться. Радикулит твой, мол, как рукой снимет. Выходит, ни о каком самоубийстве он и не помышлял, если вел такие разговоры. Человек жить хотел! И жить красиво! И вдруг... Стреляет в жену, а потом в себя...

— Противоречие, конечно, явное, — согласился Владимир Георгиевич. — Но я вот чего понять не могу: одни свидетели твердят, что он потерял голову от горя, прямо-таки заикнулся на этом. А родная сестра... Что-то здесь не то. Где правда? На людях, выходит, одно, а с Ангелиной Карповной — другое. Зачем?

— В том-то и дело, Владимир Георгиевич... Может, Лариса действительно убита отцом? И его отчаяние — симуляция? А Надежду Федоровну и Александра Карповича убил кто-то другой...

— Вот и еще одна версия, — вздохнул Гольст. — Чем больше я думаю о Ветровых, тем тверже убеждаюсь: как все-таки поверхностно судят окружающие о людях. Внешняя сторона, так сказать, фасад иной раз совершенно не соответствует сути.

— Это точно, — согласился Ворожищев. — Например, Надежда Федоровна распиналась перед знакомыми, сосе-

дями и сослуживцами, какие у нее замечательные дети! Прямо-таки лучше на свете не сыскать. А сама признавалась матери: Борис растет черствым, неблагодарным. Эгоист. Да и с Ларисой не могла найти общего языка. Жаловалась: еще совсем, мол, соплячка, а мать ни в грош не ставит...

— Надежда Федоровна не говорила с родственниками насчет амурных походов Бориса?

— Говорила... Попыталась якобы повлиять на сына, образумить. Но Борис категорически заявил: он уже взрослый и воспитывать его поздно... Между прочим, Ветрова считала, что цинизм Бориса — от ранней связи с женщинами.

— Цинизм? Так и выразилась? — переспросил Гольст.

— Да, Надежда Федоровна произнесла именно это слово. Еще удивлялась, почему Борис так меркантилен. Точнее, она называла его крохобором.

— Уж ей-то не знать, откуда весь этот набор, — усмехнулся Владимир Георгиевич. — Плоды воспитания родителей. Горькие плоды. — Он помолчал. — Ну ладно, давайте вернемся к вопросу: убийство ли это? Вопрос наиглавнейший. Жаль, конечно, упущено много времени. Но кое-что все же у нас есть...

И Гольст, и Ворожищев отлично понимали, какая это была помеха для следствия — упущенное время. Тускнеют отдельные факты, исчезают вещественные доказательства, в памяти свидетелей стираются или искажаются детали происшествия.

Повторный осмотр дачи ничего не дал. Комната, в которой погибли Александр Карпович и Надежда Федоровна, не раз уже была прибрана, вымыта, и какие-либо следы, которые как-то помогли бы следствию, отыскать было чрезвычайно трудно. Но оставался протокол осмотра места происшествия и фотоснимки, сделанные оперативной группой, прибывшей в Быстрину утром первого сентября. Они и явились объектом тщательного изучения. Следователи возвращались к ним еще и еще раз.

— Я вот думаю, — заметил Гольст, просматривая листы дела с фотографиями погибших, — мог ли человек остаться в такой позе после выстрела в себя?

— Мне самому не дают покоя снимки, — признался Ворожищев, разглядывая страшные документы, запечатлевшие трагедию. — Что-то здесь не вяжется с самоубийством.

— Смотрите, лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела. — Гольст листом бумаги прикрыл на фотографии голову погибшего. — Полная расслабленность, спокойствие. Словно спит человек. Если бы он стрелял в себя сам, то наверняка после отдачи ружья руки у него были бы откинута в стороны, туловище несколько развернуто, что ли... В общем, тело лежало бы по-другому.

— Может, положение трупа изменили? — высказал предположение Ворожищев.

— Все свидетели, начиная от Бориса и Ольги и кончая соседями, которые прибежали на выстрелы, говорят, что никто ничего не трогал.

— А убийца не мог?

— Зачем? — в свою очередь спросил Гольст.

— Ну, чтобы инсценировать самоубийство...

— Но откуда убийце знать, как должен лежать самоубийца. Это во-первых. Во-вторых, в комнате было темно. Вернее, она чуть освещалась фонарем с улицы. В-третьих, Ветров был укрыт одеялом.

Гольст нашел в деле нужное место — показания Бориса. По его словам, когда он вбежал в комнату, то стащил с отца одеяло, пытаясь разглядеть ранения. Ружье при этом упало на пол.

— Опять же, ружье, — развивал мысль Гольст. — Могло оно остаться на кровати, если бы Александр Карпович стрелял в себя сам?

— Хотите сказать, что в силу отдачи оно должно было упасть на пол? — уточнил Ворожищев.

— Скорее всего. Хотя утверждать это категорически трудно. Надо, по-моему, выслушать мнение баллистов.

— Несомненно, — согласился Ворожищев. — Не понимаю, почему этого не сделал следователь, который первым вел дело.

— Мы должны точно знать, — продолжал Гольст, — под каким углом был произведен выстрел в Ветрова и где должно было оказаться ружье в результате отдачи.

— Да, да, баллистическая экспертиза необходима, — заключил Ворожищев. — Это поможет прояснить ситуацию.

Проведение посмертной психиатрической экспертизы — дело весьма хлопотное и трудное. Психическое заболевание не оставляет явных следов на теле, подобных шрамам, рубцам, изменениям внутренних органов. Если умерший не состоял при жизни на учете в психиатрической больнице, то очень непросто установить, нормальный он был или нет. Для этого требуется выяснить, как он вел себя в кругу родных, знакомых, сослуживцев. А это значит — опросить множество людей.

Но и тогда истину установить сложно: сколько людей, столько и мнений.

Александр Карпович Ветров на учете у психиатров не состоял. Единственный раз его признали больным шизофренией в далеком 1943 году. Но чем с большим числом родственников, друзей и сослуживцев погибшего беседовали следователи, тем сильнее укреплялись во мнении, что у Ветрова была вполне нормальная психика. Так почему же в 1943 году его признали шизофреником? Врачебная ошибка? Симуляция?

Инспектору уголовного розыска капитану Самойлову удалось разыскать одного человека, знавшего Ветрова со времен войны. Это был Чичков, пенсионер и инвалид. Он служил вместе с Александром Карповичем в запасном полку. Чичков, в отличие от Ветрова, попал в действующую армию, воевал, был ранен. Встретился со своими однополчанами в конце пятидесятых годов, когда Ветров уже ходил в начальниках.

Жилось Чичкову нелегко: часто болел из-за ранения. Он попросил Александра Карповича помочь ему в устройстве на подходящую работу. Тот пообещал и отделялся обещаниями несколько месяцев, так ничего для старого знакомого и не сделав...

— Как же это? — удивился капитан. — А воинская дружба?

— Нашли вояку, — горько усмехнулся Чичков. — Ветров только и мечтал о том, как бы застрять в тылу. Помню, случай у нас был на учениях. Одному пареньку из нашего взвода оторвало три пальца на правой руке. Патрон взорвался. Комиссовали, естественно. Ветров признался мне тайком, что завидует ему. Я говорю: вот дурья башка, чему завидуешь? Он засмеялся: для настоящего мужчины главное — голова. А что, мол, если руки будут целы, а башку оторвет.

Почему Ветрова освободили от службы в армии, Чичков не знал.

Капитан Самойлов рассказал об этой беседе следовательно Гольсту.

— Выходит, Ветров мечтал, чтобы его комиссовали, — прокомментировал свой рассказ Самойлов. — И нашел себе вполне подходящую болезнь: и голова, и руки целы остались.

— Как же врачи его не разоблачили? — покачал головой следователь. — Ведь в те времена были очень большие строгости.

— А может, подкупил кого. Тогда тоже продажные шкуры встречались. В общем, Ветров-старший — тот еще патриот! — Самойлов махнул рукой. — Интересно, что говорила ему совесть, когда он после войны каждый год 9 Мая принимал поздравления и подарки?

— Она, вероятно, шептала так тихо, что он ничего не слышал, — усмехнулся Владимир Георгиевич. — Ну что ж, для нас из всего этого важно сделать вывод: болел Ветров шизофренией или нет, мог покончить с собой на этой почве или не мог?

— По-моему, это такое же самоубийство, как и его шизофрения, — заметил капитан.

— Теперь о другом, Леонид Витальевич. О знакомых Ветрова-младшего. Вернее, о его бывших любовницах...

— Этот выкидывал фортели, — сказал Самойлов. — Есть у Бориса дружок, некто Полонский...

— Который был замешан в истории с Мариной Zubовой?

— Да. Знаете, Владимир Георгиевич, прямо противно рассказывать, — брезгливо поморщился капитан. — Обменивались девицами...

— В каком смысле?

— В прямом. Погуляет Ветров с какой-нибудь месяц-другой и передаст Полонскому. Тот тоже в долгу не остается.

— Значит, те девицы сами испорченные.

— Не все. Некоторые порывали отношения с такими кавалерами.

— Есть обиженные на Ветрова?

— Есть. Особенно некая Изольда Романова. Подробности пока установить не удалось.

- История с ней была до женитьбы Ветрова?
- Да. В начале этого года.
- Значит, до... — задумчиво произнес Гольст. — Интересно, сейчас он остепенился?
- Да вроде бы.
- Кстати, о женитьбе, — продолжал следователь. — Странно. Все прочили Борису богатую невесту с высокопоставленными родителями. И недостатка в таких невестах, кажется, не было. Но почему-то Ветров выбрал Ольгу Каменеву. Скромная девушка, из простой семьи... Может, не такой уж он испорченный? А все его бывлые похождения — грешки молодости?
- Да, выбор Ольги — непонятная штука... Знаете, Владимир Георгиевич, если хотите получше разобраться в Ветрове, поговорите с Олегом Турковым. Это, насколько мне известно, самый близкий его друг.
- А кто такой этот Турков? — поинтересовался Гольст.
- Учился с Ветровым на одном курсе. Часто бывает у него дома. В институте его называют «тенью Ветрова». Говорят, он буквально боготворит Ветрова. И вообще якобы их водой не разольешь.
- Понятно. Значит, вы думаете, он знает сердечные тайны своего друга?
- А как же! Если они так близки... Наверняка в курсе, с какими женщинами бывал Ветров, какие у него случались неприятности из-за них.
- Что ж, возможно, — согласился следователь. — Попробую поговорить с Турковым. Но захочет ли он посвящать нас в секреты Бориса?
- Капитан пожал плечами:
- Попытаться все же стоит...

Гольст встретился с Турковым в студенческом общезитии. Это был высокий, слегка сутулый молодой человек со светло-голубыми глазами, которые он все время щурил, глядя на собеседника, видимо по причине близорукости, но очков при следователе не надевал.

Сначала Владимир Георгиевич спросил его, как давно он знает Бориса Ветрова, что их сблизило. Выяснилось, что до института они знакомы не были, дружба их воз-

ника на втором курсе, когда оба записались в студенческое научное общество.

— Борис — это голова! — не скрывал своего восхищения Турков. — Его ждет большое будущее.

— Почему вы так считаете? — спросил Гольст.

— Мы, простые смертные, что называется, грызем гранит науки. А он все схватывает на лету.

— Круглый отличник?

— Круглыми отличниками бывают только зубрилы, — ответил Олег, — которые берут, извините, седалищем. А Борис — вот этим. — Турков постучал себя кулаком по лбу. — Да если бы он захотел иметь одни пятерки, это ему ничего не стоило бы. У нас многие закончили институт с «красными дипломами». Вон сколько портретов висит в вестибюле. А кто из них стал знаменитым? — патетически спросил Олег и сам же ответил: — Что-то ни о ком не слышно... А о Борисе еще узнают, даю голову на отсечение. — Он вдруг замолчал и долго смотрел на Гольста прищуренными глазами. — Не верите? Думаете, преувеличиваю?

— Почему же, — спокойно сказал следователь. — Все может быть. Что, Борис мечтает стать большим ученым?

— Он имеет на то все основания, — безапелляционно произнес Турков. — Уверен, так оно и будет! Борис никогда не смирится с прозябанием где-нибудь в поликлинике или заштатной больнице. Планы у него — ого-го! Правда... — Олег вздохнул, — не все понимают, какого это полета человек.

— Кто именно не понимает? — осторожно спросил Гольст.

— Да хотя бы в деканате... Это надо же было додуматься: Ветрова, представляете, Ветрова посылать на практику куда-то к черту на кулички! Да его надо в научный институт!

— Насколько я знаю, его оставили практиковаться в области, — заметил следователь.

— Это потому, что у него в семье несчастье. А то заслали бы точно. Ладно, он еще докажет.

— Что?

— Какой у него талантище.

— По-моему, талант может проявиться везде, — сказал Гольст. — Это не зависит от того, где работает человек —

в обычной поликлинике или же в самом лучшем научно-исследовательском институте.

— Конечно, — вяло согласился Турков. — Для таких людей, как Ветров, не имеет значения место прохождения практики или работы после распределения. Борис добьется своего при любых условиях. Он ни перед чем не остановится. Но зачем создавать лишние трудности? Для чего гению растрачивать свой ум и энергию на пустяки?

«Вот тебе и „тень Ветрова“! — подумал Гольст. — Интересно, он высказывает свои мысли или же мысли самого Ветрова?»

А Олег продолжал:

— Обидно видеть, какие люди окружают Бориса, как ведут себя...

— Что вы имеете в виду? — спросил следователь.

— В каком он положении сейчас! Такое горе навалилось... Как он только держится, не представляю. А тут родственнички...

— Какие?

— Обыкновенные. Дяди, тети... Пользуясь случаем, тащат из дома вещи родителей и Бориса, даже заявляют права на дачу...

— Это говорил вам сам Ветров?

— Да нет, я видел. Одна тетя унесла шубу Надежды Федоровны, другая — туфли Александра Карповича, третья — фарфоровую вазу... А ведь Борису очень трудно материально. На стипендию далеко не уедешь. Да еще молодая жена... Иной раз не хватает на еду. Борис вынужден сдавать вещи в комиссионку.

— Свои?

— Да нет. Кое-что из уцелевшей одежды родителей. Я сам ему помогал.

— А что вы можете сказать о жене Бориса?

— Об Оле? Как жена — хорошая. Любит Бориса. Но... — Он замялся.

— Что «но»?

— Понимаете, как бы вам объяснить... Между нами, конечно... Честно говоря, я был удивлен, когда Борис на ней женился. Мне кажется, она ему не пара.

— В каком смысле?

— Не понимает, какой человек с ней рядом. Не тот у нее уровень... Возможно, Борис женился на ней с отчаяния. Просто, когда случилось горе, она оказалась рядом, а ему надо было на кого-то опереться... Боюсь, он разочаруется. И скоро.

— Есть признаки?

Турков несколько смешался и, внимательно разглядывая свои руки, ответил:

— Мне так кажется, — но тут же спохватился: — Это, разумеется, мои личные ощущения. В любом случае, будут они жить вместе или нет, Ольге надо поставить памятник при жизни лишь за то, что в самое тяжелое время она была с ним.

— А до Каменевой у Ветрова были девушки?

— Конечно, были. И какие! — воскликнул Турков. — Взять хотя бы Алису Макарову... Вам эта фамилия ничего не говорит?

— Нет, а что?

— Как же, Макаров — известный врач в Москве, член-корреспондент Академии медицинских наук.

— К сожалению, не слышал... Скажите, между Макаровой и Ветровым были серьезные отношения?

— Чуть не поженились. Это было летом. Борис ездил в Москву. Думали, вернется с невестой, то есть с Алисой. Или останется в столице. Но что там произошло, я до сих пор не знаю... Из Москвы он приехал один в середине августа. А вскоре пропала его сестра. А еще через десять дней, как вы знаете, — страшная гибель родителей...

Турков замолчал.

Гольст поинтересовался насчет других девушек, которыми увлекался Ветров. Турков назвал дочь заведующего кафедрой в их институте. На ней Борис тоже как будто хотел жениться, но быстро охладел. Как понял Гольст, видимо, потому, что появилась Алиса Макарова.

Что же касается женщин, относительно которых Ветров не имел серьезных намерений, но с которыми проводил веселые ночи на даче в Быстрице и в городской квартире (разумеется, в отсутствие родителей), о них Турков ничего сказать не мог. Или действительно не знал эту сторону жизни своего друга, или не хотел его компрометировать. Во всяком случае, Олег уверял, что не принимал участия в похождениях Бориса.

Закончив допрос, Гольст предупредил Туркова, чтобы содержание состоявшегося между ними разговора не разглашалось. Олег твердо пообещал молчать.

— Вполне возможно, что Турков действительно не в курсе амурных походов Ветрова, — сказал капитан Самойлов, обсуждая с Гольстом допрос Олега. — Бывает... Борис держит его возле себя, так сказать, для души. Чтобы тот пел ему дифирамбы. А с женщинами он развлекается на пару с Полонским. Этот более подходит для такой роли.

— Возможно, — согласился следователь. — Вы узнали что-нибудь относительно Виктора Зубова, брата Марины?

— Узнал, Владимир Георгиевич. У него алиби. С пятнадцатого августа по восьмое сентября он был в доме отдыха под Одессой.

— Может, попросил отомстить за сестру кого-нибудь из дружков?

— Таких дружков у Зубова нет. Он не водится с сомнительными типами.

— Ну что ж, эта версия отпадает. Посмотрим, что даст встреча с Изольдой Романовой. Пока все не могу с ней встретиться: болеет. — Гольст заметил, что капитан слушает его рассеянно, и поинтересовался: — Вы еще что-то хотите сообщить?

— Думаю... Странно получается. Турков говорит, что Ветров бедствует, на еду не хватает. А Бориса в последнее время несколько раз видели в ресторане «Метрополь». В частности, позавчера. А ведь это один из самых дорогих ресторанов в городе.

— Да? — удивился следователь. — Может, его приглашают?

— Не его, а он. Сорит деньгами, словно купец. Заказывает икру, коньяк, шампанское...

— Откуда же у него деньги?

— Насчет комиссии Турков сказал не всю правду. Борис перетаскал туда не кое-что, а всю одежду, которая осталась от родителей, вплоть до нижнего белья. Более того, продал весь хрусталь, ковры и даже кое-что из мебели.

— Кутит в «Метрополе» с женой? — спросил Гольст.

— Нет, она сидит дома. Он бывает там в основном с преподавателями из своего института. В частности, с неким Кирсановым. Это, говорят, правая рука ректора.

— Ну и порядки в их институте! — покачал головой следователь. — Пить в ресторане со студентами! Борис ничего, как известно, не делает просто так. Но они...

— Да, — кивнул капитан. — Ветров явно чего-то хочет.

— Это самое «что-то» разгадать, по-моему, нетрудно. На носу распределение. Метит попасть в аспирантуру или же получить теплое местечко в городе.

— Точно, — подхватил Самойлов. — И еще, Владимир Георгиевич. Ветров нанял адвоката, чтобы тот помог ему получить в сберкассе вклад, положенный родителями на имя Ларисы.

— Любопытно... Но как же так? Жива сестра или нет, неизвестно, а он уже тянется к ее денежкам. Сумма большая?

— Тысяча рублей. Но и это не все. После смерти родителей Борис подал заявление о признании его наследником их имущества, в частности, дачи.

Как вы знаете, положенный законом срок для установления наследников — шесть месяцев — еще не прошел. А тут поступает еще одно заявление на право наследования — от матери Надежды Федоровны.

— То есть родной бабушки Бориса, — уточнил Гольст.

— В том-то и дело, что не родной, — сказал капитан. — У Надежды Федоровны, так сказать, мачеха. Более того, с отцом Надежды Федоровны их брак не зарегистрирован. Но фактически она воспитывала ее с двенадцати лет. И Борис это знает. Как только он проведал, что бабка претендует на часть дачи, тут же подал заявление в суд, чтобы ее претензии были признаны незаконными.

Та, в свою очередь, тоже обратилась в суд, требуя признать ее законной наследницей. Не знаю, сама надумала или кто-то посоветовал... Словом, заварилась каша. Чем все кончится, неясно.

— В суде разберутся, — задумчиво произнес Гольст. — Выходит, Борис был уверен, что завладеет дачей один?

— Во всяком случае, очень бы хотел. Хватка у него, как у родителей. Не желает выпустить из рук ни копейки. Уже имеет покупателя на дачу. Деловой!

— Не по годам, — заметил следователь. — Знаете, о чем я вас попрошу? Если можно, разузнайте, почему расстроилась женитьба Бориса на Алисе Макаровой.

— Это которая дочка московского врача-светила?
— Совершенно верно, — кивнул Гольст. — Выясните, какая кошка между ними пробежала.
— Можно, — сказал Самойлов. — Но отсюда выяснять трудно. Вернее, не так быстро...
— Съездите в Москву, — предложил Гольст.
— Это очень важно? — на всякий случай полюбопытствовал инспектор.
— Как знать, — улыбнулся Гольст. — Смотря какие сведения вы привезете оттуда.

И они стали обсуждать, что именно должен был выяснить капитан Самойлов у несостоявшейся невесты Бориса Ветрова.

Вернулись из Кисловодска Цыплаковы, те самые, чья дача находилась рядом с ветровской. В роковую ночь на первое сентября они не спали, дежуря у постели больного человека. Их показания о времени, прошедшем между двумя выстрелами, имели исключительно важное значение.

Правда, другие соседи, Бобринские, уже назвали интервал — 3—4 секунды.

Однако Бобринские были разбужены выстрелами. А, как известно, разбуженный человек находится в заторможенном состоянии и не сразу может разобраться в происходящем.

И вот Цыплаковы на допросе категорически заявили: выстрелы со стороны дачи Ветровых прозвучали один за другим с интервалом не более чем 3—5 секунд. Показания соседней совпали.

Сомнительно, чтобы Александр Карпович за эти секунды выстрелил в жену, успел обойти кровать, лечь, накрыться одеялом, перекинуть через приклад веревку, привязанную к спусковому крючку, и убить себя. Был проведен следственный эксперимент, чтобы выяснить, возможно ли такое. Он показал, что нет. Для всех этих операций пяти секунд было явно недостаточно.

Продолжая изучать фотографии с места происшествия, Гольст обратил внимание на еще одно важное обстоятельство. Как следовало из первого заключения судмедэкспертов, во время выстрела в А.К. Ветрова срез дульной части ружья находился от его головы на расстоянии 4—6 сантиметров. Следовательно, если бы он стрелял в себя сам, то

одной рукой держал бы ружье за дульную часть ствола, причем у самого среза. Попали бы в этом случае брызги крови на руку? Остались бы следы пороховой копоти? На фотографиях ни того, ни другого видно не было. В протоколе осмотра места происшествия эти детали тоже не были зафиксированы.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, Гольст вынес постановление о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы (для этого требовалось эксгумировать труп А.К. Ветрова), которую поручили группе авторитетных специалистов.

Тем временем Владимир Георгиевич получил наконец возможность встретиться с еще одной свидетельницей, Изольдой Романовой, и допросить ее.

Девушка выглядела неважно после только что перенесенного воспаления легких. Когда Гольст сказал, что хочет поговорить с ней о Борисе Ветрове, на ее бледных худых щеках выступил лихорадочный румянец.

— А при чем здесь я? — волнуясь, спросила она.

— Вы близко знали его? — в свою очередь задал вопрос следователь.

— Близко? — почти с испугом переспросила Изольда. — Нет... Впрочем... Ну, встречались с ним. Два или три раза. В компании.

— Где именно?

— Ну... У одного моего знакомого... Дома...

Она не знала, куда девать руки.

— Не надо так волноваться, — успокоил девушку Гольст. — Постарайтесь вспомнить, когда это было, кто еще присутствовал при этом.

— Хорошо, — тихо произнесла девушка. — Это было... в декабре прошлого года... Да, в декабре. Я тогда встречалась с другом Бориса Ветрова.

— Фамилия друга?

— Полонский. Его тоже Борисом зовут. Мы слушали музыку, танцевали. Ветров был со своей девушкой, Леной. Фамилию не знаю. Вскоре у нас с Полонским произошел разрыв, поэтому с Ветровым я больше не виделась. Вот и все...

— Все? — повторил следователь, внимательно глядя на девушку.

Она опустила глаза и не ответила.

— А у нас есть сведения, что в январе этого года вы имели с Борисом Ветровым какие-то отношения. Так?

— Нет! — воскликнула девушка. — Нет! Не могла же я с ближайшим другом Полонского...

Она замолчала, нервно хрустя пальцами.

— Я прошу вас рассказать всю правду, — мягко сказал Гольст. — Это очень важно. Весной у вас были неприятности, верно?

Изольда молча кивнула.

— Вам было очень плохо, — продолжал следователь. — Даже жить не хотелось...

Девушка тяжело вздохнула.

— Ветров имел отношение к этому?

— Не Ветров. Полонский, — с трудом выдавила из себя Изольда и добавила: — Впрочем, Ветров тоже.

— Так в чем же дело? Я понимаю, вам трудно говорить. Это, вероятно, очень личное... Но, поверьте, я спрашиваю об этом только по долгу службы.

— Хорошо. Я скажу... — Девушка некоторое время молчала, прерывисто дыша. — Скажу... Полонский обещал жениться на мне... В общем, я забеременела от него. И тут выяснилось, что он и не собирается жениться. Я узнала, что он со многими поступал так. Уверял, что женится, а потом бросал... Кстати, Ветров не лучше. Правда, у него другой способ...

— Способ чего? — не понял Гольст.

— Чтобы переспать с кем-нибудь... Полонский как-то проболтался. Ветров обычно подсыпал в вино снотворное.

«Так, наверное, произошло и с Мариной», — подумал следователь, вспомнив показания Зубовой.

— И многих девушек соблазнил Ветров? — спросил он.

— Не знаю.

— Ладно, продолжайте, пожалуйста, о себе.

— Я поняла, что с Полонским у нас все кончено. Но как быть с беременностью? Если это дойдет до моих родителей, я не знаю, что они сделают со мной и с Полонским. — В голосе Изольды послышались слезы. — Я вас очень прошу...

— Успокойтесь, пожалуйста. От нас никто ничего не узнает.

— Ну, я встретила с Полонским, попросила его помочь мне избавиться от ребенка. Ведь он будущий медик. Он пообещал что-нибудь придумать. А через несколько дней позвонил мне и сказал, что договорился с Борисом Ветровым, который сделает все, что нужно. — Изольда замолчала. Из глаз ее закапали крупные слезы. Она вытерла их ладонью и продолжала: — Мы с Ветровым поехали к нему на дачу. Там никого не было... Борис сказал: «Я сделаю тебе три укола, но при одном условии... После каждого укола...» Ну, чтобы я легла с ним... Я была в таком отчаянии... Короче, согласилась... А Ветров обманул меня. Уколы не помогли. Я уверена, что он вводил дистиллированную воду, а не лекарство. Позже все равно пришлось обращаться в больницу. С трудом уговорила сделать аборт: времени-то сколько прошло... Сама, дура, виновата! — вдруг с иронией сказала девушка. — Надо было думать, с кем имеешь дело! Вы даже не представляете, как я зла на Ветрова. Низкий, грязный подлец! Ничего, ему это аукнулось! — уже со злорадством закончила Романова. И спохватилась: — Вы не подумайте, что я о несчастье в его семье. Не дай бог! Я о жене...

— Ольге Каменевой?

— Ну да. Ветров думал, что женится на дочке проректора института Петрякова. Дудки! Ольга никакого отношения к Петрякову не имеет!

— Погодите, я вас не очень понимаю, — сказал следователь. — Объясните, пожалуйста, подробнее.

— Ну, поговаривали, что Ольга Каменева — незаконная дочь Петрякова. И якобы он очень любит ее, опекает, помогает деньгами и прочее... А Борис Ветров ради карьеры готов пойти на что угодно. Еще бы! Отхватить дочку такого человека! Ветряков очень влиятельный в институте и вообще в медицинских кругах... Выходит, Ветров остался с носом!

«Вот оно в чем дело, — подумал Владимир Георгиевич, вспоминая, как они гадали, почему из всех невест Ветров остановил свой выбор на Ольге. — Но, может, Романова просто хочет очернить Бориса? Из чувства мести?»

— Простите, — сказал он, — а откуда вам это известно?

— Так все знают! Знакомые, друзья Ветрова. Спросите у кого хотите, подтвердят, — заявила девушка.

— Кто конкретно?

— Да хотя бы Полонский. Я видела его месяца полтора назад. Поинтересовалась, как там Борис. Ну, он и рассказал мне... Можете узнать у него.

Гольст и сам хотел встретиться с Полонским: как-никак один из ближайших друзей Ветрова. Но тот находился на практике в другом городе.

— По-моему, это несерьезно, — заметил следователь Ворожишев, когда Владимир Георгиевич ознакомил его с показаниями Изольды Романовой. — Жениться на девушке только потому, что она, по слухам, внебрачная дочь проректора...

— Принимая во внимание принципы Ветрова... — начал было Владимир Георгиевич.

— То, что Ветров готов из чего угодно извлечь выгоду, — да! — перебил его Сергей Михайлович. — Но не такой он человек, чтобы поступать опрометчиво. Обязательно разузнал бы, убедился, действительно ли будущая жена — дочь Петрякова. Хоть и молод еще, но расчетлив.

— Да, в этом Ветрову отказать нельзя, — согласился Гольст.

— Сдается, Владимир Георгиевич, тут кроется что-то другое... Может, ему удобно иметь такую супругу? Все решает, на все согласна. Пусть муж гуляет по ресторанам, пусть даже ходит на сторону, лишь бы был с ней. Встречаются ведь такие?

— Встречаются, конечно. И все же отношение Ветрова к Ольге Каменевой для меня окончательно не ясно, — заключил Гольст.

...Вернувшись из Москвы, инспектор Самойлов сразу же встретился с Владимиром Георгиевичем.

— В столице я, можно сказать, попал прямо с корабля на бал, — докладывал следователю капитан.

— В каком смысле? — заинтересовался Гольст.

— Ну, прибыл по нужному адресу. Неподалеку от Калининского проспекта на Арбате. Подхожу к подъезду, а тут как раз выходят из дома невеста с женихом и садятся

в «чайку», увитую лентами. Народу — масса. Еле разместились по такси и поехали. Целый кортеж...

Я не очень-то внимательно рассматривал всю эту кутерму, так, мельком. Поднялся на второй этаж, позвонил. Открыла старушка. Спрашиваю: Алиса Макарова дома? А она мне: только что в ЗАГС отправилась. Вот думаю, незадача! У человека такое событие, а я с расспросами. И о ком? О бывшем женихе...

— Да, действительно положение щекотливое, — улыбнулся Владимир Георгиевич.

— Но, — развел руками Самойлов, — работа есть работа... Прихожу на следующий день. Открывает мужчина, спортивный такой, в джинсах, водолазке. Оказался сам Макаров, член-корреспондент. Вежливый, попросил войти в дом. Ну, я представился и деликатненько поинтересовался: можно, мол, побеседовать с его дочерью? Но оказалось, что дочка вчера после банкета сразу в аэропорт — и в свадебное путешествие. На целый месяц. Растерялся я, конечно. Не лететь же к морю? А с заданием как быть? Беседовать о Ветрове с папашей? А вдруг у Бориса с Алисой были тайные отношения? Положеньице, не правда ли?

— Затруднительное, — кивнул с усмешкой Гольст.

— Короче, решил-таки я заговорить о Борисе, — продолжал капитан. — Макаров, как только услышал его фамилию, нахмурился. Говорит: этот ваш Ветров еще тот деляга. Откуда только берутся такие? Слово за слово, и вот что выяснилось. Борис приезжал летом в Москву, официально просил руки Алисы, но... Поставил кое-какие условия!

— Интересно, интересно, — все больше зажигался следователь.

— Во-первых, — капитан начал загибать пальцы на руке, — будущий тесть должен устроить Ветрова после окончания института в ординатуру в Москве. Во-вторых, отдельная квартира для молодых. В-третьих, подарить автомобиль. Борис не прочь иметь «Волгу», но согласен и на «жигули» последней модели. Губа не дура, а?

— Весьма... Но неужели Ветров прямо так все и выложил? — удивился следователь.

— Разумеется, не прямо в лоб, а намеками. Но вполне понятными. Что совершенно возмутило член-корреспон-

дента, так это разглагольствования Ветрова насчет того, что сейчас девушке трудно выйти замуж, особенно если внешность не яркая...

— А как она? — поинтересовался Гольст.

— Алиса? — Инспектор подумал, вспоминая. — Высокая, худая. Бесцветная какая-то. Впрочем, смотря на чей вкус...

— И все же странно, — заметил Владимир Георгиевич. — Вести себя подобным образом с отцом...

— Насколько я понял, мамаша, то есть жена ученого, поддерживала Бориса. Наверное, обворожил ее чем-то. Очень хотела его в зятя. И Алиса была сильно влюблена... Скажем прямо, Ветров может вскружить голову...

— Так почему же их женитьба расстроилась? — спросил Гольст.

— Отец уперся, Макаров. Сказал, что сразу раскусил Бориса. Не дочка ему нужна, а папаша. Вернее, его положение. А он мужик, видать, крутой. Ну и дал Ветрову от ворот поворот. По словам Макарова, Борис, когда уехал, тут же отписал большое покаянное письмо. Мол, что его не так поняли, что любит Алису без памяти и согласен жить с ней хоть в шалаше...

— Письмо сохранилось? — поинтересовался Гольст.

— К сожалению, нет.

— Если, как вы говорите, Алиса была сильно влюблена в Ветрова, почему же так скоропалительно вышла замуж за другого? — спросил следователь.

— Кто знает, — развел руками Самойлов. — Говорят, иногда клин клином вышибают.

— Кто муж?

— Инженер. Старше Алисы на пять лет. Да, — вспомнил капитан, — когда Борис был в Москве, то каждый день заявлялся к Макаровым с цветами. Лучший букет — матери. — Заметив усмешку Гольста, спросил: — Вы что, Владимир Георгиевич?

— Ну и хлюст! Знает, кого надо обхаживать. Между прочим, здесь мы тоже кое-что интересное узнали. Помните, вы раздобыли сведения, что Ветрова несколько раз видели в «Метрополе» с преподавателем института Кирсановым?

— Помню, конечно.

— Так вот, от старшего Ветрова остались золотые часы. Борис сделал на их крышке дарственную надпись и попросил Кирсанова передать подарок ректору института.

— Не теряется парень! — воскликнул капитан. — Кирсанов-то с ректором, как говорится, вась-вась.

— Вот именно.

— Ну и как? Принял ректор подарочек?

— Насколько нам известно, часы пока у Кирсанова. На днях пятидесятилетие ректора. Возможно, тогда и презентует.

То, что предполагали Гольст и его коллеги по расследованию дела Ветровых, подтвердилось и выводами экспертов.

Заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы Ветрова-старшего было категорическим. Александр Карпович никогда не страдал психическим заболеванием.

Сказали свое слово и члены комиссий, проводивших судебно-медицинскую и баллистическую экспертизы.

Вот к каким выводам они пришли.

Во-первых, если бы А.К. Ветров стрелял в себя сам, то на руке, которой он держал дульную часть стволов ружья, обязательно должны были остаться следы пороховой копоти и брызги крови.

Но ни крови, ни копоти не было видно на фотографиях, не было зафиксировано в протоколе осмотра места происшествия и не было обнаружено на кожных покровах трупа при эксгумации.

Во-вторых, ранение Александру Карповичу было нанесено в левую скуловую область. Эксперты отметили, что при таком направлении выстрела Ветрову было бы крайне неудобно стрелять в себя и после выстрела он обязательно принял бы другое положение в кровати.

В-третьих, на фотографиях Александр Карпович спокойно лежит на спине со свободно вытянутыми вдоль тела руками. Такая поза была бы невозможна, если бы Ветров выстрелил в себя сам. То есть смерть настигла Ветрова-старшего во время сна.

В-четвертых, согласно показаниям Бориса, когда он прибежал в спальню родителей, ружье лежало на постели отца и упало на пол только после того, как сын сдернул

одеяло. Но оно не могло лежать на кровати, если бы Ветров-старший покончил с собой. Судя по ране, ружье в момент выстрела находилось в таком положении, что все его ложе выступало за пределы кровати, и в результате отдачи оно непременно должно было упасть на пол сразу после выстрела.

Теперь сомнений не оставалось: супругов Ветровых убили. Но кто?

— Давайте еще раз подумаем, кому была на руку их смерть, — сказал Гольст, когда они с Ворожищевым обсудили появившиеся за последнее время факты по делу. — Что же тут все-таки — месть, корысть или еще что-нибудь?

— Насчет мести, Владимир Георгиевич, пока не вытанцовывается. Сколько людей проверили — никто не причастен. Может, попытка ограбления?

— Не похоже. Мешает одно обстоятельство. Убийца, как вы помните, чтобы ввести в заблуждение следствие, привязал к спусковому крючку ружья веревку. Инсценировка самоубийства...

— Это была его ошибка, — заметил Ворожищев.

— Конечно. А главное — эксперты указали в своем заключении: для того, чтобы выстрелить в себя, Ветрову не надо было прибегать ни к каким приспособлениям в виде веревки. Он мог нажать на спусковой крючок сам, так как легко доставал рукой. Так вот, — продолжал Гольст, — инсценировка самоубийства подготавливалась заранее. Выходит, убийца знал, где висит ружье, каким образом можно покинуть дачу незаметно. Это был если не близкий, то, во всяком случае, хорошо знакомый в доме человек.

— Даже более того, — добавил Ворожищев. — Он был отлично осведомлен обо всем, что касалось этой семьи. Например, он знал, что Александр Карпович якобы болен шизофренией. Но ведь, кроме самых близких родных, об этом не знал никто.

— Значит, месть отпадает. Попытка ограбления — тоже. Значит, выгода? Кто получал выгоду в результате смерти супругов Ветровых?

— Если уж говорить о выгоде, больше всего досталось бы Борису, — сказал Ворожищев. — Квартира в городе, дача, все сбережения... Кстати, вас не смущает поведение Бориса после их смерти? Я имею в виду его активную деятель-

ность по распродаже имущества и другие проявления меркантильности.

— И да, и нет, — подумав, ответил Владимир Георгиевич. — Конечно, с одной стороны, слишком ретиво устранивает он свои материальные дела. А с другой... Ну, характер такой у парня. Кстати, взлелеянный отцом и матерью. Честно говоря, Борис производит неоднозначное впечатление... Карьерист, нечистоплотен в отношениях с женщинами. Но ему нельзя отказать в уме, способностях. Говорят даже — талантлив... Если он смысленный парень, пошел бы он на убийство? Ведь должен был понимать, что рано или поздно его разоблачат. И потом, в момент гибели родителей он находился в другой комнате.

— Так утверждает Ольга Каменева, — заметил Ворожищев.

— Есть основания не верить ей?

— Пока нет, — пожал плечами Ворожищев. — Знаете, Владимир Георгиевич, у меня идея... Правда, сумасшедшая... А что, если это сделала Ольга?

— Зачем?

— Чтобы остаться полновластной хозяйкой квартиры в городе, на даче и так далее.

— Так ведь и Борис говорит, что они были вместе, когда прозвучали выстрелы. Если мы верим Каменевой, то почему не должны верить Борису? Конечно, мы имеем право сомневаться.

Сомневаться, искать, думать... Но категорически утверждать пока ничего нельзя.

Буквально на следующий день после этого разговора Гольсту позвонили из милиции.

— Владимир Георгиевич, — взволнованно сказал замначальника городского управления внутренних дел, — тут к нам зашел один человек, оставил письмо. Касается дела Ветровых...

— Кто такой? — спросил Гольст.

— Говорит, близкий знакомый жены младшего Ветрова.

— Ольги Каменевой?

— Да, ее. Уверен, послание вас крайне заинтересует.

Через полчаса конверт лежал на столе Владимира Георгиевича. В нем была короткая записка, написанная от руки:

«Если со мной что-нибудь случится, заявляю, что во время следствия я дала неправильные показания. В ночь на первое сентября на даче Ветровых в Быстрице в момент выстрелов я не была вместе с Борисом». И подпись: Ольга Каменева.

Действительно, сообщение чрезвычайно важное. Что хотела сказать своим обращением в милицию жена Бориса? Почему она не пришла сама? Почему сделала свое заявление именно теперь?

Если она говорила неправду раньше, то с какой целью? А вдруг запоздалое признание — ложь, преследующая какие-нибудь неблагоприятные интересы? Все эти вопросы и сомнения овладели Гольстом, когда он прочитал записку Каменевой.

Прежде всего в прокуратуру был приглашен человек, доставивший конверт в милицию. Некто Реутов.

— Когда Каменева передала вам письмо? — спросил Гольст.

— Вчера.

— Она просила отнести его в милицию?

— Нет, ничего не просила. Пришла ко мне какая-то странная, тихая, словно пришибленная. Я, естественно, поинтересовался, что с ней такое. Она говорит: «Не спрашивай ни о чем. Если ты мне друг, вот тебе письмо. Пусть лежит у тебя». Я, конечно, удивился. А Оля объяснила: «Если что произойдет, тогда... В общем, сам, — говорит, — догадаешься, что надо делать...» Я долго уговаривал ее рассказать, что же все-таки случилось, но Оля молчала. Потом расплакалась и ушла.

— Письмо было запечатано? — спросил следователь.

— Да, — смущенно кивнул Реутов. — Виноват. Это, конечно, некрасиво, но я не удержался, вскрыл... Вы бы видели, какое у нее было состояние! Я подумал: не дай бог действительно произойдет несчастье! Так зачем дожидаться?

По словам Реутова, с Каменевой они дружили с детства. Дружба эта была чистая и верная. Видно было, что происшедшее сильно подействовало на него. Он все твердил: «Что с ней может случиться? Что она имела в виду?»

Гольста и самого интересовали ответы на эти вопросы. Дать их могла только Ольга Каменева. Было решено срочно допросить ее.

Каменева пришла в прокуратуру бледная, подавленная. Глаза — как у затравленного зверька.

— Что вынудило вас оставить письмо у Реутова? — задал вопрос Гольст.

Ольга молчала. Следователь повторил вопрос.

— Я боюсь, — выдавила наконец из себя Каменева.

— Пожалуйста, объясните причину вашего страха. — Владимир Георгиевич говорил вежливо, мягко, но настойчиво.

— А Борис не узнает, что я была у вас? — чуть ли не шепотом спросила она.

— Это судя по тому, что вы сообщите нам, — уклончиво ответил Гольст.

— Я больше не могу! — с отчаянием выкрикнула Каменева. — Эти бесконечные разговоры о трупах... Намеки... Свихнуться можно, ей-богу!

— Конкретнее, пожалуйста. Вы меня понимаете? Говорите подробнее.

Ольга кивнула. Попросила воды.

Пока Гольст наполнял стакан, облизывала пересохшие губы. Залпом выпив воду, стала рассказывать:

— Понимаете, Борис считает, что Ларису убил отец. Александр Карпович... Боря говорит, что он сделал это потому, что ненормальный. Шизофреник. И в силу какой-то ритуальности закопал труп в погребе на быстрицкой даче. Почему именно в погребе? Он находится как раз под маленькой комнатой, где была спальня Александра Карповича и Надежды Федоровны...

— Простите, — перебил Каменеву следователь, — когда именно начались эти разговоры?

— Давно уже. Сразу после похорон родителей Бориса. А что?

— Нет, ничего... Продолжайте, пожалуйста.

— Я спрашиваю у Бори: почему ты так уверен, что Лару убил отец? Он говорит: психи на все способны. И еще, мол, подтверждением служит то, что Александр Карпович

убил потом Надежду Федоровну и себя. Я опять спрашиваю: откуда ты знаешь, что Лариса закопана в погреб? Он ответил, что там в одном месте земля рыхлая. Он обнаружил это, когда зачем-то лазил в погреб. И именно под тем местом, где в спальне стоит кровать Александра Карповича. Знаете, после этого я перестала ездить в Быстрицу... Хотя, наверное, все это выдумки. Ну, насчет Лары...

— Вы не спускались в погреб на даче после того, как Борис рассказал вам о своих подозрениях? — спросил Гольст.

— Что вы! — испуганно отмахнулась Ольга. — Я же говорю — больше в Быстрице не была.

— А Борис ездил туда?

— Несколько раз. Он собирается продать дачу, как только пройдет шесть месяцев и он по закону станет наследником. Покупателей туда возил, показывал. — Каменева обхватила голову руками. — Вы не можете себе представить, какая это пытка — слушать его разговоры! Зачем он на мне женился, а? Чтобы терзать? Я по ночам спать не могу, все думаю: может, он тоже шизофреник? — Ольга повертела пальцем у виска. — Как Александр Карпович? Не поверите, иной раз прямо ужас берет. Особенно ночью. Прислушиваюсь — спит Борис или нет. Кажется, сейчас встанет, возьмет ружье и... Как его отец Надежду Федоровну...

— У вас дома есть ружье? — спросил следователь.

— Есть. Борис иногда ездит на охоту. Вот я и пошла к Реутову.

— Помимо того, что якобы Александр Карпович убил Ларису, муж ничего не рассказывал вам об исчезновении сестры и смерти родителей?

— Для меня и этого достаточно. Я просто столбенею от ужаса. Наверное, уже сама становлюсь ненормальной...

— И все же? — настаивал Гольст.

— Вроде нет...

Каменева задумалась.

— Я уже не знаю, когда он странный, а когда нет. То нежный со мной, внимательный, а то вдруг слова за день не скажет, словно не замечает меня. В последнее время все больше бирюком ходит. И пристаёт: мол, если будут спрашивать меня, вместе ли мы были в ночь на первое сентября, чтобы отвечала, что вместе.

«Ну вот, подошли к главному», — подумал следователь и спросил:

— А как было на самом деле?

— На самом деле? — как эхо, повторила Ольга. — Сначала мы действительно были вместе, а потом Борис ушел в другую комнату...

Она смутилась и замолчала.

— Прошу вас, говорите все начистоту, подробно, — мягко попросил Гольст. — Это очень важно. Когда в ту ночь легли спать родители Бориса, что делал он, вы, где кто находился во время выстрелов... Вы поняли меня?

— Да, — кивнула Ольга. — Александр Карпович и Надежда Федоровна легли раньше. Кажется, около одиннадцати. Мы с Борей посидели в большой комнате. Он постелил себе там. Обычно, когда я оставалась ночевать у них на даче, Борис спал в большой комнате, а я — в его. Так было и в тот раз. Потом я пошла спать...

— В котором часу?

— Около двенадцати. Потушила свет, разделась, легла...

— В комнате Бориса? — уточнил следователь.

— Да. В большой комнате тоже погас свет. Я думала, Борис лег спать. Но... — Ольга опустила голову. — Он пришел ко мне... у нас уже была договоренность, что мы поженимся... В общем, вы понимаете, что произошло между нами.

— Понимаю.

— Еще до того, ну, до нашей близости, я шепотом спросила у него: а как же родители? Вдруг что-то услышат? Вдруг кто-то из них встанет? Борис ответил, что они давно и крепко спят.

— Дальше?

— Ну, ушел Борис через час.

— Куда?

— В большую комнату. А я заснула. Сколько прошло времени, не знаю. Вдруг — выстрел. Я спросонья даже не поняла, что происходит... Потом — еще выстрел. Я аж подскочила на кровати. В доме везде темно. Хочу крикнуть и не могу... Тут вбежал Борис, зажег свет. В майке и трусах, бледный, растерянный. Спрашивает: слышала? Я спросила, что произошло. Он ответил, что Александр Карпович застрелил Надежду Федоровну, а потом себя...

Сказал, чтобы я не ходила в спальню к родителям. Я вско-
чила, кричу: может, они еще живы, может, необходима
помощь. Стала теребить Бориса, а он стоит истукан исту-
каном. Не помню уж, как мы очутились в спальне, кто
зажег свет... Жуткая картина! Я как глянула, так и ноги
подкосились... — Ольга закрыла лицо руками и замолчала.

— Дальше что? — осторожно спросил Гольст.

— Как в тумане... У меня все поплыло перед глазами.
Показалось, что Борис потянулся к ружью...

— Где оно находилось?

— Где? — переспросила Ольга. — Когда я вошла, оно
лежало на полу. Но Борис сказал, что сначала оно было
на кровати, а когда он сдернул с Александра Карповича
одеяло, упало на пол. У меня мелькнула безумная мысль:
а вдруг Борис сейчас и в себя тоже?

— Почему вы так подумали?

— Вы бы видели, в каком он был состоянии!.. Я схва-
тила ружье и решила унести его подальше от Бориса. По-
бежала к соседям напротив...

— К Бобринским?

— Да, к ним.

Дальше Каменева сообщила то, что уже несколько раз
говорила на допросах.

— Почему вы на первом и последующих допросах го-
ворили следователю районной прокуратуры, что в момент
выстрелов Борис находился с вами в одной комнате? —
задал вопрос Гольст.

— Борис попросил.

— Когда именно он попросил об этом?

— Ну... По-моему, когда я взяла ружье и хотела его
унести.

— Значит, сразу после того, как вы вошли в спальню и
увидели трупы?

— Да, — еле слышно ответила Ольга.

— А чем Борис объяснил свою просьбу?

— Сказал, что затаскают по милициям, будут трепать
нервы. А у него скоро госэкзамены...

— Но ведь вы сказали неправду. Так?

Каменева, вздохнув, кивнула.

— Мне было очень жалко его. Он так переживал... В
общем, я боялась за Бориса. Он сказал мне: рассказывай

все, как было в действительности, только не говори, что я ушел от тебя в другую комнату. Я выполнила его просьбу — все честно рассказала, только скрыла его уход... Неужели это такая большая вина? — Ольга прижала руки к груди. — Просто я не хотела, чтобы его таскали на допросы, нервировали... Он и без того столько пережил!

«Похоже, она говорит искренне, — подумал Владимир Георгиевич. — Просто хотела уберечь любимого человека от лишних волнений».

— Как относился Борис к своим родителям? — спросил он.

— Очень хорошо! — с неожиданным жаром ответила Ольга. — Можно даже сказать, идеально. Уважал их...

— А как они относились к Борису?

— Любили... Правда, я не очень давно стала вхожа в их семью. Собственно, даже не успели по-настоящему сродниться. — Ольга вздохнула. — Но меня поразило то, как все они умели ладить друг с другом — Ларочка, Борис и родители...

— А после их смерти как он о них отзывался?

— Переживал... Один раз сорвался.

— Когда? — насторожился следователь.

— Перед самыми похоронами. Я приготовила для Александра Карповича его новый костюм, чтобы одели его в морге. А Борис был против. Сказал: пусть в гроб кладут в старом костюме.

— Почему?

— Ну, мол, отец — убийца его матери... Потом, как мне показалось, ему было стыдно за то, что пожалел новый костюм.

Гольст уточнил еще кое-какие детали и закончил допрос. Подписывая протокол, Ольга спросила, можно ли сделать так, чтобы о ее визите в прокуратуру и этой беседе Борис не узнал.

Владимир Георгиевич твердо пообещал, сказав при этом:

— Но у меня будет к вам просьба. Вы также ничего не говорите мужу о нашей беседе.

— Конечно, конечно, — закивала Каменева. — Да его сейчас и нет в городе...

— Где же он? — любопытствовал Гольст.

— Сказал, что едет в деревню на охоту. К приятелю... А там ли он... — Ольга замолчала, печально глядя в окно.

— Вы сомневаетесь, действительно ли Борис на охоте?

— Не знаю. — Ольга перевела грустный взгляд на следователя. — В прошлом месяце тоже говорил, что на охоте. А потом я узнала, что он был у одной женщины. — Она махнула рукой. — Что с ним поделаешь? Испортили его всякие... — Каменева не договорила.

— Когда он обещал вернуться?

— Послезавтра, — ответила Ольга, поднимаясь со стула.

«Волга» мчалась по загородному шоссе. День выдался морозный, ясный.

Снежный наст по обеим сторонам дороги вспыхивал мириадами искр.

После вчерашнего допроса Каменевой Гольст решил произвести обыск на даче Ветровых. Вместе с ним в машине были следователь Ворожищев и капитан Самойлов. Впереди на газике ехали сотрудники райотдела внутренних дел.

В «Волге» продолжался разговор, начатый еще в городе. О том, насколько можно доверять показаниям Каменевой на последнем допросе, проведенном Гольстом. Действительно ли в момент выстрелов Борис находился в другой комнате?

— А что, если она по какой-то причине хочет насолить мужу? — высказал предположение Ворожищев.

— Мне показалось, что она была искренна, — ответил Владимир Георгиевич. — Видно, что любит его, жалеет.

— И ревнует, — добавил Сергей Михайлович. — А где ревность, там такое может быть...

— Зачем же ей доставлять Борису крупные неприятности? — возразил Гольст. — Тем более раз речь идет о таком серьезном, даже страшном деле. Зачем ей давать нам повод подозревать Бориса в убийстве?

— У женщин на первом плане эмоции, а уж потом логика, если она вообще кому-то из них свойственна, — усмехнулся Ворожищев. — Разве не было в вашей практике случаев, когда ослепленная ревностью женщина без рассуждений шла на что угодно?

— Почему только женщина? — заметил капитан Самойлов. — И мужчина из ревности может такого натворить — не приведи Господь!

— Посмотрим, — неопределенно произнес Гольст. — Вернется с охоты Ветров — допросим.

— Удивляет, что Борис не поделился со следствием своими подозрениями о том, что Ларису убил отец, — сказал Ворожищев.

— Наверное, не хотел ворошить память об отце. Того все равно не воскресишь и не привлечешь к ответу... Да и подозрения эти в любом случае бросают тень на самого Бориса. Каково ходить в сыновьях убийцы невинной девочки, а?

Ворожищев ничего не ответил.

Машины въехали в поселок. Газик остановился возле здания отделения милиции. Следом за ним тормознула «Волга».

К группе, отправляющейся на обыск, присоединились участковый инспектор и заместитель председателя исполкома поселкового Совета.

От Ольги Каменевой Гольст узнал, что у Бобринской имелись ключи от дачи, Борис за небольшую плату попросил соседку, как и в прежние времена, присматривать зимой за домом. Дачу открыли и вошли в нее вместе с понятыми, за которыми сходил участковый.

— Начнем с погреба, — сказал Гольст, предварительно объяснив понятым, какие функции они должны выполнять.

В погребе имелась электрическая лампочка. Выключатель находился наверху, в комнате. Вместе с Гольстом и понятыми в погреб спустился сотрудник райотдела милиции со специальным приспособлением — трупоскателем.

Пол был мягкий, посыпан песком.

Щуп легко входил в грунт. Сверху, через люк, за происходящим наблюдали Ворожищев, Самойлов и другие.

Стояла мертвая тишина.

— Есть, — вдруг раздался спокойный голос сотрудника милиции, когда щуп в очередной раз погрузился в песок.

— Лопату! — негромко скомандовал Владимир Георгиевич. Он старался быть спокойным, но все-таки не мог скрыть волнения.

Через несколько минут откопали красную детскую туфлю, две коробки с играми. Все напряженно замерли. Когда из песка показалась рука, одной из понятых стало плохо.

Это был полуразложившийся труп Ларисы Ветровой.

...Обыск вели почти до самой ночи.

Была тщательно осмотрена вся дача, а также сарай на участке. В большом деревянном ларе среди рухляди Гольст обнаружил металлический ящик. Вскрыли его. Там, в частности, оказалась толстая общая тетрадь с записями — что-то вроде дневника или памятной книжки.

Владимир Георгиевич изъял эту тетрадь.

Тело девочки отвезли в морг.

Гольст успел еще провести допрос Бобринской и двух соседней Ветровых, оказавшихся случайно в поселке. Затем поехали в город. В дороге, хотя все изрядно устали, разговор не прерывался ни на минуту. Вертелся он вокруг одного: кто же убил девочку? Есть ли связь между ее убийством и последующими трагическими событиями на даче Ветровых?

— Надо же, — сказал Ворожищев. — Слова Бориса о том, что сестра убита и закопана в погребе, подтвердились. Интересно, он знал это наверняка или интуиция?

— Ничего себе вопросик, — усмехнулся Гольст. — Ответ на него может стать разгадкой ко всему преступлению.

— Вы хотите сказать: он знал потому, что сам убил? — уточнил Сергей Михайлович.

— Это одна из версий, — ответил Владимир Георгиевич. — Вторая — Ларису убил отец и проговорился сыну. Третья — Борис что-то заподозрил, когда обнаружил в подвале участок с рыхлой почвой, стал копать и увидел труп сестры...

— Но почему в таком случае он не сообщил в милицию? — задал вопрос Ворожищев.

— Возможно, боялся, что подозрение падет на него, — ответил Гольст. — Вспомните, кто находился на даче, когда исчезла Лариса? Только Борис и отец. Выходит, что убийца — один из них.

— Девочку могли убить и не на даче, — подал голос капитан Самойлов. — А потом уже перенесли труп и закопали в погреб.

— И это, конечно, не исключено, — сказал Гольст. — Хотя... Подумайте, какой риск нести тело в дом, лезть в погреб, рыть яму и так далее. Вспомните, что с момента исчезновения Ларисы на даче все время был кто-нибудь из Ветровых. Шли поиски девочки, люди в поселке были

встревожены. К каждому подозрительному человеку или событию — особое внимание...

— Да, — согласился инспектор уголовного розыска. — Но после гибели Ветровых и их похорон дом пустовал. Поселок тоже обезлюдел, почти все дачники съехали.

Аргументы Самойлова были вполне убедительны. Но тогда вставал вопрос: кто же мог совершить такое страшное злодеяние? Совершенно посторонний человек — вряд ли, убийца должен был хорошо знать план дачи, иметь ключи. Значит, кто-то из родственников, знакомых, соседей?

Время в дороге пролетело незаметно. Перед тем как расстаться, наметили конкретные мероприятия, которые следовало провести на следующий день.

Обнаружение трупа девочки круто меняло ход расследования.

В эту ночь Владимир Георгиевич так и не смог уснуть. Все думал, сопоставлял, анализировал. Его очень заинтересовала тетрадь, обнаруженная в сарае на даче. В том, что она принадлежала Борису Ветрову, сомневаться не приходилось: стоило лишь сверить его почерк в документах, находящихся в деле, с записями в тетради.

В своем дневнике Ветров записывал мысли, казавшиеся ему значительными, изречения, чем-то поразившие его, отражал в нем некоторые события из своей жизни. Борис не удосуживался, как правило, пометить, кому принадлежат те или иные высказывания. Могло даже показаться, что они — плод размышлений самого Бориса. Но, вчитываясь все глубже, Гольст понял: многие из мыслей не его. Некоторые Владимир Георгиевич уже где-то встречал, да и стиль афоризмов выдавал принадлежность их разным авторам.

Вот, например, какие перлы вычитал из дневника Владимира Георгиевича:

«Деньги — это то, что есть у других и что нужно добыть мне».

«Бескорыстно любите деньги».

«Нет такой высокой стены, через которую не мог бы перешагнуть осел, нагруженный золотом».

«Отсутствие денег у людей — порок.

Человек без денег — просто не человек».

Гольст отметил, что деньги и все связанное с ними очень занимало воображение Ветрова. Это был его, если можно так выразиться, пунктик.

Заинтересовали следователя и такие записи:

«Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их».

«Зачем надо работать на потомство, когда потомство для тебя все равно ничего не сделает?»

Чем больше Гольст углублялся в чтение, тем ярче представлялся перед ним человек, писавший этот дневник.

Ветрову нельзя было отказать в целенаправленности. Но что это была за направленность!

«Мораль — это выдумка человека, а не вывод из жизненного опыта».

«Совесть непобедима лишь для слабых духом. Сильные, быстро овладевая ею, подчиняют ее своим целям».

«Коллектив — это сброд, где каждый человек теряет свою индивидуальность».

«Народ — раб, лишь немногие призваны быть господами».

Владимир Георгиевич все больше поражался: откуда у молодого человека такое преувеличенное самомнение? То, что Ветров не считал себя «сбродом», заурядностью, было совершенно явно.

Каждая строка его дневника вопила о том, что именно он, Ветров, — один из «немногих», которые стоят выше других.

«Что это? — думал Гольст. — Больная психика? Бред?» Но на бред писанина Бориса не походила. Ход его мыслей, сами идеи — все отдавало холодной рассудительностью, трезвым, циничным расчетом.

«Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно.

Все, что становится поперек дороги, — буква ли закона, чужая ли воля, — надо сметать или умело обходить». Тут же Борис делает запись, вероятно отвечающую его жизненным планам: «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги». После этого откровения он добавляет по-латыни «ум кумо», что означает «любым способом». Владимир Георгиевич уже встречал это

изречение: оно было выведено на обложке дневника крупными буквами...

Когда Гольст кончил читать дневник, он подумал: «Неужели все это писал молодой человек, только-только вступающий в жизнь? Ни одной светлой, романтической мысли. Ни единой строки, в которой бы проглядывали возвышенность устремлений, восторженность юности». Владимир Георгиевич словно прикоснулся к чему-то холодному — куску льда, железа... И еще.

От автора дневника веяло опасностью.

Ибо человек, вбивший себе в голову подобные идеи, готов на все. Даже на самое страшное...

Забрезжил рассвет. Гольст уже знал, что он обязан делать по долгу своей службы в самые ближайшие часы.

Бориса Ветрова арестовали около полудня, когда он появился в своей квартире. Ему разрешили сложить в кухне охотничьи доспехи (ружье в чехле, патронташ, сумку с кабаньим окороком — он действительно был на охоте), переодеться.

В машине, которая везла его в следственный изолятор, Ветров сначала возмущался, грозил, что будет жаловаться, но постепенно притих.

На допрос Владимир Георгиевич вызвал его лишь на следующий день, с утра дал ему время поразмыслить, все взвесить. Допрос состоялся в следственном изоляторе и велся с применением магнитофона.

Когда привели Ветрова, Гольст удивился: костюм на нем без единой морщинки, рубашка свежая, словно Борис надел ее только что. Сам он тщательно причесан, умыт. Лишь глаза усталые, но спокойные.

Следователь предъявил ему обвинение в убийстве сестры, матери и отца.

Борис невозмутимо произнес:

— Это ошибка. Я никого не убивал.

— Значит, не признаете себя виновным? — спросил Гольст.

— Не признаю.

Владимира Георгиевича поразило его хладнокровие. Никакой растерянности или замешательства.

— Так кто же, по-вашему, убил Ларису?

— А разве она убита? — вопросом на вопрос ответил Ветров

— Да.

Гольст положил перед Ветровым фотографии, сделанные в погребе быстрицкой дачи, где был обнаружен труп девочки.

Борис посмотрел на них. Лоб его слегка побледнел, рот сжался. Некоторое время он сидел молча. Потом медленно произнес:

— Я так и думал... Это отец...

«Ну и выдержка, — мелькнуло в голове у следователя. — Крепкий орешек. Такого голыми руками не возьмешь».

— Почему вы так думаете? — спросил Гольст.

— Я говорил раньше... Отец мне намекал... Простите, она, — Борис указал на фотографии, — была зарыта прямо под спальней, под тем местом, где стояла кровать отца?

— Примерно.

— Это все из-за его ритуальности, — вздохнул Борис. — Типичный признак. Шизофрения...

— Александр Карпович был совершенно здоровым человеком, — спокойно сказал следователь.

— Уж этого можете мне не говорить, — усмехнулся допрашиваемый. — Я как-никак врач. Могу разобраться, что к чему.

— Ну, положим, вы еще только студент, — заметил следователь без всяких эмоций. — А если вас действительно интересует мнение авторитетных специалистов — пожалуйста.

Гольст протянул Борису заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы А.К. Ветрова. Тот прочитал его, пожал плечами.

— Но я лично, своими глазами видел выписку из истории болезни. Отец лежал в свердловской больнице. Его признали шизофреником и освободили от армии. Чему же верить? — искренне удивился Ветров.

— Ваш отец тогда симулировал болезнь, — коротко объяснил следователь.

— Но для чего? — вырвалось у Бориса.

— Сейчас мы не будем вдаваться в подробности. Главное уяснили? Не было шизофрении.

— По-моему, все-таки была. Врачи не боги, простые смертные... Эраре гуманум эст. Простите, это по-латыни...

— Я понял. Человеку свойственно ошибаться, — перевел следователь.

Ветров пустился в пространные рассуждения о том, какая сложная и запутанная область медицины — психиатрия. Установить диагноз больному психическим заболеванием иной раз не под силу даже опытнейшему врачу.

— А тем более, когда человека уже нет, — закончил обвиняемый.

«Вступать с ним в спор сейчас, пожалуй, не время», — подумал Владимир Георгиевич.

— Значит, как вы утверждаете, у вас были подозрения, что Лариса убита отцом? — спросил он.

— Да, — ответил Борис.

— Вы делились ими с кем-нибудь?

— С женой.

— А почему ничего не сказали следственным органам?

— Подозрение еще не доказательство. А у меня никаких доказательств не было.

— На чем основывались ваши подозрения?

— На том, как вел себя отец после исчезновения сестры. Однажды у него вырвалось нечаянно, что виноват якобы он. И потом эта навязчивая мысль о самоубийстве... Он был в ужасном состоянии... И в конце концов не выдержал...

— Но родные и знакомые говорят, что у него не было желания уйти из жизни, — возразил Гольст. — Наоборот...

— Интересно, кто мог сказать такую глупость? — усмехнулся Ветров.

— Ваша тетя, Ангелина Карловна, еще близкий друг отца. Да и не только они...

Следователь дал Ветрову ознакомиться с протоколами, в которых указывалось, что Александр Карпович мечтал о благоустройстве дачи, строил планы на будущее.

— Эти люди не знали истинного положения дел. Но я-то сын! Перед ними он мог играть, притворяться. С нами, то есть со мной и с мамой, отец не притворялся.

«Логично объясняет», — отметил про себя Гольст.

— Вы догадывались, куда он мог зарыть труп сестры?

— Догадывался. Вернее, догадка возникла, когда я увидел в погребке, что под спальней родителей рыхлый песок.

— Сказали кому-нибудь об этом?

— Жене. Ольге.

— И не пытались проверить свою догадку?

— Не дай Бог! Хотя у меня и были подозрения, но я гнал их от себя. Кстати, каким способом убита Лариса?

Следователь дал Ветрову заключение судебно-медицинской экспертизы.

Врачи установили, что девочка была задушена.

Борис прочитал заключение, обхватил рукой лоб.

— Бедная Ларочка, — прошептал он. — Что она думала в тот момент?

— Ладно... Расскажите, пожалуйста, подробно о том вечере, когда исчезла ваша сестра, — попросил следователь.

Ветров долго и обстоятельно излагал то, что уже было рассказано им прежде и зафиксировано в документах дела. Только теперь он чуть-чуть подправил свои показания: по его словам, в то время, когда исчезла сестра, Борис не только читал книгу в своей комнате, но и вздремнул в кресле. Выходило, что отец мог незаметно для него спуститься в подвал и сделать свое страшное дело.

Люк находился на веранде и не был виден из комнаты Бориса.

— Уверяю, я совершенно не причастен к гибели сестры, — закончил он. — И вообще подумайте, зачем мне было ее убивать? С какой целью?

— С той же, с какой и родителей, — сказал следователь.

— Да вы что! — не выдержал обвиняемый. — Я зверь, что ли?!

— Как это у Шекспира, помните? «Лей кровь и попирай закон», — процитировал Владимир Георгиевич выписку из дневника Ветрова.

Это был пробный камень, и он, кажется, попал в цель. Борис посмотрел на Гольста с испугом.

— Но при чем здесь Шекспир? — еле выдавил он из себя.

— Вам же нравятся сильные личности, не так ли? — спокойно спросил следователь. — «Убийство — это объективный акт, и смерть не различает, кто прав, кто виноват», — снова процитировал Владимир Георгиевич из тетради, найденной в сарае в Быстрице.

— Не знаю, о чем вы говорите, — раздраженно пожал плечами Ветров.

Но было видно, что он отлично знал. Догадался, что его дневник побывал в руках следователя.

По залегшей складке на лбу Ветрова Гольст понял: Борис лихорадочно соображает, какая информация из его личных, интимных записей может быть использована против него. «Пусть, пусть соображает, — подумал следователь. — Теперь уж, кажется, он выбит из колеи».

— Хорошо, поговорим о другом, — продолжал Гольст. — Вы ездили в конце июля в Москву?

— Ездил, — ответил Ветров, подозрительно глянув на следователя.

— Зачем?

— По личным делам.

— Поделитесь, пожалуйста.

— Это не представляет для вас никакого интереса.

— Почему же? — возразил Гольст. — Как раз очень интересно.

— Ну, если вы настаиваете... — пожал плечами Ветров. — Там у меня была девушка.

— Невеста, хотите сказать? — поправил Владимир Георгиевич.

— Вроде.

— Вы любили ее?

— Не любил — не ездил бы.

— Любили бескорыстно?

— Нет, — разозлился Борис. — Хотел жениться, обобрать и бросить! Как те брачные аферисты, о которых пишут в судебных фельетонах в газетах, — съязвил он.

— Я вас серьезно спрашиваю, — спокойно сказал Гольст.

— Извините, но вопрос ваш бестактный. — Ветров обиделся.

— Увы, такая у нас работа. Приходится порой задавать вопросы и похлеще.

— Понимаю, — примирительно сказал Борис. — Но подобный, мне кажется, не к месту.

«Ишь, задело, — подумал Гольст. — Очень хорошо, пусть беспокоится», — и продолжал:

— А теперь давайте вспомним о событии в ночь на первое сентября у вас на даче.

— Пожалуйста, я готов, — поспешно согласился Борис. Даже слишком поспешно.

— Расскажите, что вы делали вечером, перед тем, как услышали выстрелы в комнате родителей, и что было дальше. Вопрос ясен?

— Вполне.

Ветров повторил то, что уже говорил раньше.

— Я хочу уточнить кое-какие детали, — сказал Гольст. — Значит, в момент выстрелов вы были с Ольгой Каменевой в своей комнате?

— Совершенно верно. Она это подтвердила. И не раз.

— Пойдемте дальше, — невозмутимо продолжал следователь. — Сколько времени прошло между первым и вторым выстрелами?

— Я же говорил. Полминуты, не менее.

— И сразу после второго выстрела вы вбежали в комнату родителей. Один или с Ольгой?

— Один.

— Дверь в их спальню была открыта или закрыта?

— Закрыта.

— Это вы хорошо помните?

— Отлично помню, — заверил Борис.

— Ну что ж, так и запишем, — спокойно сказал следователь, занося показания в протокол: — «Дверь в спальню родителей была закрыта...» Вы говорите, что ружье лежало на кровати отца?

— Да, на одеяле. По-моему, между ног...

— Точно на одеяле?

— Точно, — кивнул Ветров. — Потому что, когда я сдернул с него одеяло, ружье упало на пол.

Владимир Георгиевич записал в протокол и это показание.

— Пожалуйста, прочтите и распишитесь, — попросил он. — На каждой странице.

Ветров внимательно прочитал протокол, расписался.

«Волнуется. Не то что прежде, — констатировал Гольст. — Вон как рука дрожит». Он взял протокол. Помолчал.

Ветров сидел прямо, выжидательно глядя на следователя. Пауза его тяготила, что также не ускользнуло от внимания Гольста. Потянув еще некоторое время, Владимир Георгиевич спросил:

— Борис Александрович, вы считаете себя умным человеком, не так ли?

— В общем, не дураком, — ответил Ветров осторожно.

— И в институте о вас отзываются как о способном студенте, который мыслит логически, быстро схватывает материал, проявляет недюжинные научные способности...

— Приятно слышать, — усмехнулся Ветров. — Кто же так охарактеризовал меня?

— В частности, проректор.

— Петряков?

— Он самый. Таким образом, я могу апеллировать к перечисленным вашим качествам — уму, логике, умению мыслить аналитически?

— Как вам будет угодно, — чуть наклонил голову Ветров.

— Вы учитесь на врача, — продолжал Гольст. — А врачи, как известно, должны опираться на объективные, фактические данные... Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с последними показаниями вашей жены.

Он дал Ветрову прочесть протокол допроса Каменной — то место, где она говорила, что Борис не был с ней в одной комнате, когда прозвучали выстрелы.

Следователь внимательно наблюдал за выражением лица допрашиваемого.

Оно, увы, было бесстрастным.

— Так я и предполагал. — Ветров усмехнулся. — Мелкая низкая месть! О женщины! — воскликнул он патетически и, прижав руку к груди, признался доверительно: — Конечно, в семейной жизни я вел себя не совсем безупречно. Но из-за этого сводить со мной счеты подобным образом!.. — покачал он головой.

— Вы хотите сказать, что Каменова сказала неправду? — уточнил следователь.

— Ложь чистой воды! — возмущенно произнес Ветров. — Она не раз грозила мне. Каждая женщина по натуре собственница. Мужчина для нее что вещь, должен принадлежать ей весь полностью, без остатка. Поверьте, она как-то даже пыталась отравить меня. Снотворным. И вот, докатилась...

«На что он рассчитывает? — думал Гольст. — Надеется, что я поверю ему, или просто выигрывает время для подготовки к обороне? Нет, пора кончать игру в кошки-мышки».

— Во-первых, не она пыталась отравить вас, — жестко произнес следователь, — а вы чуть не довели ее до само-

убийства. Более того, Ольга уже выпила смертельную дозу люминала, но вы испугались и промыли ей желудок. Даже скорую вызвали, но, когда приехали врачи, вы сказали, что сами справитесь с мнимым сердечным приступом жены. Об этом есть соответствующие показания Каменевой, — Гольст положил руку на папку с делом. — А также врача скорой помощи. Зачитать?

— Нет, — глухо ответил Ветров.

— Дальше. Выстрелы в спальне ваших родителей были произведены с интервалом в 3—4 секунды, а не через полминуты, как вы утверждаете.

Следователь зачитал показания Бобринских и Цыплавковых.

— Ну и что? — хмуро заметил Борис.

— А то, что ваши родители были убиты.

Гольст дал Ветрову прочесть заключение повторной судебно-медицинской и баллистической экспертиз. Тот знакомился с документами долго, несколько раз перечитывал отдельные места, видимо лихорадочно думая, как устранить противоречия между бесспорными фактами и своими прежними показаниями. Владимир Георгиевич терпеливо ждал. Наконец Ветров кончил читать.

— Что скажете? — спросил следователь.

— Ничего, — сквозь зубы процедил Ветров. — Вы хотите заманить меня в ловушку. Уверяю вас — не выйдет!

— Вы сами себя загнали в ловушку, — спокойно сказал Гольст. — Совершая преступление, вы допустили массу ошибок. А затем усугубили их своими показаниями. Во-первых, вы сказали, что ружье лежало на одеяле, а оно не могло там лежать. Во-вторых, стреляя в отца, вы перепутали спусковые крючки...

— Как? — вырвалось у Ветрова. Но он тут же осекся.

«Не выдержал», — отметил Гольст.

Однако Ветров попытался исправить впечатление от своего неосторожного восклицания.

— Я... Я хочу сказать, при чем здесь крючки? И вообще я при чем?..

— Готовясь к убийству, вернее, к инсценировке самоубийства отца, вы привязали веревку к левому спусковому крючку, а выстрел произвели из правого ствола. Патроны были одного калибра, но разной маркировки. Состав ве-

щества, из которого сделана дробь, различен. Можете ознакомиться с заключением.

— Это меня не интересует, — холодно произнес Ветров.

— Следующая ошибка. Вы утверждаете, что дверь в спальню родителей была закрыта. Но в момент выстрелов она была открыта.

— Какое это имеет значение?

— Имеет. На внешней стороне обнаружены брызги крови вашего отца.

Это обстоятельство следователь выяснил в самое последнее время, когда производил обыск на даче и допросил Бобринскую. Она-то и вспомнила про кровь. Соответствующие исследования подтвердили это.

— Вы отлично помните, — продолжал Гольст, — что дверь открывается вовнутрь спальни. Внешняя сторона двери в открытом положении как раз обращена к кровати, на которой лежал ваш отец. Если бы выстрел был произведен при закрытой двери, то кровь попала бы на внутреннюю сторону. Что вы на это скажете?

Ветров молчал. Минуту, другую, третью...

— Я вижу, сказать вам нечего, — констатировал Владимир Георгиевич.

— Значит, я ошибся, — неожиданно со спокойной дерзостью заявил Ветров. — Дверь действительно была открыта, когда я вбежал в спальню родителей. Но я был в таком состоянии... Неудивительно, что забыл...

«Ну и наглец!» — чуть не вырвалось у Гольста.

Он, ни слова не говоря, перекрутил пленку на магнитофоне, нашел нужное место.

«Дверь в их спальню была открыта или закрыта?» — раздался голос самого следователя.

«Закрыта», — прозвучал ответ Ветрова.

«Это вы хорошо помните?»

«Отлично помню!»

— Странное выпадение памяти, — заметил Гольст. — А о том, что на вашей майке и трусах были брызги крови, которые заметила при стирке Ольга, вы тоже забыли?

— Я мог нечаянно запачкаться, когда сдернул с отца одеяло, — парировал Ветров.

— Где вы стояли, когда сдергивали одеяло? — спросил Гольст.

— В ногах у отца.

— В какую сторону вы потянули одеяло?

Ветров задумался. Вероятно, почувствовал подвох в вопросе.

— Прошу вас ответить, — строго сказал Гольст.

— Ну, потянул на себя...

— На этот раз память вас не подводит?

— Нет, — не очень уверенно ответил Ветров.

Владимир Георгиевич нашел в деле фотографию места происшествия, ткнул в нее пальцем:

— Видите, ноги вашего отца торчат из-под одеяла. Выходит, что одеяло вы не трогали, Борис Александрович...

Ветров молчал.

Гольст закрыл папку.

— Я думаю, фактов достаточно, — спокойно сказал он. — Вы запутались.

— Вообще нет! — Ветров вскочил со стула. — Все, что вы говорили и пытались доказать, — сущая ерунда! Я могу эти же факты истолковать по-другому! Да, да! И не думайте, что напали на сосунка! — Он распался все больше.

— Уверяю вас, я так не думаю, — не повышая голоса, ответил следователь. — Вы тщательно готовились к преступлению. Все использовали мнимую распушенность вашей сестры, мнимую шизофрению отца... Вы даже изучали книги по криминалистике и другую юридическую литературу. Я ознакомился с ней у вас дома. В частности, с Уголовно-процессуальным кодексом, что стоит в книжном шкафу. Он заложен на той странице, где говорится о прекращении уголовного дела. Кстати, день, когда дело о гибели ваших родителей было прекращено, вы пышно отметили в ресторане со своим другом Полонским. Не так ли?

— Не помню, — буркнул Ветров.

— Зато это хорошо помнит ваша знакомая, Стелла Виногорадова. Вы тогда говорили, что теперь у вас в жизни есть все: деньги и свобода.

— Мало ли что можно наболтать, будучи под градусом. Знаете, если цепляться к словам...

— Слова словам рознь, — заметил следователь. — В тот же вечер той же Виноградовой вы заявили, что убийца часто попадается потому, что, совершив одно преступление, боится совершить другое. А жене как-то признались. — Гольст открыл дело на нужном месте и процитировал: — «Если мне понадобится убить своих врагов, я полгорода перестреляю. Мне убить человека ничего не стоит».

— Пустая бравада! — запальчиво произнес Ветров.

— Но вы пошли-таки на убийство.

— Господи! Подумайте сами, что я выигрывал в случае смерти родителей? Я ведь зависел от них! И материально, и, если хотите, морально... В конце концов, я по-настоящему любил их. Это подтвердит каждый, кто знает нашу семью. А Ларочка? Я в ней души не чаял!

— Вы говорили людям другое. — Гольст полистал дело. — Вот, например: «Мой отец как Плюшкин: тащит всякое барахло в дом. Над ним смеются».

— Кто это наклеветал?

— Это показания бабы Мани, тети вашей матери. Она же сказала, что вы родную мать называли курицей. Неумная, говорили, женщина, не знает значения слова «утрировать»... И вообще ваши родители — цитирую — «глупые, тупые мешане, совсем не близки мне по духу»...

— Ну, знаете! — Ветров задохнулся. — А баба Маня, если хотите знать, вообще выжила из ума! Старческий маразм!

— Нечто подобное о родителях вы говорили еще Англине Карповне, сестре отца, а также друзьям. Могу зачитать их показания.

— Не хочу слышать! — отрезал Ветров. — Завистники!

— О сестре вы тоже отзывались не очень-то нежно, — невозмутимо продолжал Гольст, листая страницы дела. — «Лариса — дура. Самое страшное, что с ней придется делиться дачей и всем, что останется от родителей».

— Кто?.. Кто все это выдумал? — Ветров от злости и волнения стал заикаться.

— Ваш приятель Геворкян. Эти слова вы сказали ему за три дня до убийства сестры.

— Врет! — выкрикнул Ветров. — Простить не может, что его девушка в меня влюбилась. Он меня ненавидит!

— Я этого не заметил. Геворкян уважает вас. Кстати, он помог вам организовать похороны, присутствовал на

них. Правда, его удивило, что вы тогда не пролили и слезинки...

— Слезы — бабское дело! — парировал Ветров. — Я вообще не помню, когда плакал. Говорят, в детстве я тоже не...

— Да нет, Борис Александрович, — перебил Гольст, — плакали. И даже рыдали.

— Это когда же? — подозрительно спросил Ветров.

— Может, вы действительно не помните... А ваша тетя, Ангелина Карповна, помнит. Вам было шесть лет. Вас повезли в Ялту. Мама и тетя. Отец выдал матери тридцать рублей, в старых еще деньгах, на мороженое и конфеты для вас. Мать истратила их по назначению. Вы же потребовали эти тридцать рублей себе. Мол, отец дал их вам. Сколько Надежда Федоровна ни убеждала, что деньги истрачены на вас же, вы не хотели этого понять, кричали на мать, плакали...

— Я действительно не помню этого, — мрачно заявил Борис. — И не пойму, куда вы клоните.

— Все туда же... Объясняю: почему вы убили сестру и родителей.

— Из-за тех тридцати, простите, по-новому трех рублей? — усмехнулся Ветров. — Любой, даже малограмотный психолог посмеялся бы над такими выводами.

— Теперь сумма выражается куда более солидной цифрой. Одна дача сколько стоит! Кстати, какую цену вы запросили с Лебедянского?

— Кого-кого? — словно не расслышал Ветров.

— Лебедянского, — повторил следователь. — Который изъявил желание купить дачу.

— Да, я хочу ее продать, — с вызовом сказал Борис. — Что из этого?

— Странно. Если вы, как утверждаете, не убивали сестру и, естественно, не знали, жива она или нет, то как же могли начать переговоры о продаже дачи? Ведь Лариса по закону являлась такой же наследницей, как и вы.

— Во-первых, я еще раз повторяю, что никого не убивал. Во-вторых, сестра еще маленькая, и, будь она жива, я стал бы ее опекуном...

— Допустим. Но ведь на деньги, положенные на имя Ларисы в сберкассу до ее совершеннолетия, вы не имели никакого права. Однако же изъявили желание заполучить их. Выходит, знали, что сестра мертва?

После долгого молчания Ветров произнес:

— Вы основательно покопались в моей биографии. Но почему-то прошли мимо того, что я всегда бескорыстно помогал другим. Спросите в институте, бросил ли когда-нибудь Борис Ветров товарища в трудную минуту? Сколько сил я потратил, занимаясь с Турковым, Геворкяном! Да мало ли? — Он усмехнулся. — С чего вы взяли, что я мелкая, расчетливая личность?

— Не мелкая, — заметил Гольст. — Планы у вас были серьезные... «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги», — процитировал Владимир Георгиевич из дневника Ветрова и закончил его же словами: — «Ум кумо»!

— А Ольга? — воскликнул Борис. — Какая уж тут карьера? Из самой обыкновенной семьи, скромное положение и достаток...

— Ну, вы думали, что она внебрачная дочь Петрякова, проректора.

— Ерунда! Я с самого начала знал, что это сплетни.

— А вы и не собирались на ней жениться, — спокойно заметил Гольст.

— Вот те на! — изобразил крайнее удивление обвиняемый. — Так зачем же, по-вашему, я все-таки женился на ней?

— Боялись, что она скажет правду.

— Какую?

— О том, что в действительности было в ночь на первое сентября. Вы держали ее при себе, зная: пока она рядом, вы сможете давить на нее. И постоянно напоминали ей: если будут спрашивать, где вы находились в момент выстрелов, чтобы она отвечала, что вместе с ней. Ольга — единственный свидетель, который подтверждал ваше алиби. А теперь доказано, что алиби нет. И все улики и факты свидетельствуют: убийца сестры и родителей — вы.

Ветров вдруг загадочно улыбнулся и твердо произнес:

— Это заблуждение. Вы никогда не добьетесь моего признания в убийстве. — Помолчал и добавил: — Никогда!

На последующих допросах Ветров продолжал категорически отрицать свою вину.

Была произведена очная ставка между Борисом и его женой. Следователей поразила наглость, с какой Ветров

обвинял жену во лжи, называя ее ревнивой и мстительной. Ольга не выдержала и разрыдалась.

Большинство родных и знакомых Ветрова не могли поверить, что он совершил такое злодеяние. Некоторые считали, что следствие глубоко заблуждается и настоящий убийца или убийцы еще не найдены. По их мнению, Борис заслуживал не ареста, а отдыха где-нибудь в санатории или на курорте после потрясения. Но были и такие, которых не удивило, что Ветров совершил столь тяжкое преступление. Один из бывших друзей Бориса, одноклассник, видел, как Ветров-подросток зверски убил в лесу бродячую собачонку. После этого их дружбе с Борисом пришел конец.

И вообще выяснилось, что садистские наклонности в обвиняемом замечали давно. И не только по отношению к животным. Например, Ветрову доставляло удовольствие, когда люди испытывали перед ним страх. Он наводил на человека заряженное ружье и смеялся, если это кого-то пугало. А однажды даже выстрелил поверх головы знакомой девушки.

С детского возраста Борис коллекционировал ножи, трофейные штыки, имел духовое, а потом мелкокалиберное и охотничье ружья. Как ни странно, увлечение сына холодным и огнестрельным оружием не вызывало у его родителей беспокойства. Более того, к совершеннолетию отец подарил ему охотничий нож и тульскую одностволку для охоты.

Когда Гольст на одном из допросов привел Ветрову примеры его жестокости, тот заявил:

— Насчет моих якобы агрессивных проявлений — вранье. А увлечение оружием естественно. Все пацаны в детстве играют в войну, в охотников. В этом нет ничего ненормального, порочного. Зачем тогда существует «Зарница»? Ну, военная игра у подростков?..

Сколько обвиняемый ни упорствовал, Владимир Георгиевич чувствовал: под натиском улики и фактов, приводимых следствием в доказательство его вины, у Бориса все меньше и меньше аргументов для защиты. На одном из допросов он наконец сознался, что в момент выстрелов действительно находился в большой комнате, а не с Ольгой. Но тут же выдвинул версию, что его родителей убила... Каменева.

Допрос следовал за допросом. Почти ежедневно. Их проводили, сменяя друг друга, Гольст и Ворожищев.

Однажды среди ночи раздался звонок в гостиничном номере, который занимал Владимир Георгиевич. Начальник следственного изолятора взволнованно сообщил:

— Товарищ Гольст, у нас ЧП. Ветров пытался задушить своего сокамерника. Мы поместили его в одиночную камеру. Там он покушался на самоубийство...

— Каким образом? — спросил следователь. У заключенных под стражу в обязательном порядке отбирались все предметы, могущие послужить орудием убийства или самоубийства.

— Пытался повеситься. Разорвал тюфячный чехол и сделал из него петлю. Надзиратель увидел его уже висющим. Сейчас он в тюремной больнице.

— Жизнь его в безопасности?

— Приняли, естественно, меры...

После этого звонка Владимир Георгиевич так и не смог больше заснуть.

Еле дождавшись рассвета, он тут же отправился в следственный изолятор. На месте узнал подробности ночного происшествия.

Оказалось, что на своего сокамерника Ветров набросился совершенно неожиданно, когда он лег спать. Хорошо, что тот обладал могучей физической силой и сумел справиться с Ветровым. А попытку самоубийства Борис совершил так: конец веревки из тюфячного чехла привязал к оконной решетке, встал на парашу, просунул голову в петлю и отшвырнул парашу ногой.

После случая с сокамерником надзиратель получил указание особо внимательно наблюдать за Ветровым, поэтому заглядывал в его камеру через глазок в двери чуть ли не каждые пять минут. И заметил висящего Ветрова буквально через несколько секунд после того, как он оттолкнул ногой парашу. Хотя Борис уже успел потерять сознание, но принятые меры устранили угрозу его жизни и здоровью.

Гольст пытался понять, чем вызвано такое поведение подсудимого, в частности попытка самоубийства. Что это? Мучает совершенное? Сдали нервы? Но как расценить тогда покушение на сокамерника? Может, между

ними произошла ссора? Однако начальник изолятора, беседовавший с сокамерником Ветрова, сказал, что у них не было никаких трений. Все это Гольст намеревался выяснить на ближайшем допросе Ветрова.

Он вызвал его на следующий день, предварительно поговорив с тюремным врачом. Тот заверил следователя, что состояние подсудимого удовлетворительное и его можно допрашивать.

Вид Бориса несколько удивил Гольста. И причиной тому были не синяки и ссадины, оставшиеся в результате борьбы с сокамерником. Выражение лица — вот что поразило следователя.

У Ветрова был какой-то отрешенный взгляд, спокойный и даже блаженный. Владимир Георгиевич еще не успел задать ему ни одного вопроса из подготовленных заранее, как Ветров заявил:

— Ларису и родителей убил я.

Это признание было настолько неожиданным, что Гольст в первое мгновение даже растерялся. Но быстро справился с собой, включил магнитофон и попросил:

— Пожалуйста, изложите все по порядку. Когда у вас возникло намерение убить своих близких? Почему? Как вы это сделали?

«Это же надо, — все еще не мог успокоиться Гольст. — Столько времени бились с ним, и вдруг...»

Неожиданность, с которой обвиняемый решил признаться, все-таки насторожила следователя. Что-то подсказывало ему: надо ждать какого-нибудь сюрприза.

— Я не могу сказать точно, когда возникло намерение, — начал Ветров. — К своей гениальной идее я шел давно. Года три. Окончательно она созрела этим летом...

— Не понял, — перебил его Гольст. — Какая идея?

— В двух словах не объяснишь... Уверен, она перевернет весь мир! Все представления человечества о смысле жизни, о ценностях знаний в области медицины, психологии, социологии, антропологии, истории будут пересмотрены. Я хочу изложить суть в специальной записке и отослать ее в Президиум Академии наук. Надеюсь, вы не откажете мне в этом, — скорее утвердительно, чем вопросительно закончил Ветров. Говорил он спокойно, без всякой аффектации.

— Какое отношение имеет ваша, как вы говорите, гениальная идея к убийству? — спросил следователь.

— Самое прямое. Она объясняет, почему я избавился от родителей.

— В чем же, собственно, ее смысл?

«Это, кажется, и есть сюрприз», — подумал Владимир Георгиевич.

— Не знаю, поймете ли вы... — Ветров посмотрел в потолок, в окно, словно размышляя, стоит ли делиться со следователем. — Это слишком специальная область...

— Постараюсь понять, — заверил Гольст.

— Видите ли, — после некоторого колебания серьезно продолжал Ветров, — я пришел к истине, которую давно бы уже надо было понять. Чтобы особенно не распространяться, попробую объяснить коротко. Я считаю, что человеческий род обременен ненужными особями, существование которых не только бесполезно, но и вредно. Как только человеком выполнена его видовая функция, то есть произведено потомство, родительский организм уже не нужен и должен сойти со сцены.

— Вы считаете, что пожилые и старики не имеют права на жизнь? — уточнил следователь.

— Если хотите, именно так. Кстати, в мире животных в естественных условиях у всех видов взрослые особи, как только у них завершится детородный процесс в организме, тут же погибают. В этом заложен главный экологический и эволюционный смысл. Упрощается конкурентная борьба за источники питания и обеспечивается своевременная смена поколений. А что у людей? Если раньше, ну, еще каких-то двести-триста лет назад, средняя продолжительность жизни была ниже того возраста, когда организм прекращал свою детородную функцию, то теперь — значительно выше. Мужчины и женщины в цивилизованных странах живут семьдесят и более лет. В их руках находятся не только основные материальные ценности: деньги, движимое и недвижимое имущество, — но и реальная власть. Их взгляды, разумеется, консервативны по сравнению со взглядами представителей следующих, идущих им на смену поколений — детей, внуков. Я уже не говорю, что они должны есть, одеваться и так далее. Это само собой разумеется. Бремя для общества огромное. Но глав-

ное — их существование тормозит прогресс, что, пожалуй, трудно, даже невозможно оценить в деньгах. Самое страшное, что возрастной потолок все время поднимается. Из этого со всей очевидностью вытекает, что развитие общества будет замедляться. Естественная смена поколений становится все более и более мучительной, болезненной. Новые идеи, которые движут вперед нашу цивилизацию, все чаще натываются на сопротивление... Я выражаюсь достаточно ясно? — вдруг спросил Ветров.

— Вполне, — кивнул Гольст.

— Как я уже сказал, — продолжал Ветров, — в животном мире сход со сцены старших, отживших поколений заложен в генетическом коде. Выполнил свою функцию — умирай. Но то, что у животных регулирует сама природа, человечество должно делать с помощью разума. Можете себе представить, какие кардинальные перемены принесет то, что я предлагаю! С исторической точки зрения это будет настоящая революция! Во всем! В социальном плане, в промышленности, в искусстве... Мир резко двинется в своем развитии вперед.

Ветров стал рисовать перед Гольстом картину поистине неземного рая, который наступит, если его «идею» воплотить в жизнь.

«Бред какой-то, — думал Владимир Георгиевич. — Неужели он все это серьезно? Или это симуляция болезни? А может, он действительно сумасшедший?»

— Не думайте, что мои выводы не имеют научного базиса, — сказал Борис. — Геронтологию, то есть науку о старении, я изучил довольно основательно. Очень много дали мне труды профессора Аршавского. Это один из авторитетнейших наших ученых в области изучения возрастной физиологии человека и животных. Правда, Аршавский занимается проблемой продления человеческой жизни. Но я пришел к выводу, что этого-то как раз и нельзя делать ни в коем случае.

Борис печально усмехнулся.

— Достижения медицины имеют и обратную сторону медали. Я уверен — и это мое кредо: разрешать жить особям после выполнения ими основной задачи, то есть после того, как они родили новое поколение, — это значит рубить сук, на котором сидишь. — Ветров замолчал.

— Выходит, вы считаете, что всех людей после определенного возраста надо убивать? — спросил Гольст.

— Вы меня не так поняли, — спокойно ответил Ветров. — Я изложил вам суть, принцип, что ли... Надо вернуть человечеству то, что оно утратило в процессе эволюции. Короче, заложить в его гены то, что происходило с человеком раньше, когда он был животным, то есть умирание по окончании детородной функции. Воплощение моей идеи стало теперь возможным благодаря достижениям генетиков, в частности генной инженерии. Научную сторону вопроса я и хочу изложить в записке, чтобы послать в соответствующий компетентный орган — в Президиум Академии наук. Для доказательства того, насколько я убежден в правоте и чрезвычайной актуальности своей идеи, я решил начать с себя...

— Не с себя, — поправил следователь, — а с родителей.

— Да, — кивнул обвиняемый. — Но сами понимаете, отважиться на такой шаг тоже непросто... Конечно, подобный метод груб и, разумеется, не может быть принят. Но еще раз повторяю: на основе самых последних достижений генетической науки вопрос можно решить самым гуманным способом. Особь будет умирать сама по себе. Кстати, моя идея по своей сути глубоко человечна. Старость ведь не что иное, как болезнь. Страдания старости тяжелы не только для окружающих, но и для самого индивида. Уж лучше уходить из жизни, минуя недомогания и немощи. Так что, как вы могли понять, убил я родителей, сообразуясь со своими принципами.

— А сестру? Она ведь еще ребенок, только-только вступала в жизнь. Как-то не согласуется с вашей концепцией.

Ветров не ответил. Владимир Георгиевич снова спросил, зачем Борису понадобилось убивать сестру.

Тот провел рукой по лицу и негромко произнес:

— Что-то неважно себя чувствую. Устал, наверное...

— Просто вам нечего ответить, — заметил следователь. — Скажите, когда у вас созрел план преступления?

— Я не считаю это преступлением, — возразил Ветров.

— Хорошо, когда вы поняли, что готовы воплотить в жизнь вашу «идею»?

— Окончательно — в начале августа.

— После вашего возвращения из Москвы и неудачного сватовства к Макаровой? — уточнил Гольст.

— В начале августа, — повторил обвиняемый, игнорируя замечание следователя. — А непосредственно осуществлять ее я начал семнадцатого августа.

— В каком смысле — осуществлять? — спросил Гольст.

— Семнадцатого августа, за четыре дня до убийства Ларисы, я вырыл в погребе на даче яму. Дома в это время никого не было: мать и сестра уехали в город, отец возился на участке. Я спустился в погреб, взял с собой лопату-саперку и простыню, которую привез из города...

— Зачем простыню?

— Чтобы складывать на нее землю из ямы. Ведь на глубине она влажная и могла бы оставить на грунте в погребе мокрое пятно.

— Вы хотите сказать, что заранее приняли меры к сокрытию преступления?

— Еще раз повторяю, я не считаю это преступлением, — сказал Ветров и продолжал: — Я вырыл яму глубиной приблизительно метр двадцать. А когда закрывал крышку люка, то вставил в щель бумажку, половину листа из тетради...

— Для чего?

— Чтобы знать, лазил кто в погреб, видел ли мои приготовления или же нет, — спокойно объяснил Ветров. — Осуществил я свое намерение в отношении сестры, как вам уже известно, двадцать первого августа. Мать продавала цветы в городе, отец работал на участке. Я точно знал, что он будет там не меньше часа.

— Когда ваш отец вышел в сад?

— В половине восьмого вечера. Я позвал в свою комнату Ларису и... — Борис замолчал.

— Ну, продолжайте, — попросил следователь.

— В общем... лишил ее жизни...

— Задушил руками?

Ветров молча кивнул.

— Дальше?

— Убедившись, что она уже не дышит, я перенес ее в подвал и положил в приготовленную яму. Туда же бросил ее красные туфли, в которых она обычно выходила на улицу, и две настольные игры. Закопал яму песком, который

лежал на простыне, а простыню свернул и отнес на чердак. Через несколько дней я отвез ее в город. Отец, как я и предполагал, вернулся через час, то есть в половине девятого...

Дальше следовал рассказ о том, что уже было известно: как вернулась из города Надежда Федоровна и начались поиски девочки. При этом, по словам Бориса, он умело разыграл нешуточную тревогу и сам активно участвовал в поисках сестры.

— Почему вместе с телом сестры вы закопали ее красные туфли и настольные игры? — задал вопрос следователь.

— Чтобы создать впечатление, будто она пошла играть к подруге, прихватив с собой коробки, — ответил Ветров.

— В тот вечер соседи нашли в поселке носовой платок Ларисы. Это вы подбросили его?

— Нет, — ответил обвиняемый, — он не принадлежал моей сестре. Но родители приняли его за платок Ларисы, а я не возражал. Даже обрадовался: это обстоятельство было мне на руку, так как выходило, что Лариса действительно гуляла вечером на улице...

Уточнив все детали, следователь перешел к выяснению обстоятельств убийства родителей. Борис признался, что сразу после «исчезновения» сестры стал склонять отца к самоубийству, старательно подогревал его отчаяние. Вел он подобные разговоры и с матерью. Доказывал, что после гибели Ларисы им уже нельзя жить со спокойной совестью. Все они виноваты в том, что с ней случилось нечто страшное, и так далее и тому подобное...

— Если бы они действительно покончили с собой, — пояснил Борис, — то избавили бы меня от тяжелого бремени — совершить еще два убийства. Но они на это не пошли. И мне ничего не оставалось, как осуществить свое намерение...

Ветров подробно рассказал, как готовил окружающих, в частности Ольгу Каменеву, к тому, что в его семье возможна еще одна беда. И все потому, что отец — шизофреник. При этом сам Борис не переставал играть роль убитого горем брата, совершенно потерявшего голову из-за исчезновения Ларисы.

За три дня до убийства родителей Борис перенес ружье в их спальню. Предварительно он попытался определить,

как может человек выстрелить в себя сам из ружья? И пришел к выводу, что это можно сделать при помощи веревки, перекинутой через приклад. Веревку он приготовил тоже заранее.

— Вечером тридцать первого августа мы все играли в карты, — рассказывал обвиняемый. — Я, Ольга, отец и мать. Около одиннадцати часов родители пошли спать. Мать, как я уже говорил, в последнее время не могла засыпать без снотворного. В тот вечер я незаметно подсыпал ей в стакан с водой тройную дозу люминала. Отец засыпал и так. Значит, они ушли к себе, в спальню, Ольга легла в моей комнате, а я — в большой, на диване. Скоро я услышал храп родителей и пришел к Ольге...

— Она уже спала?

— Задремала. У нас была близость, — спокойно и цинично рассказывал Ветров. — Я сделал это намеренно. В случае разбора милицией случившегося у Ольги могли взять соответствующие мазки. Это послужило бы доказательством того, что мы были вместе. Затем я вернулся в большую комнату. В начале четвертого я зашел к родителям. Они крепко спали. Я снял со стены ружье, приладил веревку... Отца и мать я видел отчетливо: в окно падал свет от уличного фонаря. Первым выстрелом я убил отца, потом мать. Затем побежал к Ольге. Дальше вы знаете.

По словам Ветрова, утром он понял, что допустил несколько оплошностей.

В частности, сказал следователю районной прокуратуры, что дверь в спальню была закрыта. Испугало Бориса и то, что на майке и трусах у него оказались брызги крови. Но его просчеты не были замечены... Не лучшим образом была проведена и первая судебно-медицинская экспертиза (позже это явилось предметом особого обсуждения в прокуратуре области).

Когда дело о гибели супругов Ветровых было прекращено, Борис уверовал в то, что ему удалось скрыть содеянное.

Последующая отмена постановления о прекращении дела явилась для убийцы полной неожиданностью. Вот почему его больше всего беспокоило, не проговорится ли Ольга о том, что в роковой час он находился в другой комнате. Не давал Борису покоя и труп сестры в погребе. Он

даже намеревался перезахоронить тело Ларисы где-нибудь в лесу.

После допроса Гольст выехал с обвиняемым на место происшествия. Ветров снова повторил свой рассказ об убийстве сестры и родителей, показав, где и как это произошло. Выезд на место происшествия сопровождался киносъемкой и звукозаписью.

Покушение на самоубийство, а также «идея» Ветрова ставили под сомнение его психическое здоровье. Слишком уж бредовые мысли высказывал он.

Возникал вопрос: это плод больного воображения или намерение ввести следствие в заблуждение? Ответ могли дать только специалисты. Гольст вынес постановление направить подследственного в Москву в Институт судебной психиатрии имени Сербского на стационарное обследование.

Комиссия врачей-психиатров пришла к единодушному выводу: Ветров здоров, а его «открытие» — попытка симулировать психическое заболевание.

С этой же целью он покушался на жизнь своего сокамерника, а также якобы пытался покончить с собой. Потом Ветров признался, что полез в петлю, лишь когда услышал за дверью камеры приближающиеся шаги надзирателя. Расчет, что надзиратель увидит его висящим и тут же спасет, оправдался.

Таким образом, надежда Ветрова на то, что его признают невменяемым, рухнула.

— Назовите истинные причины и мотивы вашего преступления, — попросил Гольст на первом же допросе после возвращения Ветрова из Института имени Сербского.

— Вы их отлично знаете, — ответил обвиняемый. — В моем дневнике, который вы так хорошо изучили, есть ответ и на этот вопрос.

— «Жизнь питается жизнью», — процитировал Владимир Георгиевич. — «Ешь других или тебя съедят». Так?

— Вы правильно поняли меня, — подтвердил Ветров и привел еще одно выражение из своей тетради: — «В мире побеждает только сильный». У меня в жизни все было запрограммировано. Я отлично знал, что уже в тридцать лет буду жить в Москве, иметь ученую степень, если не доктора, то кандидата наук обязательно...

— Ну а уж квартира, дача, машина — само собой разумеется, да? — подсказал Гольст.

— Естественно.

— Скажите, Борис Александрович, что означают следующие записи в вашем дневнике: «Фрау», «Днепр», «Рентген», «Каланча», «Цыганка»?

— Очень просто, — ответил обвиняемый. — Под шифром «Фрау» я имел в виду дочь заместителя заведующего облздравотделом. «Днепр» — дочь ректора нашего института. «Рентген» — это Ольга Каменева...

— Ваша жена, о которой вы сначала думали, что она внебрачная дочка проректора? — уточнил следователь.

— Да, — кивнул Борис. — «Цыганка» — дочь председателя горисполкома. А «Каланча» — Алиса Макарова. Прежде чем познакомиться с девушкой поближе, я узнавал, кто она, может ли быть кандидаткой в жены.

— Вы хотите сказать, будет ли выгодна для вас женитьба? — спросил Гольст.

— Совершенно верно: поможет ли этот брак продвижению по службе.

— Через будущего тестя?

— Да. Когда попытки жениться на «Фрау», затем на «Днепре», «Цыганке» и «Каланче» кончились неудачей, — продолжал Ветров, — я понял, что могу рассчитывать только на себя. Конечно, я не отбрасывал совсем мысль о выгодной женитьбе. Отнюдь. Но время подпирало. Как вы знаете, осенью я должен был поехать на практику в маленький провинциальный городок. Как правило, туда же распределяют на работу после окончания института. Чтобы вызвать к себе сочувствие и добиться отмены этого распределения, я решил первым делом убить Ларису. Но, совершив это, понял, что ее исчезновение не поможет мне в достижении намеченной цели. Тогда-то и возникла мысль убить родителей.

— А заодно стать наследником всего их имущества, — добавил Владимир Георгиевич.

— В общем, так, — не очень охотно подтвердил Борис.

Подтвердил потому, что деваться было некуда: об этом со всей убедительностью свидетельствовали факты.

И все-таки смириться со своим поражением Ветров не мог.

— Я почти достиг своего, — после некоторого молчания заявил он. — Согласитесь, все было задумано и сделано точно. Если бы не мои отдельные промашки... — Он досадливо поморщился.

— А вот в этом вы, Борис Александрович, глубоко заблуждаетесь, — возразил Гольст. — Ваши планы с самого начала были обречены на провал.

— Это почему же? — усмехнулся Ветров.

— Почему? Ваши жизненные установки в корне неверны. Не хотелось бы вспоминать ваших родителей... Они и так горько поплатились за свои ошибки...

— Они тут ни при чем, — нахмурился Ветров.

— Увы, очень даже при чем. Вы воспитывались в атмосфере меркантильности, поклонения деньгам, презрения к чести и совести... И все качества, которыми вы были наделены от рождения, — недюжинный ум, воля — подчинили губительной цели: стать выше всех, добиться заслуг и материальных благ за счет других, — сказал Гольст. — Но не вы первый... И дай Бог, чтобы стали последним. Мораль, подобная вашей, приводит и неизменно будет приводить к краху всех, кто встанет на такой путь. Потому что вы — против жизни. А значит, и жизнь — против вас...

Дело по обвинению Бориса Александровича Ветрова в убийстве своей сестры, отца и матери было передано в областной суд. Ветров признан виновным и приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

ИНСПЕКТОР МИЛИЦИИ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Окно моего кабинета выходило на площадь центральной усадьбы колхоза. Из него видны почта, столовая, магазин сельпо, клуб, тир и асфальтированная дорога, пересекающая станицу Бахмачеевскую, что стала местом моей первой службы.

Бросая взгляд на улицу, я почти всегда видел Сычова — моего предшественника, ушедшего с поста участкового инспектора милиции совсем не по своему желанию и теперь обслуживающего днем тир, а вечером кинопередвижку клуба. Сидя на корточках возле тира, он частенько ожидал, когда в магазине начнут продавать спиртные напитки.

Я не испытывал к Сычову никаких плохих чувств, хотя и знал, что его разжаловали и уволили. За что — мне в РОВД толком не объяснили. Говорили, что он большой любитель свадеб и поминок, которые привлекали его из-за этого самого спиртного. Как относится ко мне он, я понял довольно скоро. Но об этом я еще расскажу.

Одно из первых впечатлений в Бахмачеевской — медвяный запах, волнами прокатывающийся по станице, перемежающийся со степным запахом горьковатого настоя полыни и чебреца.

В первый же день моей работы ко мне вошла Ксения Филипповна и, переставив графин на стол, отсыпала из кирзовой черной сумки на пластмассовый поддон гору крупных, сладких и ароматных жердел¹. Бархатистые желтые плоды, с перетяжкой посередине, словно светились

¹ Мелкий абрикос (*местн.*).

изнутри. И в комнате, выкрашенной темно-защитной масляной краской, вспыхнуло солнце, зазвенели тысячи пчел.

— Угощайтесь, Дмитрий Александрович.

Я сразу почувствовал себя мальчишкой, которому посторонняя тетя невесть за какие заслуги преподнесла палочку эскимо.

— Что вы, спасибо!.. Неловко как-то...

— Какая может быть неловкость? Нынче урожай на них дюже богатый. И сушу, и варенья внукам наварила, а сняла едва половину. Принесла вот, пусть полакомится кто зайдет. Вы бы сами рвали с дерева, стесняться нечего.

Дверь Ксении Филипповны Ракитиной напротив моего кабинета. И как ни выглянешь — всегда настезь.

Добрая пожилая женщина — председатель исполкома сельсовета. Взгляд у нее нежный, ласковый. И даже с какой-то жалостинкой. Так смотрел на меня только один человек — бабушка, мать отца. И взгляд этот смущает меня до слез.

Когда я ехал в Бахмачеевскую, в колхоз имени Первой конной армии, в РОВД сказали, что исполком сельсовета выделит мне комнату для жилья. Ракитина решила этот вопрос очень быстро. Она предложила поселиться у нее, в просторной, некогда многолюдной хате, в комнате с отдельным входом.

Почему-то мне все время кажется: вот-вот Ракитина подойдет, положит мне на голову свою руку, легкую, сухую и теплую, как рука бабушки, и скажет бабушкиным голосом: «Ну, Димка-невидимка, досталось тебе на орехи? А ты не сердчай на своих рожателей (это об отце и матери), у них свои законы. А у нас — свои...»

Мне всегда хочется сквозь землю провалиться, потому что председатель сельисполкома в пух и прах разбивает весь запас солидности, который я с великим трудом собираю каждое утро, чтобы принести в свой кабинет вместе с тщательно выглаженной мышиного цвета формой, вычищенной фуражкой и погонами младшего лейтенанта.

Ксения Филипповна садится на стул и смотрит на меня. Ну точь-в-точь моя бабка, когда с полной тарелкой румяных пирожков, которые надулись так, словно вдохнули в себя воздух и не могут выдохнуть, пристраивалась на мою постель воскресными утрами.

Я невольно беру жерделу и надкусываю.

— Как идут дела, Дмитрий Александрович? — Ее пальцы собирают на сукне, покрывающем мой стол, мельчайшие соринки, бегают проворно и быстро.

— Спасибо, ничего.

Удивительно вкусно, черт возьми! Хочется есть и есть золотистые, тающие во рту плоды. Но я смотрю в окно и серьезно говорю:

— Я тут составил план кое-каких мероприятий. Хочу ваше мнение узнать. Надо порядок наводить...

— Что ж, — говорит Ксения Филипповна, — давайте ваш план, посмотрим. Действительно, порядок бы навести неплохо. — Она чуть-чуть улыбается. А я краснею.

Сычов вышел из сельпо. Карман его брюк оттопырен. Я машинально взглядываю на ручные часы. Пять минут двенадцатого. Он нырнул в темную пещеру тира и растворился в ней.

Мои мысли снова переключились на магазин, потому что из него вышел длинный парень в майке и синих хлопчатобумажных штанах до щиколоток. Бутылку он нес, как гранату, за горлышко.

Парень, пригнувшись, заглянул в тир и так же провалился в темноту...

— Я у вас почти месяц и поражаюсь: не продавщица, а клад... Спиртные напитки продает, как положено, — ровно с одиннадцати.

Ракитина кивнула:

— Дуже дисциплинированная Клавка Лохова. До нее мы просто измучились. Чуть ли не каждый месяц продавцы менялись. То недостача, то излишки, то левый товар. Хорошо, напомнил, надо позвонить в райпотребсоюз, чтобы отметили ее работу. Она у нас всего полгода, а одна только благодарность от баб. Вот только мужик у нее работать не хочет. Здоровый бугай, а дома сидит. Ты бы, Дмитрий Александрович, поговорил с ним. В колхозе руки ой как нужны.

— Обязательно, — ответил я. — Сегодня же.

Честно говоря, те дни, что я служу, просто угнетали отсутствием всяких нарушений и крупных дел. Не смотреть же все время в окно?

И вот опять мелочь — тунеядец. Странно, почему Сычов не призвал к порядку этого самого Лохова.

— Я тут подумала — бандура у меня без дела стоит, — сказала Ракитина. — Возьми домой, в свою комнату, все веселей. Оформим распиской. На время.

Сначала я не понял, о чем речь.

— Радио, говорю, стоит. Мне не нужно.

Так вот о чем! У нее в кабинете красуется старый приемник «Беларусь», занимая чуть ли не полкомнаты.

— Нет, нет! — отрезал я категорически. — Вещь казенная и пусть в общественном пользовании...

— Чудак! Для красоты стоит. Я не пользуюсь. А в клубе есть.

Выручает меня телефон. Он звонит отрывисто и хрипло в комнате напротив. Никто не подходит, так как Оксана, секретарь исполкома, укатила в Москву сдавать летнюю сессию в заочный юридический институт.

Ксения Филипповна уходит.

Я облегченно вздыхаю. И машинально начинаю глотать жерделы одну за другой. Мне жалко эту женщину, потому что в Бахмачеевской она живет одна. Четверо ее детей с внуками разъехались. Она заготавливает нехитрые крестьянские гостинцы и отправляет им с любой подвернувшейся оказией. Но, с другой стороны, ее отношение ко мне, как к маленькому, начинает беспокоить меня. Не подорвет ли это мой авторитет?

Ох уж эти двадцать два года! Я бьюсь изо всех сил, чтобы походить на настоящего взрослого мужчину. Но природа меня крепко подвела. Этот младенческий румянец, ямочка на правой щеке, кадык, как зуб у курицы. Но самое большое предательство совершили по отношению ко мне мои собственные усы.

Вы можете себе представить черного, как смоль, брюнета с редкими ржавыми усами? Это, увы, я. А без них нельзя. Потому что верхняя губа у меня вздернута, как у капризной девчонки. Вот и обходишь после этого без усов. Нет, я о них давно мечтал. Пусть хоть редкие, но все же усы. Солидно...

Теперь телефон звонит у меня.

— Участковый инспектор милиции слушает, — отчеканил я.

— Забыла сказать, Дмитрий Александрович... (Я не сразу догадываюсь, что это Ксения Филипповна. Ее голос

слышно не в трубке, а через дверь.) Когда вы вчера уезжали в район, к вам тут Ледешко приезжала с жалобой.

— Какая Ледешко?

— Из хутора Крученого. Я пыталась поговорить с ней, да она и слышать не хочет. Вас требует. Говорит, грамотный, разберется. — Ракитина засмеялась. — И приказать может.

— Я был на оперативном совещании в райотделе. А заявление она оставила?

— Нет. Сказала, сама еще придет.

— А какого характера жалоба?

— Насчет бычка...

В трубке смешок и замешательство. Потом:

— Вы сами разберетесь. Баба настырная. С ней посерьезней.

— Спасибо.

Через пять минут Ксения Филипповна заглянула ко мне.

— Будут спрашивать, я пошла до почты. Сашка, внучек, школу закончил. Надо поздравить.

— Конечно, Ксения Филипповна. Скажу.

Я видел, как она спустилась с крыльца и пошла на больных ногах через дорогу. И понял, почему насчет Ледешко она звонила: ей было трудно лишний раз выбирать-ся из своей комнаты.

Трудно. Но не для внука.

...Вернулась она скоро. Я, заперев свою комнату, вышел на улицу. Закатил в тень старой груши свой новенький «Урал», еще с заводскими пупырышками на шинах, и медленно направился к магазину.

Сычов с приятелем сидели на корточках по обе стороны входа в тир. Над ними вился сизый дымок местного самосада, духовитого, пахнущего сеном.

Вообще мне было странно, что многие бахмачеевцы курили самосад. Даже некоторые молодые ребята предпочитали его папиросам и сигаретам.

Сычов напряженно ждал, поздороваюсь я с ним или нет. Я поздоровался. Он медленно поднялся с корточек и протянул руку.

— Осваиваешься, младший лейтенант?

— Знакомлюсь, — ответил я.

— Ну и как, власть? — расплылся в улыбке парень в майке, тоже суя мне руку лопаточкой.

— Нормально. — Пришлось поздороваться и с ним.

Им хотелось поговорить. Но я проследовал дальше.

Станица раскинулась на двугорбом холме. Она казалась островком среди безбрежных серебряных волн степи. Аккуратные белые хатки утопали в сумбурной зелени слив, жердел, вишен. Странные деревья — перекрученные стволы, изогнутые во все стороны ветки. В палисадниках, кое-где оперенных тополями, таилась прохлада. Но и туда, в уютную тень, проникал ветер, непрерывно сквозивший по станице. Теплый, сухой июньский ветер, настоенный на полыни, несущий пыль, пыль и пыль, от которой некуда укрыться.

В магазине тускло светила лампочка и стоял аромат хозяйственного мыла, керосина, дешевого одеколona и железа. Здесь торговали всем сразу — и хлебом, и галантереей, и книгами, и гвоздями, и даже мебелью.

Продавщица Клава, сухопарая, лет тридцати пяти, с большим ртом и глубокими, как у мужчины, складками возле уголков губ, болтала с двумя девушками. Увидев меня, она приветливо улыбнулась.

Девушки притихли. Стрельнули в меня любопытными взглядами.

Одну из них я знал. Вернее, сразу заметил из моего окна. Она работала в клубе. В библиотеке. Стройенькая, ладненькая, беленькая. Теперь я впервые видел ее так близко. Бог ты мой, и бывают же такие синие глаза! Васильки во ржи...

Клава продолжала говорить. И беленькую называла Ларисой.

В магазин ворвался мальчишка лет двенадцати. Он положил на прилавок несколько монет.

— Чего тебе? — бросила продавщица, мельком взглянув на меня.

— Три пачки «Памира».

— Не дорос еще.

— Не мне. Батьке...

— Пусть батька и придет.

Парнишка стушевался. Собрал гривенники и, растерянно озираясь, вышел на улицу.

Я рассматривал допотопный трехдверный шифоньер, большой и пыльный, загородивший окна магазина.

— Берите, младший лейтенант. Недорого возьму, — сказала Лохова.

— Пока не требуется, — спокойно ответил я.

— Кур можно держать, — не унималась Клава. — На худой конец — мотоцикл...

Девушки прыснули. Я не знал, что ответить. Похлопал по дверце шкафа и сказал:

— Сколько дерева извели...

— Всю зиму можно топить! — вздохнула Лохова. — Завозят к нам то, что в городе не берут. Разве колхозники хуже городских? Им даже лучшее полагается за хлебушек...

Девушки вышли, и мы остались с продавщицей одни.

— Правильно вы говорите, — подтвердил я.

— А то! — обрадовалась Клава. — Вон, люди недовольны, думают, я товары сама выбираю...

— Неправда, люди вами довольны, товарищ Лохова, — улыбнулся я. — Всем довольны. Но есть одна загвоздочка...

— Что еще? — насторожилась Клава.

— Вы, я вижу, женщина работающая. А муж ваш...

Лицо Клавы стало суровое. Значит, не только я говорю ей об этом.

— А что муж? — вспыхнула она. — Что вам мой Тихон сделал плохого?

— Ничего плохого, — сказал я как можно миролюбивее. — Только ведь у нас все работают. В колхозе рук не хватает.

— У вас есть жена?

— Нет, не обзавелся еще.

— Тогда другое дело, — усмехнулась она, как бы говоря, что я ее не пойму. — Может быть, он больше меня вкалывает.

— Это где же?

— Дома, вот где! И обед приготовит, и детей накормит, а у нас их трое. Приду с работы, руки отваливаются, а он на стол соберет, поухаживает.

— Несерьезно вы говорите, товарищ Лохова. Это не дело для мужчины.

— Почему же не дело? Вон жена Павла Кузьмича, парторга, кровь с молоком, а дома сидит. Павел Кузьмич мало

что на работе мотается, еще и за коровой приглянет и хату сам побелит. А поглядишь — в чем только душа держится?

— Одно дело — помогать жене по хозяйству, а другое — только этим заниматься. У нас по закону все мужчины должны работать.

— У нас по закону равноправие, — отпарировала Клава. — Чи мужик деньги в дом несет, чи баба, не важно, стало быть.

— Нет, важно.

— Так что, товарищ участковый, прикажете тогда мне работу бросать? Я несогласная. Работа моя мне нравится, сами говорили, люди довольны. А какую пользу в колхозе мой Тихон принесет, еще по воде вилами писано. Уж лучше пускай дома сидит. Моей зарплаты нам хватает. И мужик он вдобавок такой, каждой бабе пожелаю.

Я не знал, что ей возразить. Хорошо, в это время зашла за покупками какая-то бабка.

— И нечего записывать его в тунеядцы, — закончила Клава. — Нассонову я тоже об этом сказала. И всем скажу...

Я поспешил на улицу.

— Зеленый... — проскрипела мне вслед старуха. Я это услышал и выругался про себя. А та добавила: — Но симпатичный.

Тоже ни к чему, раз речь идет об официальном лице.

Я пошел к сельисполкому, размышляя о словах Лоховой. Действительно, придраться к ней было трудно. Рассуждала она логично. Как поступать в таких случаях? Не знаю. Но поговорить с Тихоном надо. Только с умом. Чтобы не растеряться, как вот только что в магазине. Хорошо, что девушки не присутствовали при нашем разговоре.

Я оглянулся. Лариса стояла около клуба и с откровенным любопытством смотрела в мою сторону, козырьком приложив руку ко лбу.

Интересно, Ксения Филипповна видела, что я был у Клавы? Только бы не стала расспрашивать.

...Не успел я пережить свою неудачу, как ко мне в кабинет зашла решительного вида старуха и без приглашения прочно устроилась на стуле.

— Здрасте, товарищ начальник. Слава богу, вы теперича тут порядок наведете. Нет на них управы! — погрозила она куда-то пухлым кулачком. Потом развернула чистень-

кий, беленький платочек и положила на стол потертый на сгибах лист.

Документ удостоверял: колхоз заключил настоящий договор с Ледешко А.С. о том, что принадлежащий ей бугай симментальской породы, по кличке Выстрел, находится в колхозном стаде для производства племенного молодняка, за что Ледешко А.С. положена плата...

Значит, это о ней говорила мне Ксения Филипповна.

Я внимательно слушал моего первого жалобщика.

— Видите, мы не какие-нибудь сбоку припека, а государственно оформлены, — сказала она.

— Ну а жалоба-то у вас какая?

— Я уже тут, в этом кабинете, столько бумаги извела — пропасть. Ничего, вы разберетесь как следует. А то кое-кому Крайнихино вино голову затуманило...

— Товарищ Ледешко, — строго сказал я, — изложите суть дела.

— Наизлагалась во! — провела она ребром ладони по своему горлу. — Крайнихина Бабочка — корова рази? Тьфу, а не корова! Ни молока, ни мяса...

— Кто такая Крайниха и какие претензии вы к ней имеете?

— Суседка моя, Крайнова. Завидно небось, что мой Выстрел в стаде законно, а ее коровешка без всякого права. Покалечила она моего бугая.

— Зачем гражданке Крайновой калечить быка?

— Да не она, а Бабочка, стало быть, корова ейная.

Я начал терять терпение.

— Ну и что?

— Как что? Пушай платит эту самую конфискацию.

— Компенсацию, вы хотите сказать?

— Нехай буде конписацию. Уж больно бодучая Бабочка.

— И сильно покалечила? — спросил я.

— Чуть не полбока разодрала...

Вот чертовщина, ну и задала мне бабка задачу!

— Как вы думаете, был тут злой умысел?

— А поди разберись, корова не человек. Бабочка всех без разбору калечит.

— Значит, у вашей соседки Крайновой умысла не было? Как же требовать с нее компенсацию?

— Но сам факт покалечения имеется!

— А Крайнова при чем? — Я не удержался и повысил голос.

Ледешко насупилась.

— И вы, значит, заодно с ними... — Она стала заворачивать в платочек договор с колхозом. — Ладно. В район поеду.

Еще не хватало! Представляю, какой смех будет в РОВД. Нет, отмахнуться от старухи нельзя. Придется разбираться.

Я вздохнул.

— Хорошо. Пишите заявление.

Ледешко уселась за бумагу с явным удовольствием.

— И еще этот Чава.

— Какой Чава?

— Пастух.

— Это его имя или фамилия?

— Вроде клички.

— Клички только у животных бывают. Люди имеют имя и фамилию, — сказал я как можно строже.

— Сергей Денисов, — поспешно поправилась Ледешко. — Цыган, между прочим...

— Цыгане, русские — все равны.

— И я так же думаю, товарищ начальник, — подхватила жалобщица. — Все и должны держаться наравне. А то, например, ежели ты цыган — тебе лошадь можно иметь и без налога. Вроде бы цыгану лошадь с рождения полагается. А другим до последнего времени было так: имеешь скотину — плати налог.

— Теперь и вы можете иметь лошадь. Без налога.

— А на шо она мне?.. Так Чава этот изводит моего бугая. Сами, говорит, гоните его в стадо. А за что, спрашивается, ему колхоз денежки платит? Между прочим, их личная корова тоже в колхозном стаде.

Наконец Ледешко ушла. На душе было грустно. «Ну, Дмитрий Александрович, тебя можно поздравить с первым делом! Здесь тебе и мучительные ночи над разгадкой рокового преступления, и погоня за хитрым, коварным и опасным преступником...»

А какие мечты роились в моей голове четыре года назад! В зеленом Калининe, с трамваями, троллейбусами, с Волгой, одетой в бетонные берега.

И мечты эти начались с той набережной, в тот октябрьский вечер, когда я принимал участие в задержании преступника.

Была ночь с ворохом скрипучих осенних листьев под ногами, густая маслянистая река и таинственные фонари, легонько раскачивающиеся на ветру. По ту сторону реки уже спали дома.

Как сейчас, помню волнение, когда двое оперативников скрутили здорового, мрачного детину. Я помогал всем, чем мог. Вот где пригодился мой разряд по самбо.

Мы отвели его к серому «москвичу».

А потом я, распираемый гордостью, шел домой из отделения милиции. Меня, затаив дыхание, слушала бабушка и все подставляла то котлеты, то хлеб, то яблоки. Мы просидели с ней на кухне часа три.

Мои однокашники мучались, какой институт выбрать. А я уже твердо знал: моя профессия — следователь. И подал заявление в МГУ на юридический факультет.

Я до сих пор уверен, что срезался из-за глупого вопроса: сколько государств в Африке. Действительно, на кой черт надо человеку знать это? Да и знал ли сам почтенный профессор МГУ? Как это можно знать, когда они, наверное, возникают каждый день, каждый час. Во всяком случае, мне так кажется, когда я читаю газеты...

Потом было два года службы в армии. Но все-таки мне удалось учиться в Москве. Только не на улице Герцена, где юрфак, а в Черкизове. Сосватал меня в школу милиции кадровик из Калининского областного управления внутренних дел, заверив, что следователем можно стать и таким путем.

...И вот я достаю новую, чистую папку, вкладываю в нее заявление Ледешко и пишу: «Дело о...»

Долго и безрезультатно мучаюсь над дальнейшей формулировкой.

И первая папка ложится в сейф пока безымянной.

Чтобы разобраться с этим делом, надо съездить на хутор Крученный, расположенный в нескольких километрах от станицы.

Я посмотрел в настольный календарь, куда вносил пометки и разные записи. Так, на память. И для солидности.

Мне предстояло еще написать Алешке письмо. Это моя сестра Аленка, которую я так звал с детства.

И еще что-то будоражило меня. Да, зайти бы в библиотеку.

Но под каким предлогом?

Глава 2

Вечера здесь хорошие. Они мне понравились сразу. Нагретая за день степь прибоем накатывает на станицу теплый воздух, повсюду разлита благодать. И тишина. Ее лишь изредка нарушает сытое похрюкивание соседской свиньи в катухе¹ или далекий перебрех собак.

Выпив полмакитры² парного молока, доставляемого мне по договоренности соседкой, я усаживаюсь за круглый стол посреди комнаты, чтобы написать письмо Алешке. Ей четырнадцать, и мы крепко дружим. От нее я уже получил два письма. Надо скорее ответить. Родители тоже любят меня. Но я знаю, что им частенько не до сына. Прожили вместе двадцать три года, а до сих пор выясняют отношения. Как ни странно, связующим звеном у них была бабушка. И как только она умерла, у них начались неурядицы. Сперва меня это страшно огорчало, но потом привык. И даже затишье в доме выглядело как-то необычно. Во время семейных баталий мы с Алешкой создавали свою маленькую круговую оборону, и в наш мир никто не мог проникнуть. Как там теперь она одна?

Я вдохновенно написал две первые фразы и... запнулся. Врать не умею, а писать пока было нечего. Вернее, ничего особенного я сообщить не мог. Алешке же нужны были мои подвиги. Нужны были необычные дела, из которых я обязательно выхожу победителем.

На письма нужно свое вдохновение. А долг службы велел мне облачаться в форму и отправляться в клуб.

Прости меня, Алешка!

Я опять отложил письмо и, в мгновение одевшись, чинно прошествовал в клуб, провожаемый взглядами станичников, коротавших время на завалинках за лузганьем семечек.

¹ Хлев (*местн.*).

² Полкувшина (*местн.*).

Публика неторопливо прохаживалась возле клуба в ожидании киносеанса. Я для порядка заглянул во все закоулки. Ларисы не было.

Перед самым сеансом к крыльцу подскочил верхом на лошади молодой парень. Его чистая белая сорочка была плохо выглажена, брюки пузырились на коленях. И только сапоги сверкали зеркальным блеском.

Он чем-то сразу останавливал на себе взгляд. И когда лихо спрыгнул на землю, стало видно, как он выделяется среди ребят. Парни тоже были загорелые, тоже в белых рубашках. Но он отличался природной, более жгучей смуглотой. Густая шапка крупных кудрей, блестящие глаза и ослепительные зубы. Лед и пламень!

— Привет, Чава! — крикнул кто-то из ребят.

Цыган приветливо помахал рукой и, привязав к дереву коня, легко вбежал в клуб. Я зашел следом.

Вот, значит, каков Сергей Денисов, колхозный пастух. Мне хотелось подойти к нему и поговорить о жалобе Ледешко, но я понимал, что сейчас не время.

В фойе среди девушек не было той, которую я хотел увидеть.

Сергей Денисов тоже кого-то выискивал. Я скоро потерял его из виду, так как прозвенел третий звонок и зрители быстро заполнили зал.

Я устроился в углу. С первых же минут стало ясно, что в будке киномеханика что-то не ладно. Ну и портачил мой предшественник Сычов! Видать, не раз еще забегал он к Клаве в магазин.

В зале свистели, кричали, топали ногами. Экран то бледнел, то мутнел. Несколько раз зажигался свет. Женщина, сидевшая рядом со мной, не выдержала:

— Вы бы, товарищ милиционер, пошли разобрались. Мучение-то какое за свои же деньги...

Я вышел в фойе. И обомлел: в пустом помещении сидели двое — Лариса и Чава. Они сидели молча. Но это молчание было более чем красноречивым.

В аппаратную вход шел с улицы, по крутой железной лестнице. В бетонной темной комнатке щелкал проектор, глухо доносились из зала звуки кинокартины. На высоком табурете сидел парнишка лет пятнадцати, прильнув к окошечку в зал.

Я стоял молча, обдумывая сложившуюся ситуацию.

Значит, этот Чава приехал не ради кино, а к нашей библиотекарше? А вдруг нет? Мало ли что...

Парнишка слез с табурета и, увидев меня, вздрогнул.

— Где Сычов?

— Это самое... пошел...

Ему хотелось очень правдоподобно соврать.

— А ты кто?

— Помощник. — Он деловито открыл аппарат и стал заправлять ленту.

— Так где же Сычов?

— Отлучился. По нужде...

Разговаривать дальше было бессмысленно. Я спустился по гулкой лестнице. Возле входа в клуб дремал конь Чавы, изредка подрагивая лоснящимся крупом. Я стоял и смотрел через окно на Денисова и Ларису.

— А, младший лейтенант...

Сычов ощупывал стенку, боясь от нее оторваться.

— Нельзя же так хамски относиться к людям! — вскипел я.

— Не кричи! Ты мне в сынишки годишься.

— Я бы на вашем месте шел спать. Подобру-поздорову! — Это взорвалось во мне слово «сынишка».

Сычов смерил меня мутным взглядом. Что-то в нем сработало. Он взмахнул руками и, отвалившись от стены, поплыл в ночь, как подраненная ворона.

— Так-то лучше будет, — сказала возле меня тетя Мотя, уборщица клуба, она же контролер, и кивнула вверх, на аппаратную: — Володька сам лучше справится.

Что было до утра? Я написал Алешке письмо. Большое и очень нежное. Потому что мне было грустно одному под черным небом, под ветром, который дует из серебряной степи и уносится к серебряному горизонту.

Глава 3

Шесть часов утра. Вокруг — зелень, над головой синь небосвода и яркое солнце.

Особенно я не спешил. Мой железный конь, негромко пофыркивая двигателем, мягко катился по шоссе, над которым уже колыхалось зыбкое марево.

Почему-то вспомнились последние дни учебы в Москве, с ее шумными улицами, многоэтажными домами. А здесь, в станице, тишь да благодать. Вот уж никогда бы не мог предположить, что окажусь в подобном месте. Да еще с одной звездочкой на погонах вместо двух, как у большинства курсантов, закончивших учебу вместе со мной. Где они теперь, мои однокашники? Где-то сейчас Борька Михайлов? Из-за него я очутился в Бахмачеевской. История, прямо скажем, и комическая и неприятная. Послали нас весной на плодоовощную базу. Перебирать картошку. Это в порядке вещей, как бы шефская помощь. В общем, мероприятие само по себе веселое. Поставили нас вместе с девушками из какого-то института. Конечно, шуточки, смех. Время летело незаметно. В середине дня наш офицер зачем-то отправил Михайлова с базы, и он так до конца рабочего дня и не возвратился.

А когда мы выходили с базы через проходную, охрана проверяла сумки. У меня — портфель: не носить же в руках сверток с завтраком.

Раскрываю я портфель и даже глазам своим не верю — два длинных парниковых огурца. Их еще называют китайскими. Ну, разумеется, скандал. Клянусь, что я ни при чем, а охрана еще пуще: милиция, говорят, сама должна пример показывать.

Докатилось до нашего начальства. Стыдно вспоминать, сколько я выслушал назиданий. Как еще не отчислили...

Перед самым выпускным вечером я узнал, что огурцы мне подложил в шутку Борька Михайлов. А когда ему дали поручение, он смотался с базы, забыв меня предупредить. А потом уж дело так далеко зашло, что у Борьки не хватило смелости во всем признаться.

Я, конечно, не побежал ябедничать. Распрощались мы с Михайловым уже не прежними друзьями. Очень ему было передо мной неловко.

С тех пор я терпеть не могу огурцы.

...Я глянул в зеркальце и невольно улыбнулся. Сзади покорно тащились два грузовика, не решаясь меня обогнать.

Я обернулся. Молодой парень сосредоточенно крутил баранку. Я махнул рукой — проезжай, мол. Он некоторое время не решался прибавить ходу. Не доверял. Пришлось

прижаться к обочине и снова махнуть. Он слегка поддал газу и проскочил вперед.

Пропустив грузовики, я повернул на укатанную проселочную дорогу и невдалеке увидел хатки — хутор Крученый. За ним тянулась невысокая поросль дубков — полоса лесозащитных насаждений.

Хутор дугой обходил Маныч, окаймленный по берегам тугими камышами. Резвый «Урал» перемахнул мостик и затарахтел по единственной хуторской недлинной улочке.

Я проехал двор, в котором сидела... обезьяна. От неожиданности я затормозил и, заглушив мотор, попятился назад, отталкиваясь ногами от земли.

Макака (или другой породы, не знаю) сидела на утреннем солнцепеке на войлочной подстилке возле палатки с откинутым пологом. В ее старческих, слезящихся глазах стояла такая печаль, что хотелось заплакать. На обезьяне была стеганая безрукавка из ярко-красного ситца с цветочками, застегнутая на все пуговицы.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Она, вдруг испугавшись чего-то, трусцой бросилась к крыльцу хаты и стала колотить пепельно-черными кулачками в дверь.

Та отворилась, и на улицу вышел высокий мужчина в фетровой, повидавшей виды шляпе. Он слегка поклонился мне:

— Здравствуйте!

Я ответил на приветствие. Из-за его спины выглядывали две женщины — молодая и средних лет. А из палатки высыпало несколько смуглых босоногих ребятешек.

Все семейство смотрело на меня с любопытством и тревогой.

— Откуда у вас эта диковина? — спросил я.

Хозяин улыбнулся и погладил обезьяну, взобравшуюся ему на руки.

— Наш приемыш. Старик, как и я. Заходите, товарищ инспектор. На чай.

Сказал он это просто и приветливо, сказал так, что мне действительно захотелось зайти к ним.

— Мне надо поговорить с Денисовым.

Он обеспокоенно поднял брови. А женщины зашумелись.

— Я Денисов.

— Нет, мне Чаву... то есть Сергея.

— Натворил он что-нибудь?

— Гражданка Ледешко вот жалуется на Крайнову. Мне надо выяснить у него кое-какие подробности.

Обе цыганки о чем-то загалдели, размахивая руками. Денисов цыкнул на них, женщины умолкли и скрылись в хате.

Глава семейства спустился с крыльца и неторопливой походкой вышел ко мне, за ворота. Дети шмыгнули за ним и тут же облепили мотоцикл.

— Если вам очень нужен Сергей, поезжайте к лесопосадкам. Он там со стадом.

Притихшая макака смотрела на меня с укоризной, поглаживая сморщенной рукой седую бороду хозяина.

Я подумал о том, что не знаю еще деревенской жизни. Следовало самому догадаться, что скотину выгоняют в поле на заре.

Я поглядел на ряды дубков, начинающиеся сразу за околицей. Завел мотоцикл. Цыган уловил мой взгляд.

— Они недалеко ушли. Нэ, ашунес¹, — сказал он хлопчику постарше, — проводи дядю.

Мальчонка тут же побежал вперед по тропинке.

— Стой! — крикнул я. — Давай в коляску.

Он обомлел от такой перспективы.

— Садись, садись, — подбодрил его дед и кивнул мне: — Он вас прямехонько выведет.

И мы поехали, провожаемые завистливыми взглядами черных глазенок.

Зачем я ехал к Чаве? Можно было зайти к Крайновой, поговорить с ней, свести ее с Ледешко — и дело с концом. История ведь сама по себе вздорная. Но меня тянуло к молодому цыгану любопытство. А может быть, и какое-то другое чувство? Не знаю. Но мне захотелось познакомиться с Чавой поближе.

Мы проскочили полосу насаждений и выехали на луг, где паслись коренастые темно-красные буренки, прильнув мордами к траве. Я остановился, не заглушая мотора. Пацан сиганул из коляски и помчался по траве к лошади, которую я сразу не различил среди коровьих спин.

¹ Слушай (цыганск.).

И вдруг от стада отделился огромный рябой бугай.

Он приближался ко мне, задрав вздрагивающий хвост, свирепо изогнув шею и выставив вперед рога. Они у него хищно изгибались, отливая чернотой.

Бык остановился в нескольких метрах, глядя на меня застывшим, налитым кровью глазом. Я газанул, чтобы припугнуть его.

Он, оттолкнувшись от земли всеми ногами, так что из-под копыт взметнулись комья земли, бросился вперед, на меня.

Больше я не раздумывал и рванул мотоцикл с места. Сзади что-то ухнуло, затрещали, схлестнулись молодые дубки.

Со стороны, наверное, это было захватывающее зрелище. Я мчался по едва заметной тропинке, подсакивая на седле и выжимая из машины все, что можно. Трава билась о полированные бока «Урала», пучками застревала между коляской и мотоциклом.

В зеркальце я видел разъяренную морду быка, преследовавшего меня чудовищными прыжками. Попадись на моем пути хоть небольшая ямка, я взлетел бы вверх и не знаю, где приземлился бы...

Мне казалось, что преследование продолжалось вечность.

Я, не сбавляя скорости, миновал хутор, проскочил мост. На меня восхищенно смотрели трое пацанов, стоявших по колено в воде.

Я заглушил мотор и подошел к берегу, поглядывая в сторону лесопосадок. Там застыл бугай, довольный, подлец, тем, что спровадил меня из своих владений.

— Купаемся? — как можно беспечнее спросил я, шаря по карманам в поисках платка.

Руки у меня дрожали.

— Вон сколько наловили! — кивнул мальчуган куда-то мне под ноги.

В камышах стояло ведро, в котором копошилось нечто зеленое. Я не сразу сообразил, что это раки, потому что видел их только красными.

— Кто из вас знает Крайнову?

Вопрос, конечно, глупый: на хуторе едва десяток домов.

— Баба Вера, что ли? — уточнил тот же пацан.

— Она самая.

— Айда, покажу.

Он вылез из воды весь в иле. Даже вокруг рта у него, как усы, темнела грязь.

Мотоцикл я повел, не заводя. Мой преследователь все еще красовался на краю хутора. Черт знает, какие у него намерения!

— Баба Вера, до вас тут пришли, — подвел меня к калитке мальчуган.

Крайнова, чистенькая старушка, стоявшая у забора, низко поклонилась:

— Здравствуйте! Заходите, милости просим. — Она ловко утерла фартуком мордочку моему провожатому, пожурив его. — Докупался! Вон, жаба цыпки дала...

Пацан вывернулся из ее заботливых рук и вприпрыжку побежал на речку.

— Поговорить с вами хочу.

— Проходите до хаты.

Мы зашли во двор, отороченный нарядными, словно нарисованными, подсолнухами. Я остановился.

— Прошу в хату.

— Можно и здесь. — Я указал на завалинку, как бы давая понять, что дело у меня пустячное и разводить официальности не к чему.

— Можно и здесь, если желаете. — Она быстро обмахнула фартуком и без того чистую завалинку.

Мы присели.

— А я гадаю, что это красное промчалось по дороге? Вжик — и нету.

— Мотоцикл... — уклончиво ответил я.

— Ловко вы с им управляетесь.

Да, инструктор по мотоспорту в школе поставил бы мне сегодня высший балл.

— Жалуются на вас, — сказал я, желая переменить тему.

Сказал и улыбнулся. Потому что не знал, как говорить с этой симпатичной старушкой по такому дурацкому поводу.

— Ледешиха?

— Она.

— Была у вас? — Крайнова покачала головой. — Неужто до такого сраму упала?

Я кивнул.

— Батюшки, стыд-то какой...

Старушка немного помолчала, подумала.

— Хай, — сказала она. — Сдам я свою Бабочку на заготпункт. От греха подальше. Да и старая я стала, трудно ухаживать, сено заготавливать...

— А как же вы без молока будете?

— Для кого молоко-то?

— Для внучат...

Баба Вера кивнула на окно. И тут только я увидел, что за нами, отодвинув занавеску, наблюдает древний, сухонький старичок.

— Вот и все мои внучата...

— Нету, значит?

— Есть, как не быть. Э-эх, мил человек, кто нынче по хуторам живет? Старики да бобыли. Молодежь, она до города подалась. А нам со стариком и козы хватит. Вот куплю козочку. И молочко будет и шерсть... Значит, завтра и повезу мою Бабочку.

— Точно повезете?

— За трешку сосед свезет. Шофер.

Я почему-то очень обрадовался.

— Вера... как вас по батюшке?

— Николаевна.

— Вера Николаевна, когда сдадите свою корову, зайдите ко мне с квитанцией, ладно?

— Хай буде так, зайду.

— Вот и хорошо! — Я поднялся. Прямо гора с плеч.

— Может, вина? — предложила старушка.

— Что вы, какого вина? — воскликнул я.

— Нашего, домашнего. Сычов всегда пил да нахвалялся...

Вот оно что! Ну и порядочки установил тут мой предшественник.

Я, разумеется, отказался наотрез.

Крайнова проводила меня за калитку и с уважением посмотрела на «Урал».

— Шибко резвый у вас мотоцикл. Прямо смерч какой-то.

Я невольно глянул в сторону дубков.

По дороге кто-то скакал. Я сразу понял, что это Чава, и постарался принять равнодушный, спокойный вид.

Подтянутый, ладный, стройный, Чава круто осадил своего коня и прыгнул на землю.

— Вы извините, товарищ участковый, — начал он, словно сам был виноват в этой истории. — Зверь, а не бык... Насилу воротил назад. Он, наверное, от красного цвета взбесился.

До меня теперь тоже дошло, отчего рассвирепел бугай. Дело в том, что мотоцикл в РОВД мне выдали ярко-красного цвета. Может быть, он предназначался для нужд пожарной охраны, не знаю. Но я был рад и такому.

Да, мне дорого мог обойтись этот красный «конь».

Баба Вера, смекнув, что произошло, заторопилась в хату:

— Доброго вам здравия, товарищ начальник! Завтра, мабуть, зайду. К обеду...

— До свидания, — кивнул я.

А Чава все еще разглядывал мой мотоцикл: все ли в порядке. Значит, и он не на шутку испугался.

— Зайдемте к нам, товарищ младший лейтенант. Дома говорить удобней.

Я вошел за ним во двор. Дети играли возле палатки. Приглядевшись к ней, я подумал, что это, наверное, шатер. Он был сшит из видавшего виды брезента. Значит, много еще цыганского осталось в быту Денисовых...

Сергей вручил поводья молодой женщине и провел меня в хату.

— Мой отец и мать, — представил Чава пожилого цыгана и цыганку средних лет.

— Мы уже познакомились с товарищем участковым, — сказал Денисов-старший. — Присаживайтесь.

Я сел на предложенный стул и огляделся.

Честно говоря, я представлял себе убранство комнат совсем иным. Ожидал увидеть беспорядок, солому на полу, как читал в одной книжке про цыган. А здесь все было чисто, уютно: печь с полатями; стол, покрытый цветной скатертью; буфет с фарфоровыми безделушками; железные кровати с кружевными подзорами и фотографии по стенам. Фотографий было много: небольшие любительские, от заезжих моменталистов, увеличенные портреты и заретушированные так, что родная мать не узнает, овальные, на выпуклых глянцевитых листах, подкрашенные в неправдоподобные цвета.

Что меня поразило, так это подушки. Огромные, в половину кровати, пышные, в ярких наволочках...

— У цыган богатство по подушкам определяется, — сказала мать Сергея, перехватив мой взгляд. — Чем больше подушки, тем больше денег...

— Хватит болтать, Зара! — остановил ее хозяин. — Жя шу самовари¹.

Цыганка покорно удалилась, и остались одни мужчины.

— А вы здорово ездите на мотоцикле, — похвалил Сергей. — Я, честно говоря, испугался.

— Мог покалечить машину, — ответил я. Надо же было как-то выкручиваться...

— Мог, — подтвердил Чава. — Весной Выстрел одного волка убил. Долбал, долбал — не поймешь, где кости, где мясо. Всю шкуру испортил, сдавать было нечего. Сильный бугай...

— Ничего, — перебил я, — обошлось. Мотоцикл цел — это самое главное...

В то время о мотоцикле я думал столько же, сколько о прошлогоднем снеге...

— Вы по поводу Ледешихи и бабы Веры? — нетерпеливо спросил Сергей.

Вообще цыгане, несмотря на гостеприимство, вели себя настороженно, кроме хозяина — он располагал к себе уверенностью и спокойствием. Осанка у него была гордая, благородная. Есть такие пожилые люди, которых щадит старческое увядание.

— Крайнова сказала, что завтра повезет свою корову на заготпункт. Так что, думаю, вопрос уладится, — сказал я солидно.

— Вообще эта Ледешиха — дурная женщина...

— Читробуй кадэ тэпэнэс пэмануш², — перебил сына Денисов. — У каждого свои заботы. Худо это или добро — судить не нам. Я часто видел таких, которые много красивых слов говорили, а сами думали только о своем кармане... Ты тоже хорош! Зачем грубишь Ледешихе? Она тебе в бабки годится.

¹ Поставь самовар (цыганск.).

² Нельзя так говорить о людях (цыганск.).

Говорил он так, словно сидел сейчас перед ним не участковый инспектор, который приехал расследовать неприятное для его сына дело, а добрый приятель.

— Нужна она мне! — Чава сделал резкий жест рукой.

Денисов-старший повернулся ко мне:

— У меня Ледешко тоже была. Я ведь в нашем хуторе как бы штатный советчик и мировой судья — депутат сельского Совета. (Я взглянул на него с удивлением и любопытством, которых не мог скрыть.) Да-да, — засмеялся цыган, — сам не ведал, что на старости лет сделаюсь властью... — Он погладил бороду, усмехнулся чему-то своему и продолжал: — Ну, я сказал ей, что не стоит затевать ссору с соседями из-за чепухи. Не послушалась... А Выстрел — действительно редкий бугай. Товарищ Нассонов, председатель наш, уговаривал Ледешко продать Выстрела колхозу. Хорошие деньги предлагал. Но она уперлась. «Мне, говорит, не резон от своей выгоды отказываться...»

— А как же у вас получается — в колхозном стаде частная скотина? — спросил я.

— Вот баба Вера сдаст свою Бабочку, как вы говорите, — ответил Чава.

— Ну, а ваша корова?

Сергей смутился. Но Денисов-старший весело подмигнул:

— По блату. Как-никак своя рука в стаде. — И серьезно добавил: — А если без шуток, сами подумайте: одну частную корову куда девать?

Я кивнул. И подосадовал на себя за то, что поспешил выказать свою осведомленность.

— А что, эта Бабочка сильно поранила бугая? — перешел я на другое.

— Ерунда! — сказал Чава. — Похромал один день.

— Ясно, — кивнул я. — Насчет увечья быка вы можете подтвердить?

— Конечно, — ответил Сергей. — Хоть на бумаге.

— Ну этого пока не требуется, — сказал я.

— А вообще Выстрел все стадо держит вот так. — Сергей показал сжатый кулак. — Можно спать, гулять, отдыхать — все будет в порядке. Волка, а то и двух одолеет.

— Водятся?

— Были. Но давно что-то не появлялись. Теперь охотников больше, чем зверья. — Чава поднялся. — Я вам еще нужен?

— Нет. Спасибо. — Я тоже встал.

— Э, — остановил меня хозяин, — чайку попьем. Небось не завтракали?

Батюшки, еще нет и восьми. А мне казалось, что уже середина дня.

Я покорно сел. Как-никак Денисов был человеком в известном смысле своим. Сельсоветский. Помня наставления преподавателей, что надо сколачивать актив, без которого участковый да еще в деревне ни туда ни сюда, я подумал: хорошо бы привлечь себе в помощь старшего Денисова, он подошел бы.

Сергей лихо взлетел в седло и взял с места в карьер. Сегодня он казался не таким ярким и необычным, как вчера. Что в нем нашла Лариса? Необразованный парень. Пастух. И даже не в этом дело. Как он говорил: «Долбал, долбал...» Да может быть, и сама Лариса тоже не такая, какой мне кажется... Надо приглядеться получше.

...Стол быстро оброс простенькими блюдечками, тарелочками, гранеными стаканами. Зара внесла пузатый самовар, начищенный до блеска, с резными, витиевато сделанными ручками и краником. За такими вещами охотятся в городе любители старины.

Сладковато пахло дымом, горячим хлебом и свежесбитым сливочным маслом.

Хозяйка разрежала неправдоподобной вышины каравай с взрывающейся под ножом корочкой.

Хозяину и мне чай налили в тонкие стаканы, болтающиеся в старинных подстаканниках, массивных, из серебра. Но Денисов наливал в блюдечко и пил из него.

Я обратил внимание, что чайные ложки, потертые и деформированные, тоже были из серебра, старинные.

Мне пододвигали то тарелочку с кусками белого со слезкой сливочного масла, то вазочку с вареньем.

— Я смотрю, у вас любят фотографироваться, — обратился я к хозяину, прихлебывая чай.

— Это Сережка, — ответил Денисов.

— Сам фотографирует?

— Нет, — усмехнулся цыган. — Раньше, сразу после армии, он работал в райпромкомбинате, в фотоателье. Ходил по хуторам, заказы принимал. Вот и нам настряпал. По-свойски.

Я считал своим долгом продолжить беседу. Гость, которого угощают, должен отрабатывать харч. От этой мысли мне стало весело. Что ж, будем отрабатывать.

— Все хочу спросить: обезьяна у вас откуда?

Хозяин снова усмехнулся:

— Зара ее нашла, пусть и расскажет.

Его жена только этого и ждала:

— Весной, когда война заканчивалась, мы где были, Арефа?

— Не знаю, где была ты, а я был в Польше. В войсках Второго Белорусского фронта.

— А, забыла! — Она засмеялась. — Где-то там. — Цыганка неопределенно махнула рукой. — Стали мы табором возле одной деревни. Пошли, это самое, в общем, посмотреть... Кушать же надо было. — Она бросила на меня извинительный взгляд. — Мама у меня хорошо гадала... — Зара спохватилась: все-таки представитель закона.

— Рассказывай, рассказывай. — Денисов спокойно сложил руки на коленях. Слушай, мол, младший лейтенант, у нас все открыто.

Мне все больше нравился этот человек с непривычным именем Арефа.

— Пришли в деревню, старушка навстречу бежит. «Вы, говорит, цыгане, вам все нипочем и черт не страшен». А мы ведь тоже крещеные, в церковь ходим...

— Ты про всех не говори, — сказал ей муж.

— Я про своих родителей говорю. Значит, сует нам старушка яйца, кус мяса, деньги. «Выгоните, говорит, из избы черта». Ой-ей, смех, да и только! Такого страха понарасказала. Хорошо, с нами братишка был. Вот он. — Зара показала на один из портретов, на котором был изображен человек с большими усами. — Заглянули мы в хату, а из печи выглядывает что-то черное, лохматое, глаза сверкают... Моя мать и я подхватили свои юбки и тикать... Старуха кричит: «Отдайте яйца...» А братишка не испугался, зашел в хату. И вытащил Ганса... Старый он уж теперь, все к теплу тянется. Зимой с печи не слезает, летом — с утра на солнце... Любит в степь ходить. А раньше задиристый был, ни одной собаки не пропустит...

— А почему — Ганс? — Я посмотрел через окно на обезьянку, дремавшую во дворе на своей подстилке.

— Потом мы узнали, что его держал немецкий офицер. Фрица пристукнули, а обезьянка осталась... Так и пошло — Ганс да Ганс. Мы с ним везде ходили. Интересно людям. Он вино пил.

— Неужели?

— Да. Конечно, немного, вот столечко. Хлоп — и нет рюмочки. И такой веселый делается. Сразу нам всего надают — и денег, и яиц, и колбасы. Кушать же надо было...

Я невинно спросил:

— А вы гадали?

— Как все... — смутилась цыганка. — Кушать же надо было...

— А вы сами верили в то, что говорили?

Зара засмеялась:

— Да как сказать...

— А мне скажите что-нибудь.

— Нет, неудобно... — Она снова посмотрела на мужа.

— Это ты брось! — сказал он строго.

— Отчего же, мне очень интересно, — обернулся я к нему. — Одни говорят — гадалки обманывают, другие — все правда.

— Ерунда это, — махнул рукой Денисов.

Меня распирало любопытство.

— Я прошу, пожалуйста.

Зара снова засмеялась и, чтобы как-то обойти мою настойчивую просьбу, сказала:

— Вы молодой, симпатичный. Все ваши желания исполнятся...

...Когда я возвращался в станицу, когда проезжал по ее полудремотным улочкам, размышляя об отношениях Чавы и Ларисы, ко мне все время возвращался открытый, красивый смех Зары, ее слова: «Все ваши желания исполнятся...» Оказались бы они пророческими. Потому что мои мечты все больше и больше были заняты беленькой стройной девушкой с синими глазами...

Глава 4

Случаются в жизни светлые дни. Такой задастся прямо с утра: одаряет приятностями, легкими встречами, делами,

которые тебе по душе. Радостный мотив звучит у тебя в голове, и ты бубнишь его до самого вечера.

Но бывает, что ломается весь день, одна дрянь налезает на другую, и так тошно на душе — хоть беги куда глаза глядят.

Все началось с того, что я, идя утром на работу, услышал, как две старухи, завидев меня, захихикали и стали шептаться.

Я разобрал лишь одно слово — «таредор».

И только подходя к сельсовету, понял, что прохаживались они на мой счет. Значит, тореадор... Докатилось-таки в станицу мое бегство от этого проклятого бугая. В деревне ничего не скроешь. Факт сам по себе пустячный, мелочь жизни, как говорится, но я страшно огорчился.

На заседании исполкома сельсовета я впервые так близко столкнулся с Ларисой. Мы сидели за столом друг против друга. Я смотрел на ее чуть улыбающееся лицо и думал: знает она или нет? «Наверное, знает», — промелькнуло в голове. Зачем ей тогда было бы улыбаться? И румянец на моих щеках то затухал, то разгорался с новой силой...

Заседание задерживалось. Ждали Нассонова, председателя колхоза. Для меня это было пыткой.

Председатель пришел суровый. Сел рядом с Ксенией Филипповной и стал молча вертеть в руках карандаш. Крепкий, с мощной загорелой шеей и покатыми плечами, с синевой на тяжелом подбородке...

Когда я выступал с планом мероприятий по профилактике преступности, организации дружины, работе с несовершеннолетними, ведению бесед и установлению постоянного стенда «Не проходите мимо», он только раз с любопытством посмотрел на меня. А в конце спросил:

— И много надо грошей на твои витрины?

— Стенды, — поправил я.

— Сколько? — повторил Нассонов.

— Мы прикинули, — вмешалась Ксения Филипповна, подсовывая ему листок. — Тут все указано. Не обедняешь, Геннадий Петрович.

— А ты в чужой карман не заглядывай, — добродушно огрызнулся тот, читая бумажку. — За свой держись крепче... — И, поставив в углу листка крупную подпись, сказал мне: — Зайди в бухгалтерию. Наряд отнеси Катаеву в ма-

стерские. Заодно поговори с ним. Наш комсомольский атаман. Вы, молодые, легче договоритесь. Мне и без ваших дел — хлебать не расхлебать. Завтра из области приезжают.

— А план согласован чи не? — спросил вдруг с места парторг колхоза Павел Кузьмич.

— Я показывал председателю исполкома сельсовета товарищу Ракитиной, — ответил я.

— Э, казак, так дело не пойдет! — улыбнулся парторг. — Вот ты хочешь народную дружину организовать. Это хорошо. Да ведь у нас уже организовывали, и не раз. А ничего не вышло. Не тех хлопцев подобрали, вот такая заковыка. Так что, значит, надо с партийной организацией посоветоваться, с комсомольским активом. И с другими тоже. Подскажем. Одна голова хорошо, а две лучше. Потом, в сельсовете есть постоянная комиссия по социалистической законности. Ты с ними говорил?

Я растерянно оглянулея. Присутствующие засмеялись.

— Очень резвый, — сказал кто-то. — Думает сам навести порядок.

— Товарищи, — вступилась за меня Ксения Филипповна, — товарищ Кичатов — у нас работник молодой. Здесь я промашку дала. Но в целом у него интересные предложения. Мы потом в рабочем порядке посоветуемся с кем надо и все вопросы утрясем...

Я боялся встретиться взглядом с Ларисой.

С предложением Ракитиной согласились, и заседание продолжалось. Перешли к другим вопросам. Дали слово Ларисе.

Говорила она тихо, поминутно оглядывая всех. Ее голос, высокий и мелодичный, журчал, как ручей. А в руках мелко-мелко подрагивал блокнотик с карандашом.

Слушали ее внимательно, потому что она всех заражала своим волнением.

Говорила она о том, что пропадают, исчезают всякие там старинные сабли, уздечки, макитры, кружки, сделанные народными мастерами, о том, что их следует отыскивать по хуторам, собрать и сделать в клубе нечто вроде музея.

И вдруг я подумал о том, что каждый день, утром и вечером, пью молоко из макитры, на которой нарисован

огненно-красный петух. И когда сажусь писать письмо Алешке, перед моими глазами ярким пятном будто светится задиристая, вытянувшая в крике шею птица, словно вот-вот вырвется громкое «ку-ка-реку».

Ларису поддержали. Кто-то вспомнил, что у него дома есть старинные шаровары с лампасами, у того — расписная кружка, у этого — носогрейка, оставшаяся еще от прадеда, боевые регалии с первой империалистической войны, икона с красивым окладом...

— Иконы не надо, — сказал Павел Кузьмич, — музей не церковь.

— Почему бы не собирать и редкие иконы, настоящие произведения искусства? — возразила Лариса. — Вон в Москве, в Третьяковской галерее, сколько икон работы великих русских художников...

Парторг, подумав, согласился:

— Ну если действительно великих мастеров, то можно. Только где у нас такие?

— Ясно, — подытожил Нассонов. — Не возражаем. Действуй. Собери ребят, девчат... Шукайте. Авось на Эрмитаж нашукаете.

— А шкафы, стекло? Когда нашу комнату освободите?

— И тебе нужны стенды? — отмахнулся Нассонов. — Своими силами.

— Петрович... — усовестила его Ксения Филипповна.

— Ладно, сделаю, сделаю что-нибудь...

И заговорил о том, что в воскресенье — Троицын день. Надо организовать всякие мероприятия, чтобы отвлечь людей от попов и пьянства.

...И так получилось, что через час мы с Ларисой шли к колхозным мастерским, напрямик, полем с подсолнухами. Смешно было ехать к Катаеву на мотоцикле какой-то километр. Над тропкой нависали тяжелые черные лепехи подсолнечника. Их желтые лепестки устилали крепко прибитую землю.

Я отставал на полшага, чтобы видеть ее тоненькую фигурку, перетянутую по талии пояском-цепочкой.

Она обернулась:

— Значит, сопровождаете, Дмитрий Александрович?

— Тогда уж лучше «товарищ Кичатов».

— Хорошо, буду звать вас Димой. Согласны?

— Не возражаю.

Еще бы я возражал! Идем, молчим. А что дальше?

— Нужное мероприятие вы задумали, полезное... — Что за чушь я несу?

— Вот и помогите нам. У вас мотоцикл. Бываете на хуторах.

— С удовольствием! — Я был только в Крученом. Интересно, что она имеет в виду? — Пожалуйста, можем поехать вместе.

— Можем, — просто согласилась она. Я забыл о «таредоре». День цвел вокруг золотыми кокошниками подсолнухов, синел светлым небом...

Я уже не помню, что мы говорили друг другу. Но и ее, как мне показалось, очаровало поле.

Возле мастерских трое оголенных по пояс ребят, перемазанные в масле, с блестящими от пота спинами, втаскивали по стальным трубам дизельный движок в кузов грузовика.

Грузовик был мне знаком. Вчера недалеко от центральной усадьбы шофер чуть не наехал на ребенка. Я проверил тормоза. Они барахлили. Водитель Федор Колпаков дал мне слово, что на неисправной машине из гаража не выедет...

Что ж, проверим.

Мы поздоровались. Катаев был среди ребят. Он кивнул нам: подождите, мол, закончим, тогда поговорим.

Установив движок, ребята спрыгнули с кузова, убрали трубы, закрыли борт.

Из мастерских вышел шофер Федя. Он старался не смотреть на меня. По его лицу было видно, что машина в том же состоянии, что и вчера.

— Довезешь? — спросил его комсорг.

Тот что-то буркнул. Я попросил у шофера ключи.

Федя кивнул на кабину:

— Там. — И отошел в сторону, вытирая руки ветошью, всем своим видом стараясь показать, что он здесь ни при чем.

Я тронул машину, проехал немного и затормозил. Так и есть! Педаль легко дошла до упора, а грузовик продолжал двигаться. Я остановился на ручном тормозе. Подал назад. Спрыгнул на землю.

— Не довезет.

Федя молчал.

А один из парней развел руками:

— Не волнуйся, начальник. Здесь и десяти километров не будет... по степи...

— Не повезет, — отрезал я.

— Товарищ начальник... — просил парень.

Катаев оборвал его:

— А ты не суйся, Егор. — И, бросив тряпку в кузов, ругнул Федю: — Дурень! Полтора часа втаскивали, пуп надрывали.

Он хотел выругаться похлеще, но, оглянувшись на Ларису, промолчал.

— Что же делать? — спросил шофер.

— Везите на другой машине, — сказал я, отряхивая ладонь о ладонь.

— Нету другой, в разъездах, — мрачно сказал Федя. — А не отвезем, председатель взгреет по первое число. — Он усмехнулся. — И вам кое-что перепадет.

— Плевать я на него хотел! — Это было, конечно, слишком, но я разозлился. Прибавьте к этому — рядом сидела Лариса и все слышала.

Федя Колпаков зашел в мастерские и вскоре вернулся, насвистывая. Катаев сказал нам с Ларисой:

— Подождите. Умоюсь, поговорим.

Но разговор не состоялся.

Председательский газик, как разъяренный зверь, резко затормозил возле нас, принеся с собой клубы пыли.

Нассонов вылез из-за руля и коротко приказал шоферу:

— Езжай. Под мою ответственность. — И спокойно посмотрел на меня.

— Если хочет на год лишиться прав... — так же спокойно сказал я.

Председатель побагровел:

— У меня конвейер на пятом участке стоит, подсолнух пошел на силос... Это тебе не... — он задохнулся, — не с бугаями наперегонки бегать.

Представляю, какое стало у меня лицо...

— Садись за руль! — рявкнул Нассонов Феде. Тот, озираясь на нас, полез в кабину, завел мотор.

Нет, сдаваться нельзя. Я подошел к шоферу.

— Дай права. (Он повиновался.) А теперь делай что хочешь.

И, положив документы в карман, пошел прочь. Сзади меня заглох мотор, хлопнула дверца и послышался едва не плачущий голос шофера:

— Геннадий Петрович!..

Нассонов выругался.

Я продолжал идти.

— Младший лейтенант...

Я остановился. Председатель махнул рукой: подойди, мол. Я вернулся.

— Пошли.

Мы зашли в мастерские. Геннадий Петрович снял трубку телефона.

— Начальника райотдела внутренних дел. Да, срочно...

Он стоял ко мне спиной. Было видно, как у него застыли желваки.

— Приветствую вас. Нассонов... Он самый.

Он говорил с моим начальством несколько минут. И я понял: председатель чувствовал, что бой проигран. Это его злило еще больше, потому что всему причиной был я, розовощекий мальчишка.

Нассонов сунул мне трубку.

— Кичатов, можно выпустить машину в рейс?

— Никак нет, товарищ майор. Совсем тормоза не работают. Лично проверял.

— А чего же Нассонов бушует?

— Не знаю.

— Ничего, пошумит, пошумит и перестанет. А вообще ты молодец, младший лейтенант. Не сдавайся.

— Слушаюсь.

— Вот так... Завтра в час — на оперативное совещание.

— Так точно. Буду, товарищ майор.

В трубке запели короткие гудки.

Ребята, молча курившие на скамейке, вопросительно смотрели на нас. Так же смотрела Лариса.

Председатель, не сказав ни слова, вышел и сел в свой газик. Машина круто развернулась, зло прошелестела шинами и помчалась по дороге...

— Что? — поднялся шофер.

— За правами придешь ко мне, после того как почи-
нишь машину. Я проверю...

Это была победа. Но в душу, на самое дно, опустилась
горькая тяжесть оттого, что уставшие парни будут сейчас
стаскивать двигатель с кузова. Потом снова втаскивать на
другую машину. А где-то люди ждут и чертыхаются...

Я даже переживал за Нассонова. Получить оплеуху от
молокососа...

Катаев побежал искать другую машину. Мы с Ларисой
молча пошли назад по дороге.

— Неужели у вас все так строго? — спросила она.

— Надо было кричать не на меня, а на этого болвана
Федю.

— Некрасиво вышло...

И окончательно померкло то чудо, возникшее там, сре-
ди золотых подсолнухов...

...А ночью, когда я уже засыпал, убаюканный шепотом
листвы у моих окон, тихо скрипнула калитка, и в светлом
квадрате окна появилась голова.

— Товарищ лейтенант! — Незнакомый, почти мальчи-
шеский голос.

— Кто это?

— Я, Женя...

— Какой?

— Нассонов...

Я встал с постели, подошел к окну. От парнишки по-
пахивало вином.

— Ну и что же тебе надо, Женя Нассонов?

На его рубашке шевелился узор — тень от листьев.

— У меня там друзья, из города. В техникуме вместе
учимся. Ну, немного не хватило... А Клава говорит: если
вы разрешите, она отпустит. Нам всего бутылочку... вина...

— А что отец скажет?

— Он в районе.

Парень, выходит, отца боится.

— Женя, сколько тебе лет?

— Шестнадцать. А что?

— Рано тебе, наверное, пить, а?

— Да ведь друзья...

— Отцу твоему я ничего не скажу, но только больше по
ночам не тревожь людей, договорились?

Его фигура, плоская в свете месяца, тихо исчезла за забором.

И что это Клаве Лоховой вздумалось парня посылать ко мне?

Я вспомнил, что хотел зайти поговорить с ее мужем.

Надо это сделать в ближайшее время.

Глава 5

На следующий день я решил поближе ознакомиться с работой нашей конефермы, потому что после стычки с Нассоновым не хотелось торчать на центральной усадьбе и встречаться с ним.

Когда-то в этих краях основное богатство многих колхозов составляли лошади. Теперь лишь в двух-трех хозяйствах остались конефермы, которые обеспечивали колхозы живым тяглом.

Нассонов, приехавший в станицу в числе тридцатитысячников, почему-то решил возродить в колхозе конеферму. Купил несколько породистых кобыл и производителей, занялся скрещиванием. Сам он до того, как стал председателем, руководил заводиком безалкогольных напитков. И поэтому, по мнению Ксении Филипповны, «намешал в лошадях так, как только мог». Геннадий Петрович, видимо, лелеял тайную мечту вывести свою, нассоновскую, верховую породу, которая соперничала бы с буденовской, терской, ахалтекинской... Производя эксперименты, он никого не слушался, и часто у него возникали стычки с главным зоотехником. Зоотехник, видя, что председателя ничем не остановишь, только хватался за голову и вздыхал.

Все это рассказала Ксения Филипповна. Она была клад для меня. Колхоз знала как свои пять пальцев. Здесь родилась, здесь прожила всю жизнь. В войну и еще пять лет после председательствовала. А потом пошли председателями мужчины.

Ракина считала конеферму нестоящей затеей, потому что «тягаться с прославленными конезаводами мы не могли, кишка тонка», говорила она. Единственным трофеем, добытым за время существования нассоновского предпри-

ятия, была грамота областного комитета ДОСААФ за шестое место в скачках.

Я въехал на конеферму и от досады чуть не лопнул. Возле конюшен стоял председательский газик.

Но поворачивать было поздно. Меня заметили.

Геннадий Петрович стоял, облокотившись на капот машины. Здесь же был Арефа Денисов. Вот уж кого я не ожидал увидеть!

Я подошел к ним как ни в чем не бывало. Насонов натянуто кивнул. Арефа поздоровался приветливо.

Председатель жевал травинку и смотрел на небольшое выкошенное поле, на котором, как мне показалось, в беспорядке были расставлены различные препятствия: бревна, установленные крест-накрест, жерди, выкрашенные под шлагбаум и напоминающие параллельные брусья, сложенная пирамидой кирпичная стенка, невысокие ворота, рвы с водой.

По полю кружил одинокий всадник. Вот он подъехал к пирамиде, составленной из полосатых жердей, упирающихся в деревянные треугольники, и лошадь, на какую-то долю секунды задержав свой бег, легко взяла препятствие. Я видел, что оба наблюдателя остались довольны.

А всадник уже приблизился к бревенчатому заборчику. Я заметил, как Арефа напрягся, словно сам сидел в седле.

Конь плавно взлетел, вытянувшись в стремительную линию, и опустился по другую сторону ограды, задев задними ногами верхнюю жердь.

У меня у самого похолодело в груди. Насонов досадливо крякнул.

— Ничего, бывает, — сказал Арефа. — Не научился еще Маркиз понимать шенкеля. На это время требуется. А в общем неплохо, председатель, а?

— Вот чертова девка! — ругнулся тот, довольный. — Я уже хотел его выбраковать...

— Красивый жеребец! Люблю красивых коней, — прищурил глаза Арефа.

Насонов ткнул его в бок:

— Цыган ты все-таки, Денисов.

— Не отказываюсь.

Меня они совершенно не замечали.

— Чем черт не шутит: выпустим Маркиза на районные состязания, а? Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок...

— Побольше бы тебе, председатель, таких паршивых овец иметь... Поверь мне, редкий жеребец Маркиз.

— Злой, ох злой, шельма!

Между тем всадник приблизился к нам. Я обомлел: это была Лариса.

— Еще разочек попробуй забор, оксер и банкет! — крикнул Нассонов и покрутил в воздухе рукой.

— Шенкелей ему, шенкелей! — добавил Арефа.

Лариса кивнула.

Под ней был жеребец, отливающий на солнце неправдоподобным золотисто-розовым цветом.

Я не понимаю в лошадях. Но этот жеребец мне понравился. Его небольшая голова с маленькими подвижными ушами сидела на длинной шее, изгиб которой напоминал лебединый. Ноздри нервно раздувались. Брюхо поджарое, как у оленя. А гладкая, нежная кожа с короткой блестящей шерстью была словно из шелка.

— Всем статен, только круп немного провисает, — покачал головой Нассонов.

— Не помеха. — Арефа поглаживал бороду, довольный.

Я не выдержал:

— Что за цвет?

— У лошадей не цвет, а масть. Маркиз — соловый жеребец. Ахалтекинец, — сказал Денисов. Ему, наверное, стало неловко, что председатель меня не замечает. — Злой очень. Ни один местный жокей справиться не мог. Сергей мой пробовал — не вышло. Председателя за плечо зубами цапнул. А вот библиотекарьша нашла ключик к нему... Нужны были, значит, женские руки да ласка. Конь тоже подхода требует. Не всякому поддается...

Нассонов продолжал меня игнорировать. Ну и пусть!

Мы молча смотрели на Ларису, взлетающую на Маркизе над препятствиями. На этот раз у нее, кажется, все получалось гладко.

Пахло скошенной травой и конским навозом. Нассонов достал папиросы, предложил Денисову. Потом, немного помедлив, мне.

— Спасибо, не курю.

— Здоровье бережешь? — усмехнулся он.

— Почему? Просто не привык. Да и не нравится.

Они закурили.

Закончив скачку и еще некоторое время поездив шагом, Лариса приблизилась к нам. Разгоряченная, она сдувала со щеки налипшие волосы, смотрела на председателя с надеждой и ожиданием.

— Пойдет, — сказал Нассонов. — Быть по-твоему.

— Спасибо, Геннадий Петрович! — Глаза ее засияли счастливо и весело.

— Не меня благодари, его. — Нассонов ткнул пальцем в Арефу, сел в машину и, круто развернувшись, поехал с фермы.

Девушка легко соскочила с коня и подошла к нам. Денисов бережно принял у нее поводья.

— Здравствуйте, Дима, — только сейчас поздоровалась Лариса. Она была в обтягивающих ноги брюках, сапогах и мужской рубашке. — Я вас сразу заметила.

Арефа нежно проводил ладонью по блестящему, вздрагивающему крупу коня и ласково приговаривал:

— Хорошо, Маркиз, хорошо... Славный ты жеребец.

Маркиз косил на него светлым глазом, перебирая белыми зубами удила. Денисов разнуздal коня.

— А как с соревнованиями, Арефа Иванович? — спросила Лариса.

— Очень хочется? — лукаво подмигнул Денисов, поднося к морде коня несколько кусочков рафинада.

Жеребец осторожно, губами, взял их с ладони человека и громко разгрыз.

— Значит, буду?

— Будешь, будешь...

Девушка закружилась на месте, хлопая в ладоши.

— Вот здорово!

Скакун прядал ушами и нервно перебирал ногами.

— Бери своего красавца. — Денисов отдал ей поводья. — Чувствительный он у тебя...

Лариса повела Маркиза в конюшню.

— С виду — не тронь, рассыплется, — кивнул на нее Арефа. — Но упорная... — Он помолчал и добавил: — У нас женщина ни за что не сядет на лошадь.

У нас — это значит у цыган.

— Почему?

— Обычай... Мужчинам — кони, а женщинам... — Он засмеялся. — «Выходит, любезный, тебе длинная дорога, на сердце тебе падает дама...» — Денисов продолжал улыбаться. — Вы, наверное, обиделись, что Зара не захотела вам гадать?

— Нет, что ж обижаться! — сказал я. — Просто было любопытно...

— Никто не может знать, что ждет человека. Даже цыгане. В нас никакого особого секрета нет, — продолжал Арефа. — Какой я теперь цыган? Говорю больше по-русски, живу по-русски. Ем, сплю — по-вашему. — Он спохватился. — Заговорил я вас. Дела, наверное?

— Да нет. Здесь я случайно. Так заехал...

Странно устроен мир. Арефа Денисов был мне симпатичен. А вот его сын... Не было сейчас на земле человека, которого я воспринимал болезненнее...

И как мне ни хотелось побыть с Ларисой, отвезти ее на мотоцикле в станицу, я поехал один. Чтобы Денисов ни о чем не догадался.

Глава 6

...Когда он вошел, я удивился: откуда здесь, в станице, такая модная прическа, длинные волосы, бородка коротенькая, тщательно подстриженная. На вид ему — лет тридцать, не больше. Он сразу показался мне каким-то особенным. Деликатные манеры, спокойные глаза. Вот только нос его не шел к лицу, перебитый посередине, слегка приплюснутый...

Этого человека я еще не знал. В станице проживало более трех тысяч человек. Вообще-то участковый должен знать всех, на то он и участковый.

— Отец Леонтий, — представился вошедший, и я сначала не понял: чей отец? — Вы человек, я вижу, новый, удивитесь моему приходу. Но это в порядке вещей. Я всегда обращался к Сычову по поводу наших праздников.

И тут только вспыхнуло: поп! Самый настоящий. Так близко я видел священника впервые.

— Мое начальство уже снеслось с вашим. Кажется, договорились. А я вот — к вам, на нашем уровне, так сказать.

— Я... я вас слушаю. — Как с ним разговаривать, не знаю. Товарищ отец?..

— Простите, ваше имя, отчество?

— Дмитрий Александрович.

— У меня к вам такая просьба, Дмитрий Александрович. Как вы знаете, завтра у верующих праздник, день Святой Троицы. Большой праздник. К нам сюда приедет много народу из других хуторов, станиц. Сами знаете, народ не всегда ведет себя организованно. Соберутся большие толпы возле храма. А рядом шоссе. Не дай бог, драка или кто под машину попадет, все на нашу голову... В прошлом году на Пасху женщину сбил автобус — меня ругали почем зря. Хотя случилось сие далеко от церкви. Так что выручайте. В смысле порядка.

Я перевернул страницу настольного календаря и крупно записал: «Св. Троица. Обеспечить порядок возле церкви».

Отец Леонтий едва заметно улыбнулся.

— Что ж, постараюсь, — сказал я.

— Договорились. — Он вынул пачку сигарет. — Вы не возражаете?

— Курите, курите.

— А вы? — Он протянул мне пачку.

Я засмеялся: в течение часа мне предлагают второй раз.

— Нет, спасибо. Я не курю. Не научился.

— Откуда сами?

— Из Калинина.

— Почти земляки. Хотя я там никогда не бывал. — Он аппетитно затянулся дымом. — Матушка, то есть супруга, оттуда.

— Как фамилия?

— Лопатина Ольга.

— Не знаю...

— Она старше вас. На Набережной улице жила.

— Я совсем в другом районе...

— Познакомьтесь еще. А может быть, уже познакомились. Она здесь в участковой больнице фельдшер.

— Не обращался пока.

— И слава богу. Ну что ж, Дмитрий Александрович, рад был познакомиться. Не смею больше мешать.

Он поднялся, я тоже. Попрошались мы за руку. Крепкая у него хватка, прямо железная. Пожимая мне руку, он спросил:

— Простите, Дмитрий Александрович, вы что больше уважаете, коньячок или...

— Я не пью, — резко ответил я.

— Это похвально, — смутился почему-то батюшка. — Сычов, он больше чистенькую любил.

И только когда отец Леонтий вышел, я понял, что он хотел меня отблагодарить. И конечно же, такой обычаем завел Сычов.

Я заглянул к Ксении Филипповне. Уж больно заинтересовал меня поп. Главное — молодой.

— Как отец Леонтий к нам приехал — а это было два года назад, — все девки на него таращились. А ты не красней. Ваше дело молодое. Хуже, когда этого нет... Так вот, бабки наши шушукаться стали: нехорошо, мол, молодой поп, а попадьи нет, никак крутит со станичными молодками? Потом Оля Лопатина приехала. Из себя невидная, тише воды, ниже травы. А святого отца в месяц к рукам прибрала... На завалинках опять гутарят: «Не мог, говорят, нашу взять. Приезжую кралю выбрал!» Не угодил, стало быть, и тут... Но живут ничего.

Меня так и тянуло спросить: а что обо мне думают? Ведь перебивают косточки, уж это точно. Но я промолчал. Придет время, она сама скажет. А Ксения Филипповна продолжала:

— Послушай, что он в прошлом году сотворил. Пришла компания. Говорят, с недалекого хутора. Будто бы дитя крестить. Завалились они гурьбой в церковь, куклу в тряпки завернули. Вышел к ним отец Леонтий обряд справлять. Бабы загалдели, а мужики норовят, значит, за царские ворота прорваться, ну есть такие в церкви... Прослышали, наверное, про дорогие оклады на иконах... И что ты думаешь? Отец Леонтий так их отходил, что еле ноги унесли. Боксер, говорят, он. Правда это или нет, но мужикам досталось крепко...

Я вспомнил его перебитый нос, железное пожатие руки и круглые бицепсы под идеально чистой и выглаженной рубашкой...

Потом пришла Ледешко. Когда она уселась на стул, так же уверенно и основательно, как при первом посеще-

нии, я молча подал ей справку Крайновой о том, что та сдала свою бедовую Бабочку на заготпункт. Истица засопела.

— Ну и что? — спросила она, сощутив глаза.

— Как видите, корова, нанесящая вам урон, понесла тяжкое наказание, — усмехнулся я.

Но старуха была настроена сурово.

— Нехай понесла. Но я-то все равно в накладе...

— Товарищ Ледешко, вы ввели меня в заблуждение. — Я медленно раскрыл ящик стола, невзначай достал чистый лист бумаги. Старуха тревожно заерзала на стуле. — Пастух Денисов показал, что и увечья-то не было. Так, пустяковая царапина.

Бумажка действовала на Ледешко магически. Прием не очень честный, но что мне оставалось делать? Поразмыслив, она сердито бросила:

— Давай назад заявление. — И уже в дверях сказала: — Это Крайниха назло мне сдала свою телку...

Я был рад, когда она ушла. Что-то неприятное осталось в душе.

Нас учили: в любом случае сохранять спокойствие и быть справедливым. И еще — беспредельно объективным. Кто мне эти две женщины? Никто. Но почему-то приятно было вспомнить бабу Веру. Ее мягкий, южный говор, спокойную рассудительность. Не то что Ледешко, какая-то скрипучая, въедливая.

Я поймал себя на мысли: случись разбираться между ними дело посерьезней, смог ли я быть объективным? Наверное, нет.

Когда я уже садился на мотоцикл, чтобы ехать в Краснопартизанск, подошел Коля Катаев. И словно смахнул с сердца что-то тоскливое, оставленное Ледешко.

Комсорг ласково провел по боку «Урала» рукой. У него были сильные, темные от въевшегося в кожу машинного масла руки, руки человека, имеющего дело с техникой.

— Отличная у тебя механика. Сила! Хорошо бегаешь. Он сказал это будто о живом существе.

— Неплохо, — подтвердил я.

— Я к тебе вот зачем — в двух словах, не задержу. Говорят, ты гитарой балуешься?

Нет, в деревне не укроешься нипочем. Я действительно привез с собой гитару. И когда по вечерам иной раз ста-

новится особенно одиноко, легонько напеваю, подыгрывая себе на ней...

— Надеюсь, никто не жалуется?

— Жалуются.

— Кто?

— Девчата... — Он подмигнул.

— Учту. — Я щелкнул зажиганием.

— Ты уж уважь их.

— Сказал, учту.

— Вот и ладно. Значит, договорились. Сегодня вечером — в клуб. — Он поглядел на меня. — При другом наряде, конечно.

— С гитарой, что ли?

— Шибко ты догадливый...

— А девчата как же? Жалуются ведь...

— Жалуются, что тихо поешь. — Коля рассмеялся. — Давай выходи на народ. Выручай! Понимаешь, Чава у нас солист, но, говорят, заболел...

— Ты смеешься, что ли? — искренне обиделся я. Ничего себе, скажут, участковый: от быков бегаёт, песенки под гитару распевает...

— А что тут смешного?

— Как-никак власть.

— Я тоже власть. Комсомольская. И гопака и русскую отплясываю за милую душу. Что я! Нассонов по большим праздникам в хоре поет. Раньше никак не могли хор собрать. А после председателя потянулись бригадиры, а за ними и другие колхозники. Так что, видишь, тебе есть с кого пример брать... Ты же не Сычов.

— И не уговаривай. — Я завел мотор.

Николай пожал плечами: смотри, мол, сам. И пошел от меня не оглядываясь. А спина такая ссутуленная. Обиделся.

Я здорово мучился. В армии и в школе милиции я пел. Но там я был рядовой. А удобно ли офицеру появиться перед зрителями с гитарой? Хватит того, что за глаза меня называют тореадором.

Но чем больше я размышлял над предложением Катаева, тем больше сомнений вкрадывалось в душу.

И мне вдруг вспомнился Колонный зал Дома Союзов. Я впервые ходил по огромному фойе, полному света, ков-

ров и люстр. Нас, молоденьких курсантов, привезли на встречу с композиторами.

Конферансье объявил: «Композитор Экимян». Это имя было знакомо. Мы исполняли в строю его «Марш отважных». И тут вышел... комиссар. Борька Михайлов ткнул меня в бок. Я тоже чуть рот не раскрыл от удивления. Да, композитор Экимян тогда еще был работником милиции, занимал пост замначальника Московского областного управления внутренних дел.

После этого вечера я увлекся сочинительством. И еще под впечатлением песен Окуджавы и Высоцкого. Но в отличие от них со стихами у меня дело шло совсем плохо. И я избрал в качестве своей жертвы Есенина.

Борька Михайлов, который терпеть не мог, чтобы его кто-нибудь в чем-нибудь опередил, стал сам сочинять песни.

В один прекрасный день ему подсунили записку: «Перестань подражать этому бездарному композитору Д.А. Кичатову. Искренние доброжелатели».

Мое увлечение как рукой сняло. И я перестал терзать стихи Есенина, моего любимого поэта. И если выходил петь, то только чужие песни на чужие слова...

Так что к тому времени, когда надо было отправляться в клуб, я все-таки решил — была не была.

...Я получше нагладил брюки от своего гражданского костюма, белую рубашку в бледно-синюю полоску (Москва, магазин «Синтетика» на Калининском проспекте), надраил черные полуботинки и зашагал в клуб с гитарой на плече.

Первый, кого я увидел, был Сычов. Он сидел на ступеньке железной лесенки, ведущей на верхотуру, в аппаратную, и курил самокрутку. Он посмотрел на меня и слегка покачал головой: вырядился, мол, фраер, да еще с гитарой.

В душе я давно уже плюнул на его настороженные, выискивающие взгляды. И прошел мимо, холодно кивнув на приветствие.

Ларисе я понравился. Это было видно сразу. И другим девушкам тоже. Они сразу зашушукались и все кидали на меня взгляды, как им казалось, исподтишка.

— Я же говорил — придет наш инспектор! — обрадовался Коля Катаев.

Значит, этот вопрос обсуждался. И серьезно.

— И я была уверена, — сказала Лариса. Интересно, что она думает обо мне? Догадывается ли, что я пришел из-за нее? По ее виду можно было предполагать, что догадывается. А может быть, мне это показалось?

Но она как будто искренне обрадовалась, что я буду петь есенинскую «Не жалею, не зову, не плачу...».

— Есенин — это хорошо, — одобрил Коля. — Задумшевно...

До концерта оставалось еще много времени. Сначала колхозники должны были прослушать лекцию.

Лекция обещала быть интересной. Нассонов уговорил приехать к нам известного ученого из Москвы, академика, отдыхающего в районе. Здесь этот ученый родился, вырос, и теперь его в отпуск тянуло на родину, посидеть с удочкой на берегу Маныча, где он, наверное, еще пацаном пропадал летом целыми днями, как многие станичные ребяташки...

Геннадий Петрович послал за прославленным земляком своего шофера и обзвонил всех соседских председателей, которые прикатили разодетые и важные.

В зале было полным-полно народу. Все проходы заставили стульями, скамейками, даже кое-кто, боясь остаться без места, пришел со своей табуреткой.

Чтобы как-то отвлечься и унять волнение, охватившее меня перед предстоящим выступлением, я протиснулся в зал. Сесть мне не удалось, и я вместе со многими колхозниками, для которых также не хватило места, подпирал плечом стену.

Стояла страшная духота. Женщины обмахивались платочками, мужчины поминутно отирали с лица пот. Все напряженно ждали, когда появится академик.

И вот он появился вместе с председателем и парторгом, ничем не выделяющийся внешне. Таких старичков в белых полотняных костюмах можно сколько угодно встретить летом в московских электричках.

Ему заплодировали, словно известному киноартисту. Он удивленно окинул взглядом аудиторию, видимо не ожидая увидеть столько народу, растерянно посмотрел на Нассонова. Тот поднял руку. Хлопки постепенно смолкли...

Около меня какая-то старушка произнесла:

— Сразу видать — наш, донской казак...

Сказать по правде, ничего казачьего я в академике не узрел. Может быть, у старушки более наметанный глаз?

Геннадий Петрович не удержался и разразился небольшой речью. Он сказал, что мы удостоены высокой чести, что уважаемый академик объехал весь мир, но никогда не забывает о земляках и вот приехал, чтобы рассказать о последних достижениях в области генетики, которые должны помочь колхозникам в битве за урожай. Еще Нассонов сказал, что и у нас ведутся кое-какие эксперименты по выведению новой породы лошадей...

Старичок-ученый млел от жары и ждал, когда наконец можно будет начинать лекцию.

Видимо, Павел Кузьмич незаметно одернул председателя, потому что тот неожиданно закончил и сел.

Парторг предоставил слово академику. Тот начал говорить, не вставая из-за стола. У него был негромкий, чуть с присвистом голос. Чтобы его услышать, приходилось напрягать слух. Наступила полнейшая тишина. И когда наконец стало слышно каждое его слово, надо было напрягать ум, чтобы понять, о чем он говорит.

Академик рассказывал о механизме наследственности. То и дело в его речи слышались термины: хромосомы, мутация, рецессивный ген, доминантный ген, рибонуклеиновая кислота, ДНК...

Я видел, что Нассонов также с большим усилием заставляет себя следить за мыслью оратора. Но как он ни старался, из этого ничего не вышло. Геннадий Петрович сурово сдвинул брови и теперь зорко глядел на каждого, кто чем-либо выдавал скуку, овладевшую большинством присутствующих.

Минут через десять академик начисто всех уморил.

То, что ряды слушателей редеют, я почувствовал прежде всего своим телом. Скоро стало легче стоять. Потом начали появляться свободные места. А оратор, словно ничего не замечая, продолжал тем же голосом вбивать в зал четкие, круглые фразы, в которых иногда все же мелькали понятные слова.

Нассонов опустил голову. Ему самому, наверное, хотелось выйти подышать свежим воздухом. Но председателю, видимо, помогала привычка высиживать длительные часы на различных заседаниях и конференциях...

Мне было неловко за академика. Ученый он, наверное, действительно очень крупный. И дернуло же Нассонова выставлять на посмешище такого пожилого, заслуженного человека. Старичок, скорее всего, по своей мягкости не решился отказаться, и вот получилась неловкость...

Когда лекция окончилась, в зале осталось десятка два слушателей. В основном — приехавшие из других колхозов гости. Им-то покидать зал было совсем неловко.

Но академик, как ни странно, совсем не обиделся. Даже наоборот. Был в отличном настроении, похвалил за внимание и тишину, с которыми его выслушали, и пожелал остаться на концерте художественной самодеятельности.

Нассонов, красный как рак от жары или от стыда за станичников, разбежавшихся с лекции, усадил гостя на первый ряд, посередине. Прямо перед исполнителями.

А какой может быть в колхозном клубе зал? Конечно, небольшой. И когда я вышел с гитарой на сцену, этот самый академик оказался в каких-нибудь двух метрах от меня.

Я и без того волновался. Но тут еще больше смутился, потому что старичок-ученый, водрузив на нос очки, смотрел на меня, словно школьник, попавший в цирк.

Начало получилось неуверенное. Я взял немного высоко и, как мне показалось, с грехом пополам дотянул песню до конца, горя желанием поскорее убраться со сцены.

К моему удивлению, зрители здорово хлопали. И академик. Я раскланялся, хотел было уйти. Но зал просил еще что-нибудь спеть.

Я выхватил из общей массы лица Ксении Филипповны, радостно улыбающейся мне, Клавы Лоховой, почему-то пришедшей без мужа, Ларисы...

Мое волнение поулеглось. И раз уж понравилось, почему бы действительно еще не спеть?

И вторую песню, Окуджавы, я, кажется, исполнил с вдохновением.

Совсем непонятно, почему на этот раз хлопали не очень. Может быть, Есенин нравился больше?

Я не стал дальше испытывать судьбу и удалился за кулисы. Там столкнулся нос к носу с Чавой. Он тихонько настраивал свою гитару. Мне показалось, что он слегка усмехнулся, увидев меня.

И откуда он свалился на мою голову? Коля говорил, что Чава заболел. Поэтому и просили выступить меня. Но пастух явился, несмотря на температуру...

Правда, брюки у него были мятые, сорочка простенькая, из хлопчатобумажной ткани, и гитара похуже моей, с облупившейся краской на грифе и деке. Но пел он лучше. И намного. Я-то уж знаю. Его не отпускали. Он пел одну песню за другой.

Репертуар он целиком перенял у Сличенко — «Клен ты мой опавший», «Ай да зазнобила...», «Я люблю тебя, Россия». И нашим станичникам казалось, наверное, что лучше Чавы петь не может никто. Даже тетя Мотя, билетерша клуба, восхищенно шептала:

— Ай да хлопец, ай да певун! Получше этого самого Сличенки, ей-богу...

Катаеву я ничего не сказал. Он и не догадывался, какую свинью подложил мне. Правда, за кулисами, похлопав меня по плечу, он бросил:

— Ты тоже в норме, младший лейтенант!

Это «тоже» окончательно испортило мне настроение. Лучше бы Коля вообще промолчал.

После концерта многие станичники стали расходиться по хатам. Молодые оставались на танцы.

Академик был в таком восторге, будто побывал в Большом театре. Особенно хвалил Чаву. Я находился совсем рядом и слышал, как он не мог унять своего умиления. Нассонов, все еще переживающий провал лекции, млел от похвал и, чтобы еще больше удивить гостя, сообщил, что Чава всего-навсего пастух.

— Скажите-ка, — захохотал старичок, качая головой, — простой пастух! А этот мальчик, который пел первым, тоже пастух?

— Нет, — замялся председатель.

— Тоже, однако, ничего. Мило... вполне мило.

Я был рад, что больше никто не слышал этого разговора.

Академик начал прощаться. Председатель стал просить его посмотреть жеребят, полученных в результате «селекционной работы, широко производимой в колхозе».

— Что вы, любезный, — отмахнулся старичок, — я в этом ничего не понимаю!

— Как? — удивился Нассонов. — Вы же, так сказать, занимаетесь проблемами наследственности... Может быть, подскажите, в каком направлении нам двигаться?

— Видите ли, дорогой товарищ Нассонов, я всю жизнь имею дело с дрозофилой. Есть такая маленькая мушка, всем известная...

— Так мы вам можем выделить целый табун для экспериментов! — вдохновенно предложил Геннадий Петрович. — Разворачивайтесь...

Академик засмеялся:

— Человеческой жизни тогда не хватит, чтобы решить самую крохотную проблему в генетике. Через сколько лет лошадь дает потомство?

— Через три-четыре...

— Вот видите. А мушка дрозофила — двадцать восемь раз в год! Это значит, что только за один год можно проследить двадцать восемь поколений модели. А чтобы такие же результаты получить с лошадью, надо прожить сто двенадцать лет. А мне бы еще хоть пяток протянуть...

Смущенный Нассонов стал нахваливать здоровье гостя. Тот еще больше развеселился. Так они и покинули клуб. Председатель пошел проводить академика до колхозного газика, поджидавшего у самого крыльца.

Зачем я остался на танцах, сам не знаю. Наверное, почувствовал что-то. Так бывает. Где-нибудь в людном месте, в разношерстной компании ощущаешь, зреет нечто неуловимое, едва проскальзывающее настроение ссоры или драки.

А может быть, у меня начало вырабатываться профессиональное чутье?

Казалось, все идет нормально. Наши, станичные, вели себя как обычно. Стояли группками. Выходили курить. И тогда через окно были видны головы и сизый дымок над ними. Конечно, подшучивали над девушками. Беззлобно, скорее по привычке.

А те, другие, городские, приехавшие в гости к Женьке Нассонову, вели себя настораживающе.

Я еще подумал о том, что деревенские ребята для меня уже «наши», а друзья Женьки — «чужаки».

Интересно, отпустила им Клава ночью вина? А как же! Хоть и молокосос, а Нассонов! Ну покуражилась над парнем, а в магазин точно сходила...

Чава не танцевал. О чем-то спорил с Колей Катаевым. Лариса скучала, изредка поглядывая в его сторону...

Я про себя злорадствовал. Но к ней не подходил. Надо подождать. Выдержать.

И все-таки больше всех меня настораживал Женька. На меня он не смотрел. Стыдился, что ли, ночного визита?

Он задевал девчонок, подначивал своих дружков на что-то. Я тихо сказал об этом Катаеву. Он отмахнулся:

— Мерещится тебе, младший лейтенант. Женька — трус. Перед городскими пижонит...

Объявили дамский танец, и не успел я глазом моргнуть, как передо мной выросла Клава Лохова.

С досады я готов был провалиться сквозь пол. Показалось, что Лариса направлялась ко мне...

Ничего не оставалось делать, как закружиться в вальсе с нашей продавщицей. Надо сказать, что танцевала она неплохо. А по мне, пусть отдавила бы все ноги, но лишь бы это была другая... Та, что танцевала с Колей Катаевым. «Хоть не с Чавой», — вздохнул я, незаметно наблюдая за Ларисой.

— Эх, где мои двадцать лет! — улыбалась Клава. Одета она была красиво. Еще бы, сапожнику быть без сапог! — Ни одной танцульки не пропускала. Теперь что? Детей трое душ. С мужиком и то не можем вместе в клуб прийти. Вот и развлекаемся по очереди... Завтра его в кино отпущу...

Меня злила ее болтовня.

— Скажите, зачем вы ночью Женьку послали ко мне?

Клава подняла брови:

— Неужто и вас разбудил? Вот колоброд...

— Да, пришел среди ночи. На вас сослался...

— Ну, хватит с меня! Пойду до Геннадия Петровича! — возмутилась она. — Вы не подумайте, Дмитрий Александрович, что я действительно посылала к вам Женьку. Как он мне надоел! Уж какой раз приходит ночью за выпивкой. Я ему и говорю: пожалуюсь, мол, в милицию. А он, дурной, решил, что я его к вам за разрешением направляю...

— Но вы ему дали вина?

— Еще чего не хватало! Я из-за него не намерена голову под суд подставлять. Это ж надо!..

Она нахмурилась и больше до конца танца не разговаривала.

Я был рад отделаться от нее. И как только снова раздалась музыка, направился к Ларисе. Была не была!

И пропустил главный момент. За моей спиной гакнул сухой удар.

Женькиных дружков было человек пять. Рослые, крепкие, по всей видимости, знакомы с боксом.

Когда я подскочил к толпе, один из городских послал в нокдаун Егора, Колиного приятеля, того, что я видел в мастерских при злополучной стычке с Нассоновым.

Наши, станичные, кричали, размахивали руками. Визжали девчата.

Пятеро молодцов из города встали круговой обороной. Женька суетился, бегая то к своим, то к чужим. На него никто не обращал внимания.

Егор вскочил и снова кинулся на городских. И опять получил удар в ухо.

Я уже не помню, как очутился в самой гуще, как кричал: «Разойдитесь!» — или что-то в этом роде.

Приезжие были выпивши, это точно. Таких словами не остановишь.

Зачинщики драки не обращали на меня внимания. Я как-то сразу не сообразил, что в штатском они принимают меня просто за станичного парня.

А заваруха принимала нешутейный оборот.

Что мне оставалось делать? Я выбрал парня поздоровее и бросился к нему. Он работал кулаками, как машина. Увернувшись от ударов, я перехватил его руку и, потянув на себя, бросил через бедро. Он, видно, не ожидал такого оборота. Не успел я скрутить ему руки, как на меня навалились двое ребят, стараясь оттащить от дружка. Я почувствовал удар ниже лопатки, острый, резкий. Наверное, ногой. Это было уже слишком.

Я резко обернулся и, зажав чью-то голову, подножкой опрокинул нападающего. Он покатился по полу в ноги завизжавшим девчатам.

Ко мне подскочили станичные и оттащили черноволосого паренька, старающегося попасть в меня ногой...

Вдруг раздался неестественно громкий звук разрываемой ткани, хлопнувший, как выстрел.

То ли у Женьки заговорила совесть, и он полез на помощь станичным, а может быть, случайно оказался в свалке,

но карающая десница его отца, каким-то чудом оказавшегося в клубе, схватила его за шиворот. И Нассонов-младший вывалился из лопнувшей пополам сорочки на пол. Потом в могучих руках председателя очутился гость сына, сразу сникший и присмиривший...

Мы сидели в маленькой комнатке за сценой, где обычно готовятся к выходу артисты. Нассонов, Коля Катаев, пятеро нарушителей порядка с опущенными головами, в сбившихся рубахах, и я.

Женька коленкой под зад, в прямом, а не в переносном смысле, был отправлен отцом из клуба домой.

Геннадий Петрович бросал слова коротко и резко, словно вбивал гвозди:

— Гостям мы всегда рады. И любим уважить. Но если гости ноги на стол — вот бог, а вот порог! Давайте на автобус, и чтобы духу вашего не было! Скажите спасибо, милиция у нас добрая. А то попортили бы вам характеристики...

Я вообще молчал. Изредка массировал ноющую спину.

Ребята с каждой его фразой словно становились меньше ростом.

Один из них, тот, которого я свалил первым, робко произнес:

— Мы не знали, что этот товарищ... гражданин... участковый инспектор.

— И поэтому насвинячили? — ударил кулаком по столу Нассонов. — Мотайте на автобус! Сейчас же!

Он вынул деньги и сунул одному из дружков сына. А напоследок так их обругал, что мы с Колей невольно опустили глаза.

Ребята гуськом потянулись из комнатки, прошли по притихшему клубу. Наши, станичные, провожали их уже не злыми, а скорее сочувственными взглядами... Они знали, Нассонов шутить не любит.

Когда мы остались одни, он закурил.

— Ты, Дмитрий Александрович, за Женьку не обесудь... Эх, Женька! Ох, Женька! Ну погоди...

И вышел своей крепкой, вразвалочку походкой...

...Я шел из клуба домой. Станица спала под пологом черной ночи. У нас в Калининe нет таких ночей. Там летом далеко за полночь светится на западе полоска зари. Холодная, прозрачная.

А здесь ночь ложится на все небо, плотная, с теплыми приboями ветра, в котором особенно выделяется запах чебреца и полыни, забивающий все другие запахи...

Как далеко сейчас Калинин! Как много воды утекло с той ночи, когда мы, уже не школьники, но еще и не студенты, бродили по набережной после выпускного бала. Небо тогда не потухало всю ночь. Одна заря перешла в другую: сначала бирюзовая и холодная, потом розовая и золотая. Лица у нас были как эта заря. Наши девчонки казались феями в своих белых нарядах. В толпе спешащих на работу людей мы шли уставшие и притихшие оттого, что свершилось нечто, приобщившее нас к другому миру, миру, в котором есть раннее рабочее утро, которое мы до сих пор просыпали в своих теплых постелях...

Удивительно, прошло всего четыре года, а мне кажется, что целая вечность! Я уже был солдатом, учился в Москве, а теперь офицер в этой теплой, тихой станице...

Но тихой ли? Сегодняшний вечер в клубе мог кончиться кое для кого совсем не весело...

Такова она — моя служба. Я ее выбрал сам.

И все-таки здорово вот так возвращаться теплой ночью домой после трудового дня. Я был на посту и в то же время как будто не был.

Интересно, как реагировала Лариса, когда я скручивал распоясавшихся ребят?

Говорят, девушкам нравятся победители...

Глава 7

В воскресенье, Троицын день, с утра начали долдонить церковные колокола. Я никогда не знал, что из них можно выколотить такую сложную симфонию. Кто был пономарь, не знаю. Но мне показалось, что извлечь эту бурю звуков мог только сам отец Леонтий с его сильными руками.

Я сел на мотоцикл и стал не спеша патрулировать дорогу возле церкви.

Многие дворы и дома в станице изукрасились зеленью и цветами. Травой и ветками были застелены земля, базы, веранды.

В воздухе стоял густой запах свежескошенной травы, ее сладкий, увядающий тлен.

От церкви я ехал на другой конец станицы, где недавно машина сбила старика. Там был поворот, и водители не всегда сбавляли скорость.

Так и выходили поездки: с одного горба кургана на другой, как на качелях, — вверх-вниз, вверх-вниз, до тех пор, пока не выхватил из негромкого гула толпы, направляющейся к храму, язвительный старушечий голос:

— И чего мотается, сердешный, взад-вперед? Как навоз в проруби...

Я разозлился — для их же блага стараюсь!

Вчера, на оперативном совещании, я получил инструкцию проследить за порядком на дороге и возле церкви во избежание всяких там несчастных случаев.

Я поставил свой «Урал» возле церкви и сел боком на сиденье. Отсюда шоссе далеко проглядывалось в обе стороны.

Машин почти не было. Только изредка проедет рейсовый автобус. Шоферы въезжали в станицу медленно, поминутно шипя тормозами и сигналя...

Тягуче тянулось время.

Струился ручеек благочинных старушек в белых платочках.

— Здравствуйте, товарищ начальник!

Возле меня стояла Зара в яркой цветастой юбке, пышными оборками спускающейся почти до самой земли. Улыбаясь, протянула мне руку. И, кивнув на несколько смуглых детских рожц, окружавших ее, сказала:

— Вот привезла. У нас что на хуторе? Ни людей не увидишь, ни праздника. Гостинцев куплю, в кино сходим...

Я тоже улыбался, не зная, о чем говорить и как себя вести.

— Конечно, — ответил я.

— Да, да! — подхватила Зара. — Я девчонкой любила праздники. Ох любила! Да и сейчас нравится.

И красива же была жена Арефы Денисова! Она поражала какой-то силой, яркостью, раскованностью. Черные волосы выбивались из-под цветастого платка и густо устилали плечи.

— И все ваши? — кивнул я на ребяташек.

— Все наши! — блеснула Зара ослепительно-белыми зубами. — Выбирай невесту, начальник!

— Мне еще рано, молодой, — отшутился я.

— Хорошо, подожди, Надя вырастет, — не унималась Зара. Ее глаза сверкнули озорно и насмешливо.

Она слегка подтолкнула вперед девочку лет тринадцати.

Надя смотрела на меня с детским любопытством. Тогда, в Крученом, я ее что-то не заметил. Она была действительно на редкость красива.

Но откуда у нее эти серые с зеленоватыми искорками глаза, вздернутый смуглый носик?

— Зара, что это у вашей дочки светлые глаза? — спросил я, чтобы повернуть разговор в другую сторону.

Видя мое недоумение, Зара рассмеялась:

— Это внучка Арефы. От первой семьи. А отец у Нади русский.

Надя серьезно сказала:

— Как вы.

Зара погладила девочку по голове и отошла от меня со своим семейством...

Когда церковь опустела и людская толпа растеклась по дорогам и дворам, я поехал домой.

Еще от ворот я увидел в окне на половине Ксении Филипповны накрытый стол и чьи-то знакомые мужские руки, держащие папиросу.

— Дмитрий Александрович, зайдите ко мне... — выглянула Ксения Филипповна.

Они сидели с Арефой Денисовым. На столе стояли нехитрые деревенские закуски, дымился пирог с капустой, сочились слезой крупно нарезанные свежие помидоры и огурцы, в миске лежали с большим умением сохраненные с прошлого года в погребе соленые арбузы.

Арефа поздоровался со мной, как со старым знакомым. Он взял своей смуглой рукой едва початую бутылку водки, налил в рюмку и поставил возле меня.

— Вроде бы с праздником...

— А мы, когда сами захотим, можем устроить праздник! — засмеялась Ксения Филипповна, как бы оправдываясь и показывая, что сегодняшнее их сидение никакого отношения к Троице не имеет.

— Спасибо, Арефа Иванович, но мне еще дежурить надо, — отставил я рюмку.

— Он строгий по этой части, хоть и молодой, — подтвердила председатель сельисполкома. — Давай с тобой, Арефа. Тебе одному как-то не с руки, понимаю.

Они чокнулись. Ксения Филипповна отпила маленький глоток.

— Ешь, Дмитрий Александрович, мамка с папкой далеко, кто еще поухаживает? — Хозяйка положила мне в тарелку огромный кус пирога и овощей.

И я опять превратился в пацана с розовыми щеками и по-девчачьи вздернутой губой.

С моим приходом беседа у них расклеилась.

— Ну, товарищ начальник, — полушутя спросил Денисов, — что слышно в округе? Тихо, спокойно?

— Вроде так, — ответил я с полным ртом.

— Ну и слава богу, — кивнула Ксения Филипповна. — Праздники для милиции — самое хлопотное время, кому праздники, а кому тяжкий труд. А так у нас, кажется, спокойно...

— Вообще-то да, — подтвердил Арефа. — Если и случается что, то в основном — приезжие...

— Не скажи, — возразила Ракитина. — Свои тоже иногда отличаются. А гастролеров что-то давно не было. — Она подмигнула мне. — Это, наверное, вы хорошо работаете.

Я промолчал. В райотделе меня предупредили, что нет-нет да и объявляются в районе сомнительные личности. Особенно по части лошадей. Да и браконьеры иногда заезжают стрелять сайгаков.

— Если что, Арефа тебе хороший помощник, — продолжала хозяйка. — Лошадиная душа.

— Люблю, ох люблю хороших коней, — согласился Денисов. — Красота в них большая... Но у нас не поживишься на этот счет. Не дадим...

Я не стал говорить на эту тему. Только сказал:

— Ваших встретил возле церкви.

Арефа покачал головой. Но не очень чтобы с большим сожалением.

— Так и тянет потолкаться... Ей бы народ посмотреть да себя показать.

— Брось, Арефа, — махнула рукой Ксения Филипповна. — С малолетства она приучена... Что я тебя хотела спросить? Да, правда, что Лариска будет от нашего колхоза скакать?

Я насторожился, но постарался не показать этого.

— А что? — вскинул брови Арефа.

— Да ничего. Втемяшилось председателю прогреметь в этом деле — и все тут.

— Хорошего скакуна едва не забраковали... очень хорошего. А девка уломала. Вот, Дмитрий Александрович видел, — взял меня за локоть Денисов. — Правда хорошо она с Маркизом управляется?

— Наверное. Я не знаток.

— Так это всякому видно. Но его зоотехник почему-то забраковал. А жеребец еще в самой силе. Пробовали в хомут запрячь — не дается. Кусает, лягается и задними и передними ногами. А Лариска Аверьянова давно к Геннадию Петровичу пристает, чтобы он выделил ей транспорт для езды на дальние бригады книги развозить. У нас с транспортом не богато.

— Не богато! — усмехнулась Ракитина. — Говори уж — из рук вон плохо. Посмотри только, на какой колымаге ездит Колпаков! Давеча чуть пацана не задавил...

— Значит, нет транспорта, — продолжал Арефа. — Какую другую лошадь Нассонову жалко, ну он и предложил Маркиза, чтобы отвязаться. Помучается, мол, с ним девка и отстанет. А она, гляди ты, обуздала жеребца. Он у нее чуть ли не вальс танцует... Я, честным делом, давненько Маркиза приметил. Да не было подходящего жокея. Нассонов будто тоже доволен.

— Бог с ним, — сказала Ксения Филипповна, — чем бы дитя ни тешилось... А я бы на месте Геннадия Петровича не о лошадях, а об людях позадумалась бы. Клуб новый не мешает сладить. Да и ясли расширять пора.

— А ты была на его месте, — подтрунил Арефа. — Клуба, вспомни, вообще не было. Об яслях и говорить не приходится.

— И-эх, Арефушка! — вздохнула хозяйка. — Не те времена были. Не до жиру, быть бы живу... Макуху¹ за пи-

¹ Жмых (местн.).

рожное почитали. Не дай-то Господь когда-нибудь еще... Выпьешь, что ли?

— Надо будет, налью, поди, не гость, — засмеялся Арефа, но себе налил.

— Ты скажи, Зара все еще артачится?

Денисов выпил рюмку и закусил помидором.

— И слышать не хочет... Но кто, Ксюша, в наши времена с родителями считается?

Я смекнул: опять про библиотечаршу.

— У вас вроде на этот счет строго...

— У вас, у нас... Все перемешалось. Нынче все одним миром мазаны.

Арефа достал старинные карманные часы на цепочке и заторопился.

— Благодарствую тебе, хозяйюшка. Спасибо за хлеб-соль.

— Посидел бы еще...

— Геннадия Петровичу обещался. Надо на конеферму. Скачки на носу.

— Помешались вы с ним, вот мой сказ. Ну ты старый пенсионный хрыч, тебе делать нечего. А он что? — покачала головой Ксения Филипповна.

— Хе-хе, старый! Зара меня на десять молодых не променяет, несмотря на то что старше ее на двадцать годов! — засмеялся Арефа.

— Это как знать... — поднялась хозяйка провожать гостя до порога. — Молодые-то орлы! Посмотри! — кивнула она на меня.

Арефа шутливо покачал головой:

— А кстати, мое имя в переводе на русский означает — орел. В святцах указано.

Денисов ушел. Мы долго сидели молча. Каждый думал о своем. Где-то пели. Пока еще стройно. Я ждал, когда Ксения Филипповна заговорит сама, хотя меня и мучило множество вопросов.

И она заговорила:

— С Арефой мы старые друзья. С моим Игнатом полвойны прошел. — Ксения Филипповна взглянула на портрет мужчины в шинели с петлицами. Такие портреты, увеличенные с маленькой фотографии с удостоверения, есть, наверное, в каждой русской семье. — На руках Арефы он и помер... После войны Арефа с молодой женой, с За-

рой, приехал в Бахмачеевскую. Приехал, об Игнате рассказал. И остался тут... — Она переменяла тему: — Интересуются на станице... — И посмотрела на меня.

— Чем? — невинно спросил я.

— Разным... Женат ли, выпиваешь ли...

— А кому какое дело? — вспыхнул я. — Взятки, кажется, не беру. И вообще без году неделя...

— Да ты не кипятись... По другому это боку идет.

— Неужели людям нечего делать, как только кости перемывать?

— Поешь, Дмитрий Александрович, больно мало кушал... — Она почему-то всегда называет меня по имени и отчеству. — Ты не серчай на людей. Их понимать надо... Невест — пруд пруди, а ребята отсюда разлетаются.

Я наконец понял, в чем дело. И залился краской.

— Ну раз тебе это не в охотку, говорить не буду. Только скажу: вот приехал ты, и на милицию по-другому смотреть стали. Не то что при Сычове. Говорят, потому ли, что форма у тебя другая и не участковым уполномоченным называешься, а инспектором.

Я рассмеялся.

— А ты не смейся. Сычов-то ходил пасмурный какой-то в смысле одежды. Синее все. Галифе. Шинелька до полу болтается. А у тебя внешность нарядная, светлая. Мышиный цвет. Благородно...

— Теперь такая у всех работников милиции.

— Ага. Перемена, стало быть, есть. Правильно люди заметили. И еще, у Сычова на погонах звезд не было...

— Старшина. Не успел дослужиться.

Ох уж эта мне звездочка! Знала бы Ксения Филипповна...

— Сычову бы не дали. Давно ведь за ним грешки наблюдались. И главное — это... — Ксения Филипповна щелкнула себя по шее. — Ну и мотоцикл тебе сразу определили. Новый. И цвет видный.

— Участок большой, — как бы оправдывался я. — Служба у нас становится все оперативнее...

«Выходит, только проклятому бугаю цвет моего мотоцикла не понравился», — подумал я про себя.

Ксения Филипповна продолжала:

— Народ, он все подмечает. Самую малую крошечку. Потому как любые перемены на нем отражаются. Что ты

ему ни говори, а он прежде всего дело видит. Человек каждый день ходит в магазин, каждый день хлеб ест, еще он одежду носит, в автобусе, поезде ездит... Всякую службу несет. И женится, родит себе подобных. Небось тянется туда, где лучше. Бежит с того места, где жмут его. И очень-очень много думает, прежде чем сделать что-либо... А как же иначе быть должно?

Я спросил ее, почему она не уезжает к детям. Ведь одной жить тоскливо.

Ксения Филипповна покачала головой:

— Нет, Дмитрий Александрович, не хочу я жить в городе. Асфальт не люблю. По мне самое лучшее — по земле ходить. Хоть и не разрешают врачи, а я люблю скинуть башмаки и босиком, босиком по двору шастать. Помню, девчонкой была, так без обуви до самых холодов бегала. По стерне. Колется, царапает, а мне все нипочем. Еще такие колючки есть — гарбузики. Ну прямо в наказание ребяташкам созданы. Напорешься, слезы из глаз, а через минуту забываешь, скачешь, як та коза. А то, что я будто одинокая, — совсем ерунда. Я здесь каждую бабу, каждого мужика знаю, их детей и детей их детей. Все как родня. Не то что в городе! Вон у дочери насмотрелась. С соседями стенка в стенку живут десять лет, каждый день видят, а будто даже и незнакомы. «Здравствуй — до свидания» не скажут. И считают, так как бы и надо...

Я слушал Ксению Филипповну, и перед глазами у меня стояла бабушка. Она тоже жила только для других. Ее ничто не могло сломить: ни старость, ни недуги. Потому что бабушка ничего так не ценила, как людей.

Как я жалел, что ее уже нет. Она ушла из жизни не в страшные годы разрухи, голода, под немцами, а тогда, когда было тихо и спокойно в мире. Дома все спали. Ей словно захотелось открыть дверь и выйти посмотреть на безмятежную ночь, полную звезд. Ушла и не вернулась...

Про Чаву и Ларису Ксения Филипповна так ничего и не сказала. А я почти был уверен, что разговор с Арефой шел именно о них.

Деликатная душа обитала в Ксении Филипповне. Наверное, чувствовала мою настороженность и натянутость, когда я видел библиотекаряшу.

...Засыпал я в этот вечер без особых забот. Я опять ощущал, что жизнь огромна и бесконечна.

Как-то бабушка сказала, что мужчине обязательно надо, чтобы его беззаветно любила хотя бы одна женщина, будь то мать, сестра, жена или дочь... У меня сейчас есть такой человек. Это Алешка.

А потом?

Потом будет дорога, дорога через зеленую степь. С холма на холм... без конца, без края...

Я заснул.

И когда стали тарабанить в дверь и в окно, я не сразу понял, на каком нахожусь свете.

— Товарищ участковый! Товарищ милиционер! Митька Герасимов убийство может совершить!.. Помогите...

Во мне сработала армейская привычка. Я соскочил с постели, как по тревоге, и оделся в считанные секунды.

Мы бежали с пожилой женщиной, которая путалась в длинной ночной сорочке. Платок поминутно сбивался ей на плечи. Она поправляла его, забыв, однако, о том, что почти раздета.

Из ее бессвязных криков я понял: она услышала, что сосед, Дмитрий Герасимов, грозитя кому-то ружьем и пьян «до бессамочувствия». А там, в хате, дети...

Я пытался вспомнить лицо Герасимова, но перед глазами почему-то маячил Сычов...

И когда мы добрались до герасимовского двора, который обступили несколько станичников, я понял, почему мне в голову лез Сычов.

Это был тот самый молодой мужик, в белой майке и синих штанах до щиколоток, который частенько захаживал в тир, к Сычову, с бутылкой.

Я увидел его в проеме освещенного окна, в той самой майке, с дустволкой наперевес.

Он стоял посреди горницы, под самой лампой, чуть-чуть покачиваясь, с сумасшедшими, застывшими глазами...

Перед ним, всхлипывая и причитая, закрывала кого-то собой его жена. Наверное, за ее спиной прятался ребенок.

Он стоял посреди горницы, под самой лампой, чуть-чуть покачиваясь, с сумасшедшими, застывшими глазами...

Это я увидел, подойдя вплотную к окну. Я чувствовал плечом шершавую саманную стенку и лихорадочно обду-

мывал, как обезоружить пьяного, находящегося в бреду горячки мужика.

Медлить было нельзя. Могло вот-вот произойти непоправимое.

Что делать? Что делать?! От напряжения у меня стучало в висках.

Митька стоял как раз напротив двери. Если я ворвусь через сени, то столкнусь с ним прямо лицом к лицу. И не известно, что взбредет ему в голову. Такие люди начисто лишены самоконтроля.

С бьющимся сердцем я обогнул хату. Теперь я видел через открытое окно Митькину спину...

— Митя, Митенька... Да что ж ты задумал, миленький? — жалобно плакала его жена. Из-под ее руки смотрело испуганное детское личико. Герасимов что-то бесвязно и грубо кричал.

Раздумывать дальше было нельзя. И прежде чем Митька обернулся, я влетел в хату, сбив с подоконника горшки с цветами.

Я кинулся к нему под ноги, когда надо мной что-то разорвалось. В нос ударил кислый, едкий запах пороха. Вокруг зазвенел железный дождь. Его капли запрыгали по комнате, по полу...

Трудно понять, откуда у пьяного взялась такая сила! Он был словно буйнопомешанный. Я боролся с ним и боялся, что мне его не одолеть. Он был похож на крепкое, жилистое дерево с торчащими во все стороны сучьями, которые надо было обязательно сложить вместе, а то они здорово колотили и мяли меня...

Потом прибежали какие-то парни, по-деловому, сосредоточенно связали веревкой дергающегося подо мной Митьку.

Я огляделся. Вся комната серебрилась алебастровой пылью, а по ней ходил бледный, худенький мальчик лет пяти, в сатиновых заплатанных трусиках, и молча собирал пятаки и гривенники.

Митька угодил в копилку, стоящую на старомодном резном буфете.

Я не знаю, почему тогда принял именно это решение.

Может быть, потому, что вид Митьки был ужасен: безумные глаза, ходившее ходуном спеленутое тело, бычье мычание?

Оброненная кем-то фраза: «Теперь до утра не успокоится»?

Наставление преподавателей, что подобных нарушителей надо немедленно изолировать?

Тень смерти, в ключья разнесшая гипсовую кошечку?
Наверное, все вместе.

Мы дащили его в мой кабинет почти на руках. Уложили на диван с потрескавшимся дерматином, и я остался один на один с Герасимовым коротать ночь...

Это потом я вспомнил ее во всех подробностях. Во всех деталях зыбкого, полудремотного бдения. И каждая секунда показалась значимой и полной смысла. Потому что эта ночь, как удар топора, разделила всю мою жизнь ровно пополам. На то, что было до и после.

Все это было потом.

А тогда я сидел за своим столом, опустив тяжелеющую голову на руки, и смотрел на Митьку, зубами вцепившегося в веревку и остекленевшими глазами уставившегося в потолок. Герасимова бил озноб. Кто-то зачем-то окатил его из ведра.

Диван под ним ходил ходуном, скрипя старческими пружинами. А потом утих.

Я был зол на Митьку. Может быть, потому, что он напомнил мне очень неприятные минуты в моей жизни.

Нет, отец никогда не бывал буйным. Наоборот, опьянение лишало его какой-либо подвижности, жестов, мимики. Он переставал общаться с этим миром. Из него уходил человек, и оставалась одна пустая оболочка.

И хотя случалось это не так уж часто, но каждый раз разлад в семье продолжался долго и шоком сковывал мать.

Она не кричала, не ругалась. Она страдала тихо и упорно, как от скрытой тяжелой болезни. И не бросалась с лихорадочной любовью на нас с Алешкой, чтобы облегчить свою боль. Она сильная, моя мать.

Я не знаю, переживал ли отец. Иногда казалось, что да, переживал. Но тогда разве можно было снова окунуться в это состояние?

Наверное, от матери у меня неприязнь к алкоголю.

Лишь одна бабушка как-то сдерживала дурное влечение отца.

Но ее не стало...

Я сидел, облокотившись на стол. У меня затекло все тело. В голову иногда заползали призрачные сновидения, но тут же улетучивались при каждом резком скрипе диванных пружин.

Герасимова снова стал бить озноб. Во мне проснулась жалость. Может, я видел в нем другого человека, моего отца? Не решаясь сбежать домой за одеялом и не найдя ничего другого под рукой, я укрыл его сложенной вдвое суконной скатертью со стола.

Часа в три он притих. Я развязал ему руки. И вздремнул сам.

Часов в пять я проснулся оттого, что он сидел на диване и смотрел прямо на меня. Взлохмаченный, с синим, отекившим лицом.

Было уже светло. Тот час, когда серый кисель света без теней и оттенков заполняет все вокруг.

— Голова трещит, — прохрипел Митька. — Опохмелиться бы...

Я молча налил ему стакан воды из графина. Он выпил ее всю судорожными глотками. Махнул рукой и снова повалился на диван, подбирая под себя ногами короткую скатерть и сворачиваясь в калачик.

Окончательно я проснулся часов в семь. Что-то подтолкнуло меня. Я открыл глаза. Комнату самым краешком коснулось солнце. Но этого было достаточно, чтобы вся ночь улетела бог знает куда.

Я смотрел на спокойно вытянувшегося Митьку. Его ноги вылезли из-под скатерти. У меня было такое ощущение, что я врач, переживший у постели больного опасный кризис его болезни.

Я подошел к нему и потряс за плечо.

— Вставай.

Но он лежал неподвижно. Так неподвижно, что у меня у самого, казалось, остановилось сердце...

Что было потом?

Потом все было как в страшном сне, который не помнится целиком, а приходит на ум отдельными, самыми болезненными кусками. Таким и осталось у меня в памяти то утро.

Я даже сначала не сообразил, что случилось. А когда до меня дошло, почему Герасимов так неподвижен, по-

чему так спокойно его одутловатое лицо, я зачем-то первым делом позвонил Ксении Филипповне. И уж затем только вызвал врача.

И стали появляться люди — Ракитина, Нассонов, парт-орг, Катаев... и еще кто-то. Люди, имен и лиц которых я не помню, смотревшие через окно на покрытое скатертью тело.

Сколько прошло времени, пока не приехал начальник РОВД майор Мягкенький, следователь прокуратуры и судмедэксперт, не знаю.

Помню только причитания Митькиной жены, которые отдавались в душе такой болью и безысходностью, что я был готов бежать хоть на край света, лишь бы не слышать их.

Потом мы сидели со следователем райпрокуратуры в кабинете у Ксении Филипповны. До мельчайших подробностей застряло в моей голове, как он спокойно стал заполнять протокол допроса — фамилия, имя, отчество — и время от времени сгибал и разгибал скрепку.

Я смотрел на его ровный, отчетливый почерк, отмечал про себя профессиональную неторопливость и обстоятельность, с которой он вел допрос, а в голове у меня проносились: ну вот и полетела прахом вся моя жизнь и служба. Осталось только появиться «черному ворону», потом КПЗ, и закрутится машина...

Когда следователь закончил, в кабинете появился майор Мягкенький с судмедэкспертом. Начальник райотдела, как мне показалось, старался на меня не смотреть.

Судмедэксперт, с редкой седой шевелюрой, в коломянковом пиджаке, засыпанном пеплом и крошками табака, вертел в прокуренных пальцах потухший окурок.

— Наружных повреждений нет... По всей видимости, смерть наступила этак часа четыре с половиной назад. А сивухой до сих пор несет! Такого вскрывать — хуже нет! — Он посмотрел на меня и, усмехнувшись, покачал головой: — Ему не воды надо было, а граммов сто пятьдесят. Тогда, может быть... — Он развел руками. — Абстиненция. — Незнакомое слово камнем опустилось в сознание. — Вот тебе, бабушка, и троицын день... — закончил судмедэксперт и закурил новую папиросу.

— Что, теперь прикажешь в вытрезвителях водку держать? — хмуро произнес майор.

— И селедочку с луком, — усмехнулся следователь.

Мягкенький, озабоченно вздохнув, сказал мне:

— Нечего тебе пока тут маяться. Поехали...

И мы пошли через толпу расступившихся станичников — майор, судмедэксперт и я.

Следователь остался в станице.

Я шел, никого не видя, не различая и не выделяя из общей массы.

И как хлыст по лицу, обожгли слова какой-то старушки:

— За что человека сгубили, ироды, да еще в божий день?..

Я увидел, как у майора свело скулы.

Уже в машине, на дороге, далеко от хаты сельсовета, где в моей комнате лежал утихший навсегда Герасимов, когда мимо нас промчалась машина из морга, начальник райотдела сказал в сердцах:

— Дернул же тебя черт забрать его в свой кабинет!

Я ничего не ответил. Неужели и он думает, что я виноват? Но в чем? Почему смерть Митьки лежит на мне?

Может быть, я действительно сделал что-то не так? А с другой стороны, не заберу я его к себе, могло ведь случиться еще страшнее.

Вдруг подумалось, смогу ли я доказать следователю, что невиновен, поверят ли мне, если расскажу все, как было?

В райотделе, в Краснопартизанске, только и говорили о ЧП в станице. Майор Мягкенький собрал руководящий состав, и они заперлись о чем-то совещаться. Я сидел в дежурной комнате, где по случаю понедельника было много народу, и меня, слава богу, никто не тревожил, и еще и еще раз перебирал в уме события ночи.

Может быть, я что-нибудь сделал Митьке, когда боролся с ним в хате? Мы катались по полу, как сцепившиеся звери, бились о ножки стола, о комод... Ведь что стоит человеческая жизнь? Попади нечаянно в висок и — крышка... У меня у самого до сих пор ныл затылок, на котором бугрилась здоровенная шишка.

От всех этих мыслей меня бросало то в жар, то в холод...

Дежурный по отделу, старший лейтенант, кидал на меня любопытные взгляды. Было видно, что ему очень хотелось

расспросить меня о случившемся. Но у него не было ни одной свободной минуты. Люди шли и шли.

Неожиданно он обратился ко мне:

— Кичатов, звонила секретарь прокуратуры, просят зайти к прокурору...

Я шел в райпрокуратуру, ноги были налиты свинцом, а в сердце вдруг образовалась пустота. Сейчас мне прикажут сдать оружие, документы, ремень... Снимут погоны... Ну что ж, будь что будет...

Нашего райпрокурора я видел до этого всего один раз. Женщина лет сорока, в темном костюме, в кофточке, с накрахмаленными воротничком и манжетами, которая удивила меня своей белизной в этом краю, где непрестанно дуют ветры и от серой пыли никуда не денешься. Я всегда был вынужден носить с собой бархотку, чтобы мои туфли имели приличный вид.

В кабинете прокурора сидела посетительница лет тридцати.

Прокурор встретила меня, словно ничего не произошло. Представила молодой женщине, фамилия которой была Юрлова, попросила ее выслушать и, если понадобится, подкинуть в Бахмачеевскую.

Я машинально кивал и поддакивал.

Может быть, меня нагружают делом, чтобы я не болтался просто так?

Совершенно сбитый с толку, я пропустил вперед себя Юрлову, которая оказалась выше меня на полголовы, и прошел с ней в пустую приемную.

Мы сели на диван.

— В моем распоряжении всего один день. Завтра я должна уехать, — сказала она категорически. — Вы, конечно, поможете мне добраться до Бахмачеевской?

Модно одетая дама критически оглядела мою мальчишескую физиономию и погоны с одной звездочкой.

Я пожал плечами. Откуда я мог знать, что ждет меня через час.

— Ну и порядки! Только бы спихнуть человека...

— Могу проводить вас до автобуса, — спохватился я.

— Ближайший — только вечером.

— На попутной, — предложил я. — Тоже можно поспособствовать.

— В грузовике? — усмехнулась она. — К сожалению... — Она показала на свое платье: — В такой одежде по нашим пыльным дорогам не разъедешь.

— И легковые иногда ходят.

Она что-то прикинула.

— Лучше подожду автобуса.

— А дело какое у вас?

Юрлова открыла удлиненную лакированную сумочку с замком под червленое серебро и достала сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот...

Я долго читал ее заявление. Мой мозг был не в состоянии связать какого-то Юрлова Игоря Константиновича, присылавшего ей мало денег на сына, с тем, что ждало меня впереди.

Кто же у нас в станице Юрлов?

Я с трудом сформулировал свою мысль:

— А вы сделайте как все — подайте в суд. И по исполнительному листу будете получать столько, сколько положено по закону.

— Спасибо, — сказала она. — Это мне известно.

— Он же не уклоняется... Вот если бы он уклонялся, прятался, тогда это было бы нашей обязанностью — найти его. А сумму алиментов определяет народный суд. Если вы не можете договориться...

Юрлова посмотрела на меня с удивлением. Я сам чувствовал, что произвожу, наверное, впечатление не совсем нормального человека.

— Какой суд? Что вы такое говорите? — всплеснула она руками. — Зачем мне суд? Если бы он был такой, как все...

— А какой он? — удивился я.

— Отец ваш...

Что за чертовщина, при чем тут мой отец?

— Священник...

— Отец Леонтий?!

Она кивнула.

Эта новость встряхнула меня. Я стал соображать отчетливей.

— И сколько он вам, значит, присылает?

— Не мне, — вздохнула она, — сыну... Двадцать пять.

— А получает в месяц?

— Что-то около ста пятидесяти.

— Мало присылает, действительно...

— Видите ли, он уверяет, что у них налоги какие-то другие. — Она неожиданно для меня смутилась. — Он, то есть Юрлов, писал, что получает на руки мало. Вот и попробуй разберись во всем этом...

Я с ними, церковными, никогда дела не имел. И прямо сказал об этом:

— Не знаю, как там у них с зарплатой. Давайте встретимся перед отходом автобуса. Попробую кое-что узнать.

— А где я вас буду искать? — спросила она, опять раздражаясь.

— Или здесь, или в райотделе внутренних дел. — На языке вертелось: «Может быть, в КПЗ». Но только вздохнул.

— А спросить кого?

— Кичатова.

— Запомню... — Она поднялась.

Мы расстались. А я обрадовался: слава богу, есть какое-то дело. Но куда мне обращаться, я, честно говоря, не знал. Значит, надо спросить в РОВД. И вообще попытаться узнать, что меня ожидает.

Я пошел к майору. Совещание у него закончилось. Все разошлись. Мягкенький посоветовал:

— Загляни сначала в райфо. Там все разъяснят. Ну, а за дополнительными сведениями, если они понадобятся, можешь сходить к преподобному. Это районное начальство вашего отца Леонтия.

О ЧП — ни слова.

В приемной начальника отдела я неожиданно столкнулся с бабой Верой, той самой, у которой была корова Бабочка... Знала бы она, какие у меня неприятности!

Чистенькая, наглаженная Крайнова смиренно ожидала, когда можно будет зайти к майору. Возле нее, плечом подпирая стену, стоял подросток, угрюмо созерцающая свои длинные, нескладные мосластые руки.

Крайнова, увидев меня, поклонилась:

— Здравствуйте, товарищ участковый.

Бывать в подобных учреждениях ей, видимо, приходилось не часто. И мне она обрадовалась, как своему.

— По какому делу? — спросил я. Меня обуяла жажда деятельности, единственное, что спасало от тягостных дум. — Может быть, помощь какая-нибудь требуется?

— Благодарю. Спасибочки, — еще раз поклонилась она. — Вот за горемычным пришла, — кивнула старушка на подростка. — Внучок мой, Славка.

Парнишка глянул на меня виновато из-под челки, наискось закрывавшей ему лоб.

— Набедокурил что?

— Из бегов вернули... — вздохнула баба Вера.

И тут я обратил внимание на старенький, выдавший виды рюкзак в углу приемной.

Из двери выглянул Мягкенький.

— Заходите, Вера Николаевна. И ты, Миклухо-Маклай... — поманил он паренька.

Славка, подхватив свою поклажу, двинулся вслед за бабкой.

Пропустив их к себе, майор крикнул мне вдогонку:

— Кичатов, после райфо зайди ко мне.

— Слушаюсь, товарищ майор.

Решительно, сегодня мне не дадут кинуть без дела.

С отцом Леонтием, то есть Юровым Игорем Константиновичем, каким он являлся в миру, история действительно была непростая.

По справке, выданной церковным советом и подписанной старостой, выходило, что он получал около ста пятидесяти рублей. Райфинотдел взимал налог почти половину этой суммы...

— Так как же с него брать алименты? — недоумевал я.

— Двадцать пять процентов, как со всех, — сказал заведующий райфо.

— Исходя из какой суммы — за вычетом налога или без?

— Как со всех — без вычета!

— Да, но у всех подоходный налог всего шесть процентов!

Начальник райфо глянул на меня поверх очков.

— А что вы за него печетесь? Он заводил детей сам, сам разводился... По одежке протягивай ножки.

— Как же получается? — горячился я. — Вы у него взимаете, допустим, семьдесят рублей в месяц и еще алимен-

ты тридцать пять рублей. И остается у него около сорока рублей. Есть же человеку надо?!

— У них много постов. — Начальник райфо придвинул к себе счеты. — Великий пост в среднем сорок пять дней, Петров пост — двадцать дней, Успенский пост — пятнадцать дней, Рождественский, он же Филиппов, — сорок дней. Итого — сто двадцать дней. Это только многодневные посты. А еще каждая среда и пятница в течение года, за исключением, правда, Святков и сплошных седмиц. — Он быстро перебрасывал костяшки. — Та-ак... Еще два поста: в день Воздвижения Креста Господня и Усекновения главы Иоанна Предтечи. Почти половина года — растительная пища. Между прочим, врачи пишут, очень полезно для здоровья. Далее... Живет он, считайте, в деревне. Имеет приусадебный участок. Жена, опять же, работает. Рублей сто приносит.

— Здорово их механику знаете, — вздохнул я.

— Тридцать лет, поди, с тещей живу. И не помню, чтобы пропустила хоть один пост...

Потом я снова пошел в прокуратуру. Выяснять — так выяснять до конца.

Райпрокурор куда-то спешила.

— Церковь у нас отделена от государства, не так ли, товарищ младший лейтенант?

— Так.

— Стало быть, доходы у нее частные. Не буду говорить, трудовые или нет. Человек все-таки трудится. А с частных у нас налог большой. Тут уж ничего не поделаешь. Не бойтесь, ваш батюшка с голоду не помрет. Прихожане, помимо денег, натурой несут: яйца, молоко, сало, масло, птицу. Какие крестины или отпевание без подношений? У нас, знаете, еще многих захребетников кормят. Русский народ — он добрый...

Выходило так, что я ничем не мог помочь Юрловой. Вернее, ничего нового не узнал.

Когда я рассказал обо всем майору Мягкенькому, в первый раз за весь день лицо его посветлело.

— Постов много, говоришь?.. — улыбнулся он. — Да, здорово наш финансист подсчитал. Ну бог с ними, с попами. А тебе вот еще какое дело. На твой участок направлен проживать Вячеслав Крайнов. К бабушке, стало быть. Ты их видел...

— Так точно, товарищ майор. Крайнову я знаю. Пенсионерка. Муж ее тоже пенсионер. Коммунист...

— Постой, не долдонь. Вячеслав Крайнов был дважды задержан в поездах дальнего следования. На восток двигался. В Сибирь. Романтика, понимаешь, одолела. Парнишка, еще и пятнадцати нет. В город с родителями перебрался шесть лет назад. А город на иного влияет... Один раз задержали в поезде целой компанией. Вернули родителям. Теперь — рецидив. Ну и мелкая кража. В колонию его — жалко. Испортится вконец. А украл с голодухи. Проводники на поездах, подлецы, что делают: берут у таких, как он, последнюю пятерку и езжай, куда хочешь, хоть на край света. Не думают, что у пацанов шиш в кармане остается. А ехать надо пять-шесть суток... Вот и воруют. Короче, хлопца сняли с поезда, а он назвал адрес своей бабки. Может, испугался, что отец снимет ему штаны и взгреет как следует. Родителям сообщили по телефону. Крайнову-старуху вызвали. Они промеж собой решили, чтобы этот самый Миклухо-Маклай пожил в деревне, подальше от дружков. Да и сам задержанный говорит, что хочет жить у бабки. А тебе задание — присмотреть за ним. Найди кого-нибудь постарше его, из комсомольцев. Что называется, настоящего общественного воспитателя. Чтобы занялся с ним. Потом утвердим, все как полагается. Задание ясно?

— Так точно, товарищ майор.

Уже в конце рабочего дня я встретился в РОВД со следователем райпрокуратуры, который вернулся из Бахмачеевской. Он посмотрел на меня с нескрываемым любопытством и покачал головой:

— Повезло тебе, Кичатов. В рубашке родился... Двенадцатый калибр. С такого расстояния он размозжил бы тебе голову, как перезрелый арбуз... (Я даже сначала не понял, о чем он говорит, потому что Митькина смерть как-то заслонила события, приведшие его в мой кабинет.) Завтра часиков в одиннадцать зайди ко мне. Продолжим разговор...

Я решил сегодня в Бахмачеевскую не возвращаться. Все равно утром надо быть здесь. Завтра же должно состояться вскрытие. Что оно покажет? А если предварительное заключение судмедэксперта, что Герасимов умер с перепоя, не подтвердится?

Но об этом не хотелось думать. Я вообще не мог уже думать и соображать. И так намотался за весь день от прокуратуры в РОВД, из РОВД в прокуратуру...

Хотя меня и приглашали ночевать к себе сотрудники райотдела, я заказал номер в гостинице «Маныч».

Около гостиницы я встретил Юрлову.

Выслушав меня, она поблагодарила за хлопоты и больше ничего не сказала. В Бахмачевскую ехать раздумала. Какая-то она была тихая, задумчивая и показалась мне странной.

Это же надо — тащиться за тысячу километров из Москвы, морочить голову райпрокурору, милиции, выслушать то, что сама прекрасно знала, и уехать, ничего не предприняв!

Гостиница «Маныч» еще пахла краской, мебельным лаком и бетонной сыростью.

Я купил талон на переговоры с Калинином, заказал нашу квартиру и попросил дежурную разбудить меня в десять вечера. В номере телефона не было.

Я повалился в постель, и тяжелый сон бросил меня в какую-то бездну. Я совершенно отчетливо понимал, что сплю, что вихрь образов и нелепиц мне только снится, и сознание этого мешало и раздражало.

Но и это мое полузабытье было разрушено. Кто-то прямо над ухом громко и отчетливо произнес: «Ватерлоо».

От этого слова оборвалась тягучая вереница сновидений.

Откуда, почему это слово? Кто его произнес?

В памяти возник растрепанный школьный учебник истории. Битва при Ватерлоо.

Вспомнил! Афиша на кинотеатре. Фильм «Битва при Ватерлоо».

В номере было совсем темно, одиноко, тоскливо. Только я осознал это, как постучала дежурная:

— Калинин!

В трубке отчетливо звучал взволнованный, чуть срывающийся голос Алешки:

— Димочка, Димчик! Это ты?

— Я, я.

— Как ты там?..

— Хорошо. А ты как?

— У нас все нормально. А у тебя?

— Все в порядке.

Когда истекли заказанные три минуты, я вдруг обнаружил, что ничего не узнал. И сам не рассказал ничего.

А что я мог рассказать Алешке? Так, отделался общими словами. Главное, надо было услышать родной голос. Стало легче, радостное ощущение, что мы говорили, словно побывали рядом, немного растворило тяжесть от событий прошедших суток.

Пожалуй, впервые за весь день я по-настоящему ощутил голод!

На первом этаже помещался ресторан. Тоже «Маныч». Пять столиков. Развесистый фикус с глянцевыми листьями.

Один из столиков занимала компания молодежи, спокойной, негромко переговаривающейся, словно боящейся нарушить пустынность и тишину зала.

За другим столом сидела женщина спиной к входной двери. Устраиваться еще за один столик мне показалось неудобным. И я направился к одинокой посетительнице, вежливо спросив:

— Разрешите?

— Да, конечно. — Это была Юрлова.

Я устал в незатейливое меню, досадуя: получилось, будто я нарочно искал с ней встречи. И пересаживаться неприлично. Но по ее поведению я скоро понял, что она вовсе об этом не думала.

И разговор получился у нас непринужденный. Я спросил:

— Что это у вас такое меланхолическое настроение?

Она усмехнулась:

— Вас тоже нельзя назвать очень веселым... Неприятности по службе?

Что уж врать?

— В этом роде...

Когда мне принесли котлеты и чай, я уже знал, что ее зовут Соня.

Наверное, и ей и мне надо было излить кому-то душу...

— Что вы думаете делать? Будете подавать в суд? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

— А как же?

— Будет, как было... — Юрлова достала из своей щегольской сумочки пачку дорогих сигарет, иностранную зажигалку. — Хорошо, что вы сели ко мне. Страшно хотелось затянуться, а одной неудобно. Вы курите?

— Нет.

— Редкое явление. — Она жадно затянулась. — Думаете, небось, дотошная бабенка, из-за десяти рублей в месяц тащилась в такую даль...

— Нет, скажу честно, не думаю. Не до этого.

— А вы знаете, что меня остановило? Вернее, окончательно убедило, что ничего не надо предпринимать?

— Не знаю.

— Вы.

Я уставился на нее.

— Да. У вас было такое лицо... Как бы это объяснить? Ну словно я обращаюсь по какому-то ничтожному случаю к человеку, у которого случилось большое несчастье. Простите за сравнение. Я надеюсь, что это не так?

Я вздохнул.

— Нет...

— Я не специально здесь. Была в Ростове. На соревнованиях. Ну и выкроила пару дней. Я тренер по баскетболу. Когда-то сама играла. Вот хотела съездить в Бахмачевскую. Пожалуй, незачем...

— Вы теперь замужем?

Она улыбнулась:

— Нет. И его двадцать пять рублей, в общем-то, мне не нужны. Я хорошо зарабатываю. Часто бываю за границей. Как сами понимаете, эта проблема, — она показала на сумку, платье, — решается очень просто. Основная проблема для женщины.

— А для чего вы обращались в прокуратуру?

Юрлова засмеялась:

— Чисто женская логика... Вопреки здравому смыслу.

— Вам просто хотелось его повидать.

Соня посмотрела на меня с удивлением.

Конечно же, она принимала меня за несмышленного юнца.

— Это тоже было... Конечно, мне интересно посмотреть, какой он сейчас. Мы ведь не ругались. Все произошло без

ссор и истерик. Представляете, в один прекрасный день узнаешь, что отец твоего ребенка — церковнослужитель. Дьякон или как там его...

— Вы не знали? — удивился я.

— Нет. Мне и в голову не приходило. Учился на одном курсе. В институте физкультуры в Москве. Игорь был отличный спортсмен. Серебряные перчатки области. Компанейский парень. Любил рестораны. Ухаживал за девчонками. Кстати, просто не верится, что Игорь с его, мягко выражаясь, земной натурой стал священником.

Я вспомнил рассказы Ксении Филипповны. Не знаю, как сейчас, но до женитьбы на Лопатиной в станице про отца Леонтия поговаривали разное...

— Если вы знали, что он такой, как же вы?..

Юрлова улыбнулась:

— Еще радовалась, что такого парня заарканила. За ним многие охотились. Особенно первокурсницы.

Я в душе ругал себя — откуда у меня такой нравоучительный тон, казенные фразы? Можно подумать, «батюшка» я, а не Юрлов.

Соседний столик опустел, и мы остались с Соней одни в зале. Официантка несколько раз прошла возле столика, явно показывая, что мы ее задерживаем.

А Юрлова продолжала:

— Мы с ним зарегистрировались. Бесшабашно. Постуденчески. Мать у него жила под Москвой, в Переделкино. Это по Киевской дороге. Он даже не познакомил нас. Потом уже я сама ее разыскала... Жили мы в общении. Комнату нам выделили. Он по воскресеньям отлучался, иногда в будни. Меня не брал. Потом я сообразила, что это религиозные праздники. Как-то ребята с курса поехали на лыжную прогулку в Переделкино. И заглянули в церковь, из чистого любопытства. И увидели там Игоря. Он псаломщиком был. Скандал, конечно, разразился грандиозный. Он сказал вначале, что подрабатывал. Действительно, мать у него — инвалид, на пенсии... А ему хотелось одеваться, в ресторан сходить и так далее. Конечно, дело дошло до комитета комсомола института... Его спросили: как же он совмещал религию с марксизмом? По философии у него было «отлично». А он и говорит: меня, мол, спрашивали, что думает о религии Маркс,

а не я, мою точку зрения никто не спрашивал. Из комсомола его, конечно, исключили. Он не стал дожидаться, что решит деканат, и ушел из института. Поступил в духовную семинарию. Вот, собственно, и все.

— А вы? Что вы?

— А что я? Взяла академический — и к родителям в Оренбург. Потом сын родился, Костя...

— А он вас не пытался приобщить к церкви?

— Да нет, собственно. Спросил только, буду ли я всегда с ним. Смешно! В бога я не верю. Дикость это. А Костя? Поповский сын...

— И вы не осудили его?..

Я опять с неудовольствием заметил про себя, откуда у меня берутся эти стертые слова: «осудили», «приобщить»?..

Юрлова задумчиво посмотрела куда-то поверх моей головы, на цепочку огней, уходящих в тихую, засыпающую улицу Краснопартизанска.

— Как бы там ни было, а он отец Костика. Моего сына. И с этим ничего не поделаешь...

— Я не знаю, как вы считаете... Мне кажется, что он вас в чем-то предал...

Она посмотрела на меня почти с испугом.

— Он меня любил... И Костю любит, — тихо, но убежденно проговорила Соня.

— Нет-нет, я не об этом. Почему он не открылся вам до женитьбы?.. Теперь у вас проблема — сын... Что вы ему скажете?

— Не знаю... Не знаю — вот что страшно.

Официантка не выдержала:

— Вы будете еще что-нибудь заказывать? Буфет закрывается. И кухня.

Мы поднялись.

Я предложил пойти прогуляться. Город уже крепко спал. В эту тяжелую, душную ночь не хотелось думать о горячей постели, о нагретой за день комнате и об одиночестве в гостиничном номере с запахом не обжитой еще мебели.

Мы шли по мосту, высоко взметнувшись над узенькой полоской неподвижной речки.

И здесь, под открытым небом, оказались вдруг еще более одиноки. Одиноки порознь. Каждый думал о своем.

Не сговариваясь, повернули к гостинице. И расстались в коридоре. Наверное, судьба нас не сведет больше никогда...

Глава 8

«Дорогая Алешка!

Ты спрашивала, как идут у меня дела? Сама знаешь, когда говоришь по телефону, все главное вылетает из головы. А дела у меня идут отлично. И вообще работой я загружен по горло. До меня здесь был один человек, который все запустил, и приходится налаживать. Сейчас готовлю большую и важную лекцию для населения, разработал и утвердил в сельисполкоме мероприятия по профилактике и предупреждению преступности. Мне тут подбросили одного подростка твоих лет, с которым надо провести большую воспитательную работу. Еще думаю организовать в колхозе секцию самбо. С утра до вечера заняты. Ты не представляешь, сколько у участкового инспектора всяких забот и хлопот. И еще многое я тебе писать не могу из-за специфики моей службы. Алешка, как там наши папа энд мама? Где ты думаешь провести лето, неужели проторчишь в Калинин? И с чего ты взяла, что я влюбился? Ты еще маленькая и в этих вопросах ничего не смыслишь. Пиши мне чаще, целуй маму и папу. Крепко обнимаю, твой Дима».

Такое вот письмо я написал своей сестренке сразу по возвращении из города. Но опустить в почтовый ящик так и не решился.

Во-первых, потому, что дела у меня шли совсем не блестяще, на душе было муторно и тревожно. Во-вторых, какой интерес сестренке читать о моих повседневных делах? Тем более героического в них пока что мало. В-третьих, я должен был бы пригласить ее отдохнуть в Бахмачеевскую. Какая это была бы радость — побыть вместе! Но этого я не мог себе позволить. Не дай бог, до нее дойдут какие-нибудь слухи.

Вскрытие показало, что Герасимов умер с перепоя. Но следователь на допросе вел себя странно. Все было офи-

циально и сухо. И лицо его ничего не выражало. Он отпустил меня, сказав: «Разберемся». А в чем и как — не знаю.

И еще до меня дошли сведения, будто наш комсомольский секретарь ездил в Краснопартизанск. К следователю. От себя лично. Поговорить с Колей откровенно я не решился. Все ждал, сам расскажет. Но Катаев при встречах никогда не заводил разговора о своей поездке и вообще о Герасимове. Может быть, не желал огорчать?

Но самым неприятным были слухи. Ядовитые, злые, они ползли за моей спиной, как тихие, неслышные змеи. И это куда больше обезоруживало, чем прямая угроза.

Проходя по улицам станицы, я чувствовал на своей спине долгие взгляды. Кое-кто был склонен не верить следователю и заключению судмедэкспертизы. А иные прямо говорили, что, не попади Митька в ту ночь в милицию и опохмелись утром, жить бы ему да жить. Может быть, и так. Но кто мог поручиться, что, оставь я его дома, не пришлось бы хоронить его жену и сына, а самому Митьке не переживать эту трагедию и суд?

Моему начальству там, в райцентре, было легче: послали рапорт по инстанции, приложили заключение — и дело с плеч.

А каково мне?

Неприятнейшим образом вел себя Сычов, мой предшественник. Со мной он здоровался насмешливо, как бы говоря всем своим видом: вот что ты наделал, сосунок. Жизнь-то человеческая, и ответ за нее — не пирожки печь. При мне, мол, такого не было... Теперь он часами просиживал на корточках у дверей тира. Возле него останавливались станичники, о чем-то говорили, качали головой и поглядывали при этом через дорогу, на мои окна...

Не знаю, что бы я делал, не будь рядом Ксении Филипповны и Коли Катаева.

— Хватит киснуть, Дмитрий Александрович, — сказала мне как-то Ракитина, видя мое состояние. — Знаешь, если брать на себя все грехи нашего суетного мира, то небо с овчинку покажется. Конечно, разные несознательные элементы болтать будут. На чужой роток не накинешь платок... Но ты не поддавайся. Себя извести легче всего.

Взял меня в оборот и Коля Катаев. Мы пораскинули, кого определить Славке Крайнову в «опекуны».

— Как-то надо по-человеческому, — ерошил свой чуб комсомольский секретарь. — А то как же получается — свести его с кем-нибудь: вот, мол, тебе общественный воспитатель. И пойдет вся механика насмарку...

— Верно, — подтвердил я. — Пацан и так напуган.

— Если их подружить с Чавой, то есть с Сергеем Денисовым?

Я пожал плечами:

— А чему он его научит?

Коля рассмеялся:

— И ты туда же... Э-эх, товарищ инспектор! Пора бы людей изучить. Для тебя, если цыган, то...

— Ерунда! Я говорю об образовании Денисова. Ну, это самое, кругозоре...

— Серега — заводной парень. Природу, животных любит. Поет, танцует...

Уж лучше бы он об этом не вспоминал. Серьезно выступать против Чавы нельзя. Еще заподозрят, что из-за библиотечарши.

— Денисов, Денисов... Может быть, ты и прав.

— Конечно! — подхватил Коля. — Главное сейчас что? Увлечь чем-нибудь пацана. А образование ему школа даст. Пока лето, Крайнов может походить у Сереги подпаском...

— Пойдет он тебе, держи карман шире! Городской.

— Ты хоть раз на лошади сидел?

— Откуда? В городе-то...

— Вот именно! А я бы сейчас — только предложи. Елки-палки! До чего же красота! Особенно в ночном. Расположимся в какой-нибудь ливаде, на берегу, костер сладим. Картошку печем, байки разные травим. И чем страшнее — тем лучше... — Коля сладко причмокнул. — Эх, где ты, золотое времечко? Вот крупным деятелем стал. — Он засмеялся. — Теперь с пацанвой в ночное не поедешь. А жаль. Кстати, дорогой товарищ инспектор, ты хоть поинтересовался, из-за чего этот самый Славка бегал из города и вообще есть ли у него какая-нибудь жилка, за что можно зацепиться?

— Так, в общих чертах, — буркнул я. Хотя и успел только поговорить с парнишкой о его образовании и дальнейших видах на учебу. И мне стало неловко перед Катаевым: выходило, что я подхожу к парню формально.

Действительно, разговор у меня со Славкой вышел официальный. Ох уж эта мне официальщина!

— А знаешь, что мне Славка сказал? — продолжал Катаев. Он-то сразу почувствовал, что по-человечески с пацаном я так еще и не поговорил. — Голубятню он хотел соорудить. Очень увлекается этим делом. Построили они с дружками голубятню на крыше своего девятиэтажного дома, а их домоуправ погнал. Вид, говорит, современный портит. Вот и обидели мальцов. Я понимаю, что это был только повод для побега. А все-таки, значит, лежит у него душа к живому, к природе...

— Это надо учесть, — сказал я.

Слушая Катаева, я понял, почему колхозные ребята выбрали его своим комсомольским вожакom.

Нельзя сказать, чтобы он чем-нибудь особенно выделялся. И не самый образованный как будто, и из себя не очень видный. Даже какой-то очень обыкновенный. Но была в нем одна черта, которая покоряла сразу. Коля Катаев всегда оказывался там, где было худо и где его очень ждали.

Есть такие люди, которые умеют управляться с чужими неудачами. И не так, чтобы сразу быка за рога, перевернуть всех и вся. Он умел видеть обстоятельства, неприметные на первый взгляд, нажать на добрые пружинки в человеке...

— Коль, — сказал я, — есть у меня одна мыслишка... Как ты считаешь, если попытаться увлечь ребят самбо? Конечно, кто хочет.

Коля сразу сообразил, что к чему.

— Это ты надумал после того вечера, когда Женькины дружки драку устроили?

— Верно, — признался я.

— Ты спрашиваешь, стоящее ли дело? Только предложи — я первый прибегу. Пригодится. Да и жирок порастрясти... — Он со смехом похлопал себя по поджарому животу. — Какой у тебя разряд?

— Мастер.

— Иди ты! Вот сила... То-то ты их в клубе, как котят...

— Ну, преувеличиваешь, — смутился я. — А заниматься где?

— Это сейчас просто — в школе. А когда учеба начнется, как-нибудь согласуем с директором, а он — с учебным

процессом... И вообще, если у тебя такое спортивное настроение, можешь прийти на стадион. В футбол играешь?

— В школе гонял.

— Случаем, не на воротах стоял?

— Нет, защитник...

Коля окинул меня взглядом.

— Для твоей комплекции подходяще.

Так с его легкой руки я вступил в спортивное общество «Урожай». Это была отдушина в моем тогдашнем состоянии. И еще потому, что я последнее время не видел Ларису. Говорили, она мотается по бригадам на лошади. Развозит читателям книги, проводит конференции и рьяно собирает экспонаты для местного музея. Вообще я убедился, что слова у нее не расходятся с делом. И это было для меня укором. Я пока только составлял и утверждал планы. А Лариса даже такое сотворила, что поразила редко чему удивляющихся колхозников, — научила своего Маркиза вальсировать под баян. Вот что смогли женские руки! Ох уж эти женские руки — кого захочешь выучат плясать под свою дудку.

Лето достигло своего зенита. Стояли жаркие, дремотные, зыбкие от марева дни.

Я все ждал вызова в прокуратуру, но следователь словно забыл о моем существовании. Самому же не хотелось соваться.

Работы у меня скопилось достаточно. И в ней я находил забвение от грустных размышлений.

После некоторых колебаний я все-таки пошел к мужу Клавды Лоховой. Дело, скажем прямо, не особенно приятное: я симпатизировал продавщице, и заявляться к ней домой было неловко — получалось, что я вмешиваюсь в ее личную жизнь. Но о Лохове опять напомнил Нассонов, пекущийся о каждой паре рук, так нужных в хозяйстве.

Дом Лоховых стоял на отшибе. Они купили его у молодой семьи, уехавшей в райцентр. Говорят, быстренько подремонтировали запущенную хату, привели в порядок баз, выстроили добротный забор. Было видно, что хозяйева любят трудиться в саду и по хозяйству — все было ухоженное и справное.

Вдоль дорожки от калитки до самой хаты был разбит цветник. Цветы были подобраны так, что самые высокие

росли позади низких, не затеняя и не заслоняя их. Меня поразили бирки с названиями, болтающиеся на вбитых в землю колышках. Для того, видимо, чтобы осенью, когда созреют семена, не смешать их, не перепутать.

Конечно, все это было сделано Тихоном, Клава вряд ли к чему прикасалась: магазин открывался с утра, а закрывался чуть ли не с поздней зарей. А кому не хочется иметь такой уютный дом? Вот она и пеклась об том, чтобы мужа не трогали.

С Тихоном Лоховым я разговаривал буквально десять минут.

По словам Нассонова выходило, что Тихон — отъявленный лентяй и лежебока, уклоняющийся от работы. А на самом деле я встретил работящего мужика, спокойного и приветливого.

Выслушав меня, он только покачал головой:

— Ну, Клавдия Никаноровна зря меня бабой представила. Рад бы пойти трудиться, да болячки не пускают.

И показал вполне официальный документ, в котором значилось, что Лохов — инвалид второй группы. Оказывается, у него было удалено одно легкое. Застарелый туберкулез...

Конечно, после такого говорить с ним о работе в колхозе было бы просто неприлично. Не корить же человека за его болезни!

Я, как полагается, извинился за визит, откозырял и даже высказал обиду, что Клава поставила меня в неловкое положение.

— Ничего, бывает, — проводил меня до калитки Тихон. — Я вас понимаю, товарищ инспектор. Что теперь Лохов? Вроде пенсионера получается. А ведь в свое время всю тайгу обошел... с геологическим рюкзаком.

Даже в такую жару у него была наглухо застегнута рубашка. С виду — крепкий, здоровый мужик. Вот не повезло! А Клава, наверное, стыдится его неполноценности. Мало ли что скажут люди? Сам знаю, какие любители почесать языки на чужой счет у нас имеются.

Я рассказал о нашем разговоре Нассонову. Тот покачал головой и махнул рукой, буркнув, что не может же он знать, что внутри у каждого станичника, не рентген, поди.

И еще я сказал Нассонову, что в нашем районе появилась артель шабашников, которая разъезжает по станицам и хуторам, предлагая разные услуги: кому лошадь подковать, кому лудить и паять посуду, берутся и за более сложное дело — починить жнейку, сенокосилку. Даже возят с собой горн, наковальню и другой инструмент.

Правда, в станице эта артель пока не появлялась, но возникли трое незнакомцев в галифе, в длинных пиджаках и хромовых сапогах. Кто такие, еще не знаю.

Геннадий Петрович выслушал меня довольно холодно, давая понять, что он сам с усами, и не без иронии поблагодарил за напоминание о бдительности...

Однако я не успокоился и постарался собрать сведения о вновь прибывших.

Оказалось, что эти трое, цыгане, приезжали в Бахмачевскую и раньше, всегда при деньгах, интересовались лошадьми. Родственников у них в колхозе не было.

Останавливались они обычно у Петренко. Это еще одна цыганская семья в колхозе, помимо Денисовых. Но Петренки с Денисовыми почти не общались. На мой вопрос: «Почему?» — Арефа насмешливо ответил:

— Мы простые. А они киноактеры. В картине как-то снимались. В толпе. На экране меньше секунды, а фасону на всю жизнь.

Теперь приезжие ходили по станице с Чавой. Значит, Денисовы их тоже знали. Мне хотелось поговорить с Арефой, но он с женой уехал на похороны младшего брата в станицу Альметьевскую.

Оставался Чава. Он зашел ко мне сам поговорить насчет Славки Крайнова.

Чава был веселый, довольный. Но сквозь это веселье проскальзывала озабоченность.

Внук бабы Веры оказался послушным мальчишкой, покладистым. «Может быть, опять побег задумал? — мелькнуло у меня в голове. — Усыпляет бдительность».

— А как справляется со стадом? — спросил я.

— Со стадом справляться ему нечего. Главный пастух — Выстрел. Я у него заместитель. А Славка уж и не знаю, чей заместитель...

Я слегка прощупал Чаву насчет знакомых, с которыми он несколько дней околачивался в Бахмачевской.

— За них не беспокойся, товарищ начальник. Они до самого председателя дело имеют. Вот и сейчас поехали с ним на конеферму.

Вот почему Нассонов не особенно хотел со мной говорить о приезжих! Значит, есть у председателя с ними какие-то дела.

— Ну, раз с председателем, тогда все в порядке. — Я снова перевел разговор на подпаска: — Ну а какое-нибудь увлечение у Вячеслава есть? Чтобы не думал снова о побеге?

— Рыболов! Готов весь мир променять на удочку.

— Хорошо, пусть удит. Сходил бы с ним на рыбалку. Сближает.

Чава задумчиво почесал щеку.

— Конечно, надо бы... Времени нет. И не очень я это люблю.

Я подавил вздох: в станицу часто навевываешься, в библиотеку, вот и времени нет.

— А вы его в свой кружок по самбо возьмите, — предложил Чава.

— Мал еще, — ответил я. — Подрастет — подумаем.

Дело в том, что в секцию самбо набралось много желающих. Коля развернул дело масштабно. После двух занятий я отобрал тринадцать ребят.

Спортзал в школе мы заполучили без всяких препятствий. Помог парторг колхоза Павел Кузьмич. Сначала мое начинание его насторожило.

— А не станут ребята после этого озоровать больше? — спросил он меня. — На практику не потянет?

— Наоборот, — сказал я. — Из таких вырастают помощники милиции. Вот в Москве дружинников обучают самбо. Даже в «Правде» писали.

— В Москве, говоришь? — покачал головой парторг. — В «Правде»?

— Да. И в «Известиях».

— Тогда добре. Только ты сперва тех, кто поактивнее, запиши в дружину. Оформи, как следует. Проведи на бюро. Вот какая штука.

Так была создана в станице дружина. И теперь каждый вечер в клубе дежурило два-три человека с красными повязками.

А приезжих цыган я действительно увидел с Нассоновым. Они зашли с ним в правление колхоза. Пробыли там довольно долго. Потом вышли и сразу уехали на городском автобусе...

Глава 9

Не помню, это было третье или четвертое занятие секции самбо. Как обычно, я пришел за целый час в школьный спортзал, выходявший своими высокими, почти до потолка, окнами в яблоневоый сад. До прихода ребят я разминался, штудировал учебник по самбо, прикидывал план занятий.

Директор школы дал мне ключ от помещения. Но школа всегда была открыта, потому что сторож жил прямо в саду, в маленькой саманной хатке.

Уже проходя мимо окон, я заметил, что в зале кто-то есть. Подумал — наверное, кто-нибудь из моих учеников.

В зале оказался... отец Леонтий. В майке, легких спортивных брюках, обтягивающих его крепкие, мускулистые ноги. Волосы забраны под шапочку, какие бывают у пловцов.

Он смутился.

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович. Иногда захожу вот сюда. Тянет мышцы размять, что-нибудь покачать, подвигать...

Он держал в руках двухпудовую гирию.

— Спорт — вещь полезная и заразительная, — ответил я, раздеваясь.

Не знаю, как он это воспринял, но стал почему-то собираться.

— Куда же вы? Продолжайте, Игорь Константинович, — остановил я его. — У меня только через час занятие...

— С меня хватит. Размялся...

Мне было неловко, все-таки потеснил человека.

На днях я играл за колхозную команду в футбол. Конечно, опять были сомнения: удобно ли мне, офицеру, гонять в трусах перед публикой? Теперь я понял — удобно. Уж если поп приходит в гимнастический зал, то уж мне...

Отец Леонтий сел на длинную узкую скамеечку. Остынуть. Я стал облачаться в свой спортивный костюм. Ему, видимо, очень хотелось поговорить.

— Я, Дмитрий Александрович, со своей стороны, всякие разговоры о кончине Герасимова пресекаю.

Это он о Митьке. Я молча пожал плечами. Отец Леонтий понял мое молчание по-своему.

— Не думайте, — продолжал он, — я знаю, что в церковь идет, пожалуй, не самая образованная часть населения... Старухи Герасимова чуть ли не в мученики записали: Господь прибрал в святой день.

— Вы-то хоть знаете, кто его так напоил?

— Знаю, — вздохнул он, — наш староста.

— Вот то-то и оно!

— Я борюсь с пьянством как могу. В воскресенье целую проповедь прочитал...

— Но Герасимова-то нет... И каких дел мог натворить — страшно подумать.

Отец Леонтий покачал головой.

— Я обо всем наслышан. И сожалею. Золотые руки были у человека. Он нам электрическую лампадку сделал перед иконой. Вы заметили, наверное. На портале храма. Вот наш староста и решил его отблагодарить. — И поспешно добавил: — Конечно, я старосте все высказал...

Этот разговор был мне неприятен. Вообще все, что было связано с Герасимовым, вызывало во мне глухую боль.

— Теперь поздно говорить...

— Это верно. — Отец Леонтий натянул поверх майки полосатую тенниску. — Жаль, душа нет. Хорошо после тренировки душ Шарко. На полную мощь. По мышцам, по мышцам, как массаж...

Мне почему-то вспомнилась Соня Юрлова. И я сказал:

— Игорь Константинович, я вашу жену видел.

Он улыбнулся:

— С вашим-то здоровьем по амбулаториям ходить...

— Соню.

Я пожалел о сказанном. Он словно обо что-то споткнулся. Но очень быстро взял себя в руки. Только глаза тревожно спрашивали: что, что ты скажешь еще? Интересно, какой он найдет выход?

— Она известная... Недавно показывали по телевизору.

Нашел-таки выход.

— В Краснопартизанске. — Зачем я его испытываю? — Хотела сюда приехать, но раздумала...

Отец Леонтий сложил в чемоданчик спортивные брюки, тапочки.

— Что ж, каждый волен поступать, как ему угодно... — Но молнию на тенниске ему удалось застегнуть не сразу. Не слушались пальцы. Он явно медлил.

— Хотите знать, для чего она приезжала?

— Если это касается меня, да.

— По поводу алиментов.

Он вздохнул. Непонятно, с облегчением или огорченно.

— Я ей написал все как есть. Вы ведь знаете, сколько я получаю в действительности...

— Знаю. Она сказала, все останется так, как было...

Он присел, закурил. Посмотрел в окно долгим тихим взглядом. В его светлых глазах отражались зелень яблонь и оконные переплеты.

— Так мир устроен... Сколько невидимых границ придумали люди. Разумно ли это? — обернулся он ко мне.

— А вы как считаете?

— Суета губит наши лучшие силы. И возможности.

— И отношения, — добавил я.

Отец Леонтий понял, что я говорю о нем с Соней, об их маленьком сыне.

В саду, за окнами, слышались голоса. Это мои дружинники. Ребята, как обычно, потянулись к школе за долго до занятий. Вначале всегда так бывает.

Отец Леонтий вежливо попрощался. Он ушел задумчивый. И мне стало жаль его...

Глава 10

Я был рад этому утру, лазоревым сполохам, охватившим край небосвода, сырой прохладе, бьющей по ногам, тугим камышам, упруго сопротивляющимся при ходьбе. Был рад Славке Крайнову, идущему впереди с удочками и ведерком. В своей куртке неопределенного цвета и нече-

санными после сна волосами, он был похож на болотного жителя.

Речка текла совсем рядом. Но ее не было видно из-за густой стены камышей. Она угадывалась по холодным струям воздуха, ощупывающим лицо, руки, шею.

Еще все спало. Где-то далеко-далеко остались Лариса, следователь райпрокуратуры, отец Леонтий.

Славка шел, поглощенный мыслями о предстоящей рыбалке.

Его нетерпение невольно передалось и мне. Я почувствовал неведомую мне раньше связь с этими камышами, недвижимым воздухом, илом, устилающим дно речки, редкими перьями розовых облаков на востоке неба.

Когда я сказал Славке, что хотел бы с ним порыбачить, так как люблю это занятие (на самом деле, хотя я и родился, и вырос на Волге, но на рыбалку ходил всего один раз, кажется, в четвертом классе), он был и доволен и нет.

Доволен потому, что был большим знатоком этого тонкого дела, мог показать мне свое мастерство и утвердиться как стоящий парень. Ибо талант может покрыть иные слабости и ошибки.

Не доволен потому, что рыбак он настоящий, как говорится, фанатик, и поэтому отдавался своему увлечению с самым что ни на есть вдохновением. А вдохновение не любит свидетелей.

— На сазана ходили? — спросил он.

— Нет. У нас, в Волге, под Калошном, водятся только шуки, плотва и караси.

На самом деле черт его знает, что водилось у нас в Волге, под Калинином, и едва ли я мог отличить плотву от карася.

Беглый внук бабы Веры усмехнулся:

— Сазан умнее иного человека... Сазан — рыба. Остальное — так, игрушки.

И он долго рассказывал мне, как умеет этот «бугай» обрезать плавником самую прочную леску, что и не заметишь, как ухитрится стянуть насадку с крючка, и скольких удочек он, Славка, лишился, пока не овладел наукой ужения сазана. И как... короче, это хитрющее и коварнейшее существо насмеялось над незадачливыми рыболовами как хотело, недаром его прозвали «водяной лисицей».

Словно для капризного гурмана готовил Славка подкормку и наживку своим будущим противоборцам. По его словам, в разных местах водились совершенно не схожие по вкусам едоки: одни предпочитали галушки, другие — молодую кукурузу, третьи — мелкую полусваренную картошку, четвертые — пшеничную кашу, умятую с подсолнечным маслом в крутое тесто, пятые — кусочки свежей макухи, шестые — червей подлистника. Находились и такие, которые были согласны только на мясо рака...

Космонавты, наверное, так не проверяют свое снаряжение, как проверял свое Славка.

Здесь было, как он сказал, важно все: и крючки (№ 14), особо прочные, с коротким стержнем, но не грубые, не толстые, с остро отточенным жалом; крепкое, упругое удилище, удобное при вываживании. И даже привязь крючка должна быть особая, только на сазана.

У Славки было несколько мест лова. Подготавливал он их заранее и любовно. Выкосил камыши на берегу, убрал со дна коряги и зацепы и, самое главное, удил попеременно то там, то здесь.

Для меня это было непостижимой наукой.

— Пришли, — тихо сказал Славка.

Мы остановились на выкошенной среди зарослей площадке. Возле самого берега была оставлена полоска камышей, надежно маскирующая рыболова.

Мы не разговаривали. Славка размотал удочку, насадил наживку, воткнул удилище в землю, прочно закрепив его в рогатке, торчащей из глины.

Мне он дал вторую удочку. Я, как мне показалось, сделал то же, что и он. Славка придирчиво осмотрел мою работу, кое-что подправил и уселся, подстелив под себя куртку.

Небо посветлело, но было все так же прохладно. Тихо плескалась вода, тенькая о темно-зеленые стволы камыша. Продолговатые коричневые бархатные колбаски едва заметно покачивались на длинных сочных стеблях. Время повисло в прозрачном воздухе...

Славка смотрел на спокойную гладь речки и казался невозмутимым, даже равнодушным.

Но я знал, что его нервы как бы слились с удочкой, леской и крючком, на котором насажена янтарная бусинка кукурузного зерна...

Первым клюнул чикомас. Окунек сорвался и исчез в зеленой воде. Парнишка, немало, видимо, смутившись, снова застыл возле удочки. И мне показалось даже, что задремал.

Но вдруг Славка снова быстро вскочил. От меня ускользнуло то, из-за чего он вскочил.

Он схватил удилище и стал проделывать им непонятные движения. Заводил леску в одну, в другую сторону, отпускал, натягивал до тех пор, пока в воздухе не проделало дугу упругое извивающееся тело и не затрепетало у него в руке.

Паренек уверенно выдернул крючок из губы двухкилограммового сазана, судорожно обхватившего хвостом его запястье, и, насадив рыбу на кукан, бросил ее за спину, в камыши.

Сазан шуршал в листьях, открывая рот и сворачиваясь почти в круг. На сей раз довольная улыбка коснулась Славкиных губ.

И снова желтый шарик кукурузы утонул в воде.

Больше я не думал ни о чем, впился глазами в поплавок, забывая, наверное, даже моргать. Во мне проснулся азарт рыболова.

Славка вытащил второго, третьего... А мой поплавок немым укором недвижно торчал над водой, легко и пусто покачиваясь вместе с поверхностью реки.

И вот произошло э т о и у меня.

Я вскочил, вырвал удилище и резко дернул вверх. Что-то тяжелое, как камень, согнуло бамбуковый прут.

Славка, словно глухонемой, что-то показывал руками. И в его глазах было столько ужаса, будто я выпускаю вынырнувшего в последний раз утопающего.

Что мне подсказало, не знаю. Я почувствовал, что бамбуковая дуга на пределе и вот-вот с треском лопнет на пучки волокон. Я отпустил немного леску, подчиняясь тому там, в воде, подчиняясь, чтобы он подумал, что выиграл и сейчас уйдет куда хочет.

— Ведите по течению и подсекайте, — не выдержав, прошептал Славка.

Я забыл, куда течение. Я не знаю, что такое подсекать, убей меня бог!

Но оно, тяжелое, мокрое, живое, все-таки пролетело над головой, описало вокруг меня круг и шлепнулось в камыши у самой воды.

Я плюхнулся на землю животом и, выпустив удилище, хватал сазана обеими руками.

Он, словно из гуттаперчи, прыгал вокруг моих пальцев, пока я, не подавшись всем телом вперед так, что моя голова повисла над рекой, не накрыл его грудью.

Славка присел на корточки.

— Где?

— Там, — показал я под себя, боясь пошевелиться.

И тут он захохотал. По-мальчишески, безудержно, открыто, во весь голос.

Я расслабил мышцы, и на миг мое лицо окунулось в воду.

Потом я тоже засмеялся. И каждый раз при попытке встать погружался подбородком в реку.

Мой сазан был что надо! Килограмма на три!

Мы сидели на своей плешине в камышах. Взошло солнце, теплое, ласковое, большое. На кукане тяжело вздыхало полдюжины лоснящихся рыбин. И пели первые жаворонки, свечой поднимаясь в небо.

— Эх, кабы не работа! — азартно воскликнул Славка. — Пошли бы еще на другое место. Здесь теперь не клюнет.

— И так уже килограммов десять. Девать куда?

— Баба Вера найдет куда. Навялит.

Мокрый мешок с рыбой, пахнувшей холодной рекой, мы тащили по очереди. Я, конечно, хотел сам. Но Славка не желал уступать. Уже недалеко от Крученого мы сели передохнуть.

Лицо парнишки сияло. Он был готов на дальнейшие подвиги, потому что мы были теперь на равной ноге, общившись к реке, к этому утру.

Я, как бы невзначай, спросил:

— В город тянет?

Славка улыбнулся: неужели не видишь сам? Разве это в городе есть? Разве в городе ты такой, какой был сегодня там, на выкошенном пятачке? И разве в городе ты не такой же чуждый природе, как его серый, маслянистый асфальт?

Но ответил он более интересно, чем я ожидал:

— Теряюсь я там. Чего-то хочется, а все не то. Наверное, потому и бегал.

— А вот ученые подсчитали, что к концу нашего столетия большинство людей будет жить в городах.

Славка лукаво посмотрел на меня:

— Но не все же?

Я вдруг подумал: а ведь действительно не все. И вообще, правы ли ученые? Может быть, человечество возьмет и разбежится из городов. Надоест ему жить среди бетонных коробок, пусть даже нарядно прибранных стеклом и сталью, надоест нюхать гарь и бензин. Ведь какая ширь вокруг! Посели каждого на четверть гектара, и еще останется ого сколько!

Я сам всегда немел от восторга, заходя в лес, и словно сбрасывал с себя ненужный хлам городской суеты.

Или здесь, в окружении степи... Тоже какая радость и тишь!

Ведь в конце концов роботы-автоматы, наверное, заменят людей у станков. Так пусть им и остается город. Этаким огромный механизм, работающий сам по себе, производящий по указке и заданию человека нужные вещи и всякие там машины. Зачем жить среди них, при них, когда они будут доведены до совершенства?

А управлять ими можно и на расстоянии. Если сейчас с Земли управляют луноходом, а он на другой планете...

Славка, как бы угадывая мои мысли, задумчиво сказал:

— Как только у городских свободное время и есть на чем ехать, бегут за город. В субботу, в воскресенье. А уж в отпуск — в обязательном порядке. Может, когда-нибудь сделают так: жить за городом, а в него ездить на один-два дня работать. Железные дороги вон строят и строят...

Дороги... Дороги куда-то ведут. Что-то обещают. Вот и ему обещали.

Я посмотрел на него. Интересно, успокоился ли? Может быть, опять тянет в даль? Неизвестную, манящую...

Крайнов глядел в степь. И по нему было видно, что ему не нужно никакой дали. Она была с ним. Здесь, в степи, он был волен идти, куда ему угодно. Поэтому ему теперь не нужны были те километры, которые поманили его из города.

Глава 11

Гарцевали, кружили по зеленому полю всадники. Я вспомнил Есенина: «Эх вы, сани! А кони, а кони!» Саней, конечно, не было. Но зрелище лошадей, лоснящихся на солнце, действительно завораживало.

Блестящие их тела вытягивались над препятствиями и пролетали над ними, словно невесомые. У меня перехватывало дыхание, когда кто-нибудь из них задевал за какое-нибудь деревянное сооружение и под всадником рушились на землю жерди. Но Нассонова, который был здесь, на колхозном ипподроме, в своей неизменной рубашке с засученными рукавами, в кепке, с темным ободком пота на затылке, это, казалось, не пугало.

Я удивлялся председателю. Мне думалось, у него не оставалось времени даже для сна. Вечно он куда-то спешил: то вызывали на совещания, активы, конференции, то он срочно выезжал в поле, где неизменно что-либо случалось — ломался комбайн, останавливался трактор, заедало конвейер у силосной башни. И при всем этом он находил час-другой, чтобы заглянуть на конеферму. Вот что значит хобби! Выкрадывать время у сна, отдыха, дел...

Геннадий Петрович сосредоточенно глядел на своих питомцев, что-то решая в голове.

С ним был Арефа, осунувшийся, загоревший.

Они были чем-то недовольны. И в то же время довольны той суетой, которая предшествует важным событиям.

Очень скоро в районе ожидалась скачки. Нассонов вытаскил сюда даже парторга, который мучился на солнцепеке, переживая сухую, нещадную жару. Он тосковал в безделье. И азарт, охвативший председателя, его не трогал.

Сюда я заехал просто повидать Ларису, прослышав, что она здесь.

Два скакуна подъехали к нам одновременно: библиотекарша на Маркизе и Чава на пегом коне.

Я приветливо улыбнулся Ларисе из-за спин. Чтобы никто не заметил. Она устало ответила. Ей было не до меня. Чава вообще был сумрачный.

Нассонов что-то им выговаривал. Оба как-то безучастно слушали, придерживая разгоряченных, нетерпеливо вздрагивающих коней.

— Я тебе говорю, Сергей! — повысил голос Геннадий Петрович.

Чава странно посмотрел на него и махнул рукой:

— А что я могу сделать?

— Вот те на! — вмешался Арефа. — Ты что, не можешь перелететь плетень, чтобы не сесть на него?

Сергей зло сплюнул.

— Нэ, ашунес, ты что, с цепи сорвался? — удивился Денисов-старший.

— А, ладно! — Чава сделал резкий жест рукой и пришпорил коня. — Могу еще раз.

Он развернулся и помчался в сторону поля.

Я не знаю, о чем шел разговор. Мое сознание работало в другом направлении. И оно подсказывало, что между Чавой и Ларисой происходит неладное.

— Ты отдохни, — сказал Нассонов Ларисе.

Она слабо, натянуто улыбнулась. И, тронув Маркиза, шагом направилась к конюшне.

В моей душе вспыхнула маленькая, как искра, надежда. Может быть, у них с Сергеем нелады? Действительно, уж больно разные они люди.

Она как-никак завбиблиотекой. Окончила культпросветучилище. У Сергея — едва ли семилетка за плечами. Что у них может быть общего?

Но мне вспомнился рассказ Борьки Михайлова (у него всегда были про запас различные истории, особенно об известных людях) о том, как один академик, и притом известный, женился на своем шофере — молодой и довольно интересной женщине. Но академик есть академик. Наверное, старый.

Лариса удалялась на своем золотисто-розовом скакуне, ссутуленная, жалкая, словно на узкие девичьи плечи легла непомерная тяжесть.

— Ты уж не кричи на своего, — пожурил Арефу председатель. — Устал, видать, парень.

— Устал! — отмахнулся Денисов. — Дурью мается. Какой — не знаю.

— Мне от него много не надо, — продолжал Нассонов. — Пусть только выступит. Для массовости. Вот за Маркиза я уверен. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, в районе ахнут, разрази меня гром! Я ведь тоже не сидел сложа руки. Чижова

из колхоза «ХХ партсъезд», говорят, выступать не будет. Конь захромал. Мокрицы.

— На чужую беду надеяться — свою найти, — встрял молчавший до сих пор Павел Кузьмич. — Вот штука.

— Типун тебе на язык, — сплюнул председатель. — Ты мне Маркиза не сглазь! Этому коню не то что в районе, в области не найти под статью. — Он вдруг рассмеялся и ткнул Арефу в бок. — Тут у меня без тебя потеха была...

— Потеха, — усмехнулся парторг. — Еще немного — и обвели бы вокруг пальца, как школяра.

— Ничуть! Ты, Кузьмич, ври, да не завирайся. Я ведь сразу заметил неладное.

— Держи карман шире! Тебе целых три дня голову морочили! — не унимался Павел Кузьмич.

— Это еще надо посмотреть, кто кому морочил. Уж больно мне их бычок приглянулся. Походить за ним как следует — красавец будет. Наш главный зоотехник с ума сошел. Надоело Ледешихе в ножки кланяться. И где они такое сокровище раздобыли, ума не приложу? Я, председатель колхоза, не могу получить хорошего производителя! А у них — на тебе, пожалуйста!

— Это ты о моих соплеменниках? — вздохнул Арефа.

— О них. — Председатель снова рассмеялся. — погоди ужо, как-нибудь расскажу.

— Ну, ну, расскажи, — смеялся парторг и, увидев, что я сажусь на мотоцикл, спросил: — Не в Бахмачеевскую?

— Туда.

— Вот и подбросишь меня, если твоя машина выдержит.

— Выдержит, — улыбнулся я.

Парторг был мал ростом и худ, над чем непрестанно сам подтрунивал. И мы уехали с конефермы, оставив председателя и Арефу наслаждаться своими скакунами.

В Бахмачеевской у меня было дело. Давно подмывало по-настоящему заняться Сычовым. Но все не доходили руки. Он сам подтолкнул меня.

Но лучше все по порядку.

Вызов из прокуратуры грянул совершенно неожиданно, хотя я и ждал его постоянно.

Разумеется, вскочил на мотоцикл и — в Краснопартизанск. Примчался раньше положенного времени, и следователь попросил немного обождать.

Раза два он выходил из своего кабинета, заходил в приемную прокурора и снова возвращался к себе, не обращая на меня никакого внимания. Я пытался что-то прочесть на его лице, но оно было бесстрастным, как раньше при допросах.

Ожидание становилось все более тягостным. Я был готов на все, лишь бы поскорее узнать, чем закончилось дело Герасимова.

Вспомнились первые дни в Бахмачеевской. Состояние необычности и приподнятости.

Вольная, волнующая своим простором степь. Люди простые, бесхитростные... Откровенно говоря, я мечтал служить и служить. Честно, весь отдаваясь долгу. Впереди манила служебная лестница, по которой я иду все выше и выше... По заслугам, конечно. И лет в сорок, ну пусть в сорок пять — погоны комиссара. Заслуженно, разумеется. У нас, в Калининe, я слышал, комиссар Соловьев Иван Михайлович начинал с постового... И эти мечты свои я не считал стыдными. Как любил говаривать замначальника училища: «Плох тот постовой, кто не мечтает стать комиссаром...»

Я горько усмехнулся про себя. Комиссаром... Вот погонят сейчас из милиции. А то еще хуже — под суд.

От этих тягостных раздумий засосало под ложечкой. Чтобы как-то отвлечься, я стал прохаживаться по пустому коридору, подсчитывая шаги.

И когда следователь наконец пригласил к себе, я, признать, вошел в кабинет в состоянии полного упадка духа.

— Что я могу сказать, Кичатов? — посмотрел на меня следователь сквозь очки. Неестественно большие глаза, увеличенные сильными линзами, казалось, глядели осуждающе и недобро. У меня похолодело внутри. — Дело Дмитрия Герасимова прекращено.

Я сразу и не понял, хорошо это или плохо. И растерянно спросил:

— Ну а я как?

Следователь удивился:

— Никак.

— Что мне делать?

— Работайте, как прежде.

Мне хотелось расцеловать его. Я забыл о том, что про-торчал в прокуратуре черт знает сколько времени, чтобы услышать одну-единственную фразу, которая, как гору с плеч, сняла с меня переживания и волнения последних нескольких недель. И этот сухой, нетактичный человек показался мне в ту минуту самым приветливым, самым симпатичным из всех людей...

Не помня себя от радости, я выскочил из прокуратуры и первым делом бросился в РОВД. Мне не терпелось поделиться новостью со своими и прежде всего, конечно, с майором Мягкеньким.

Но он уже все знал. И огорошил — на меня поступила жалоба, анонимка. Хотя и говорят, что анонимки проверять не надо, но на всякий случай все же почему-то проверяют...

По анонимке выходило, во-первых, что я веду себя не-солидно, «дискредитирован мундир и звание. Гоняю в одних трусах с колхозными пацанами» (это о моем участии в соревновании по футболу), «распеваю по вечерам под гитару полублатные песни» (выступление в клубе, песня Есенина), «учу ребят драться» (кружок самбо).

Все это пахло чушью и меня не трогало. О чем я и ска-зал майору. Задело то, что анонимщик просил «серьезно и вдумчиво разобраться и пересмотреть дело Дмитрия Ге-расимова».

Да, в станице еще долго не уймутся... В общем, испортили мне настроение.

— Кто так на тебя зол? — спросил Мягкенький.

— Не знаю, — ответил я, хотя знал отлично: Сычов. И Ксения Филипповна говорила, что он болтает много лиш-него. Я сам обратил внимание, что сквозь его противную ухмылку и вежливые поклоны сквозят неприязнь и зата-енная злоба. Наверное, мстил за свою жену.

Я с ней недавно имел неприятную беседу. Неприятную для нее и для меня. Марья Сычова работала на птицефер-ме. И многие птичницы почти открыто говорили, что Сы-чиха любит сворачивать голову колхозным курам и под-жаривать их для своего мужика.

Жена моего предшественника оскалилась мне в лицо:

— Нечего нахалку шить. Нема дураков. Ты лучше свою душу от греха очисти, а потом с честными тружениками гутарь.

Я аж задохнулся от ее нахальства и дерзости.

Перед начальником РОВД выкладываться я не стал, так как самому было противно копаться в этой дряни и не хотелось втравлять начальство. Сычов составил донос — не подкопаешься. Факты — их можно повернуть так и этак.

И вот я направился к Сычову. Но, прежде чем зайти к нему, я, не знаю зачем, осмотрел со всех сторон его фанерную «забегаловку», как теперь именовали у нас тир. Задняя сторона тира упиралась в склад магазина. Он был сработан добротнo: полуметровый дувал, сложенный из гипсовых вязких блоков.

Возле дверей, как всегда, сидел на корточках мой предшественник, окруженный друзьями. По случаю жары они пили из горлышка купленное в магазине пиво с вяленным сазаном. Пиво, наверное, было теплое. Из бутылок торчали белые шапочки пены. Вокруг валялась рыба чешуя и кости.

— Пострелять захотелось? — ухмыльнулся Сычов.

— Да. Боюсь, без практики разучусь.

Он двинулся в темную прохладу своего заведения. Туда же потянулись остальные, чувствуя, наверное, что пришел я неспроста. Как-никак, а развлечение.

В тире горела тусклая лампочка, на стойке лежало несколько духовых ружей с потрескавшейся краской на прикладах. Фанера за мишенью рябилась пробоинами.

Тут был и зайчик с красным кружком в лапке, и медведь, и мельница. За пять точных выстрелов по зверушкам меткий стрелок награждался призом — алебастровой копилкой в виде кошечки.

Гвоздем программы была русалка. Не знаю, чье это было изобретение, сдастся мне — самого Сычова. Расположенная выше всех, она держала в руке свое сердце цвета говяжьей печени.

За пять попаданий подряд в сердце речной девы счастливцу выдавалась бутылка шампанского...

Я перепробовал все ружья. Целил во все мишени. Маленькие свинцовые снаряды с сухим стуком уходили в фанеру. Ни одна из зверушек не шевельнулась.

Сычовские собутельники хихикали. Сам он стоял сбоку по ту сторону стойки, равнодушно подавая мне пульки. Я злился все больше и больше.

И, чтобы меня окончательно доконать, Сычов пролез под стойкой, взял из моих рук ружье, зарядил и с первого выстрела заставил вертеться мельницу.

Ликованию собравшихся не было границ.

Я понимал, в чем дело. Мушки были сбиты, это точно. Чтобы пристреляться, надо было время. А я был злой...

Мой предшественник не успокоился. Он попробовал по одному разу все ружья. И непременно поражал какую-нибудь мишень. Смотри, мол, здесь никакого обмана нет, стрелять ты, братец, не умеешь, вот в чем дело.

Какой-то бес подтолкнул меня.

— Может быть, попробовать из своего?.. — сказал я, как будто обращаясь ко всем и потянувшись к кобуре. Надо было выиграть во что бы то ни стало...

В тире наступила тишина.

— Смотри... — прохрипел Сычов. Его глаза сузились. Я выстрелил почти не целясь. Вдребезги разлетелось ружье у сердца...

На прощание я сказал Сычову:

— Шампанское можешь взять себе.

И вышел. Уже пройдя шагов десять, мне стало стыдно за свои последние слова. Надо было промолчать.

С этого дня Сычов перестал со мной здороваться.

После очередной анонимки (уверен, что опять дело рук Сычова) майор устроил мне головомойку и вклеил строгое предупреждение. Правда, устное! Сказать по чести, я еще удивился мягкости моего начальства. Что наказание по сравнению с тем, какой урок я преподавал Сычову? Я даже придумал каламбур: «Майор Мягкенький действительно бывает мягенький»...

Глава 12

«Здравствуй, Димчик, родной!

Из пионерлагеря я сбежала. Ведь смешно мне ходить на прогулки в лес с малышкой, купаться и загорать по команде. Да еще постоянно следят, чтобы далеко не ушла. А потом, надо зачем-то собирать цветочки для гербария и ловить сачком бабочек. Мама сказала, что я эгоистка, потому что думаю только о себе. Она считает, что я срываю

им весь отпуск. Мама достала путевки в Палангу, это на Балтийском море. Папа сказал, что я могу пожить без них у тети Мары. Они все-таки едут в Палангу. А из лагеря в Калинин я ехала не одна, с одним мальчиком (ты его не знаешь). Так что мама зря за меня беспокоилась. Он тоже сбежал из пионерлагеря. В Калинин вот уже неделю идет дождь. Я читаю книжки. Это лучше, чем делать дурацкие гербарии. По тебе очень, очень, очень соскучилась. Ведь мы не виделись целый год! Крепко, крепко тебя целую, сильно обнимаю. Аленка. Ты не смейся, я хочу спросить у тебя одну вещь. Если тебя приглашают в кино, удобно, если ты сама платишь за билет? Я хотела заплатить, но он обиделся. О тебе спрашивала Таня из четвертого подъезда».

...Алешино письмо меня поразило. Бог ты мой! Моя сестренка влюбилась. Я попытался представить себе, как она идет с мальчиком в кино. Например, в «Звезду», что на набережной Степана Разина. Пытался — и не мог. Перед глазами стояла розовощекая девчонка с толстой косой до поясницы. Она часто простужалась, и у нее распухал нос. Как картошка.

Алешка влюбилась. В Калинин дождь. Какой может быть дождь в сухое, жаркое лето, с выгорающей на солнце полянью, с жестким, скрипучим суховеем?..

Да, это там, в Калинин. С Танькой из четвертого подъезда мы целовались летом в беседке, во дворе. И тогда тоже шел дождь. У нее на лице застыли крупные капли. Она была не то в синей, не то в стальной курточке из болоньи. Тогда я перешел в восьмой класс.

Алешке — четырнадцать... В Калинин дождь. Неужели они целовались?..

...Свидетелем этой картины я оказался случайно. Насонов ходил по своему кабинету, размахивал правой рукой, словно рубил на полном скаку шашкой.

— Мне сцены из спектакля показывать нечего! Если бы в колхозе нашлась хоть одна душа, которую слушался бы Маркиз, я послал бы тебя к чертовой матери, разрази меня гром! Потому что не привык зависеть от бабских капризов.

В чуть приоткрытую дверь виднелся профиль Ларисы. Она теребила в руках платочек, отирая им щеки.

— То из кожи лезла — дай ей коня! Дали самого лучшего! Хорошо, хорошо, ты его приструнила и объездила. Спору нет, заслуга твоя. Чуть не на коленях просила допустить к скачкам. Допустили. Заявили тебя в заезде. Расстрезвонили на весь район. И на тебе — не хочешь выступить! Какая муха тебя укусила?

— Не могу... — Девушка еще ниже склонила голову. — Кто-то ведь может вместо меня...

— Маркиз никого не подпускает к себе и на сто метров! А! Нет у меня времени и желания слезы и сопли вытирать... Не поедешь — черт с тобой! Все! Иди!

Лариса вышла из кабинета и, не глядя на меня и секретаршу, быстро прошла через приемную.

А вечером они сидели с Чавой на пустой скамейке возле остановки автобуса. Мне показалось, что беседа их была печальна. И как будто Лариса плакала...

Я не подсматривал специально. Просто, как всегда делаю вечером, прошел по засыпающей станице.

У них решалось что-то важное. Они никого не замечали. Не обратили даже внимания на последний рейсовый автобус, унесший в своем уютном нутре несколько пассажиров в райцентр.

Что же, так и должно было случиться. Разные, разные они люди.

Мне стало жаль Ларису. Теплая жалость к ней баюкала душу. В голове вставали картины, одна желаннее другой. Мы с ней на тропинке среди золотых подсолнухов, в которых человека не видно за три шага. Как хорошо стоять тихо и смотреть друг на друга или на светлое летнее небо...

И никогда, никогда не пришлось бы ей сидеть на этой сиротливой скамейке...

Расстались они, кажется, грустно. Она пошла одна, медленно растворяясь в сумраке чуть освещенной улицы. Сергей еще посидел, потом отвязал коня, дремавшего в тени навеса автобусной остановки, и направился вслед за девушкой. Но не остановился, а проскакал мимо.

Мне очень хотелось догнать Ларису, что-то ей сказать. Но что? Что я мог сказать ей? Происшедшего между ними я не знал... А знать хотелось очень, до злобы на самого себя.

И весь следующий день, ту памятную субботу, я искал повод забежать в библиотеку.

Слава богу, повод нашелся. Как спасителя, послал мне Бог Колю Катаева.

Недалеко от хутора Крученого, на небольшом бугре, находилась могила с грубо отлитым цементным обелиском. Под ним покоились останки советских воинов, погибших в последнюю войну. Коля, Лариса и другие комсомольцы колхоза решили организовать поиск героев, узнать их имена.

Я предложил вовлечь в это мероприятие моего подопечного Славу Крайнова. Вот об этом и надо было поговорить с Ларисой.

Коля, конечно, ничего не знал. Откуда ему было знать, что произошло вчера на автобусной остановке?

— Завтра скачешь? — спросил он у Ларисы.

Она резко ответила:

— Ну что пристали? Почему это всех так интересует?

— Ты не кипятись, — успокоил ее Коля. — А интересуется потому, что честь колхоза...

— Как будто на мне свет клином сошелся. Честь колхоза! А может, я чувствую, что заважусь? — Лариса осеклась. Наверное, поняла, что так нельзя было говорить Катаеву, человеку мягкому и доброму.

Но Коля не обиделся.

— Держись, хохол, — казаком будешь, держись, казак, — атаманом будешь, — со смехом сказал он. — А мы к тебе, ежели по-честному, зашли поговорить о другом.

— Некогда, ребята, спешу... — сказала Лариса.

— Тогда извини, зайдем в другой раз. — Коля театрально склонил голову.

— Честное слово! На конеферму надо.

— Все-таки скачешь? — подмигнул Катаев.

— Придется, — вздохнула Лариса.

— Может, подвезти? — неуверенно предложил я. — Мне как раз в ту сторону...

— Хорошо, — согласилась она, тряхнув головой.

И я вдруг отчетливо понял, что она бросает кому-то вызов. Меня это устраивало. Меня все устраивало, только бы побыть с ней вместе...

Я выбрал самый далекий путь. И ехал так медленно, что, наверное, отправясь она к своему Маркизу пешком, добралась бы раньше.

По обеим сторонам дороги колосилась пшеница. Ее волны шелестели от горячего ветра.

— Дима, вы завтра будете в районе? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я равнодушно, а сердце радостно стучало в груди.

— А я думала, вы увлекаетесь лошадьми, — разочарованно произнесла она.

— Конечно, увлекаюсь, — быстро согласился я, испугавшись переборщить в своей игре. — Знаете, я ведь всегда на службе... Какое-нибудь происшествие...

— Да, вам нелегко, — подтвердила она.

Я был благодарен ей за то, что она умолчала о Герасимове и все же сказала об этой истории. Тактично и сочувственно...

— Люди не всегда понимают.

— Кому надо, понимают, — сказала Лариса. — Девчата за вас горой...

Для меня это было ново. Видя мое смущение, Лариса спросила:

— Вас это удивляет?

— Не думал об этом.

Она испытующе посмотрела на меня.

— Все девчонки мне уши прожужжали про вас...

Мне стало тоскливо. Потому что она говорила об этом с каким-то равнодушием.

— Интересно, кто? — Я тоже решил играть в равнодушные.

— Многие...

И чтобы не говорить свое, я прочел на память Есенина:

Не жалею, не зову, не плачу
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

— Я тоже люблю Есенина, — сказала Лариса.

Мы выскочили на бугор. Поле осталось позади. Уже видны были конюшни.

— Я скоро буду возвращаться. Заехать? — спросил я.

— Спасибо, Дима. Обратно я верхом. Возьму Маркиза на ночь к себе. Чтобы утром не тащиться за десять километров. И своим ходом — в район.

Она вылезла из коляски мотоцикла.

— Дима, приезжайте завтра на скачки, а? Поболаете за меня.

— Постараюсь, — сказал я и поехал дальше.

Я долго не оборачивался. Но все же не удержался.

Лариса смотрела мне вслед, затенив ладонью глаза от солнца.

Я сделал крюк по степи и вернулся другой дорогой в станицу.

...Вечером она проехала по Бахмачеевской на своем красавце. Бабки провожали взглядами ее стройную фигурку, обтянутую жокейской формой, и качали вслед головой. Не знаю, одобрительно ли. Мужчины обсуждали коня. Маркиз был чудо! Вечером, в свете зари, он словно светился розовым и шел красиво и гордо, переступая тонкими ногами, словно знал себе цену. Ничего не скажешь — Маркиз!

Чава зачем-то тоже был на центральной усадьбе. Расфуфыренный, в выходной рубашке и сапогах. Его ремень был отделан серебряными украшениями. Чава был с цыганом, одним из тех трех, которые имели какое-то дело к Нассонову, но дело не получилось, над чем подтрунивал парторг Павел Кузьмич.

А я все раздумывал и раздумывал над словами Ларисы и ее поведением там, среди желтого моря хлебов, и совершенно не понимал, играла она со мной или нет.

Не хочет ли заставить и меня, как Маркиза, плясать под свою дудку?

Нет, что-то было в ней искреннее. Неуверенность. И непонятная для меня раздвоенность.

Что ж, проживем — увидим.

Глава 13

В ту ночь над Бахмачеевской дул астраханец — жаркий суховей, не остывший даже под утро. Покачивались сквозь духоту звезды. И воскресенье началось с утомительного марева.

Проснулся я поздно. Тяжелая голова с трудом решала проблему: ехать ли в район на скачки или закатиться на хутор и махнуть со Славкой на сазанов. Помнится, он го-

ворил, что их можно брать и днем, если место подкормленное. У моего подопечного наверняка такое место припасено. В конце концов, пускай мы ничего не поймает, зато какая благодать погрузить разгоряченное тело в прохладу реки...

И повод показать Ларисе, что я к ней ничего не питаю. Говорят, это действует...

Я надел гражданские брюки и легкую рубашку с короткими рукавами, которые были приготовлены еще с вечера. В результате внутренней борьбы с самим собой я решил все-таки ехать в район. На самом деле я знал, что поеду именно туда. Речка была, так сказать, блажь, игра в поддавки.

Только я оделся, как хлопнула калитка, и в мою комнату стремительно вошел Нассонов. От него пахло бензином, горячим металлом автомобиля.

Он сел на стул и жестко, властно сказал:

— Собирайся поскорей! Случилась какая-то чертовщина.

Вот так, в светло-серых брюках и рубашке с короткими рукавами, я сел рядом с ним в газик. И мы поехали. Я сразу увидел, что в Крученый.

— Накаркал-таки Кузьмич, накаркал! — Председатель зло ударил по баранке кулаком.

Из его рассказа, пересыпанного крепкими выражениями, я узнал, что в район приехали все наши наездники, кроме Ларисы. Сам Нассонов с Арефой ночевали нынче в Краснопартизанске. И как только увидел, что нет Маркиза и Ларисы, помчался в станицу. Бабка Настя, у которой жила Лариса, подслеповатая, тугая на ухо старушка, ничего толком сказать не могла. Ночью ей как будто мерещилось, что пес, такой же старый, как его хозяйка, «брехал, словно кто чужой приходил». А Ларисы не было. Не было и Маркиза, которого она с вечера привязала на базу. Лишь только уздечка и седло Маркиза лежали в ее комнате на скамейке.

— А почему в Крученый? — удивился я. Нассонов промышчал нечто нечленораздельное. — Ведь Чава тоже должен скакать. Разве он не в районе?

— Нет. Не должен был. Его кобыла растянула ногу. Ах, Кузьмич, право слово, накликал несчастье...

— Но почему все-таки в Крученый?

Нассонов резко осадил машину у дома Арефы. На встречу поспешно вышли встревоженная Зара и черноглазые внуки Денисова.

Из-под крыльца печально и испуганно глядел Ганс в своей цветастой безрукавке.

— Лариса приходила. Ушла. Куда — не знаю.

— Пешая? — спросил Нассонов. Вообще спрашивал только он. Я молчал.

— Да, да, — кивнула Зара. — Пешком.

— Значит, без коня?

— Без коня.

— А когда?

— Чуть светало.

— Где Сергей?

— Как где? Со стадом, наверное.

— Он дома ночевал сегодня?

— Нет. Не ночевал. Как уехал под вечер с Васькой в станицу, так и появился только утром.

Мы с Нассоновым переглянулись.

— А где был ночью? — спросил председатель.

— Сказывал, у Петриченко. Утром прискакал. Забежал в хату и снова умчался как угорелый...

— А Аверьянова Лариса когда приходила? — не выдержал я.

— Еще до того, как Сергей приезжал.

Нассонов мрачно уставился в землю. На его лбу застыли морщины. Он пытался связать все события, происшедшие утром.

— Так зачем же она приходила?

— Почему мне знать? Сергея спрашивала. Я сказала, как вам. Она и ушла.

Я заметил, все, что касалось Ларисы, вызывало у Денисовой раздражение...

Мы поехали к лесопосадкам. Оставив машину на опушке, вошли в ряды далеко просматривающихся дубков.

Коровы стояли, лежали в тени деревьев. На всякий случай я обошел Выстрела стороной. Он не обратил на нас никакого внимания. Наверное, потому, что на этот раз я был без мотоцикла.

Славка Крайнов лежал в траве, что-то громко насвистывая. Он так был увлечен этим занятием, что не заметил, как мы подошли.

Парнишка испугался, когда над ним выросли две фигуры.

— Сегодня я выгнал стадо сам. Тетя Зара сказала, что Сергей где-то заночевал. Потом пришла эта, как ее, Ларка. Чуть не плачет. Говорит, конь пропал какой-то. Царь или буржуй, что ли... Сергея спрашивала. Я ей говорю, что он вот-вот подъедет. Так и раньше бывало: если я вывожу стадо сам, он попозже приезжает. Ждать она не стала. Ушла...

— В Куличовку, наверное, — как бы про себя отметил председатель. — Там Петриченко живет...

— Ага, — кивнул Славка. — Зазря она пошла, потому что Сергей скоро подъехал. Я ему все рассказал. Он развернулся — и галопом. Крикнул что-то: не то «стереги», не то «подожди». А может быть, «скажи»... Вот и все.

— Когда это было? — спросил я.

— Не знаю точно. Часов в пять.

Поехали мы в Куличовку. Петриченки — это другая цыганская семья в нашем колхозе, про которых Арефа сказал, что они «киноартисты».

Петриченко, колхозный кузнец, сообщил, что ни Сергей, ни Васька (цыган, с которым Чава накануне прохладился в Бахмачеевской) у него ночью не были. Утром, часов в шесть, была Лариса. Ушла. Скорей всего, на автобус...

— Вот тебе и задачка, милиция! — сказал Нассонов, когда мы сели в машину. — Э-эх, поеду, обрадую Арефу...

— Зачем вы так сразу, Геннадий Петрович? — сказал я. — Дело пока неясно.

— Вот и выясняй. — Он с ожесточением надавил на стартер и рванул вперед так, что газик взвыл всеми шестеренками.

Глава 14

Нассонов ссадил меня в Бахмачеевской и покатил в район.

На землю светила тысяча солнц, плавая в зыбкие струи горячий, осязаемый буквально всеми клетками тела воздух.

Станица словно вымерла, будто все живое спряталось глубоко под землю, задавленное душной атмосферой.

Было около двенадцати. Я зашел в свою комнату в сельсовете, выпил залпом стакан воды из графина. Уже потом, когда выпил, почувствовал ее отвратительно-теплый вкус.

На улицу больно смотреть — белое, раскаленное пространство, белые горячие стены хат, серая тень под деревьями.

Дела еще, собственно, никакого не было заведено, но я все же решил кое-что проверить. А так как я не имел следственного чемодана, то сунул в карман подвернувшись под руку лупу, рулетку, перочинный нож, мягкую кисточку, бумагу и направился к дому бабки Насти.

Старая, перекошенная калитка устало проскрипела ржавыми петлями.

На базу никого. Только из-под кустов у забора, словно выброшенное тряпье, выглядывала спина разомлевшего пса. Он покоился в тяжелой дреме и даже не шевельнулся.

Я заглянул в плотно закрытое окно. И отпрянул. Мы столкнулись глаза в глаза с Ларисой. С бьющимся сердцем я поднялся на крыльцо и постучал.

Она открыла, отстранилась, пропуская меня в хату. В комнате было прохладней, чем на дворе. Я огляделся. Седло и уздечка лежали на лавке.

— Вы тоже ездили на хутор? — спросила девушка, опускаясь на кровать. Единственный стул в комнате был пододвинут мне.

Я молча кивнул.

— Садись, Дима.

Бедная Лариса! Синие запятые залегли под глазами, возле уголков губ обозначились печальные морщинки.

— Что произошло? — спросил я, не зная, куда девать руки.

— Нассонов уехал в район?

— Да... Ты хоть объясни толком.

— Я ничего не знаю. Ничего.

— Где Маркиз?

— Что ты пристал: объясни да объясни! Я сама хочу, чтобы мне объяснили... — Она закрыла лицо ладонями и заплакала.

Скрипнули половицы, у двери сухо и надтреснуто прозвучал старческий кашель.

На пороге стояла старуха, сложив руки под грудью и беззвучно двигая провалившимся ртом. Она прошамкала:

— Куда отлучишься, кликни. Я запру дверь...

— Хорошо, баба Настя, хорошо... Вы идите, прилягте. — Лариса вытерла щеки и вздохнула.

— Пойми, дело нешуточное. Не старая тряпка — породистый жеребец, — снова заговорил я.

— Что ты от меня-то хочешь? — Она уже, кажется, взяла себя в руки.

— Я хочу тебе помочь.

— Ты и Нассонов сразу решили, что это Сергей.

Я протестующе поднял руки.

— Стой... Нассонов прилетел как угорелый. «Едем», — говорит. Ей-богу, я даже был неодетый. И зачем мы ездили в Крученный, не знаю. Не вижу логики.

— И все-таки перво-наперво — туда.

— А ты?

Лариса замолчала, прикусив губу.

— Давай не будем злиться друг на друга, а спокойно, по-человечески поговорим, — предложил я.

Она задумалась. Встряхнула головой.

— Ладно. Маркиз был привязан вон там. — Она поднялась, подошла к окну. Я встал сзади нее. — Видишь, еще сено осталось?

— Выйдем во двор.

— Зачем?

— Вот тоже... Что я отсюда увижу?

Мы вышли во двор.

Под старым, покосившимся навесом, в яслях из растрескавшихся досок, лежало разворошенное сено. Я обошел ясли. Земля во многих местах хранила отпечатки лошадиных подков. Они подходили к тыну, беспорядочно запятнав сухую глину. Ограда была мне по грудь.

— Он был крепко привязан?

— Нормально.

— Чем? Веревкой?

— Нет. На нем была обротка.

— Что это такое?

— Ну, уздечка, только без удил...

— Ясно.

Я вынул лупу. Это все-таки производит впечатление. Солидно. Тщательно оглядел следы возле ограды. Они ни о чем не говорили мне.

— А калитка?

— Ворота заперла. На щеколду.

Вся, ну буквально вся земля в следах копыт.

— Что он, мяч гонял по двору, что ли?

— Вечером я его пустила. Он ходил, все осматривался, обнюхивал. Как собачонка. А привязала его на ночь.

Я упорно продолжал разглядывать землю в лупу, хотя чувствовал, что это занятие становится глупым.

Пес, видимо, сильно линял. Весь двор был усыпан клочками рыже-серой собачьей шерсти. Я глянул под кусты. Собака продолжала спать, выставив наружу хребет в свалывшейся грязной шерсти. Во мне шевельнулось брезгливое чувство.

— Когда пропал Маркиз?

— Не знаю. В начале четвертого будто кто-то подтолкнул меня. Я вскочила, глянула в окно. Еще было темно. Луна как раз освещала навес. И обмерла — нет Маркиза.

— А дальше?

— Ну, выскочила... Нет, и все.

— Подожди. Может быть, тебя разбудил скрип ворот, чьи-то шаги?

— Нет, нет! Было совершенно тихо.

— А ворота?

— Заперты.

— И ты сразу пошла на хутор?

Она глянула мне в глаза почти с ненавистью. Но я решил не отступать. В конце концов, сейчас я находился при исполнении служебных обязанностей. И личные чувства надо было отместить.

— Почему ты пошла прежде всего в Крученный? Ты ведь пошла пешком. Среди ночи...

— Я не хочу ни перед кем отчитываться! Мне надоело, надоело! Все лезут, шушукуются...

Вот тебе и тихая Лариса! Передо мной стояла вся напружинившаяся рысь.

— Меня не интересуют никакие разговоры и сплетни, — сказал я как можно спокойнее и холоднее. — Сейчас я говорю только о фактах. И если кто бросил какие-то подозрения на Сергея, то это прежде всего ты сама...

Она открыла рот, намереваясь, видимо, высказать мне в лицо гневные слова. Задохнулась. Несколько раз судорожно глотнула воздуха и тихо произнесла:

— Я думала, вернее, предположила, что он подшутил надо мной... — Она умоляюще посмотрела на меня. — Ну бывает ведь такое? Могла я так подумать?

— Могла, — согласился я. — Он что, заходил вечером?

Она мотнула головой и резко ответила:

— Он сюда никогда не заходил. Бабка Настя строго-на-строго приказала никого сюда не водить.

Я отвел глаза в сторону. И пошел к калитке. Внимательно осмотрел дорожку, ведущую к хате. Лариса покорно следовала за мной.

— Бабка Настя говорила, что собака беспокоилась.

Лариса махнула рукой:

— Дурной он, старый. На лягушек лает. Они ночью прыгают по двору. В погреб лезут.

— Сергей тебе что-нибудь говорил... ну, насчет Маркиза?

Опять — сузившиеся глаза.

— Нет. Маркиз его не интересовал.

Я потоптался на месте.

— Ладно. Пойду. Ты будешь дома?

— А что?

— Так, на всякий случай.

— Не бойся, не сбегу... Или тоже хочешь запереть меня в кабинете, как Митьку?

Ее слова обожгли меня. Но я промолчал.

Как бывает в жизни — дело прекращено, бумаги сложены в архив, а для людей оно еще не закрыто. Оно живет в разговорах, в памяти, нет-нет да и выскакивает наружу, чтобы ужалить в больное место.

Она повернулась и пошла в хату. Я пошел к калитке, все еще рыская глазами по земле. Надеялся что-нибудь узреть. Осторожно, чтобы не скрипнула, поднял конец калитки. И, уже выйдя со двора, почувствовал, что мой мозг что-то зафиксировал.

Я вернулся во двор. Глянул под ноги.

Около дорожки, ведущей к крыльцу, валялся окурочок самокрутки. Такие сигарки из местного самосада по сложившейся традиции курят многие станичники.

Я осторожно поднял окурочек с земли, аккуратно положил его в кулечек из чистой бумаги.

Уже у себя в кабинете, пряча эту улику в сейф, я подумывал о том, что осмотр надо было производить с понятыми. Это было упущением. Серьезным упущением.

Что же дальше? Искать Чаву? А кто такой Вася, что был с ним? Сплошные загадки.

Первым делом я вскочил на мотоцикл и поехал в сторону райцентра. Следовало бы предположить, что рано утром два всадника, один на соловом жеребце (на Маркизе, скорее всего, был Вася), другой на пегой кобыле, проследовали по дороге. Кто мог быть в это время на шоссе? Я огляделся.

Асфальтовая лента, исходившая на солнце масляным потом, уползала в безбрежную степь. Глупости! Кому придет в голову сидеть в воскресенье утром на дороге?

Я остановился. С какой стати конокрад поедет в райцентр? В людное место. Тем более Чава знал, что в Краснопартизанске Нассонов, Арефа... Допустим, Василий поехал один. Скорее всего, это так. Потому что Сергей появился в Крученом после того, как Маркиз уже исчез. Но он предупредил Василия, чтоб не ехал в город. Они, значит, договорились встретиться позже, где-нибудь подальше от Бахмачеевской, райцентра и вообще от колхоза.

Я поехал в противоположную сторону. Промчался через станицу и устремился дальше.

В лицо бил горячий ветер. Небо выжгли солнечные лучи. Только далеко, на северо-западе, как мираж, зарождались едва приметные кипы облаков, словно присыпанные снизу остывшим серым пеплом.

Я проехал километров двадцать, прежде чем понял совершеннейшую глупость своего поведения.

Какой дурак погонит Маркиза по дороге, когда вокруг вольная степь? Шуруй себе напрямки в любую сторону через серебристые волны, уходящие к горизонту на юг, на север, на запад и на восток...

Да, соображал я туго. Видимо, от жары.

Воротившись в Бахмачеевскую, я заехал домой к парторгу. Это надо было сделать в первую очередь, узнать, что свело с Нассоновым трех приезжих, среди которых находился и Вася.

Павел Кузьмич лежал на диване, в длинных, до колен, трусах, майке-сетке с рукавами, и читал газету.

Он сел на диване, скрестив свои сухопарые, в толстых жилах вен ноги, выслушал внимательно и прежде всего сходил в погреб за арьяном¹, хотя его жена, дородная румяная женщина, как мне казалось, без дела торчала в другой комнате за телевизором.

Правильно говорила Клава Лохова, баловал свою супругу парторг.

— Ну, дела, — покачал головой Павел Кузьмич, ставя на стол две запотевшие макитры. — Вот так штука! Я всегда говорил Петровичу, что хитростью никогда не возьмешь... Боком выйдет. А он крутил с этими приезжими. Вот штука! А ты выпей арьяну. Парит сегодня. Грозе быть, это точно. Малаша, — крикнул он жене, — может, попьешь?

Его жена что-то пробурчала. Отказалась.

Я припал к кувшину. Арьян был на удивление холодный, ядреный. Прошибал до дрожи.

— Хорош, а?

— Отличный!

— Они ему предлагали за Маркиза полуторагодовалого бычка и кобылу.

— Как за Маркиза? — удивился я. — Нассонов на него ставку делает.

— Сперва председатель хотел отдать Маркиза в табун. Конь никому не поддавался — и все тут. Теперь у Петровича на всю жизнь памятка на плече. Здорово куснул. Если бы не Лариска, бегать бы сейчас Маркизу на вольных хлебах в степи.

— Подождите. Когда они сговаривались с Геннадием Петровичем: до того, как он решил выставить Маркиза на скачки, или после?

— То-то и оно, что все это в единое время решалось. Арефа стоял на том, что конь первостатейный. Тут Лари-

¹ Молочный квас (*местн.*).

са подвернулась. Эти трое в другой раз приезжают. Ну, Петрович стал крутить. Сказал мне: не Маркиза, так другого коня можно предложить. Короче, хитрил. А бычок у них породистый. Хороший бычок. Может быть, они и столковались бы. Не на Маркиза, предположим, на другого коня. Отмочили они, брат, такую штуку, что Нассонов их погнал. Привели бычка и кобылу. С виду — кобыла как кобыла. Резвая. Дюже резвая. На месте не стоит, танцует. Они-то, приезжие, думали — раз-два и обтяпали! Жаль, конечно, что Арефы в это время не было. Брата он уехал хоронить. Штука какая: брат у него младше, а помер. Вот что творится. Младшие теперь раньше уходят. Кабы знать, где упасть, так соломки бы припасть... Та-ак. Значит, Арефы не было, он-то всю эту лошадиную механику знает. Но Петрович, тут ему за честь надо, смекнул, что дело неладное. Скачет кобыла, словно в цирке. Те трое, особенно этот Васька, торопят: на поезд, мол, надо успеть... Председатель говорит, подождем. Проходит время. Кобыла все тише, тише. Уж еле ходит. Ну они сами усекли, что номер лопнул. На отступную. Разводят руками: мол, сами не понимаем, отчего кобыла скисла. Может, травы объелась какой. — Павел Кузьмич медленно допил арьян, вытер белые усы пены и закончил: — Они, гляди, напоили лошадь водкой. Придумать же надо такую штуку! Хмель вышел — вот и скуксилась. О чем потом они говорили, не знаю. Погнал их Нассонов. Ты же знаешь его: решил — точка. Катись подобру-поздорову.

— Это он умеет, — подтвердил я.

— Крутой, ох крутой! Но приглянулся покупателям Маркиз. Со слезами уезжали. А что? Красивое существо Маркиз... Тот самый Василий больше всех горевал, что дело не выгорело. Вот штука какая. Отобедаешь с нами, Дмитрий Александрович? Я быстренько на стол соберу...

Я вежливо отказался.

Когда я выходил из дому, до меня донесся голос его жены:

— Паша, похлопотал бы ты насчет обеда. В животе сосет.

Я еще раз подивился, как это он дал сесть себе на шею этой пышущей здоровьем женщине. На работе Павел Кузьмич был строг и требователен. А тут смотри-ка...

В свою хату я забежал тогда, когда по небу прокатили гремящую бочку с камнями.

Громада тяжелых туч, отливающих вороньим крылом, напирала и напирала, пока не покрыла землю свинцовыми сумерками.

Застыла степь, ожидая и томясь в предчувствии грозы.

Скорей, скорей бы хлынул сверкающий, бушующий поток, смыл, развеял гнетущую, невыносимую духоту.

Я распахнул окно. Там, в стороне хутора Крученого, небо было чистое, снопы солнечных лучей заливали степь. Грозовой фронт шел полосами. Лишь бы он не миновал станицу.

В соседнем дворе гремели ведрами, кастрюлями. Их спешно ставили под водостоки — запастись дождевой водой для мытья и стирки. В здешних колодцах и водопроводе вода отдавала железом, была жесткой и неприятной на вкус.

И вот гроза грянула. После того как пробежали, прошумели волны шквала, сорвав с деревьев слабые, мелкие плоды, словно произведя ревизию в будущем урожае, выбраковав все недостойное и ничтожное.

А потом косые струи хлестали по земле, по листьям, то затихая, то расходясь с новой силой. Я полной грудью вдыхал прохладную свежесть, смешанную с мельчайшей водяной пылью. Хотелось, как в детстве, выскочить во двор босиком и плясать, плясать, бегать по лужам и потокам, давя тысячи пузырей, вспыхивающих на поверхности воды, покрывшей землю.

Гроза прошла быстро. Но так свирепо и отчаянно, словно хотела смыть станицу с лица земли.

А утром солнце осветило помятые, перепутанные, но чисто вымытые кроны деревьев. От земли пошел пар. Жара немного отступила.

По шоссе грузовики везли помидоры, огурцы, арбузы, дыни. Одна из машин остановилась совсем рядом с сельсоветом. Шофер побежал в магазин, видимо, за куревом. И в мое открытое окно потянуло тонким, душным ароматом дынь. Первые дыни — колхозницы. Небольшие, круглые, со светло-желтой потрескавшейся кожицей...

С утра ко мне на минуту забежал Нассонов. Колючий, злой и мрачный. Он произнес, словно приказал:

— Найди мне Маркиза, живого или мертвого!

Я ничего не сказал ему. Если жеребца украли — одно дело, а если просто сбежал куда-нибудь, то пусть Нассонов и ищет сам. Никакого заявления я не получал и основания для возбуждения дела не имел.

А командовать мною я не позволю. Какое мне дело, что у председателя скверное настроение?

Я уже знал, что наши с треском провалились на вечерашних скачках. Над председателем смеялись, потому что вышло так, будто он натрепался понапрасну.

С кем мне было тяжело встречаться, так это с Арефой. Но я был от этого избавлен. Денисов-старший поехал куда-то повидаться со своими соплеменниками, разведать о сыне. «По своим каналам», как сказал Нассонов.

Глава 15

О моих подозрениях и улике, которая хранилась в сейфе, я Геннадию Петровичу не сказал. Рано еще. Я ведь отлично знал, что Чава курит самосад...

Лариса взяла отгул и на работу не выходила. Сидела дома. Ни с кем не хотела разговаривать. Понятное дело — крах отношений с любимым человеком. Во всей этой истории я намеревался проявить максимум тактичности, сдержанности и объективности. А дальше посмотрим.

Чава как в воду канул. Зара уже ходила к Ксении Филипповне. И была почему-то спокойна, даже усмехалась. Мне это показалось подозрительным. Уж не посвящена ли она в намерения сына? Но и с ней я не хотел говорить. Надо сначала порастрасти станичников. Уж наверняка кому-нибудь не спалось в душную субботнюю ночь. Обязательно найдется хоть один человек, вставший рано, до зари, по своим крестьянским заботам. Я хотел пойти поговорить с соседями бабы Насти, но ко мне заглянул Федя Колпаков, колхозный шофер.

— Наверное, у тебя на сберкнижке тысячи, коли ты столько времени не работал.

— Как не работал? Работал. — Федя, разодетый не по будням, расселся на стуле нога на ногу, с папироской в зубах. — Слесарил.

— Машину отремонтировал? Тормоза...

— Не знаю. Ухожу из колхоза. Так что можешь мне вернуть права с чистой совестью. Не будет ездить на твоём участке шофер Федя Колпаков.

Я вынул из сейфа права. Развернул. Шофер третьего класса.

— И куда же ты теперь, Федя Колпаков, шофер третьего класса?

— В город. А первый класс получить не задача. Книжку почитать, кое-что выучить. — Он небрежно сунул права в карман. — Еще буду министра какого-нибудь возить. А что такое шофер министра? Ближе, чем первый заместитель даже. Роднее, может быть, чем жена.

— Министры, Федя, в Москве живут. А там прописка нужна, строго очень.

— Знаем, — загадочно усмехнулся парень. — Для кого строго, а для кого...

— Женился на столичной, что ли?

— Моя дорожка тебе не подойдет. Ты человек казенный, без приказа несамостоятельный. И специальности рабочей нету.

— Я не рвусь. Мне здесь нравится.

— Оно конечно, кто любит арбуз, а кто — свиной хрящ.

После его ухода я задумался, почему из станицы уезжала молодежь. Кадровик из Калининского облуправления внутренних дел тоже жаловался, что в области не хватает колхозников.

Может быть, у нас, в Калининне, климат не тот? Долгая зима, осенние и весенние распутицы. А тут? Теплынь больше полугода, фрукты и всякая зелень так и прет из богатой земли.

Но, с другой стороны, я знал, что Коле Катаеву предлагали переехать в Ростов на крупный завод. И он не поехал. Говорит, любит землю, ее запахи, ее чистоту и привольность степей.

Если призадуматься, мне тоже становилась дорога наша станица. Ее неспешная, но трудовая жизнь, чистенькие, выбеленные хатки, полынная даль. Правда, Бахмачеевская была довольно мала.

— Какая станица, одно название! — воскликнула Ксения Филипповна, когда я сказал ей об этом. — Вот до немцев тут действительно много народу жило. Война растрясла

Бахмачеевскую. Считаю, заново все пришлось ставить. Церковь, пожалуй, осталась нетронутой. С сотню хат. Кабы не было тут колхозной власти — хутор хутором. Я вот Петровичу все твержу: стройся, стройся пошибче. Текут люди отсюда, особенно молодежь.

— Неужели он сам не понимает?

— Понимает, наверное. Конечно, строиться — дело дорогое. Но без людей все равно хуже. Надо сейчас поджаться, пояс потуже затянуть, но задержать парней и девок на земле. Земля человеческим теплом держится. Руками человека. Как сойдет с нее человек, бурьян да чертополох разрастется. Яблоню оставь без присмотра, она через несколько лет в дичка превратится. Вот так... — И без всякого перехода вдруг сказала: — А Зара ведь больше печется, как бы Лариса Аверьянова не стала ее невесткой.

Это уже интересно.

— Может быть, Денисова знает, где ее сын? — поинтересовался я, показывая, что весь мой интерес только профессиональный.

— Нет, не знает.

— А чего она радуется? Сын пропал. Его подозревают в конокрадстве...

— Уж прямо и конокрад! — покачала головой Ксения Филипповна. — А что уехал — мало ли? Для их народа — дело привычное... Вольный дух... Заре что? Лишь бы он подальше от Лариски. Я уверена, Арефа придет с известиями, где болтается парень. У них, у цыган, беспроволочный телеграф. Что, где с кем происходит, тут же разносится от одного к другому.

— Чем Аверьянова не нравится Заре? — спросил я как можно равнодушной.

— Образованней и культурней Сергея. Вот в чем дело. О цыганах думают, ветреный народ, распутный. Ан нет. Семья у них крепкая. И вообще они держатся друг за друга. Оттого, наверное, что их мало, а нас много. Не то что мы. Иной раз готовы соседа за мешок картошки продать. А Зара ведь нагоревалась. Ты у них был, сам видел. Полинка, старшая дочь Арефы от первого брака, ушла от мужа. Русского. Он стал изменять ей. Она, недолга, собрала ребятшек — и к отцу. Как ни худо без мужика, а в обиде жить не желает. Зара и смекнула: что Сергея ждет?

Аверьянова, выходит, учить его будет, помыкать, как ей взбредет в голову — так и ворочайся. А там, глядишь, первая страсть пройдет, еще бросит его. Вот как Зара думает. Ну и еще обычаи всякие. Например, цыганке грех на коня сесть. А брюки надеть — и не скажи! Лариска по всем статьям не подходит. Если в семье мужик не голова, не может, как надо, образумить кнутом, — дело пропащее. Неужто Аверьянова даст себя держать в подчинении?

Я вдруг так живо представил себе, как Сергей замахивается на Ларису, что вздрогнул, будто на моем теле остался горящий рубец от кнута.

— Арефа что, бьет Зару? — спросил я.

— Не за что. Хотя... — Ксения Филипповна улыбнулась. — Потешная история. Я ведь сама, грешница, осрамилась тоже. Так и быть, расскажу. Лет пятнадцать назад или двенадцать, точно не помню. С трикотажем тогда плохо было. А тут подвернулась кофточка. Конечно, с рук. Зара присоветовала. Одна ее знакомая приехала из Прибалтики... Тут вскоре в область на совещание пять человек из колхоза вызвали. У всех кофточки одинаковые, с одних рук куплены. Форсим, задаемся. У городских нету такой красоты. И надо было случиться... Как полагается, в областном театре — торжественное закрытие совещания, а после — концерт. Начальство большое. Из ЦК даже кто-то. Мы из гостиницы пешком пошли. А тут дождь. Не очень чтобы сильный. Чуть замочил. Гляжу я на своих бабенок, матушки мои! Как узоры были яркие на кофточках, с них прямо полосами краска и потекла. Юбки, чулки, туфли — все как у... клоуна. А они на меня пальцем показывают. Я-то не лучше. Смех и грех. Им ничего, могут в гостинице отсидеться. А мне — в президиум. Не оправдаешься. Что делать, хоть Лазаря пой. Воротились в номер. Не говорю уже, что на прохожих стыдились глаза поднять. И главное — переодеться не во что... Собрали с миру по нитке: у одной юбку, у другой чулки, у третьей туфли. Одним словом, нарядили меня. Едва успела к началу. Воротилась в станицу. Бабы мои, конечно, растрезвонили. Ну, до Арефы дошло. Поучил он Зару, ох поучил. Другого раза, правда, не припомню. Не знаю, имела Зара с этого дела процент или нет, не знаю. Только после этого Арефа отваживает от наших мест своих нечестных соплеменников.

Из этого разговора я вынес одно: у Ларисы с Сергеем все было куда серьезней, чем я предполагал. Значит, моим союзником невольно оказывалась Зара.

Сейчас, видимо, разыгрывалось основное действие в отношениях Ларисы и Чавы. Возможно, это был разрыв. Если бы...

Глава 16

Официально дело о пропаже Маркиза еще заведено не было, но я решил на свой страх и риск провести проверку кое-каких фактов.

Прежде всего — окурок, найденный во дворе Ларисы. На обгоревшем клочке бумаги можно было явственно различить три буквы крупного газетного шрифта «ЕЛЯ», оканчивающиеся кавычками. И цифру 21. Тут гадать долго не приходилось — бумагу для самокрутки оторвали от «Недели». Цифра 21 означала порядковый номер выпуска. Значит, этот номер относился к началу июня.

Таким образом, следовало выяснить, кто в Бахмачеевской получает «Неделю».

Я отправился в библиотеку. По случаю болезни Ларисы там управлялась одна Раиса Семеновна, пенсионерка, проработавшая библиотекарем более двадцати лет и даже теперь частенько приходившая помогать девушке. Я как-то разговаривал с Раисой Семеновной. У меня сложилось странное впечатление. Книги она любила до самозабвения. Оборванный корешок или вырванную страницу воспринимала как рану на своем теле. Но само чтение, видимо, ее не очень увлекало, хотя биографии писателей знала отлично. Это можно было почувствовать, когда мы заговорили о Хемингуэе. Его жизнь, по ее словам, куда интереснее произведений. Мне показалось, что Раиса Семеновна прочла только «Старик и море».

У меня же никогда не было интереса к биографиям писателей, за что приходилось страдать в школе. Учительница так оценивала мои ответы: «Знание произведений — отлично», знание жизни и идейно-художественных взглядов автора — тройка с большой натяжкой. Так и быть, Кичатов, ставлю «хорошо». Но в следующий раз прошу обра-

тить внимание на идейно-художественные взгляды писателя. Ведь это самое главное. Без этого вы заблудитесь в океане, который называется литературой. Вы не сможете дать должной оценки своим чувствам и определить идейно-эмоциональное воздействие того или иного произведения на вас».

В девятом классе я решил убедить учительницу, что умею определять это самое воздействие, и в сочинении на тему «Почему я люблю Маяковского» попытался доказать — «Почему я не люблю Маяковского».

Уже название моей работы вызвало бурю гнева учительницы. Она поставила мне жирную двойку, несмотря на то что грамматическая ошибка была всего одна. Эта история докатилась до районо. И там заварилась каша. Тогда моим сочинением занялись в облоно. Спасло меня, что кто-то вспомнил определение Ленина, которое он дал творчеству поэта. Я доказывал почти то же самое. Оценку за сочинение изменили, и я перешел в десятый класс без переекзаменовки. На мое счастье, учительница уехала в другой город, и на следующий год в школе я имел по литературе хроническую пятерку. Новый учитель ценил любовь к литературе, а не к биографиям...

Всего этого я, конечно, Раисе Семеновне не сказал: у нее сложились свои твердые убеждения. Помимо общественной работы в библиотеке, она который год была уполномоченным по подписке на газеты и журналы. И разумеется, точно знала, кто что получает в станице.

Когда я зашел, Раиса Семеновна с грустью показала на небольшую комнату библиотеки, заваленную, помимо книг, коробками, глиняной и деревянной посудой, разной утварью, которую уже успели собрать Лариса и ее актив для музея.

— Вот как мы относимся к полезному и нужному начинанию! — со вздохом произнесла библиотекарь-общественница. — Хоть жалобу пиши в районный отдел культуры. Да стыдно. Выходит, сами на себя жалуемся.

— При мне же Нассонов обещал на заседании исполкома сельсовета выделить комнату. Не выделил?

— Что значит выделить? Освободить! Это наша комната. Законная. Да никак не займем. Летом в ней доверху мешки с удобрениями. Только увезут удобрения, тут же

складывают жмых. Кончается жмых, глядишь — концентраты подоспели, хранить негде. Опять к нам в библиотеку.

— А председатель?

— Накричал на Ларису так, что девушка расплакалась. Вот мы и отучаем людей проявлять инициативу. Недаром говорят — не проявляй инициативу, а то отдуваться придется тебе же...

Я спросил у нее, кто из бахмачеевцев выписывает «Неделю».

— Подписались бы многие, да лимит маленький. Всего два экземпляра. Один получает Нассонов, другой — Ракитина.

— И все?

— Мы получаем в библиотеку один экземпляр. Но это по другому лимиту...

То, что Ксения Филипповна получает «Неделю», я знал. Она всегда предлагала ее мне почитать. И журнал «Советы депутатов трудящихся». Значит, работы мне не очень много. Моя хозяйка исключается. Остается председатель колхоза и библиотечная подшивка.

Раиса Семеновна достала пухлую папку с номерами за этот год. И по мере того, как я ее листал, лицо пенсионерки все больше хмурилось. Не хватало по крайней мере пяти газет. В том числе — двадцать первого номера.

Библиотекарь-общественница сокрушенно вздыхала:

— Наверное, Лариса Владимировна забыла подшить.

Раиса Семеновна просмотрела все полки с журналами и газетами, ящики письменного стола, но недостающих номеров нигде не было.

— Странно, Лариса Владимировна — такой аккуратный человек... Я помню, она как-то брала «Неделю» домой. Наверное, забыла принести... Сами понимаете, молодость. А так она энергичная, начитанная, хорошо знает работу... — Она словно давала характеристику Ларисы официальному лицу.

Я подумал, что у Ларисы газету мог попросить Чава. И использовать на самокрутки. Он, как многие здешние куряки, предпочитал самосад.

Мы разговорились с общественной библиотекаршей о том, много ли читают в Бахмачеевской. Она пододвинула мне деревянный ящичек с абонементными карточками.

Я выбрал наугад абонемент — Коли Катаева. Она вся была испещрена названиями книг: «Теоретическая механика», «Применение пластмасс в тракторном машиностроении», «Основы расчетов упругих оболочек»... Оказывается, наш секретарь прочно теоретически подкован.

— Вы на обороте посмотрите, — подсказала Раиса Семеновна, заглядывая через плечо. — Товарищ Катаев ведь еще и комсомольский вожак.

Я перевернул карточку: «Марш ударных бригад», «Товарищ комсомол», «Комсомольцы идут в атаку»...

Порывшись в ящичке, я натолкнулся на фамилию «Самсонова». Так это же хозяйка Ларисы, бабка Настя!

Я поднял глаза на Раису Семеновну. Та скромно потупилась: вот, мол, какие у нас дела, даже старухи читают.

Интересно, чем увлекается бабка Настя? «Беседы о религии. Блуждающие души», «В век искушений». Но одна книга заставила меня прямо-таки поразиться: «Эволюция современного католицизма»... Я пристально посмотрел на библиотекаршу-общественницу. Раиса Семеновна невозмутимо сказала:

— У каждого свои вкусы...

И все-таки во мне зародилось какое-то сомнение, хотя я знал, что Ларисина хозяйка действительно в церковь не ходит и никаких обрядов не справляет...

Вечером того же дня я зашел к председателю. Мне повезло. Вся семья сидела у телевизора. Сам хозяин потягивал пиво. Редкий случай, что его никуда не вызвали — ни в поле, ни в район. Пиво в станице считалось роскошью. Завозили его сюда раз в месяц, а то и реже. Но председатель, бывая в районе, всегда заезжал на вокзал, где доставал свой любимый напиток в вагонах-ресторанах проходящих поездов. Пиво он пил смачно, с наслаждением, закусывая твердой, как дерево, вяленой таранкой.

Женька прятал от меня глаза: стыдился происшествия в клубе. А может быть, опасался, что расскажу отцу о его ночных визитах в магазин к Клаве, за вином...

Геннадий Петрович дома был помягче в обращении. Поначалу он подумал, что мой визит вызван каким-нибудь ЧП. Но, узнав, что я хочу просмотреть номера «Недели» за этот год, обрадовался: свободный вечер, значит, ему не испортили.

Чтобы долго не объяснять, пришлось сочинить, что меня интересует шахматный отдел. А в библиотеке часть утеряна.

— Знал, к кому идешь, — гордо сказал председатель, доставая подшитые номера газеты. — А за другие года не надо? У меня все до одной. С самого основания «Недели». Внуки спасибо скажут. — Он показал на внушительную стопку переплетенных подшивок, сложенных на нижней полке стеллажа.

— Мне за этот год.

— Можешь взять домой, — предложил Нассонов. — Только, чур, с возвратом. Хочется, чтобы, так сказать, было полное собрание сочинений... Иногда перелистываю. Интересно. Как меняются времена, люди. А представляешь, каково будет читать моему внуку? Или правнуку, а?

До читающего внука ему еще было далеко. До правнука — тем более. Женьке, старшему ребенку в семье, шел шестнадцатый год. Но меня чем-то умилила забота Геннадия Петровича о своих потомках. Я вспомнил, с каким интересом рассматривал у своего школьного товарища (это было в шестом классе) подшивку «Нивы» за 1908 год. Больше всего поражали автомобили и самолеты тех времен. А что скажут о нашем времени через шестьдесят лет? Тоже, наверное, будут удивляться. Нашей примитивности. Нашим спутникам, луноходу, ТУ-144. А ведь сейчас они кажутся верхом возможного...

В те далекие годы будущего уже никто не будет смотреть на лошадь как на средство передвижения. Лошади останутся в цирке, на поле ипподрома. Или в зоопарке. Если останутся вообще. Ведь уже почти исчезли в этих краях верблюды. А говорят, еще после войны их было много. На них косили, возили грузы. Устраивались даже верблюжьи бега...

И какое оно будет, будущее? Неужели и тогда сохранится преступность, а значит, милиция, исправительные лагеря?

Нет. Я не мог себе представить этого. Люди будущего были для меня непостижимыми в своей учености, мудрости и чистоте.

Но, с другой стороны, сто лет назад человечество, наверное, думало о нас, что мы будем совершенны...

Так я рассуждал, шагая от Нассонова по утихающей станции с подшивкой «Недели».

Перелистав газеты, я нашел там двадцать первый номер. Целехонький и невредимый. И зародившееся было ранее предположение — вдруг Женька или его дружки — тут же рассыпалось в прах.

На всякий случай постучался на половину Ксении Филипповны. Она еще не ложилась и предложила мне самому порыться в кипе журналов и газет, наваленных в тумбочке под стареньким телевизором, который я и не упомяну, когда включался.

Двадцать первый номер «Недели» был также на месте. Все листы до одного целы.

Значит, на самокрутку пошел экземпляр, взятый из библиотеки. Но ведь мог быть и такой случай — кто-нибудь купил газету в городе.

Глава 17

Я узнал, что Лариса Аверьянова уехала в район. И еще: вернулся Арефа Денисов, так и не выяснив, где сын.

Арефу я сам не видел. Ксения Филипповна сказала, что старый цыган встревожен.

А Лариса как будто бы взяла направление из нашей амбулатории в районную больницу.

Болезнь библиотечарши меня огорчила совершенно искренне. Надо бы узнать, что с девушкой. К сожалению, еще не был знаком с Ольгой Лопатиной, землячкой моей. Опять преграда — матушка попадья. Надо бы зайти к Юрловым. Да, зайдешь к ним, и Сычов первый пустит слух, что я дружу с поповской семьей. Все же я решил заглянуть к Юрловым. Нельзя же на всех оглядываться! Вот отец Леонтий, он не опасался меня, не боялся, что скажут верующие. С другой стороны, все жители станицы — на моем участке. И поп тоже. И если побываю у него дома, ничего страшного. Поболтаем с моей землячкой о Калининне. Может быть, отыщутся общие знакомые...

Но я узнал, что матушка тоже укатила в райцентр, в больницу. Сказал это сам отец Леонтий, которого я снова застал в спортзале. Он бодрился, а я чувствовал, что его

гнетет какая-то печаль, которой он хотел бы с кем-нибудь поделиться, однако не смел. То ли ему было стыдно, то ли печаль такая горькая, что боялся он, как бы изливания не перешли край. По его всегда спокойным, чуть-чуть на-смешливым глазам было видно: худо пришлось отцу Леонтию, так худо, что скрывать нет сил.

Он все-таки сдержался. Не открылся.

Мои ребята осваивали борьбу на удивление хорошо. Этому помогло, вероятно, что по телевизору показывали передачу «А ну-ка, парни!». Там в программу состязаний входило самбо. Поговаривали, что у нас в районе тоже будет проводиться такой же конкурс. Я уже давал упражнения на выполнение трудных подсечек, бросков, рычагов, захватов и зацепов.

Раза два на занятия приходил парторг Павел Кузьмич. Он молча сидел на скамеечке, говорил свое: «Вот такая штука!» — и уходил, кажется, довольный.

И еще один человек стал присутствовать на занятиях. Тяжело вздыхая, бросая на меня умоляющие, жалостливые взгляды. Люба Коробова. Крепкая, коренастая девушка с конопатым, обветренным лицом.

Но не мог же я организовать женскую группу... из одного человека. Да и не было у нас женщины-тренера.

Но Люба продолжала приходить в спортзал и наблюдать за тренировками ребят.

О ней я вспомнил тогда, когда меня в свой кабинет вызвал Нассонов.

О Маркизе председатель ничего не спросил, потому что знал обо всем не хуже меня. Смотрел он на это дело мрачно и всем видом показывал, что я ни на что не гожусь.

— Не хочется сор из избы выносить, — сказал председатель, — но что поделаешь... Надо одного-другого припугнуть, чтобы остальным неповадно было. Совсем замучил меня завптицефермой. Вишь как обнаглели, яйца тянут, будто из своего курятника. Мне не с руки. Председатель... Ты удержи кого-нибудь с поличным, взгрей... В общем, учить тебя нечего, сам знаешь. Только не очень-то круто. Припугни только. Смекаешь?

Я усмехнулся:

— Смекаю... Красиво ли будет засаду устраивать? Может, еще с пистолетом?

— А дружина твоя на что? — крикнул Нассонов.
— Дружина не моя — общественная, колхозная.
— Давай не будем считаться. Спусти ребятам директиву, направь, так сказать.

В общем, такая перспектива мне не нравилась, — быть пугалом. Если серьезно какие нарушения — лучше действовать строго, по закону. Но злить председателя не хотелось. И так наши отношения были не сахар.

Не откладывая в долгий ящик, я поговорил с Любой Коробовой. Она была польщена доверием. Назвала двух ребят из дружины, с которыми хотела бы провести операцию на ферме.

Я не возражал. Только попросил все выдержать в строжайшей тайне. Хотя и понимал, что в деревне это почти невозможно.

Ко всем этим не очень приятным делам прибавилось еще одно — опять пришла с жалобой Ледешиха. Хуторские ребята залезли к ней в сад и обобрали яблоню-скороспелку.

— Не пришла бы, товарищ начальник, было бы это через месяц. Яблок тогда — завались. А это скороспелка. Не трогала ни яблочка. Все берегла для снохи. Сын пишет, хворая она шибко. На Севере живут. У них витаминов каких-то не хватает. Аккурат собиралась не сегодня завтра посылочку отправить. Это все Славка Крайнов пацанов настроил, анархист. Сам верховодил. В отместку мне за Бабочку. — Ледешиха принялась платочком вытирать глаза.

Мне стало жалко ее. Одно дело — неурядицы между взрослыми, другое — когда встревают ребята. И братья за них по-настоящему тоже как-то неловко. Не составлять же протокол из-за яблок...

Глядя на вконец расстроенную пожилую женщину, я понял, что, в сущности, она очень одинокий человек. Вся ее ершистость, хваткость идет оттого, что трудно ей, уже совсем немолодой, в одиночку, со своей старостью и болезнями, добывать хлеб насущный.

Я пообещал ей, что приеду в Крученый и наведу порядок.

Где-то глубоко в душе затаилась обида на Славку Крайнова. Цацкаешься с ним как с писаной торбой. А он фортели выкидывает. А шишки на меня.

Но больше всего занимал мой ум Маркиз. Если его украли и я не распутаю этот клубок, грош мне цена.

Прежде всего злило то, что здесь, в станице, я не смог по-настоящему провести следствие. Первым делом надо было бы пустить по следу служебно-разыскную собаку. Лошадь не птица, по земле ходит. Ищейка могла бы сразу вывести на правильный путь. Я этого не сделал. И время теперь упущено безвозвратно.

Ехать объясняться с Арефой и его женой — прямо нож в сердце. Любое мое действие оценивалось и обсуждалось на всех завалинках. Обидеть Денисовых ничего не стоило. Я ждал: может быть, Арефа придет сам. Но он не появлялся.

И я отправился в Краснопартизанск посоветоваться с замначальника. Он выслушал меня внимательно.

— Раз письменного заявления нет, дела пока не заводи. Но проверь. С одной стороны, хорошо, что ты стараешься, — сказал он. — Если все-таки действительно кража, дай знать. Возбудим дело. Следователя подключим.

— В деревне надо осмотрительней. Все друг у друга на виду. Это не город.

— Правильно. Но ведь и на селе встречаются нарушения. И какие!

— А все-таки тише.

Зам усмехнулся.

— Ты говоришь, тише... Не помнишь, в «Известиях» писали о банде подростков в Саратовской области? В районном центре. Пацаны пятнадцати—шестнадцати лет совершили семь убийств! Эта «городская романтика», в кавычках конечно, и в деревню проникает. Вот так. А если ты, как черт ладана, будешь бояться кого-нибудь ненароком обидеть, — туго придется. Такая у нас специальность: мало в ней привлекательного. Насчет служебной собаки ты сплеховал. Надо было позвонить нам. Прислали бы. Теперь поздно, конечно. Но ты не отчаивайся. Первым делом — ищи Сергея Денисова. Надо будет — объявим розыск. И девушку расспроси поподробней.

Я вышел от замначальника райотдела раздосадованный на самого себя. Как ему объяснишь, что труднее всего мне разговаривать с Ларисой?

В маленьком узком коридорчике я столкнулся с... Борькой Михайловым. Даже сначала не узнал его. Он был в штатском.

— Борис!

Михайлов протянул мне руку:

— Здорово, Димка! — И посмотрел: забыл я про злополучные огурцы или нет.

Я все-таки рад был его видеть.

— Где ты, что? — торопился я узнать о его делах.

Борька потрепал меня по плечу:

— Подожди, Кича, мне тут с твоим начальством встретиться надо. Время есть?

— Есть.

— Поговорим после.

Мы зашли в приемную к Мягкенькому. Борька бесцеремонно прошел к начальнику. Я отметил про себя, что у него появилась начальственная осанка.

Через минуту из своего кабинета выскочил майор.

— Здравствуй, Кичатов. Ты ко мне?

— Нет.

— Погляди на улице замполита. Пусть срочно зайдет.

И тут же скрылся у себя.

Я диву давался: неужели это Борька заставил так суетиться майора?

Замполита искал и дежурный.

Я зашел к начальнику сообщить, что замполит только что уехал по делу. Меня распирало любопытство: как себя ведет мой дружок?

— Ладно, — сказал Мягкенький. — Можете идти.

Борька сидел за столом майора и накручивал телефон.

— Значит, у вас служит? — кивнул он в мою сторону.

Я немного задержался.

— Участковый. — Майор на всякий случай улыбнулся. — Знакомые?

— Еще бы. Однокашники, — солидно ответил Михайлов. Это он мне как бы протекцию делал. — Что-то я его на Доске почета не обнаружил... Как, а?.. — подмигнул он.

Ну и ну! Разговаривает словно генерал.

— До почета, положим, не дослужился, — почесал мочку уха начальник РОВД, — а вот выговор чуть не схлопотал. В духовом тире устроил пальбу из боевого оружия.

Борька засмеялся:

— В училище за ним такого не замечалось. Одни благодарности...

Я вышел на улицу. Завел свой «Урал». Но ехать раздумал. Хотелось потреться с Михайловым. Как-никак однокашники.

Во дворе милиции стояла запыленная серенькая «Волга» из УВД области. За рулем — пожилой водитель. Тоже в штатском. Наверное, дожидался Борьку.

Что же, подожду и я. Времени у меня сколько угодно. Я намеревался зайти в больницу к Ларисе. Никуда она не убежит.

Михайлов появился довольно скоро.

— Где тут у вас можно пожрать? Понимаешь, трястись три часа до города на пустой желудок — не фонтан. Кстати поболтаем. Поехали со мной. — Он открыл дверцу машины.

— Тут два шага, — сказал я, слезая с мотоцикла.

— Пешком так пешком. — Борька нагнулся в окошко: — Захарыч, столоваться пойдешь?

— Дотерплю, — ответил водитель. — Моя язва не переносит общепит.

Мы зашли в «Маныч».

— Ну рассказывай, — попросил Михайлов, изучая меню.

— Зря ты про какие-то благодарности приплел, — покачал я головой.

Борька удивленно уставился на меня.

— Я ж тебе цену набивал, Кича! Главное — показать, что мы на короткой ноге, что ты мой кореш. Усекаешь?

— А ты кто такой? — спросил я прямо.

— А ты не знаешь? Старший инспектор областного уголовного розыска. Как, звучит? — И посмотрел, какой эффект произвели его слова.

— Ну и что? — пожал я плечами.

Борька присвистнул:

— Ну если для тебя ничего...

— Прикажешь теперь перед тобой вытягиваться? — усмехнулся я.

Борька замялся.

— Ладно, кончай. Что лопать будем?

— Котлеты и борщ. Самое испытанное, — буркнул я. Может быть, зря я на него накинулся? Михайлов — хватарень. Знает, как давить на начальство.

Нам принесли темно-бураковый борщ с кусками жирного, разваренного мяса.

— Везет тебе, — примирительно сказал я. — В рубашке родился, что ли?

— Как и ты, голенький, — ответил Борька. — Только я не открываю двери лбом. Что это ты за перестрелку устроил?

— Так, прочил одного шмаровоза. Строчит на меня анонимки.

Он покачал головой:

— Ну и что, прочил?

— Прочил.

— Ты себя прочил.

— И себя тоже, — согласился я. — Теперь ученый.

Борька махнул рукой:

— Такая наука могла плохо кончиться. Вот что, Кича, хочешь, похлопочу за тебя? Много не обещаю, но чем черт не шутит. Может быть, переведут в город. В городе легче. Затеряешься среди людей, и никто на тебя пальцем тыкать не будет.

— Это ты хочешь огурцы замолить? — улыбнулся я.

Боб смутился:

— При чем здесь они? Просто по дружбе.

— Спасибо на том. Но в городе тоже сволочей навалом.

— Если их искать на свою голову, то конечно. Так похлопотать?

— Нет. Посмотрю, куда судьба вывезет.

Он покрутил пальцем около виска:

— Ты всегда, Кича, витал в облаках... Какая судьба, где судьба? Как сам повернешь, так и повернется. Кстати, жентиться не думаешь?

— Нет.

— Не зарекайся.

— Ты что, уже?

Борька замялся:

— Вроде бы. Почти.

— Не понимаю. Да или нет?

— Все равно когда-нибудь надо...

— Не темни. Расписался?

Он вздохнул, словно признавался в каком-то проступке:

— На днях распишемся. Папаша торопит.

— Ее папаша?

— Ее. Как раз ЗАГСами ведает. Зампред.

— Горисполкома?

Михайлов виновато поправил:

— Облисполкома.

— Теперь все понятно... — протянул я, наслаждаясь Борькиным смущением.

— Ты не думай... В областное управление я устроился до всего этого. Сам...

— Я и не думаю. Только теперь тебе прямая дорога в министерство. Ну и зазнаешься ты, брат, не подойдешь — не подъедешь.

— Кича, не издевайся.

— Ладно, ладно. Не буду. Почему в штатском? — спросил я. — Звание скрываешь, не устраивают три звездочки, хочешь одну побольше?

— Работа такая.

— Понятно. Если не секрет, зачем приехал?

— Для тебя не секрет. Ты должен знать. Понимаешь, ищем одного особо опасного преступника. По делу об убийстве инкассатора. — Михайлов достал из кармана карточку. — Фоторобот. — На меня глядело тяжелое, угрюмое лицо, заросшее бородой до самых глаз. Было что-то мертвое в этом изображении.

— Мы уже проверяли у себя, — сказал я, возвращая снимок. — А как это все было?

— Не знаешь?

— Откуда? Это ведь давно, кажется, случилось. Еще Сычов занимался проверкой в станице.

— Месяца четыре назад. Ехала машина с инкассатором из аэропорта. Крупную сумму везли. Около четырехсот тысяч. А там есть узкое место на дороге. И когда машина с инкассатором подъехала к этому месту, прямо посреди шоссе стоит микроавтобус УАЗ. Ни проехать, ни обогнуть. Шофер с узика возится с колесом. Водитель, что инкассатора вез, вылез, подошел к нему. Тот говорит: «Помоги». И только шофер с инкассаторской машины нагнулся, чтобы посмотреть, в чем дело, водитель автобуса его ключом по голове и в кювет. Решил, наверное, что насмерть. Что там дальше произошло, судить трудно. Но наши ребята оказались на высоте. Как сам понимаешь, погоня, стрельба. Шофер микроавтобуса в перестрелке был убит. Открыли авто-

бус, а в нем, помимо водителя, — мертвый инкассатор. А деньги как в воду канули. Но вот в чем дело. Инкассатор был убит двумя выстрелами в грудь. Из другого пистолета, не того, что нашли у водителя автобуса. И еще. Шофер, везший инкассатора, остался жив. Он вспомнил, что, когда вышел из своей машины посмотреть, что с уазиком, к инкассатору подошел какой-то мужчина с бородой. По этим показаниям и составили фоторобот. Предполагается, что он убил инкассатора, перетащил его вместе с напарником в автобус. Но где он вылез из уазика, как исчез с деньгами, неизвестно. Следствие считает, что преступник скрывается где-то здесь, в Краснопартизанском районе. Четыре месяца бьемся. Проверили, перепроверили. До сих пор впустую. Так что ты, пожалуйста, у себя в Баха...

— В Бахмачеевской, — подсказал я.

— Получше посмотри.

— Проверю.

Когда мы подходили к воротам милиции, он сказал:

— Не забывай друзей. Будешь в городе — заглядывай.

Если что надо, звони. В управление. Или домой.

И дал мне свои телефоны. Служебный и домашний. Телефон квартиры будущего тестя.

Уже усевшись рядом с шофером, он подозвал меня к машине:

— Ваш майор, кажется, ничего. Я изредка буду позванивать. Так, между прочим. Как, мол, мой кореш...

— Зачем? Возьмет и выкинет что-нибудь назло.

Борька задумался. Потом мотнул головой:

— Не выкинет. Какая ему от этого польза?

— Брось. Пусть будет все, как есть...

— Дело твое. Я хотел как лучше...

Что бы там ни было, а эта встреча меня встряхнула. Давно меня не называли Кичей.

Глава 18

Райбольница состояла из двух длинных хат, стоящих друг к другу под прямым углом.

Маленький двор, огороженный железной оградой, был чисто выметен и полит. Под редкой тенью прозрачных,

тонких верб стояло несколько деревянных скамеек — крашенные доски на врытых в землю столбиках. Распахнутые настежь окна глядели в вербный садик бельмами затянутых марлей проемов. Несколько стариков грелись на солнышке, одетые в одинаковые, вылинявшие от стирки пижамы.

В приемном покое сказали, что свидания — с трех до семи. Было два часа. Но если мне спешно, разрешение дает главврач.

Главврач спросил, по личному или по делу. Я, поколебавшись, ответил:

— По личному.

Он пристально посмотрел на меня. Как-то странно хмыкнул:

— Что, так не терпится?

— Служба...

— Разве что служба... — Он вздохнул и еще раз просверлил меня взглядом. — Значит, нет времени?

— К сожалению... — ответил я, смутившись.

— Ну-ну. — Он крикнул санитарке, чтобы та попросила Аверьянову выйти во двор.

Я поблагодарил и направился к двери. Главврач сказал:

— Пожалуйста, поприветливее с больной...

— Конечно, — поспешил я ответить. И, не удержавшись, спросил: — А что?

Он пожал плечами — какой, мол, недогадливый: больных надо беречь от волнений...

Лариса встретила меня тревожными глазами.

— Здравствуй, — сказал я как можно приветливей.

— Здравствуй, Дима. Садись. — А глаза ее спрашивали: «Ты с хорошими вестями или с плохими?»

— Я тут по делам разным, и время как раз свободное... Решил поведать. Что у тебя?

— Так, нервы, говорят. — Она последний раз взглянула мне в глаза: «Больше ничего?»

— На днях заходил в библиотеку. Взял кое-что почитать. Раиса Семеновна отлично справляется. Ты, значит, не волнуйся. Выздоровливай.

— Спасибо, постараюсь... — ответила она.

— Геннадий-то Петрович каков?

— Что? Что Геннадий Петрович? — переспросила она. И я понял, что для нее не существует сейчас Геннадий Петрович и вообще этот мир далек от нее, потому что главное — нечто другое. Но что это другое? Может быть, Чава?..

— Комнату так и не отдал. Для музея.

— Ничего не поделаешь... У тебя как?

— Нормально. Славка Крайнов отмочил: к Ледешко в сад залезли, яблоню обчистили.

— Да?

— Она, понимаешь, сохраняла для снохи... Больная у нее сноха... Скороспелка... Это я о яблоне.

— Нехорошо получилось. Ты что, в Крученом недавно был? — И снова вопрошающий взгляд.

— Нет... Теперь, конечно, надо съездить. Намылить пацану холку...

Вдруг Лариса спросила, решив, наверное, разругать мучающую ее неизвестность:

— Маркиза не нашли?

— Нет.

Не нашли Маркиза, значит, и его, Чаву... Глаза у нее, как мне показалось, потухли. Я не знал, о чем разговаривать.

Не сидеть же просто так и хлопать глазами. И, чтобы не молчать, сказал:

— Бабка Настя твоя — молодец. И ее, значит, коснулся научно-технический прогресс...

Лариса покачала головой:

— С чего ты взял?

— Читает много. По атеизму...

— Кто? — удивилась Лариса.

— Да твоя хозяйка, Самсонова.

Девушка рассмеялась:

— Она малограмотная. Ты бы посмотрел, как она заявление пишет. О смысле только догадаться можно.

— Как же так? В ее абонементной карточке даже такая мудреная книга записана — «Эволюция современного католицизма»...

Лариса вздохнула:

— Это Раиса Семеновна меня оберегает. Заботится. Вот и записывает всем в карточки липу. Говорит: учили, мол, вас, да не тому. Главное в нашем деле — отчетность. По-

казателей — не счесть. У нас как: выполнишь план по оборачиваемости книгофонда, требуют провести работу по научно-технической литературе. Проведем. Опять что-нибудь новое — по экономике и управлению. Не успеем раздаться — по сельскому хозяйству. Недавно из райотдела культуры приезжали. Ругали меня. Раиса Семеновна, значит, решила «подтянуть» показатели. Чтобы в районе успокоились.

— Но неужели там идиоты?

— Зачем? В районе знают. Но ведь им тоже надо составлять отчет для области... На что не пойдешь ради галочки...

— Ох уж это «для галочки»! — вздохнул я.

Меня самого недавно пропесочили в РОВД. Кто-то подсчитал, что с тех пор, как в Бахмачеевской инспектором стал я, число нарушений возросло. Выходит, Сычов просто-напросто многое скрывал. Во всяком случае, поговаривали, что самогонщикам в станице жилось до меня вольготней. Дружина бездействовала. Да и как ему было следить за порядком, когда у него самого рыльце в пушку!.. Выходит, писать обо всем добросовестно не следует? Ведь на основании моих справок начальство составляет отчеты для области, а область — для республики. И если все эти отчеты писать по системе Раисы Семеновны или Сычова, то можно себе представить, сколько липы тогда течет наверх!

Но кому это надо? Кто заинтересован в этой глупости? Самое смешное — никто! Никому такое надувательство пользы не приносит. Скорее всего — вред. И если подсчитать хорошенько, вред немалый...

И я, почему-то вспомнив по ассоциации, рассказал Ларисе о случае, приключившемся с прокурором нашего района. Касательно этой самой липы. И если бы сам не услышал об этом из уст райпрокурора на совещании, просто не поверил бы.

Прокурор у нас, как я уже говорил, женщина. Ее пригласили от общества «Знание» прочитать лекцию в техникуме. Лекцию предполагалось оплатить. Райпрокурор взяла путевку в правлении общества и поехала в условленный день к студентам. Но по какой-то причине аудитория не собралась. Райпрокурор оставила путевку в дирекции тех-

никума, договорившись, что приедет в другой раз, когда студенты будут более свободны.

Опять назначили день, но в этот раз был занят лектор. Тут подошли летние каникулы, студенты разъехались по домам. Через некоторое время в прокуратуру звонит председатель районного отделения общества «Знание» и просит нашего прокурора прийти за гонораром. Та удивилась и сказала, что вышло недоразумение: лекцию она не прочла. Председатель подивился еще больше и процитировал отзыв дирекции техникума, где говорилось, что «лекция была прочитана на высоком идейно-профессиональном уровне и неоднократно прерывалась аплодисментами».

— И что прокурор? — спросила Лариса.

— Просто рассказала, как было дело.

— И все?

— Все.

— Я бы на ее месте привлекла руководство техникума к ответственности.

— Тогда и тебя надо привлечь. Да и меня, наверное... И вообще ввести в Уголовный кодекс статью «За липу»...

— И правильно, — улыбнулась Лариса. — Поуменьшилось бы всяких отчетов. Боялись бы попасть под эту статью.

За разговором она оживилась, и, когда пошла провожать меня до выхода, я чувствовал: ей хотелось бы еще поболтать.

— Скучно здесь? — спросил я.

— Не театр, конечно. Особенно по вечерам. Понаслушаешься всякого. Здесь говорят только о болезнях. Люди все одинаковые. Как в бане. Ни рангов, ни постов. Все откровеннее. И такое встретишь, прямо не верится.

Прощаясь, она задержала мою руку.

— Спасибо, Дима. Поговорили с тобой — прямо легче на душе стало.

Я не знаю, что и ответил. Радостно колотилось сердце. И только за воротами вспомнил — так с ней о деле и не поговорил. Язык не повернулся. Да, товарищ младший лейтенант, когда ты научишься сдерживать свои чувства? Но как это сделать?

...Помня разговор с Ларисой о Раисе Семеновне, я еще раз забежал в библиотеку. Взял свою абонементную карточку. И не мог сдержать улыбки. В нее было записано:

«Советское бюджетное право», «Правовая кибернетика», «Мировое государство: иллюзия или реальность?»...

Эти книги я и в руках не держал. Но Раисе Семеновне ничего не сказал. Зачем обижать старушку? Намерения у нее были благие...

Глава 19

Я обогнул Крученный, оставил в кустах «Урал» и теперь уже пешком отправился искать стадо.

Жарило вовсю. Я расстегнул ворот рубашки, сдвинул козырек на самый лоб, чтобы он хоть немного прикрыл глаза от слепящего солнца.

Коровы были на водопое. Стоя по колено в воде, они сгрудились вдоль берега реки, припав к воде застывшими, полусонными мордами.

Славка, сидя по-турецки в жидкой тени прибрежных кустов, хлопотал над маленьким костерком из сухих прутьев ракитника. Над прозрачным пламенем, совершенно не дававшим дыма, кипела вода в помятой алюминиевой кастрюльке с дужкой.

— Здрате, Дмитрий Александрович. Как раз к чаю подоспели, — приветствовал меня подпасок. В его голосе я уловил едва проскальзывавшую тревогу.

— Пекло такое, а ты — чай... — сказал я, устраиваясь на мягкой песчаной земле подальше от огня.

— Наоборот. Сырой водой в такую жару не напьешься. А крепкий чай — за милую душу. — Он порылся в сумке от противогоза, достал фунтик из газетной бумаги и высыпал в кипяток заварку. Вода вспенилась, окрасилась в коричневый цвет. Славка подцепил дужку кнутовищем и снял чай с огня. — Сергей приучил.

Он вынул из котомки несколько крупных картофелин, сваренных в мундире, два больших, с кулак, помидора, яйца, хлеб, соль и разложил на чистой белой тряпице. В дешевом металлическом портсигаре он держал леденцы, слипшиеся от теплоты.

Парнишка налил чай в единственную кружку и протянул мне:

— Пейте. Кушайте. Это бабка Вера меня снаряжает.

От еды я отказался. Прихлебывая терпкий горьковатый напиток, я смотрел, как Славка не спеша, с аппетитом разделяется со своим завтраком. Кожа на его лице, шея и руках загорела, нос облупился.

Он был совсем еще пацан, и в нем, наверное, бродили всяческие мысли и желания, в которых он вряд ли отдавал себе отчет. Что я мог ему сказать, как образумить, объяснить цену человеческих поступков, их истинную значимость? Разве он поймет, что в детской своей непосредственности, пристрастии к обыкновенным мальчишеским подвигам, как, например, набеги на чужой сад, можно действительно нанести кому-то урон и обиду, какую нанесли они Ледешко?

Я в его годы был таким же. И с ватагой сорванцов-одногодков отмачивал еще штуки похлеще.

Мне вспомнилась в Калининне пожарная команда. На заднем дворе пожарники развели и любовно ухаживали за грушевым садом. Кто-то из них, наверное, был садоводом-любителем, потому что груши были отменно хороши на вкус. Может быть, они казались такими, потому что за-претный плод сладок.

И что мы, ребята, делали? Как только созрел урожай, звонили вечером из телефона-автомата по 01, называя одну из самых отдаленных окраин города, и, подождав, пока ярко-красные машины, дико вопя сиреной, не вылетали одна за другой из гаража, бандой дикарей набрасывались на увешанные грушами деревья.

Позже, когда я ходил в дружинниках, эту историю рассказал подполковник милиции, тот самый, что сосватал меня в училище. Мальчишеская уловка, оказывается, поставила руководство пожарной охраны в неловкое положение. Они решили проанализировать, как и почему на сентябрь падает самое большое количество ложных вызовов. Из Москвы приехал научный сотрудник, составлял разные социологические, метеорологические, демографические и всякие другие графики...

Секрет раскрылся через несколько лет, когда другая, сменившая нас группа «налетчиков» была снята с деревьев пожарниками.

К тому времени научный сотрудник уже успел на основе своих исследований написать и защитить кандидатскую диссертацию...

Обо всем этом я, естественно, Славке не рассказал. Уж очень мало поучительного было в этой истории.

Я подождал, пока подпасок поел, завернул остатки еды в тряпицу и положил в сумку.

— Теперь тебе, наверное, поспать не мешает? — спросил я.

— Перемогу. Да и плохо на такой жаре. Голова будет дурная.

По его глазам было видно, что вздремнул бы он с удовольствием.

— Стадо не разбежится?

— Не-е. Выстрел при нем — бояться нечего.

— Так его слушаются? — удивился я.

— Еще бы! Чуть корова отстанет или потянется в сторону, он рога в бок — и все. Первое время думал, хана пришла буренке. Злющий бугай! Бьет куда попало, не смотря. Но пока обходилось. Раз, правда, долго одна корова хромала. Вон та, Ромашка. — Подпасок указал на темно-бурую корову с белой звездой на лбу. — Боялся, сляжет. Отошла. Зато теперь помнит хорошо, как ее проучили. Смирная стала. А как-то Выстрела увезли к ветеринару. Вот тогда я намучился — страсть! Я их кнутом, палкой, а им хоть бы хны! Что им кнут после рогов и зубов Выстрела? Разбежались по степи, ищи-свищи. Дотемна искал. Кое-как пригнал домой. Трех нету. Что делать? Беда! Взял фонарик и опять в степь. Где искать? Куда податься? Пошукал, полазил, следы как будто ведут к старице, к той, где пацаны кувшинки рвут и раков ловят. Пошел по следам... Кругом темнота, ни души. Только лягушки орут вовсю.

— Дрейфил?

— Было маленько. Перепугался я уже потом. Страху натерпелся на всю жизнь. Подхожу к старице, освещаю фонариком — какие-то подозрительные бугры. Не успел я разглядеть, как они на меня бросились. Орут, топочут. Как сообразил, не знаю, кинулся к воде. И с размаху мордой в ил. Фонарик погас. Встал я, вытряхнул воду. Хорошо, загорелся. Не шибко намок. Направил свет на берег. Точно — мои телушки. Набычились, головы к земле пригнули, глазами сверкают. Я их по именам называю, ласково, нежно, языком цокаю, а они словно сбесились. Бьют

передними ногами, чисто лошади. Стою я в воде, от злости и досады плакать хочется, а они как хищники какие-то, не признают меня.

Я улыбнулся. Славка тоже.

— Это теперь смешно. Тогда я их, наверное, час уговаривал. Ноги ооченели. Думаю, еще какой водяной схватит...

— Неужели веришь в эту чушь?

Славка почесал затылок:

— Да не верю. А ночью все-таки боязно. Наслушаешься всякого. Говорят, щуки бывают огромные. Людей утягивают.

— Водятся?

— Есть. Но небольшие. Я их не люблю. Костей много. Бабе Вере нравятся.

— А чем кончилось с коровами?

— Утихомирились. Смотрю, хвосты опустили, подошли к воде, на меня смотрят. Я потихонечку вышел. Протянул руку. Они — мордами в ладонь. Признали. Повел я их в Крученый. Они все вздрагивали, к каждому шороху прислушивались...

Коровы полегли в кустах. Дремали, равномерно поводя челюстями и лениво отмахиваясь хвостами от слепней. Трудно было представить этих мирных животных в роли разъяренных хищников...

— И еще какая манера, — продолжал подпасок, выливая в кружку остатки чая и протягивая мне. — Как увидят какую зверушку — хомяка или суслика, — прямо с ума сходят. Хвост трубой — и бегут за ней сломя голову. Зверек нырнет в нору — и был таков. А за лисой несутся по степи всем стадом... Попадешься на пути — растопчут. Зачем она, лиса эта, сдалась им, не знаю...

— Дикий инстинкт, наверное, просыпается, — предположил я.

— Так ведь они ж травку едят, сено!

— Стадный инстинкт защиты от врага. Когда они еще бизонами или там зубрами были, не знаю...

— Чудно, — покачал головой Славка. — Они вон какие громадные, а тут лиса, суслик...

— Загадка природы.

— Верно. Их не спросишь. Не разгадаешь.

— Ну да. Узнают же, например, о звездах, которые находятся за миллионы и миллионы километров? Познают и это.

— Познают, наверное...

— Тебе-то хочется узнать?

Славка задумался.

— А можно ли?

— Если учиться, наблюдать, читать. Ты читаешь много?

— Читаю, — ответил он неопределенно.

Я растянулся под кустиком ракиты и, прищурившись, смотрел на небо сквозь красноватые гибкие прутья.

— Конечно, мало читаю, — вздохнул паренек. — Книжки все пошли неинтересные. Баба Вера привезла из района целую охапку. Читаешь, а там глупость какая-то. Такой-то парень пошел к такому-то. В городе, конечно. Больше про Москву пишут. Пошли они в кино. Встретили третьего пацана. После кино пошли домой... Тоска смертная. Вот одну книжку стоящую я читал. Когда в городе жил. Вот не знаю только, чем кончилось. В ней описывается, как один дяденька отправился на Север, к волкам. Это не у нас было, в Канаде. И как он сдружился с волками, и они его не трогали. Здорово написано! Я после этого к волкам по-другому отношусь. Выходит, они полезные, волки. Питались только больными оленями, чтобы те других оленей не заразили и не рожали слабых, больных детей. Жалко, книга оборвана была, может, до половины. Хочется дочитать... А вы не читали?

— Нет, не читал.

Я прикрыл глаза, чтобы отдохнули от солнечного света. Тихий шелест кустов, плеск реки убаюкивали.

— Я бы сам хотел поехать на Север, к волкам, — продолжал подпасок. — Проверить...

— Здесь ведь тоже есть волки.

— Не то, — цокнул языком Славка. — Волки, которые водятся в степи, злые. Они скотину изводят без разбора. Корова ведь не дикий олень. Жирная, не убежит.

Я подивился здравым рассуждениям паренька.

— Так это ты, значит, на Север бегал? — спросил я. — К волкам?

— На Севере вообще диких зверей много... — Он нашел камешек и запустил в реку.

— Школу надо заканчивать. Поехал бы в сельскохозяйственный институт. Или в техникум. — Я поднялся. Даже сквозь закрытые веки пробивалась слепящая белизна небосвода. Перед глазами стояла красная, раскаленная пелена...

— Пошел бы... — буркнул Славка. — С моим батей пойдешь...

— А что?

— Говорил, сделает из меня человека. — Он усмехнулся. — Как вспомню — противно. Тошно на душе.

— Не понимаю.

— Он слесарем работает в ЖЭКе. Краны там всякие, батареи, унитазы... — Парнишка сплюнул. — Все меня таскал с собой. В деревне как? Помогают друг другу. Баба Вера сказывала, что весной заболела и огород ей соседи вскопали. Просто так. А в городе — за все гони монету...

Я видел, что Славка действительно задумывался о человеческих взаимоотношениях. Его больше тянуло к деревенской простоте и отзывчивости. И городскую меркантильность он не понимал. Меня самого воротило, когда люди меряли все на деньги: дружбу, работу, любовь.

Вспомнился рассказ одного отцовского приятеля, который по долгу службы бывает за границей. Там он непосредственно встречается с владельцами крупных предприятий: что ни на есть с классическими капиталистами. И вот что он наблюдал. У одного такого денежного туза попросили закурить. Он, конечно, спокойно предлагает сигарету. Попросивший закурить тут же отдает мелкую монету — стоимость сигареты. И этот человек, который может запросто купить что угодно — огромный самолет, целый остров, даже маленькую страну, — как ни в чем не бывало кладет в карман монетку.

— Отец подвернет гайку — целковый, — продолжал Славка. — Ерунду какую переставит — пятерка. А потом хвастает: олухи, мол, крану цена рубль с полтиной, а хозяйева трешку переплатят и еще рады, благодарят... Не могу я так. Вон и Сергей такой.

— Какой? — насторожился я.

— Не нравится ему ходить по людям, рубли сшибать. Он ведь до того, как пастухом стал, в фотоателье работал. Ходил по хуторам. Брал заказы на увеличение фотокарточек. Сам фотографировал. Вернее, только щелкал. Пленку

ему заряжали в ателье. Халтурщики. Лишь бы нахапать побольше... Он рассказывал, а я вспоминал, как отец водил меня по квартирам. У отца дело, правда, побойчей. Подоходней. Но ведь тоже противно...

— Конечно, веселого мало, — согласился я. — Значит, Слава, одна у тебя дорога — учиться.

— Верно, — вздохнул парнишка. — А меня возьмут?

— Это от тебя зависит. Вот ты Сергея уважаешь...

— Уважаю, — убежденно сказал подпасок.

— Это хорошо, конечно. Но если бы у него еще какая-нибудь специальность была...

— Кому-то и стадо ведь надо пасти...

— Скоро, наверное, все пастухи будут со средним образованием. Или придумают какую-нибудь механику взамен тебя с Сергеем и Выстрела. Уже сейчас электропастухи есть...

— Это только в книжках пишут. А Сергей интересуется кое-чем. Все время «Неделю» таскал. Там про всякое пишут, интересно.

«Неделя»! Чава, значит, брал у Ларисы газету. И кое-какие номера не возвращал. По-свойски. Может быть, и тот номер?

— Слава, ты, кажется, всех ребят знаешь?

— Ну... — промычал он, почуяв, что заговорил я об этом неспроста.

— Поучил бы мальчишек уму-разуму. Жалуются хуторские...

— А что? — попытался он состроить невинное выражение на своем бесхитростном лице.

— Не знаешь? — усмехнулся я.

— Нет...

— Человека обидели. Крепко. (Славка стал смотреть на своих коров.) Ведь не подумали, что у него, может быть, горе. (Мальчуган испуганно посмотрел на меня.) У Ледешко обобрали яблоню.

— К нам тоже на баштан лазают за кавунами. Баба Вера на них метку ставит, букву «К». Думает, поможет. Все равно таскают.

— Приятно ей?

— Подумаешь, — махнул он рукой, — три-четыре кавуна! Не обеднеет...

— Считаешь, пустяки? (Славка промолчал.) А если Ледешко эти яблоки для больного берегла? Сейчас яблок мало, сам знаешь. Только скороспелки.

— Кто же это у нее заболел? — спросил паренек.

— Жена сына, сноха. — Я посмотрел ему в глаза. — Это правда. На Севере она. Витамины нужны...

Славка потупился. Такой оборот дела заставил его задуматься.

Больше про яблоки я ему ничего не говорил.

...Через два дня у меня была Ледешко.

— Выхожу раненько утром скотину кормить. Гляжу, у самого крыльца что-то темнеется... Не поверите, товарищ начальник, яблоки мне возвратили. Может, даже больше, чем взяли. Усовестились, значит, пацаны... Я с почты. Послала сыну посылку. — Ледешко сияла. Не знаю отчего. Оттого ли, что правда восторжествовала, или ей было приятно раскаяние Славки и его попытка замолить свою вину, что тронуло сердце сварливой женщины. — И что еще, товарищ лейтенант, кавун большой приперли...

— А на нем буква «К»? — не удержался я, улыбнувшись.

— Действительно, буковка была, — удивилась старуха. — А вы откуда знаете?

— Милиция все знает, — сказал я загадочно. Окончание этой истории я узнал позже. Оказывается, ущерб Ледешихи был возмещен за счет яблок из личного сада кузнеца Петриченко. Пацаны под руководством, конечно, Славки на сей раз устроили набег в соседний хутор, в Куличовку, подальше от своих сельчан. В общем, сделали хорошее...

Правду говорят: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Теперь пострадавших было двое: Ледешко и колхозный кузнец.

Глава 20

«Димчик, дорогой!

Я живу у тети Мары. Мама с папой в своей Паланге. Погода там плохая, холодно. Папа пишет, что с удоволь-

ствием сбежал бы, но маме жалко денег, отданных за путевки. Я их очень жду. Тетя Мара держит меня в «ежовых рукавицах» и говорит, что никогда больше не возьмет на себя «такой ответственности за судьбу невесты на выданье». А мы с тобой думали, что она современная и своя. Она в восемь часов загоняет меня домой. В кино я могу ходить только на утренние сеансы. На них идут не все картины. При маме и папе я смотрела все. Пусть только поскорей приедут наши предки! С тетей Марой я и разговаривать не буду. Видишь, какие на самом деле люди? Я теперь поняла, что говорят они одно, а ведут себя иной раз по-другому. Конечно, хорошие встречаются. Почему ты не пишешь? Я за тебя волнуюсь. Недавно прочитала в газете, что один милиционер задержал опасного преступника, но сам при этом был смертельно ранен. Ему после смерти дали орден. Димочка, ты всегда ходи с наганом. И попроси себе собаку. Такую, как Мухтар. Они налетают на преступников первые и часто спасают милиционеров. Если тебе не выдадут собаку, я напишу Юрию Никулину и попрошу, чтобы он помог мне достать овчарку. В крайнем случае, попрошу у дяди Феди. У их овчарки щенки. Ты его вырастишь и научишь. Ответь на мое письмо сразу. Ты там все-таки один, и мне тебя жалко. Крепко тебя целую. *Аленка*».

Не подозревая, Алешка выболтала в своем письме многое. Я был один, а она, выходит, не одна. Первая любовь. Я завидовал своей сестренке. Представляю, какой натиск выдерживает тетя Мара, наша старинная приятельница и сослуживица мамы. Она и так всего боится в жизни. А тут Алешка — упрямая, своенравная. Отец ее всегда баловал. Бабушка говаривала: «Вырастишь на свою голову. А от прыткой козы ни забор, ни забор...»

Но откуда эти страхи за меня? Любовь... Она, видимо, вообще делает человека мудрее.

Стало быть, сестричка впервые по-настоящему задумалась о людях. Лишь бы у нее все хорошо получилось. Первое чувство как колея: ляжет правильно, потом всегда будет выходить красиво. Очень бы мне хотелось посмотреть на того, из-за которого Алешка воюет с бедной тетей Марой и о ком, наверное, думает засыпая.

Да, как ни верти — грустно. Бегут, значит, годы, детство уплывает все дальше и дальше, с бабушкиными румяными пирожками, с безмятежными воскресными утрами, с ожиданиями праздников и взрослой жизни, наполненной свободой и свершениями всех желаний...

На Алешкино письмо я не успел ответить. События закружили меня, дни заполнились делами, дорогами, людьми.

Помнится, в тот день, когда я получил от сестры письмо, я готовился к моей первой лекции в клубе. О профилактике преступности. Это была моя первая лекция в жизни. До этого я бывал только слушателем. Теперь будут слушать меня. Коля Катаев решил обставить ее по-солидному. Сначала он все раскритиковал.

— Ну кто придет в клуб, если прочтет тему твоей беседы? Мудрено и пусто звучит для наших колхозников: «Общественный прогресс и правопорядок». Лично я не пошел бы. Лучше козла забить.

Я обиделся:

— Заголовок из «Правды». Умнее нас с тобой писали люди...

— Так то «Правда»! Всесоюзное направление дает. С научной небось базой. Наверное, профессор какой-нибудь?

— Профессор, — кивнул я. — Даже два.

— Вот видишь. Давай что-нибудь попроще. Чтобы зывало и суть показывало.

— «Алкоголь — твой враг!» — предложил я.

Коля рассмеялся:

— А врага, скажут, уничтожать надо. Кто больше уничтожит, тот герой!..

— Значит, о борьбе с алкоголизмом не следует? Нехорошо, комсорг, получается. Поп вон, говорят, такой проповедью разразился...

— Чудак-человек! Надо, не спорю. Но чтоб люди прочли на доске название и захотели прийти послушать.

— Для этого танцы организуют до и после... — мрачно отпарировал я.

— И танцы будут, и выступление приезжих артистов.

— Каких это еще артистов?

— Ансамбль цыган. В прошлом году были. Хорошие песни и музыку выдадут.

— Совместить хочешь?

— А почему бы и нет? Пора сейчас жаркая. Люди и в колхозе, и у себя трудятся. Но и отдохнуть же надо!

Долго мучались мы с проклятым названием. Все же нашли. Вернее — Коля. «Отправляясь в дорогу, что надо выбросить в первую очередь?»

— Дорога — это, значит, путь к коммунизму, — пояснил Коля. — А выбросить надо алкоголизм, тунеядство, воровство. Да мало ли всяких пороков?

Объявление расклеили в станице. И оно, говорят, озадачило. Озадачило — значит заинтересовало.

Домой я в этот день не ходил. Сидел в служебном кабинете над своими записями и цитатами до самого вечера, обложенный книгами и журналами. И чем ближе подходил назначенный час, тем сильнее меня охватывало волнение. Не хотелось, чтобы получилось как у академика. Если опять начнут расходиться, провалюсь со стыда. Ем-то что! Он-то, ученый, уехал, и станичники забыли о нем. Мне же здесь жить и служить.

Уже надо было идти в клуб, а мне все казалось, что фактов и цифр еще мало. Буквально на ходу я внес в рукопись несколько поправок и дополнений. В авторучке, как это случается при спешке, кончились чернила. И когда я заправлял ее, выпачкал пальцы. Мыть руки не оставалось времени. Я кое-как обтер их бумагой и поспешил в клуб с тайной надеждой, что моя лекция произведет большой эффект и искоренит зеленого змия в Бахмачеевской и ее окрестностях...

У щита с объявлением толпилась группа станичников. Я намеренно задержался послушать, что говорят.

— Это что, для туристов лекция? — спрашивал у окружающих какой-то старик.

— Для альпинистов, — ответил один из парней. — Как раз для тебя, дед Касьян.

Дед Касьян крикнул, расправил усы:

— Ить придумали у нас альпинизму разводиться... Мне на полати без помощи не забраться... Старуху зову.

Вокруг засмеялись. Я поспешил ретироваться в клуб. В зале набралось много народу, хотя по телевизору в очередной раз показывали «Адъютант его превосходительства». Пустых мест почти не было. Я, честно говоря, был приятно удивлен и прохаживался по фойе, поглядывая на

часы. Тетя Мотя, уборщица, она же билетерша, сообщила мне, довольная:

— Не беспокойтесь, Дмитрий Александрович, будут сидеть до конца как миленькие.

— Хорошо, — кивнул я, не вдаваясь в смысл ее слов. — Постараюсь...

— Теперь старайся не старайся, не разбежится.

— Это почему же? — спросил я, почуяв подвох.

— Военная хитрость. Я всем говорила, что после лекции перерыва не будет. Кто опоздает к вашему выступлению, на цыган не пушу... А кому охота свои трудовые деньги на ветер выбрасывать?

Я бы на нее, наверное, здорово накричал. Хорошо, как раз подоспел Коля.

— Павел Кузьмич не будет. Извинялся. Надо срочно в шестую бригаду. Так что пошли. Пора. — И потащил за кулисы, чтобы появиться, как президиум, со сцены.

Во мне все клокотало.

— Идиотизм! Это же обман! Отменяй лекцию!

Катаев опешил:

— Ты что, белены объелся?

Мы стояли в комнатке за сценой, где когда-то Нассонов при нас распекал дружков своего сына.

— Быть довеском к каким-то заезжим халтурщикам не желаю!

— Постой. Во-первых, они не халтурщики, а такие же трудяги, как и мы с тобой... Во-вторых, объясни толком, что с тобой?

Я объяснил. Коля почесал затылок:

— Ай да тетя Мотя! Стратег! Я сам дивлюсь, никогда на лекции столько народу не приваливало...

— Дура она, а не стратег. Если всякий будет пользоваться своим положением...

— В дальнейшем этот передовой опыт надо использовать! — засмеялся Коля, хлопая меня по плечу. — Не кипиться. Я ей скажу. Хочешь, выговора добьюсь?

— Ей твой выговор что козе баян, — буркнул я. Ничего не оставалось делать, как положиться на судьбу и свое красноречие.

Мы вышли на авансцену. Коля, из-за отсутствия другого начальства, сел за стол под зеленым сукном.

— Товарищи! — начал я, запинаясь от волнения. — Во-первых, хочу устранить недоразумение, вышедшее не по инициативе и не по указанию организаторов нашей беседы. Лекция сама по себе, а выступление артистов, за которое вы заплатили деньги, само по себе. Так что, если у кого нет желания слушать меня, тот может независимо от этого прийти на концерт после лекции.

По залу прошел шумок. Послышались голоса:

— Сразу бы так и сказали!

— Ничего, посидим ужо.

— Валяй, может, ума прибавится...

— Это была личная инициатива тети Моти, — уточнил с улыбкой Коля. И добавил: — Она, как вы знаете, генеральный директор клуба.

— Заставь дурака богу молиться... — откликнулись в задних рядах со смешком.

Но никто не ушел. Я решил начать не по бумаге. Тем более первую страницу знал наизусть — переписывал раз пять.

Глядя прямо перед собой, я выпалил ее слово в слово. О том, что в капиталистических странах с каждым годом растет число алкоголиков, наркоманов, а также количество преступлений, часто сопутствующих этому пороку.

— А у нас? — раздался чей-то голос.

— У нас количество людей, потребляющих спиртные напитки, с каждым годом все уменьшается, так же как снижается преступность, — ответил я. На этот вопрос у меня был ответ в лекции. Но значительно позже. И теперь вся стройная система полетела к черту.

Я чувствовал, как на моем лбу выступили капли пота, и достал платок. Мои пальцы оставили на нем явственные чернильные пятна. Если теперь вытереть им лицо, чернила перейдут на него. Покомкав платок в руках, я сунул его обратно в карман.

Наизусть продолжать я уже не мог. И пока отыскивал место, на котором остановился, мысленно кляня перебившего меня вопросом, в зале поднялся шумок.

Строки перед моими глазами плясали, путались, я совершенно растерялся. Найдя наконец фразу, нужную мне, я уткнулся в бумагу и стал шпарить, не поднимая глаз на аудиторию.

И полетели слова о том, что алкоголизм — наследие прошлого, что преступность сократилась бы наполовину, если бы люди перестали совсем потреблять горячительные напитки, что опьянение недопустимо для советского человека и чуждо его моральному облику. Круглые фразы, с законченными формулировками. Когда я дошел до влияния алкоголя на распад семьи и брака, я поднял глаза.

Меня слушало от силы человек десять. Я посмотрел на Колю. Он напряженно вглядывался в шевелящиеся ряды голов, словно гипнотизировал, чтобы сидели спокойно. Аудитория частью дремала, частью перешептывалась, делалась станичными новостями, перекидывалась шуточками.

Мой голос сник. Я вдруг вырвал из общей массы седую шевелюру Арефы Денисова. Он смотрел на меня печально и, как мне показалось, переживал за меня, за ту неловкость, которая назревала неотвратимо.

Коля Катаев не выдержал и постучал карандашом по графину. Но этот тупой звон, вконец лишивший меня уверенности, только на минуту утихомирил станичников.

Когда я дошел до фактов, которые, по моему мнению, должны были заставить задуматься и охать слушателей (действие алкоголя на животных, на человека и печальные, даже трагические последствия этого), появились первые дезертиры. Они, пригибаясь, потихоньку пробирались к выходу. Дело окончательно проваливалось...

Я понял: надо спасать положение. Но как? Факты и цифры для них — пустая арифметика, абстракция, так же как и те истертые, читанные-перечитанные и слышанные-переслышанные фразы, которые я пачками выписал из книжек, брошюр и которые теперь не доходили до них. Доконала меня спокойная реплика:

— Для чего же ее, растлительницу и совратительницу, продают, горькую-то? Пистолеты-наганы вон не продают...

Я споткнулся и стал. Как израсходовавшая горючее машина, окончившая свой бег по инерции...

Пропади пропадом тот час, когда я затеял всю эту историю!

— Рассчитывают на возрастающую сознательность народа... — ответил я с пафосом. И мой голос потонул в громе смеха.

— Пусти козла в огород! — ухнула какая-то женщина, теребя своего соседа, по всей видимости, мужа, за жидкий чуб. — Будет сосать, пока за вихор не оттащишь. Запретить ее!

— Прокуратурой запретить! Все женщины спасибо скажут!

— Ишь, все! — усмехнулся один из мужиков. — Нонче вы похлеще нашего прикладываетесь... Вовсю используете равноправие...

Мужичка дружно поддержали. Кто искренне, кто из озорства.

Я, честно говоря, обрадовался передышке. И Коля Катаев понял, что надо накалить обстановку. Он не стучал по графину, с улыбкой смотрел в зал.

Что вопрос всех волновал, это чувствовалось. Всех задевал крепко.

...Порыв мой был честный. Это был действительно порыв, в котором искренность, разум, наболевшее вырывались единым дыханием словно одна фраза, которую долго ищешь, пригоняя мысли и слова в четкий пучок чувства.

— Мне повезло, — сказал я тихо и, кажется, взволнованно, когда страсти, бушевавшие в моих слушателях, почти улеглись. — Мне повезло, что мой отец не погиб на войне. Это хорошо, когда у тебя есть отец.

Я вдруг увидел, что простые слова, обыденные и мои, совсем отличные от тех, которые я только что тарабанил с чужих страниц, заставили зал умолкнуть. И удивиться их простоте.

— И какая глупость, какая, черт возьми, жестокость по отношению к своему сыну оставить его сиротой в наше время. Вы знаете, о ком я говорю. Умирают от болезни, от старости, от несчастного случая, в конце концов героически, на посту. Но от водки!..

Я захлебнулся волнением, перехватило горло. Заскрипели стулья: люди невольно оглядывались, ища вдову Герасимова. Но ее не было. И они знали, что ее нет. Что она не ходит ни в кино, ни на концерты. Высматривали так, на всякий случай.

— Я знаю, — звучал мой голос в полной тишине, — что до сих пор в станице шушукаются. Обвиняют во всем меня. Но вы поставьте себя на мое место. Представьте себе, что

могло получиться, не изолируй я Герасимова в ту злополучную ночь. Что могло произойти с его женой, ребенком? Что бы вы говорили тогда?

— Правильно сделал! — вылетела из зала реплика. — Перестрелял бы, это точно...

Я уже не думал о том, что надо говорить. Меня слушали. Внимательно и сочувственно.

— Скажу откровенно: впервые видел смерть. И вы поймите, каково мне? Это первый год моей работы.

— Как не понять!.. — раздался все тот же голос. И я был благодарен этому человеку, хотя не мог разглядеть, кто он. — Правильно говоришь. И делаешь...

Речь моя потекла спокойней. Теперь не надо было читать по бумажке. Особенно все оживились, когда я сказал, что пора кончать с самогоноварением, что сейчас не буду называть фамилий, но приму все меры, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Многие, как по команде, обернулись на тетю Мотю, сидевшую на стуле у входной двери. В станице отлично знали, что она большой мастер в этом деле...

Лекцию я закончил неожиданно для многих. Четверо-стишьем Хайяма:

Запрет вина — закон, считающийся с тем,
Кем пьется, что, когда и много ли и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить — признак мудрости, а не порок совсем...

— Ну ты чудак-человек, — смеялся Коля Катаев, когда мы шли с ним через артистическую комнату после лекции. — Начал за упокой, а кончил во здравие!

В комнате налаживали реквизит и настраивали гитары приезжие артисты в ярких атласных одеждах.

— С чего ты взял? — удивился я, еще не успокоившись от волнения и пощипывая ус — жест, появившийся у меня совсем недавно.

— Как это ты сказал... «Пить — признак мудрости, а не порок совсем...» Это наши запомнят, запомнят!

— Не я сказал, а Хайям, — поправил я.

— Все равно, — смеялся Коля.

— Так ведь почти все это делают! Хотя бы по праздникам. Но надо же с умом, красиво...

— Постой, а ты действительно в рот не берешь? — спросил вдруг Коля.

— Нет.

— И никогда не пробовал?

— Почему же, пробовал. В Москве. Поступал в МГУ. На спор выпил бутылку водки.

Коля сочувственно покачал головой:

— Драло? Отдавал концы?

— Совершенно нормально. Как будто ни в одном глазу. Смеяться хотелось... Прутья железные гнуть...

Катаев недоверчиво посмотрел на меня:

— И все?

— Все.

— Не заливаешь?

— Что ты пристал?.. — разозлился я.

— А сейчас почему не потребляешь?

— А зачем?

Коля задумался. Тряхнул головой и засмеялся:

— Действительно, зачем?

И потащил меня слушать артистов. Сидели мы недалеко от Арефы и Зары, и я больше наблюдал за ними, чем смотрел на сцену.

В коротком перерыве между моей лекцией и концертом мне показалось, что Денисов хотел подойти поговорить. Но меня окружили дружинники, нахваливая мое выступление. Я отшучивался, краснел и теребил свой ус.

После концерта, который покори́л бахмачеевцев, я намеренно задержался.

Станичники, довольные, растекались группками по тихим улочкам, а хуторских Коля организовал развезти на машине.

Придумано было здорово. И я уверен, что сделал это он не из-за приезжих артистов.

Перед тем как залезть в машину, Арефа все-таки подошел ко мне и спросил:

— От Ксюши есть известия?

Ксения Филипповна уехала в область на семинар.

— Пока нет, — ответил я.

Конечно, не за этим только обратился Арефа. Он постоял, помолчал.

— Будешь завтра у себя?

— Конечно! Заходите, Арефа Иванович.

Денисов кивнул, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой.

— Ладно... Завтра.

Ему, видно, надо было сообщить что-то важное. И тяжелое для него, Арефы. Что ж, хорошо, он первый решил обратиться ко мне.

Но почему я сказал ему, что после обеда? И вообще, понятие рабочего дня было у меня очень растяжимо. В первую же неделю я повесил в своей комнате объявление о часах работы и приема. Я долго колебался, когда написать перерыв.

— Пиши перерыв с часу до двух, как у Клавы, — посоветовала Ксения Филипповна. И с усмешкой добавила: — А вообще, у нас в деревне перерыв с десяти до четырех, если удастся, конечно.

— Дня? — спросил я.

— Кто ж днем поживает, Дмитрий Александрович, — усмехнулась Ракитина.

Ее горькую усмешку я понял потом. Меня беспокоили днем и ночью, в будни и в праздники, начальство и колхозники.

В какой раз позавидовал Борьке Михайлову: в городе все стоит на своих местах, железный порядок службы никто не нарушает, и в свободное время ты сам себе хозяин.

И все-таки почему я сказал Арефе, чтобы он пришел после обеда?

Вот. Решил с утра заняться пропажей Маркиза по всем правилам. Как-никак, а скакуна оценивали в тысячу рублей. И если его украли, в общем, дело что ни на есть самое уголовное.

Глава 21

Калитка во двор бабки Насти была отворена настежь. Облезлый кабысдох с утра уже спал под кустами, выставив на солнце свой костлявый хребет.

Я на всякий случай легонько стукнул в окно Ларисы. Ее не было. Еще в больнице...

Я вошел в открытую дверь сеней, нарочито громко стуча по полу.

— Разрешите?

Проскрипели половицы, и из своей комнаты выглянула хозяйка.

— Ее нету, нету ее, — замахала она сухой, скрюченной старостью рукой.

Баба Настя, как все глухие, старалась говорить громче обычного.

— Знаю! — тоже почти прокричал я. — К вам пришел, баба Настя.

Она не удивилась.

— Проходи, — засуетилась старушка, трогая на ходу подушку и покрывало на железной кровати, шитво, оставленное на простом, некрашеном столе, одергивая на окнах занавески...

Возле печки стояла еще лежанка, застланная чище и наряднее, чем кровать. Поверх пестрой накидки из розового муравчатого ситчика лежала выстиранная и выглаженная сатиновая мужская рубашка. Так кладут одежду для сына или мужа в праздничное утро...

В комнате было чисто. Я предполагал иначе. Наверное, из-за неопрятного пса.

Но особенно выделялся угол с лежанкой. Он словно светился чистотой, уютом и уходом.

Бабка Настя молча следила за тем, как я оглядываю хату.

— К Октябрьским собираюсь побелить. Чтоб как у всех... — прошамкала она, словно оправдываясь.

С первых дней пребывания в станице я заметил, что здесь, на юге, любили чистоту. В какие бы дома я ни заходил, везде отмечал это. Даже в мазанках, которых было довольно много в Бахмачеевской, почти каждое воскресенье хозяева перетирали полы красной глиной с навозом. Надо сказать, что от земляного пола в таком климате куда прохладнее, чем от деревянного.

Чтобы поддержать разговор, я кивнул:

— Это правильно. Когда в хате красиво, на душе светлей.

— Не для себя, — махнула рукой старуха.

— Понимаю, — сказал я.

Лариска, значит, скрашивает ей жизнь. Что ж, пожалуй, она правильно сделала, что поселилась у бабки Насти. Старая да молодая...

— Вы в ту ночь ничего не заметили подозрительного? — спросил я.

— Это когда конь сбег?

— Да, когда пропал конь.

Бабка Настя, прикрыв сухонькой рукой рот, смотрела сквозь меня, сосредоточенно перебирая в своей памяти события прошедших дней. Наверное, они у нее спутались в голове, и она боялась сказать что-нибудь не то.

— Может, кто посторонний приходил? — подсказал я.

— Да нет, товарищ начальник. Мы живем тихо. Гостей не бывает...

— Значит, в доме были только вы и Лариса, ваша личка?

— Да, только свои: Лариса, я и Анатолий.

— А кто такой Анатолий?

— Сын мой. Младшенький...

Я удивился: почему девушка никогда мне не говорила, что у бабки Насти есть сын?

— А сколько вашему сыну лет?

— Пятнадцатый нынче будет, — ласково сказала старушка.

На вид бабке Насте — лет шестьдесят восемь. Но в деревне женщины выглядят куда старше, чем в городе. И все же... Угроздило же ее родить под старость! Что ж, бывает. Сестра моей бабушки последнего ребенка родила в сорок девять лет. Мы с моим дядей почти одногодки... Представляю, как бабке Насте трудно его растить. Сама еле ходит.

— А где ваш сын? — спросил я.

— Бегаёт, наверное. Может, на речку подался с пацанами. Их дело такое — шустрить да баловаться. Придет с улицы, переоденется, — показала она на рубаху на лежанке. — Они, пацаны, хуже порося: чем лужа грязнее, тем милее...

Надо будет поговорить с Анатолием. Мальчишки — народ приметливый. Но почему я раньше его не видел? Правда, хата бабы Насти на самой околице. Далеко от сельсовета.

— Так, может быть, вы все-таки вспомните? — опять спросил я, чувствуя бесполезность нашего разговора.

— Да что вспоминать? Нечего, милоч, — ответила Самсонова, как бы извиняясь. — Разве что пес брехал? Так он каждую ночь брешет. С чего брешет — не знаю. Привыкла я. Не замечаю. А так ничего приметного не было. Ты уж у Ларисы спроси. Она молодая. Память лучше...

— Придется, — вздохнул я. — Сын ваш скоро придет?

— Кто его знает? Може до вечера не забежит.

— А кушать?

— Куда там! Это у них на последнем месте. Ежели и запросит живот пищи, они на бахчу, на огороды. Помидоров, морковки и огурцов так натрескаются, что от обеда отказываются...

— Это верно. Ну я пойду, — поднялся я.

Бабка Настя суетливо последовала за мной в сени.

— Не слышал, Ларису скоро выпишут?

— Не слышал, — ответил я.

— Все проведать ее собираюсь. А как хлопца оставишь? Ему и постирать надо, и накормить...

— Я, может, еще зайду. Поговорю с Анатолием.

— Милости просим, заходи. — Старушка тихо улыбалась чему-то своему, расправляя своими скрюченными пальцами складки на длинной сатиновой юбке...

Я поспешил к себе, так как должен был зайти Арефа Денисов.

Честно говоря, мне не верилось, что он и Зара не знают, где сын. Я вспомнил разговоры Ксении Филипповны о «беспроволочном телеграфе».

Если Сергей причастен к исчезновению Маркиза, какой смысл родителям выдавать своего сына? С другой стороны, если Чава действительно пропал (о чем они имели достаточно времени разузнать), почему Зара не обращается с просьбой начать его розыски?

Скорее всего, Денисов-старший кое-что знает. И знает неприятное. Поэтому и колеблется: открываться мне или нет. Закон законом, но родное дитя дороже...

Время тянулось медленно. Я нет-нет да и поглядывал в окно, не появится ли высокая фигура Денисова?

От раздумий оторвала меня Оксана — секретарь исполкома сельсовета. Она уже вернулась из Москвы, сдав очередную сессию во Всесоюзном юридическом заочном ин-

ституте. Насколько мы сошлись с Ксенией Филипповной, настолько не симпатизировали друг другу с ее секретарем.

— К телефону, — бесцеремонно ворвалась она ко мне. — И побыстрей... Междугородняя...

— Успеется, — сухо ответил я, закрывая на ключ сейф и недоумевая, кто бы мог мне звонить, да еще на номер сельсовета. Борька Михайлов? Родители?

Может быть, Лариса? От этой мысли вспотели ладони. Но она рядом, в районе. Линия местная...

Оксана с презрением смотрела, как я не спеша прошел к ней в приемную и взял трубку.

Бог ты мой, конечно, Ксения Филипповна! Кто же еще?

— Как дела, Дмитрий Александрович?

— Идут, спасибо. — От неожиданности я не знал, что и говорить.

— А я звонила Оксане по нашей сельсоветской работе, дай, думаю, с тобой покалякаю... Нас тут задержат еще. Семинар, понимаешь. Век живи, век учись, а все дураком помирать придется. Алло, ты слышишь?

— Слышу, слышу.

— Молчишь что?

— Новенького нет, — замялся я.

— Совсем нет?

— Как будто нет.

— Аверьянова из больницы вернулась?

— Нет еще.

В трубке некоторое время молчали.

— А Серега Денисов объявился?

— Нет, — ответил я глухо.

— Вот бродяга, — усмехнулась Ксения Филипповна. — Я тут с твоим дружкой познакомилась. Он теперь стал родственником моего земляка.

— Михайлов, что ли? — обрадовался я. — Борька?

— Он самый. Солидный у тебя друг, с башкой. Мы о тебе все вспоминали...

— Привет ему передайте, — попросил я.

— В обязательном порядке.

В наш разговор влезла телефонистка:

— Ваше время истекло. Прошу закончить разговор.

— Уже кончаем, милая, — откликнулась Ксения Филипповна и быстро произнесла: — Встретишь Арефу или Зару, поклоны от меня.

Я не успел ответить. Нас разъединили.

Этот телефонный разговор меня удивил. И не только потому, что касался клубка дел и событий, засевших в моем мозгу и в моей душе.

Было все-таки удивительно каждый раз ощущать и слышать человека, так заинтересованного в людях, в их проявлениях и поступках.

Передавая через меня привет семье Денисовых, что она хотела этим сказать? От чего меня предостерегала?

Я и сам ведь не спешил с выводами, не торопил события. Может быть, даже излишне медлил.

И вообще для меня всегда мучителен окончательный выбор, окончательное решение. И даже тогда, когда я на что-либо все-таки решаюсь, потом еще долго сомнения и неуверенность истязают меня. Все время кажется, что для решительного действия надо было еще многое узнать, многое учесть, до чего я не дошел, не докопался. И это неучтенное представлялось главным.

Для Ксении Филипповны существовали прежде всего простые и ясные состояния: смерть и рождение, спокойствие и беда, бедность и обеспеченность, здоровье и хворь, честность и воровство, любовь и ненависть. Опираясь на них, она довольно точно охватывала сущность явления, сущность человека. А все остальное было блажью или шелухой. И, признаться, меня очень смущало, когда Ксения Филипповна смеялась над слухами и разговорами о том, что исчезновение Маркиза — дело рук Чавы. Может быть, она была все-таки необъективной?

Я терялся в догадках, чем вызвано поведение Ракитиной. А Арефа все не ехал и не ехал, и меня самого тянуло сесть на мотоцикл и отправиться на хутор. Не поехал я единственно из-за того, что мы могли разминуться.

Потом к сельсовету подкатила грузовая машина — старый колхозный ГАЗ-53. В ее кузове шумели, горланили женщины. Я подошел к окну, чтобы лучше разглядеть, что происходит. Брань все разгоралась, и я увидел, что на землю через борт кто-то старается стащить Сычову, с красным от злости лицом.

— Товарищ Кичатов, Дмитрий Александрович! — громко крикнули с улицы.

Я узнал одну из моих помощниц — Любу Коробову. Пришлось выйти. Люба вместе с двумя ребятами-дружинниками держала за руки жену моего предшественника, поливавшую их отменной руганью.

— Вот, задержали с поличным! — сказала Люба.

— Породитая несушка! Зараз полсотни яиц снесла! — крикнула одна из женщин, стоящих в кузове.

Вокруг засмеялись.

Опять Сычовы, пропади они пропадом! Ну и семейка!

— У-у, кирпичная! — зашипела задержанная на Любу Коробову, стараясь высвободить руку. — Рожа ни на что не гожа, так подалась к парням в дружину. Тьфу, пугало огородное!

Люба залилась краской. Только кончик носа и мочки ушей побелели от обиды.

— Сычова, прекратите ругаться! — строго сказал я.

— Чего она хватает! — огрызнулась та. — Пусть у завфермы спросит — мои это яйца, на трудодни...

— Врет, — перебила дружинница, — ворованные.

— Ах ты, шалава степная! — заорала Сычова.

— Прекратите! — рявкнул я. — Вы, гражданка Сычова, не имеете права оскорблять представителя власти.

— В гробу мы видали таких представительниц...

Ребята, помогавшие Коробовой, смущенно молчали. То ли боялись злого языка Сычихи, то ли им было стыдно связываться с женщиной.

— Пройдемте, — кивнул я на дверь сельсовета. — Разберемся в спокойной обстановке.

— Пусти, говорю! — рванулась снова Сычова.

— Отпустите ее, Люба... Она сама пойдет, — спокойно сказал я.

Сычова, освободившись от дружинников, пошла к дверям, широко расставляя руки. Тут я только заметил, что на коффе у нее застыли желтые подтеки.

Вместе с нами в комнату милиции набилось еще человек шесть колхозниц, ехавших в машине.

— Садитесь, — предложил я всем.

Станичники расположились: кто на стульях, кто на диване. Лишь одна Сычова потопталась на месте, но не села.

- Не может она сесть, — хихикнула одна из колхозниц.
- Почему? — строго спросил я.
- Боится, что яйца раздавит, — не унималась колхозница под смешки присутствующих.
- Отставить шуточки, — остановил я их и спросил у Любы: — Расскажите, как все произошло. С чем вы ее задержали?
- С яйцами, — ответила девушка.
- Где они?
- Под кофтой, — сказала девушка. — А вы отвернитесь, Дмитрий Александрович... И вы, ребята, что устались?
- Пошли выйдем, — предложил я дружинникам.
- Мы вышли в коридорчик. Парни хихикали, перемигивались. Я видел, что им очень хотелось бы поскорее отсюда удрать. В станице их теперь засмеют: с бабой связались, да еще при каких обстоятельствах.
- Можно! — крикнула Люба.
- На столе, на газете, высилась внушительная горка яиц, грязных, в курином помете. Несколько штук было раздавлено. Белая скорлупа заляпана белком и желтком.
- Нарушительница сидела на диванчике, запахивая кофту, чтобы скрыть желтые разводы.
- Сорок четыре — это же надо ухитриться!
- Мне их выписали на трудодни, — мрачно твердила Сычова. — Спросите у завфермой.
- А почему тогда вы прятали их за пазухой? — спросил я.
- Не прятала. Сумку дома забыла... — отвечала она уже не так уверенно.
- Гражданка Сычова, давайте лучше начистоту. Вы эти яйца украли?
- Она посмотрела на меня с ненавистью.
- Я спрашиваю, — повторил я.
- Не буду я тебе отвечать. Как бы ни сказала, все равно в каталажку меня отвезешь.
- Если надо будет, отвезу.
- Это тебе как маслом по сердцу, — ухмыльнулась она. — Погоди, мы на тебя управу найдем...
- Давайте не «тыкать», — сказал я, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться.

— Завидуешь, — не унималась Сычова, — завидуешь, что у моего мужа был авторитет, а у тебя нету... Девочек в свою компанию тащишь! — Она указала на Любу. — Знаем, для чего ты с ней в физкультурном зале запираешься...

Люба Коробова смотрела на нее, расширив глаза.

— Сычова, не забывайтесь! — задохнулся я.

— Я тебе отвод даю. Имею право! — вдруг закричала она во весь голос. — Отвод даю! Граждане, товарищи, он меня специально засадить хочет! Интерес у него есть... — Протянула она руки к присутствующим: — По закону он не имеет права, Митьку извел...

— Маша, Маша, не лезь в бутылку, — загомонили разом колхозницы.

— Напортишь себе!

— Так накадишь, что святых задымишь...

— Опамятуйся, дура!

— Все, поговорили! — сказал я громко. В комнате наступила тишина. — Будем составлять протокол.

Крик Сычовой сменился рыданиями. И пока женщины успокаивали ее и отпаивали водой, я стал выяснять у Любы, как все произошло.

Дружинники, оказывается, караулили несколько дней. Все больше утром и вечером, после окончания работы птичников. Но впустую. Несколько работниц попались с яйцами. Но это был пустяк: два-три яйца всего.

А сегодня днем идут они по дороге от птицефермы. Люба сразу заприметила, что впереди шагает Сычова. Да как-то не так. Руки неестественно растопыривает. Нагнали они ее, нарочно разговорились. Сычова все старалась отстать. Тут как раз проезжала машина с колхозниками в центральную усадьбу. Ребята остановили ее. Сычовой ничего не оставалось делать, как полезть с ними в кузов. Пробралась она к кабине, стала держаться за борт. И уже около самой Бахмачеевской шофер остановился почему-то, а затем резко рванул вперед. Ну, она привалилась грудью к кабине. И потекла из кофты яичница...

Мы составили протокол, все честь по чести. На всякий случай я позвонил на птицеферму. Конечно, яйца оказались ворованными.

Я колебался, что делать с задержанной. Пугнуть — как советовал Нассонов? Такую не запугаешь. Сколько раз

сходило с рук. Еще больше облаглет. Наказать? Представляю, какую бучу поднимет ее муженек!

Я прошел в кабинет Ксении Филипповны и позвонил председателю.

Он попыхтел в трубку, покрякал. И спросил:

— Значит, много шума наделал?

— При чем здесь шум? Хищение налицо. Вы бы слышали, как она крыла всех.

— От этого, положим, не умирают, — усмехнулся Геннадий Петрович, сам любивший крепкое словцо. — А вот воровство пресекать пора. Скажи, как это она ухитрилась столько яиц в пазуху упрятать?

— Ухитрилась, — сухо сказал я.

— Коммерсантка. — Он помолчал. — А зачем, собственно, ты звонишь мне?

— Ваше ведь задание выполнял, — в свою очередь усмехнулся я.

— Выношу благодарность перед строем.

— Спасибо.

Я медлил. Чувствовалось, что Нассонов тоже не хотел заводить дело далеко. Он откуда-то пронюхал, что Сычов слал на меня анонимки... Сычов лягается больно.

— Повезу в райотдел, — сказал я.

— Как знаешь, — неуверенно проговорил председатель. — У тебя на руках законы.

Я положил трубку, досадуя на самого себя. Вот опять моя неуверенность! Ведь знал же, что разговор будет именно таким... Надо везти в райотдел. Так будет лучше.

Сычова села в коляску присмирившая. Я взял с собой Коробову, и мы покатали в город.

Стояло золотое лето, обремененное густым разнотравьем, уставшее от жары и хлопот родить плоды. Степь выгорела. Ее желтые просторы недвижимым ковром пролегли под солнцем. Ветер не тревожил сухую полынь.

Природа, казалось, дремала в послеобеденном полусне. Все ее звуки, все запахи выветрились. Только звенели шины по размягченному асфальту, мягко урчал двигатель да резко пахло бензином и жирной духотой гудрона. В суматохе я забыл про Арефу и ругал себя, что никого не предупредил задержать его: наверняка оборочусь за троечку часов.

В Бахмачеевском меня отчитал майор:

— Составил протокол, и пусть себе гуляет, пока проведешь расследование...

Я растерялся:

— Хотел, чтобы здесь. Объективнее... Скажут, что пристрастен, — оправдывался я.

Мягкенький недовольно хмыкнул:

— Тебе поручили участок, стало быть, доверяют. Ежели по каждому случаю к нам будут возить со всего района нарушителей, нам и двести человек не хватит штата в РОВД. Закон знаешь?

— Так точно, — уныло ответил я.

— Так выполняй его строго. А то действительно кое-кому даешь повод...

Он замолчал. И я понял, что Мягкенький давно догадался, что автор анонимок на меня — Сычов.

— Что прикажете? — спросил я.

— Что прикажу? Отпусти Сычову. Сам отлично знаешь, что расследованию она не помешает.

— Слушаюсь...

— И еще лучше — отвези сам назад. По-деликатному. Вежливость, она в нашем деле не помеха. Непрístupней и крепче выглядеть всегда будешь.

Вышел я от начальника как ошпаренный. Сычова, не в шутку перепугавшись, опрометью метнулась из РОВД, когда ей сказали, что она свободна. Домой ехать со мной отказалась. Рада была, что отпустили.

Я позвонил на Бахмачеевскую. Оксана ответила, что Арефа был и, не дождаввшись, уехал домой. Жаль.

Когда я немного успокоился после выговора начальства, меня захлестнула мысль: рядом Лариса. В двух минутах ходьбы от милиции.

Мы вышли с Любой Коробовой на улицу.

— Домой? — спросила она. И я почувствовал, что ей хочется потолкаться в магазинах. Жалко было упускать подвернувшуюся оказию.

— Знаешь, Люба, у меня тут еще одно небольшое дельце. Ты пока походи по магазинам, посмотри, а через часок двинем.

Уговаривать ее не пришлось. Она тут же исчезла в универмаге.

Первым делом я смотался на рынок. Купил самый большой арбуз. Хотел еще было прихватить помидоров, но постеснялся: уж этого добра, наверное, хватает.

Лариса мне обрадовалась. Она достала где-то нож и алюминиевую миску. Мы устроились в глубине сада. Возле каждой скамейки стояло ведро для корок, потому что теперь к больным приходили обязательно с арбузами.

— Ты любишь арбуз с черным хлебом? — спросила девушка.

— Не знаю. Не пробовал.

— Постой, принесу хлеба.

Она снова побежала в комнату.

Я был озадачен. Вела она себя так, будто ничего не было — ни Чавы, ни Маркиза. Мы сидели как хорошие, близкие друзья, над нами ласково светило солнце, добираясь до земли сквозь жидкие ветви верб.

— Здорово с хлебом, правда? — спросила Лариса.

— Действительно, — подтвердил я.

— Это я здесь научилась, в колхозе.

— И давно ты здесь?

— Второй год. Сразу после культпросветучилища.

— А библиотека — по призванию?

Она засмеялась:

— У тебя милиция — по призванию?

— Почти...

Лариса недоверчиво усмехнулась.

— Ну и у меня, значит, почти... Все девчонки хотят быть актрисами и чтоб обязательно знаменитыми, а становятся библиотекарями, учительницами, швеями...

— Ты тоже хотела быть артисткой?

— А ты думаешь!

— Одного хотения мало. Надо много уметь. Я в «Советском экране» читал, как нелегко сниматься в кино.

Лариса тряхнула головой:

— Ерунда! Это кому как повезет. Я серьезно готовилась. Плавала, бегала на стадионе, ходила на ипподром. А в цирковое училище не прошла. Срезалась. Ты бы видел, какие девчонки прошли по конкурсу! Бездари... Не думай, что хвалюсь. Я два года пыталась. Не повезло... Ревела как дура. Но ничего не поделаешь! Пришлось пойти в культпросветучилище.

— Я тоже поступал в МГУ. На юридический.

— Ну и как?

— Как видишь! — засмеялся я. — Следователь по особо важным делам...

— Ты еще можешь продвинуться... — Она с грустью посмотрела куда-то вдаль.

— А ты?

— Тю-ю!

Меня рассмешило ее восклицание, которое я часто слышал в Бахмачеевской.

— А Маркиз действительно хороший конь? — осторожно спросил я.

— Отличный! — сразу отозвалась она. — Представляешь, как бы он смотрелся на манеже, в цирке? Ты цирк любишь?

— Люблю. Акробатов, зверей. И клоунов. В Москве все собирался сходить в новый цирк, что на проспекте Вернадского. Куда там! Никак не мог достать билет...

— Пишут, красивый цирк.

— Еще бы! Наверное, манеж раз в десять больше, чем в старых.

Лариса ткнула в меня пальцем и рассмеялась.

— Ты чего? — удивился я.

— Чудак! Все, ну все манежи в мире одного размера — тринадцать метров.

— Иди ты!

— Вот тебе и иди. Стандарт.

— Это что же, как хоккейное поле?

— Оно тоже всегда одинаковых размеров?

— Всегда.

— И цирковые манежи тоже. Это повелось с первого цирка во Франции. Был такой наездник — Франкони. Он жену и сына Наполеона учил верховой езде. Как называют в цирке — «школе». Его цирк назывался «Олимпийский». Оттуда и пошли эти тринадцать метров.

Я прикинул расстояние.

— Не много.

— Достаточно. В старое время на обыкновенном манеже разыгрывали грандиозные пантомимы, с водой, фонтанами, лодками. Места хватало.

— Когда это, в старое?

— В прошлом веке. И в начале этого.

Мы не съели и половины арбуза, а уж больше не могли.

— Хочешь еще? — предложил я.

— Лопну. Ты хочешь — режь.

— Во! — провел я рукой по горлу. — Где бы руки помыть? Липнут.

— Пойдем.

Она подвела меня к водопроводной колонке. Когда Лариса держала рычаг, а я мыл руки, девушка тихо сказала:

— Смотри.

Из палаты вышел отец Леонтий, держа под руку свою жену. У Лопатиной в руках был небольшой узелок. Отец Леонтий чему-то улыбался.

Проходя мимо нас, супруги задержались.

— Лара, я там в тумбочке оставила расческу и бигуди. Пользуйся, — сказала Лопатина.

— Хорошо, Оля. Вообще-то я тоже скоро...

— Здравствуйте, — вежливо поклонился отец Леонтий.

— Приветствую, — ответил я.

— Познакомься, Оля. Дмитрий Александрович, твой земляк.

Оля протянула мне руку. Я показал свои мокрые. Она улыбнулась.

— Я знала, что вы из Калинина. Зашли бы к нам как-нибудь? А то даже не раскланиваемся.

— Зайду, — пообещал я. — Обязательно.

— Заходите, действительно. — Отец Леонтий весело посмотрел на меня. И еще раз повторил: — Заходите. — Он что-то хотел добавить, но, потоптавшись, только кивнул: — До свидания. Ждем.

Мы вернулись на скамейку.

— Дима, скажи честно, ты по делу ко мне или просто поведать? — неожиданно спросила Лариса.

— Вообще-то поговорить надо, — вздохнул я.

— Ты молодец.

— Это почему?

— Противно, когда врут. Ну давай спрашивай.

— Пойми меня правильно, — неуверенно начал я, — никого никогда не интересовало бы то, что происходило у вас в последние дни с Сергеем... — Я посмотрел на нее, какая будет реакция.

— Продолжай, — кивнула она.

— Лучше ведь от тебя узнать, чем говорить с кем-то, — оправдывался я.

— Это верно, — сказала Лариса. — Только я уверена, что это не имеет отношения к Маркизу.

— У вас ведь вышла какая-то ссора?

— Но при чем здесь лошадь?

— А при том. Скакуном очень интересовались приезжие. Очень! В том числе и некий Васька. А Сергей крутился последние два дня с этим Васькой. Водой не разольешь.

Лариса нахмурилась.

— Ты знаешь, что Нассонов хотел выгодно обменять Маркиза? — спросил я.

— Знаю. Но, опять же, при чем здесь Сергей?

— Как ты думаешь, сколько стоит Маркиз?

— Ну восемьсот—девятьсот.

— Председатель оценивает в тысячу.

Она усмехнулась:

— То он хотел в табун его забраковать, а теперь — тысяча! Вообще этот Нассонов...

— Оставим Нассонова в покое, — напирал я. — Что говорил тебе Сергей по поводу Маркиза?

Лариса склонила голову набок, как бы взвешивая, что можно говорить, а чего не следует.

— Видишь ли, Маркиз никому не давался. Кусал, брыкался. И когда я обратилась к Нассонову насчет транспорта для поездок по хуторам, он дал Маркиза. Лошадей я люблю с детства. Потому и стремилась в цирковую школу. А Сережка поначалу испугался за меня... Он ведь первый пытался объездить Маркиза. Не получилось.

— Но ведь у тебя получилось?

— Да, сама не знаю, чем угодила Маркизу.

— Понравилась, наверное.

— Может быть.

— Хорошо, я это понимаю. Но почему ты вдруг не захотела участвовать в скачках?

— Сергей был против.

— Почему?

— «Почему, почему»... Потому что боялся, наверное.

— Так мы выяснили: с Маркизом ты отлично поладила! — сказал я нетерпеливо.

— Маркиз был резвее его кобылы... Может быть, не хотел осрамиться.

— Понятно. Странные они люди. Всю жизнь целыми семьями проводили в пути, на лошадях, а считают зазорным, если женщина сядет на коня. Неужели так у многих народов?

— Нет, такого больше не знаю. Вон в Средней Азии женщины веками были под паранджой, в гаремах, и то у них есть спортивная игра «Кыз-Куу». Это значит — «Догони девушку».

— Что это за игра?

— Парень должен нагнать девушку на коне.

— И что тогда?

— Если догонит, получает поцелуй.

— А если не догонит?

— Девушка на обратном пути нагоняет такого неудачника и наказывает плеткой.

— Интересно, — сказал я. А сам подумал, что Ларису я бы догнал во что бы то ни стало. Но я не умею ездить на лошади! Ничего, научился бы... — Все-таки странно. Цыгане — народ вольный, и такой предрассудок...

— У нас тоже много предрассудков. Черная кошка, число тринадцать, сидеть перед дорогой.

— Что ж, верно. А почему же вы поссорились?

— Дима, честное слово, это совсем-совсем другое.

— Давай предположим, — поднял я руку, — ему не хочется, чтобы ты скакала на Маркизе...

— Опять ты за свое...

— Не перебивай, — попросил я. — Скажи честно, мог он угнать его?

Лариса молча опустила голову.

— Может, не с преступной целью? — попробовал я смягчить вопрос.

Она подняла на меня умоляющие глаза и тихо сказала:

— Давай больше не будем говорить ни о Маркизе, ни о Сергее?

Я вздохнул.

Разговор оказался бесплодным.

— Почему ты никогда не говорила, что у бабки Насти есть сын? — спросил я после некоторого молчания.

Лариса печально вздохнула:

- Нет у нее сына. Одинокая она.
- Как нет? — удивился я.
- Нет. Было два. Один погиб на фронте, другой — нечаянно подорвался на mine.
- Пстой, пстой. А Толик? Я же сам видел, она ему рубашку приготовила...
- Вот-вот. Это какой-то ужас! Она разговаривает с ним, спать укладывает, зовет обедать, рассказывает ему что-то... Понимаешь, ей кажется, что он живой.
- Значит, она того?..
- Самое удивительное, что бабка Настя во всем другом совершенно нормальная. Добрая, заботливая.
- И все-таки... Каждый день слышать, как разговаривают с мертвым. — Я вспомнил наш разговор с Самсоновой. По спине поползли мурашки.
- Привыкла. Теперь не замечаю.
- И когда же это случилось с ее сыном?
- В сорок третьем. Мальчишки возвращались с речки, с Маныча. Толик наскочил на мину. Ему было четырнадцать лет.
- ...Мы возвращались с Любой домой в конце рабочего дня. У меня все не шел из головы разговор с Ларисой.
- Почти тридцать лет прошло с окончания войны. Но эхо до сих пор доносит до нас ее отголоски. Я видел инвалидов Великой Отечественной — без руки, без ноги, слепых, со страшными ранами. Но рана, которую носит в себе тихая баба Настя, потрясла меня больше всего.
- Бедная старушка... Может быть, ее нереальная реальность — ее спасение? Может быть, она помогала ей вставать каждое утро, чтобы прожить день? Наверное, это была единственная надежда, единственное возможное ощущение в жизни. И отними у нее его, все рухнуло бы, разбилось и осталась эта настоящая реальность, в которой бедная бабка Настя наверняка не смогла бы жить...
- От этих раздумий оторвала меня Люба Коробова.
- Дмитрий Александрович! — прокричала она из коляски, перекрывая шум мотоцикла и встречный ветер. — Отпустите меня из дружины!
- Почему? — крикнул я.
- Слышали, что Сычиха про меня плела? При всех...
- Не обращай внимания.

— Не она одна. И другие, я знаю.

— Уйдешь, будут говорить, что правда это... Дескать, застыдилась.

— Вы так думаете?

— Так.

Километра через три она опять:

— Все равно не нужно это.

— Ты о чем?

— Дружинников, говорю, не нужно. Я в «Литературке» читала, как один врач, которого обвинили в трусости, когда он не стал связываться с хулиганами, сказал, что это дело милиции...

— Я не читал. Есть такие люди — моя хата с краю.

— Нет, дело не в этом. Он, этот врач, объяснил так: когда он делает операцию, то никому не позволяет ему помогать. Можно напортить. Так же и в борьбе с преступниками и хулиганами. Тоже пусть занимаются люди, имеющие соответствующую профессию.

— Наверное, что-то не так.

— Так. Именно так, — повторила Люба.

— Дружины нужны. Конечно, для определенных целей. Они ведь не подменяют собой милицию...

Наша беседа оборвалась. Разговаривать при езде было очень трудно.

Я подумал, может быть, тот врач кое в чем прав. Взять хотя бы задержание преступника. Столкнись, например, Люба Коробова с вооруженным бандитом, он же ее в два счета отправит на тот свет. Что в этом хорошего — заведомо гробить человека?

В школе милиции нам говорили, что было одно время, когда милицию резко сократили, уповая на отряды дружинников. Из этого ничего хорошего не вышло. Профессия наша как у всех — недоучки и самодеятельность вредят делу. А с другой стороны, я ведь не мог бы со всем справиться один. Просто времени и рук не хватило бы. И с основной работой, и со многим другим. Сычиха, Славка Крайнов, порядок в клубе, праздничные гуляния... Лучше не перечислять. Нет, без дружины нельзя.

— Домой? — спросил я у Любы возле церкви, маяком возвышающейся на окраине Бахмачеевской.

— Я сама дойду, спасибо.

— Сиди.

Я проехал мимо своего дома, сельсовета в другой конец станицы.

— Насчет дружины не отступай, — сказал я девушке на прощание. — В жизни может пригодиться...

Скорее домой! Раздеться, окатиться водой из умывальника. Сочинить глазунью из пяти яиц с салом и с помидорами. И макитру молока!

Навстречу мне с завалинки вскочила заплаканная Зара.

— Дмитрий Александрович, Дмитрий Александрович... — Она захлебнулась слезами.

— Что случилось?

— Ой, чоро чаво, чоро чаво!¹

— Что-нибудь с Сергеем?

— Бедный сын мой! Убили его! Коройовав², это Васька! — Она подняла руки к небу и погрозила кому-то. — А дел те марел три годи!³

— Зара, я же не понимаю по-вашему!

— Кровь... Я сама видела кровь! Чоро чаво!

— Где кровь?

— Там, там... Славка нашел.

Я развернул мотоцикл, посадил в коляску причитающую на своем языке Зару и с бешеной скоростью помчался в Крученый.

А что, оказывается, случилось? Славка выгнал сегодня стадо в степь, километров семь от хутора. В полдень, расположившись на отдых во время водопоя, он наткнулся на засохшую лужу крови.

Парнишка испугался — и бегом к Денисовым. Его страх можно было понять. Таинственное исчезновение Сергея, слухи, расползающиеся по колхозу, пропажа Маркиза...

Предусмотрительный пацан воткнул на том месте палку с белой тряпицей, и мы приехали туда, не блуждая.

Возле палки лежала Славкина сумка от противогаза. Значит, он был где-то рядом.

Я попросил Зару оставаться в стороне, а сам подошел к злополучному месту.

¹ Бедный мальчик (*цыганск.*).

² Ослепнуть мне (*цыганск.*).

³ Проклятие на твою голову (*цыганск.*).

Метрах в пяти от неглубокого ручья на сухой твердой земле, в розетке сломанных, перекореженных веток раkitника, темнела засохшая кровь. И сохранилась она после того воскресенья только потому, что ливень обошел хутор стороной. На сломанных и частью потоптанных ветках тоже темнела кровь.

Я тщательно осмотрел место вокруг. Но здесь прошло стадо. Коровьи копыта заследили весь берег. Может быть, какая-то из буренок и поломала ненароком куст, под которым виднелась кровь.

Полазив на четвереньках, я все-таки обнаружил след подкованного лошадиного копыта, у самой воды. Я снял ботинки, засучил брюки и стал бродить по мелкому, неширокому ручью, особенно тщательно оглядывая противоположный берег. Но он густо зарос камышом и осокой. Толстая мягкая дернина не сохранила ничего такого, на что стоило бы обратить внимание. Я спугнул несколько лягушек, стремглав нырнувших в воду, и порезал пальцы об острые, зазубренные края осоки.

Оставив свои тщетные попытки, я вылез из воды, обулся.

Зара смотрела на меня с надеждой и страхом. Она начинала меня злить. Стоило разводить панику! Ведь это могла быть кровь какого-нибудь грызуна, забитого хищной птицей, или, что тоже вероятно, одной из буренок, которую за непослушание наказал рогами Выстрел...

— Что вы себе выдумываете ужасы? — спросил я с раздражением, высасывая кровь из тонких, бисерных порезов на руке.

— Сергей... Где Сергей? Нету его... — Зара готова была опять запричитать.

— Успокойтесь, Зара! С чего вы взяли, что вашего сына убили?

— У Васьки Дратенко вся семья бешеная. Отца ножом зарезали на праздник.

— Но ведь его зарезали, не он.

— Васькин отец всегда лез в драку. Сам ножом размахивал. Несколько человек покалечил...

— А какие претензии были у Дратенко к Сергею?

— Откуда я знаю? Оба горячие, друг другу не уступят.

— Вы хорошо знаете этого Дратенко?

— Конечно.

Я сел боком на сиденье мотоцикла. Солнце уже склонилось к горизонту, заливая степь розовыми, подернутыми вечерней дымкой лучами. Далеко, на серебристо-желтом ковре польни, двигались по направлению к нам две человеческие фигурки.

— Это не Славка? — указал я на них.

— Он. С Арефой... — кивнула Зара.

— Что они делают?

— Ищут, — печально сказала женщина, вытирая мокрые, воспаленные глаза.

— Зара, возьмите себя в руки. Что вы на самом деле? (Она вздохнула. Вышел всхлип.) Лучше вспомните, о чем они говорили. Не вышло ли какой ссоры?

— Васька все о коне сокрушался. Маркиз, кажется?

— Есть такой, — подтвердил я. Маркиз! Опять Маркиз.

— Уговаривал что-то.

— Что именно?

— Я спросила Сергея, чего он пристаёт. А Сергей ответил, что это не мое дело.

— Ругались они?

— Громко говорили. Помню, Васька сказал Сергею: «Ты что, не хочешь пару сотен заработать?»

— А Чава? — Я поправился: — А Сергей?

— Чаво, чоро чаво... Он сказал Ваське, что тот дурак.

— Так и сказал?

— Конечно!

— А Васька?

— Васька сказал: «Ты сам дурак».

— И поругались?

— Нет, зачем? Не поругались. Смеялись...

— Не понимаю я, Зара. Откуда у вас эти страшные позрения?

— Они в ту субботу все шушукались. Васька его опять чего-то уговаривал. А Сергей говорит: «Ничего не выйдет». А Васька сказал: «Тогда я пойду один. А ты, говорит, соси лапу».

— Как?

— Лапу, говорит, соси.

— А дальше?

— Я хотела их накормить. Сергей злой такой, вообще он был очень сердитый последнее время. Нехорошо вы-

ругался. «Ты, говорит, не подслушивай». А Ваське сказал: «Ладно, пойду. А то застукают тебя, несдобровать. Я знаю все ходы и выходы». И уехали в станицу. Боюсь я этого Васьки. У него в кнутовище плетки спрятан нож. С виду не заметно.

Арефа со Славкой были уже недалеко. Они увидели нас и прибавили ходу. Зара молчала. Я обдумывал ее слова.

Выходило, что Дратенко явно подбивал Сергея на какую-то махинацию. Чава сопротивлялся упорно, но в субботу, накануне скачек, кажется, сдался. Что его прельстило? Неужели двести рублей, что обещал Васька? Но это была заведомая авантюра. Первое же подозрение падало на Дратенко и на Чава как на его сообщника. С другой стороны, похищение Маркиза лишало Ларису возможности заниматься конным спортом, чего добивался Сергей. Нассонов отрезает обычно раз и навсегда. Но когда Маркиз очутился в руках у парней, может быть, Чава опомнился. Или у него вообще не входило в намерения красть коня по-настоящему, а Дратенко настаивал умыкнуть совсем. Между ними вспыхнула ссора, потом драка, Васька выхватил нож и...

— Зара, у Сергея деньги с собой были?

— В воскресенье утром, когда он забежал домой, это было после прихода Ларисы, взял деньги.

— У вас?

— Нет. У него свои есть. На мотоцикл копил.

— Сколько он взял?

— Не знаю. Его деньги, я не интересовалась.

Но зачем Сергею понадобились деньги? Скорее всего, на дорогу. Вряд ли он собирался что-нибудь покупать.

Подошли Арефа и подпасок.

Денисов устал от быстрой ходьбы, от тревоги, которая залегла в его глубоких морщинах на лбу, щеках и возле губ.

Он поздоровался со мной и обернулся, как бы говоря, степь большая, трава густая, разве что-нибудь найдешь?

Славка скромно стоял в стороне.

— Извините, Арефа Иванович, что не дождался вас.

— Ничего, понимаю, — кивнул он. — Мне Оксана сказала. Хотел к вам завтра опять... Ну что вы скажете?

— Не знаю. Стадо прошло... Слава, вы с Сергеем здесь раньше бывали?

— Бывали, конечно. Тут удобно телушкам пить.

— По следам подковы, конечно, ничего не определишь... — размышлял я вслух.

— Вообще-то можно, — неуверенно сказал Арефа. Я подвел его к берегу, указал на след.

Арефа присел на корточки и долго рассматривал мою находку.

— Нет, — решительно поднялся он. — Ничего сказать не могу.

— Ладно. Двинем до хутора. Там и потолкуем, — предложил я. — Кстати, вы расскажете свое дело.

Арефа еще больше ссутулился и обреченно согласился.

...Мы зашли к Денисовым. Во дворе весело потрескивал костер. Едко пахло горячей зеленью. Из шатра доносился детский смех и возня.

Около шатра располагался маленький шалаш, составленный конусом, заваленный одеялами, матрацами и дубовыми ветками. Сквозь темную зелень пробивался белый пар, ленивыми клочьями оседая на землю.

Из шалаша показалась раскрасневшаяся дочь Арефы, Полина, с карапузом, завернутым в полотенце.

— Баня у нас сегодня, — сказал Арефа. — Никогда такой не видели?

— Нет, — признался я.

— Баня по-цыгански. — Арефа подвел меня к шалашу. — Лазня называется.

Пламя костра лизало небольшие валуны с побелевшими боками.

Арефа отодвинул старое одеяло, которое прикрывало вход в лазню. На меня пахло распаренной листвой, горячим дыханием раскаленного пляжа.

Внутри лазни стояло корыто, ведро с водой, лежали по краям белые сухие камни.

Денисов зачерпнул горсть воды и плеснул на камень. Он зашипел, исходя паром.

— Как в русской парной...

— А это? — указал я на шатер, который давно вызывал у меня любопытство.

— Две семьи в хате. Тесно. Да и детям на воздухе здоровее. Полина, — сказал он дочери, — скоро ночь на дворе, а ты все возишься.

— Кончаю, дадоро¹. Последнего купаю, — откликнулась Полина, подталкивая в лазню смущенного мальчугана.

— О баро девла!² — горестно вздохнул о чем-то своем Арефа и пригласил меня в хату.

Мы присели за стол. Тут же к нам пристроилась Зара.

— Собери на стол! — строго приказал Арефа.

Зара мигом исчезла из комнаты.

Я понял, что разговор он затевает неприятный для себя.

Хозяин положил перед собой пачку папирос, спички. Закурил.

— Не нравится мне вся эта история, — начал он, несколько раз глубоко затянувшись. — И потом, я знаю: что вам надо, вы всегда найдете. — Арефа встал, подошел к тумбочке, пошарил в ней и, сев на место, положил на стол свернутый в клубок кожаный ремешок вроде уздечки.

— Это обротка...

В комнату заглянула жена.

— Здесь накрывать или в кухне?

— Закрой дверь! — Арефа стукнул по столу кулаком и что-то сердито сказал по-цыгански.

Зара скрылась.

Старый цыган сидел некоторое время, прикрыв рукой глаза. Я тоже молчал.

— Это обротка, — повторил Денисов, — Маркиза. — Голос его звучал глухо. — Я не могу поверить, что Сергей украл или там помогал Ваське Дратенко или кому-либо еще... Я его не учил этому. Сам никогда не был конокрадом. Был цыганом, настоящим таборским цыганом, но не воровал... Обротку я нашел случайно, в чулане. Три дня тому назад.

— Вы уверены, что это именно та обротка?

— Еще бы, — усмехнулся Денисов. — Сам делал...

— Как она сюда попала?

— Если бы знать, почему она в моей хате... О, лучше бы не знать... Лариса говорила мне, что Маркиз исчез вместе с оброткой... — Арефа замолчал, ожидая, что я скажу.

— Арефа Иванович, вы понимаете, что такая улика...

¹ Отец (цыганск.).

² Великий Боже! (цыганск.)

Мне было жаль, искренне жаль этого человека. Он сидел опершись на руку и казался бесконечно усталым и еще больше постаревшим. Чем я мог бы его утешить? Обстоятельства сложились не в пользу Сергея. И еще я подумал: пришел бы ко мне с оброткой Арефа, не всколыхни сегодня его находка Славки?

Арефа, словно угадав мои мысли, сказал:

— Я приезжал к тебе именно по этому поводу. Мне кажется, парень запутался. Я вижу, ему чего-то хочется... Молодой, сил много. Самолюбивый. Обида какая-то гложет. На меня, на мать, на судьбу. Сейчас в жизни много соблазнов. Кажется, что все легко добывается. Ты в армии служил?

— Служил.

— И он тоже. Там его и избаловали. Смешно, конечно, но так получилось. Меня армия такому научила, не дай бог вам, молодым. Научила убивать. Я шесть лет под ружьем провел. Из них почти четыре — воевал. Всю войну. Сергей прямехонько угодил в армейский ансамбль. Какая это служба? Одна лафа.

Я подумал о том, что в армии мне тоже жилось припеваючи. Сплошные спортивные сборы, разъезды по стране, летние и зимние спортлагеря. Был я рядовой, а жил получше иного командира. Знал: соревнования в части — Кичатов, всесоюзные — опять же Кичатов. Я ездил по стране, а служба шла, появлялись значки, нашивки и другие награды. А теперь, даром что офицер, но со всех сторон в подчинении. Под моим началом никого, зато надо мной начальства не сосчитать: от начальника РОВД до министра включительно.

— Что для солдатика хорошо, для настоящего артиста совсем пшик, — продолжал Арефа. — Вернулся он после службы, повертел носом и укатил в Москву. Захотелось, видишь ли, прогреметь на всю Россию... Телепередач, кино нагляделся, возмечтал вторым Сличенко стать. На худой конец Васильевым. Ну что в «Неуловимых мстителях» снимался. Помыкался, помыкался, а как зима ударила, приехал общипанной курицей. Рассказал как-то, потом уже, что сунулся было в «Ромэн», в цыганский театр. Там сразу сказали, что для театра надо образование иметь, институт сначала пройти. С тех пор, наверное, и обиделся

Сергей. О колхозе и слышать не хотел. Нашел себе занятие — ходить по хатам, портреты делать. А в этой конторе барыги оказались. Оформляли без квитанций, жульничали... Короче, бросил он это дело. Я ему ничего не говорил. Захотелось стать табунщиком. Пошел к Нассонову. Тот ему лошадь дал, но для того, чтобы коров пасти. Не знаю, может, и это ему надоело? Чувствую, парень не смирился. Рвется его душа куда-то. Зачем-то стал деньги собирать. Говорит, на мотоцикл. Я знаю, его в табор сманивали. Кочевать. Свобода! — Арефа невесело усмехнулся. — И вот на тебе... Неужели докатился?

Я слушал его исповедь и не знал, что и говорить. Он был искренен. Искренен-то искренен, но почему-то сразу не прибежал ко мне, когда нашел обротку Маркиза. Со-мневался?..

— Я вас понимаю, — сказал я. — Но скажите, что вы хотели бы от меня услышать?

Он удивился, пожал плечами.

— Ничего.

Наверное, обиделся Арефа. Я не хотел этого. Видимо, чего-то не понял. Теперь оправдываться трудно. И лучше говорить правду.

— Арефа Иванович, я должен поехать, доложить начальству. Все очень серьезно. Придется возбуждать уголовное дело. Мне неприятно говорить вам это, но пока все улики говорят против вашего сына. Моя задача — собрать их как можно больше, а также и те, которые доказывают его непричастность к пропаже лошади.

Я видел, что раню его в самое больное. Он, пересилив слова, которые, наверное, рвались наружу, произнес посиневшими губами:

— Хорошо, что этим занимаешься ты... Спасибо всевышнему! — Я раскрыл было рот, чтобы сказать дежурную фразу о службе, о долге и тому подобное, но Арефа остановил меня жестом: — Ты меня не понял. Я хочу тебе помочь. Если ты веришь мне.

Я на секунду поколебался с ответом. Но этого мгновения было достаточно.

— Ладно, — горько вздохнул Денисов. — Я все равно прошу тебя... Найти Василия легче со мной. Хотя бы из этой выгоды...

— Арефа Иванович, не подумайте, что я вам не доверяю. В его черных, совсем еще молодых глазах блеснул острый, колющий огонек.

— Я не думаю. — Но его слова прозвучали: знаю, что не доверяешь.

Меня это подстегнуло.

— Мы будем искать вместе, — твердо пообещал я. — И начнем очень скоро.

...На всякий случай на следующий день с двумя понятыми я побывал на том месте, где Славка обнаружил под раakitником засохшую кровь, которую надо было взять для анализа.

Осмотрели местность, составили протокол. И я поехал в район.

С вещественной уликой меня направили в местную лабораторию. А насчет участия Арефы в поисках Маркиза и сына пришлось выдержать в РОВД настоящий бой. И все же в конце концов Мягкенький сказал свое «добро». Майор и на этот раз оправдал свою фамилию...

Глава 22

Ужинал я поздно, когда на Бахмачеевскую опустилась ночная тишина, с редким запоздалым мычанием коров, с монотонным далеким лаем одинокой собачонки, который еще больше подчеркивал глубокий сон станицы.

Оглушительно громко в этой тишине заскворчало на сковородке сало, которое я нарезал крупными кусками, потом залил яйцами и посыпал сверху зеленым луком.

Но ел я, скорее, автоматически, хотя проголодался изрядно, а аромат моей стряпни заставил бы схватиться за вилку и сытого.

Не знаю, как кому, а мне в эти часы думалось легче. Ничто не отвлекало внимания, оживали воспоминания, выстраивалась какая-то мысль, свободная от дневной ежеминутной надобности что-то предпринимать, решать, делать. И если я додумывался до чего-нибудь стоящего, так только вечером, перед сном.

Дома, в Калинине, я любил перед сном читать в постели. С маминой точки зрения, это было вредно для глаз.

И только. У бабушки на этот счет была своя философия. Она говорила, что на ночь нельзя читать дурные книги. Они приносят плохие сновидения. Еще бабушка считала, что нельзя есть с чтивом в руках (что я также любил), потому что бессмысленное поедание пищи вредит желудку, который якобы в зависимости от того, что ты в это время думаешь, вырабатывает нужные соки.

Смешная она была, моя бабушка. Ей казалось, что в мире все связано между собой: числа месяцев, дни недели, солнце, погода, животные, люди... Если встать на ее позиции, то надо было бы послать ко всем чертям самолеты, автомобили, телефоны, телевизоры и всякую другую машинерию цивилизации, которая все перепутала и перемешала. Она считала ее виновником того, что нынешнее поколение хандрит, скучает, дурит и устает куда чаще и сильнее, чем в старое время. И вообще молодые помирают раньше стариков.

Но сама очень любила телевизор. Когда я поддел ее, она серьезно ответила:

— Я, грешная, тоже, поди, человек. А человек первый же и враг себе. Он сам себе все и портит.

Вот и Арефа считает, что Сергей сам портит себе жизнь. Ибо обижается на свою судьбу, которая послала ему вполне вольготное житье за спиной родителей и прочие радости, выданные бесплатно молодостью. Ему легко. Я бы к этому еще прибавил Ларису... Действительно, девушка она что надо. Во всех отношениях. А может быть, это мне только кажется?

Что же толкнуло парня на авантюру с Маркизом? Поступил ведь так Чава неспроста.

Итак, надо разобраться. Возьмем обротку. Основную непреложную улику. Как она попала в дом Денисовых?

Возможно, ее оставил впопыхах сам Сергей, когда заезжал в воскресенье рано утром за деньгами. Он надел на Маркиза уздечку, а обротку, ставшую ненужной, забыл дома. Но это неосмотрительно. Очень. Парень он смысленный. Бросить обротку в чулане своего дома — нет, такое бы он не сделал. Разве что в состоянии крайнего возбуждения. Горяч уж больно.

А может быть, обротку подбросили, чтобы подозрение пало на Чаву? Арефа и Зара, да и все в их семье, не пом-

нят, чтобы к ним заходил кто-нибудь, кого можно заподозрить. С другой стороны, могли и забыть. Времени прошло достаточно.

Обротка оброткой. Еще есть окурок. Он, скорее всего, принадлежит Чаве. Двадцать первый номер «Недели» взяла из библиотеки Лариса. Она давала читать газету Чаве. Несколько номеров он не вернул. В том числе первый номер за июнь. Наконец само его исчезновение сразу после того, как было обнаружено, что жеребец исчез.

Значит, основания подозревать Чаву есть. Убедительно для начала. Пойдем дальше. Вопрос номер два: Сергей действовал один или с Дратенко?

Наверное, с Дратенко. Васька имел виды на жеребца. Ради этого он и приезжал к нам в колхоз. Предлагал Сергею двести рублей и уговаривал его. Опять же — исчезновение Дратенко. Логично.

Вопрос номер три: кто из них играл какую роль?

Первую — скорее всего, приезжий. Он, как говорится, держал в руках главный пакет акций. Вдохновлял и финансировал предприятие.

Дальше. Вот это дальше и есть самое основное.

Допустим, они украли Маркиза. Им предстоит прежде всего уладить дела между собой. Если все решается благополучно, Дратенко заполучает коня, Чава — свою долю денег. Они могли уехать вместе, но могли и разъехаться в разные стороны... Чаву, по словам Арефы, сманивали кочевать с табором. Он забежал домой, прихватил накопленные им деньги и был таков.

Ну а кровь под кустом ракиты? Может быть, не договорились дружки-конокрады?

Арефа ездил по своим знакомым цыганам. Никто тревогу по поводу исчезновения Дратенко не поднимает. Но где находятся оба парня, никто не знает.

Вместе кочуют? Может быть, все может быть... Даже и то, что ни Дратенко, ни Чава не имели никакого отношения к событиям той ночи, когда пропал жеребец. Вдруг кто-то другой, выждав удобное время, увел коня, рассчитав, что обстоятельства замаскируют его преступление. Или он даже и не думал об этих обстоятельствах, они сами ему помогли.

Потом мне в голову пришла еще одна мысль. Что, если Маркиз просто сбежал? Сбежал в степь, где прибил к

какому-нибудь табуну из другого колхоза. А я тут ломаю голову, что-то выдумываю, подозреваю людей, которые понятия не имеют, где сейчас злополучный конь.

Но обротка? Желание Дратенко заполучить коня? Этого ведь не сбросишь со счетов. Я устал от своих размышлений. Надо переходить к делу. Надо искать. И почему иногда чистая хрустящая постель кажется самым лучшим благом, какое есть в мире?

Глава 23

Назавтра мой ярко-красный «Урал», с полным баком бензина, с новым маслом в картере, с надраенными, сверкающими на солнце боками, мчал нас по дороге, запруженной караванами машин. По области шли колонны с первым хлебом нового урожая.

Арефа сидел в коляске. Когда он утром явился ко мне, я едва сдержал улыбку: новая фетровая шляпа, длинный пиджак послевоенной моды, ухарское галифе, сапоги и яркая, рассыпанным горошком по красному полю, рубашка, подпоясанная и выглядывающая из-под пиджака. Но что самое замечательное, так это жилет в двойную полоску, с брелочком и цепочкой от карманных часов через весь живот.

Классический цыган, которых показывают у нас в исторических фильмах. Где он успел раздобыть этот наряд, не представляю.

Каково же мы выглядим? Цыганский барон и современный офицер милиции со стильной прической. Волосы у меня за последнее время отросли, и теперь я мало чем отличался от отца Леонтия. Только без бороды.

Арефа заметил мою улыбку.

— Удивляешься? Можно еще встретить цыгана, одетого и почище. В шароварах, в лохматой шапке...

Ну что ж, если ему так хочется, почему бы и нет? Своего рода камуфляж.

Его вид несколько развеселил меня. И все-таки в дорогу я отправился с испорченным настроением... В последнюю минуту забежал Коля Катаев и устроил мне разгон. Как сказал он, не только по своей инициативе, но и по просьбе парторга Павла Кузьмича.

Парторгу, оказывается, понравилась моя игра на левом фланге защиты нашей команды. Я пропустил уже два матча. А впереди кубковая встреча с нашим вечным соперником — командой колхоза «XX партсъезд». Надо прийти на тренировку.

«Понимаешь, Дима, никто тебя за уши не тянул. Но если уж взялся за гуж, не говори, что не дюж...»

Ушел он очень недовольный.

Но и это не все. Мой кружок по самбо три раза уже занимался без меня. Слава богу, Коля, кажется, об этом не знал.

Мне от этого было не легче. Хотя я и поручал вести занятия Егору Козлову, способному, крепкому парню, который с большой охотой приобщался к самбо после того, как ему досталось в клубе от дружков Женьки Насонова.

Я дал себе слово, что, как только развяжусь с этой историей, наверстаю в футболе и в занятиях кружка...

— Хлеба, хлеба-то сколько! — покачал головой Арефа.

Пока двигались по шоссе, Денисов мягко покачивался в коляске, — ехать было удобно. Но как только мы свернули на грунтовую дорогу, мой спутник сразу ощутил все ее прелести. Грузовики разбили ее основательно, и мотоцикл пошел трястись по кочкам и выбоинам, расплескивая по сторонам тяжелую пыль, которая густым шлейфом тянулась за нами и обрушивалась клубами, когда приходилось притормаживать. Скоро яркий, пестрый наряд Арефы поблек, стал одинакового серого цвета. Особенно пострадала шляпа, в мягкий ворс которой набилось столько пыли, что при резких толчках с ее полей на плечи Денисова срывались небольшие пылевые струйки.

Я удивлялся, как его шляпа еще не улетела в придорожные кусты.

На сегодня у нас точно установлен маршрут — крупная станция Альметьевская. Отправились мы туда по предложению Денисова.

В Альметьевской до войны существовала контора «Заготконь». В нее съезжались колхозные и частные владельцы лошадей, чтобы совершить куплю-продажу или обмен. Контора эта давно уже упразднена, но в Альметьевскую по старинке еще приезжали люди, желавшие приобрести

или сбыть коня. Конечно, там бывали и такие дельцы, как Васька Дратенко.

В станице жило оседло несколько цыганских семей, в том числе семья недавно умершего брата Арефы. Конечно, глупо предполагать, что конокрады выставляли на торг Маркиза в Альметьевской. Это все равно что нести в коммиссионный магазин украденные у продавца часы.

Но в Альметьевской были друзья и родственники Арефы. К ним часто приезжали гости, через которых можно было узнать о Дратенко или Сергее, если бы те где-нибудь объявились.

Отправься я в станицу один, ничего не узнал бы. Прав был Арефа, говоря, что без него мне было бы трудно искать Ваську и Сергея.

Альметьевская по сравнению с Бахмачеевской выглядела настоящим городом. Много двухэтажных домов, асфальтированные улицы, парикмахерские, большая баня.

На окраине, возле рынка, возвышалось здание завода, над огромной трубой стоял столб темного маслянистого дыма.

Хаток с завалинками и палисадниками, с соломенными крышами было не много.

К такой вот хате мы и подъехали.

Арефа сразу как-то изменился. В нем появилась вроде бы и подтянутость, но и что-то согнуло его, страдальческая сеть морщин легла на лоб. Это понятно. Совсем недавно он подъезжал к этому дому, чтобы увидеть своего младшего брата, покоящегося в гробу.

По замусоренному, давно не метенному двору стайками бродили куры и с любопытством посматривали на нас, склоняя голову набок.

— О чоро Андрей! — вздохнул, оглядываясь, Арефа. Сразу было заметно, что хозяйство осталось без требовательного хозяйского присмотра.

Из хаты вышел черноволосый мальчик, румяный и толстый, с початком вареной кукурузы в руках.

— Неужели тебе трудно загнать птицу в загородку? — крикнул на него Арефа. — Виноградник поклюют.

— А что? — лениво огрызнулся тот.

— Мать бы пожалел. — Арефа легонько шлепнул его по затылку. — Ну давай побыстрей...

Было видно, что кричать особенно Денисов на этого увальня не хотел. Жалел мальчишку. Сирота.

Паренек, не выпуская из рук початка, лениво затрусил по двору, сгоняя кур в отведенный для них закуток.

Арефа мялся. Я почувствовал, что ему хотелось войти в дом одному, без посторонних. Тем более — без милиционера.

— Сбегай за матерью! — приказал он племяннику, когда тот наконец справился с птицей.

Мальчик, продолжая грызть кукурузу, двинулся со двора.

— Попьем чайку? — предложил Арефа. А весь его вид и взгляд говорили обратное.

— Спасибо за приглашение, но, я думаю, вам лучше поговорить со снохой с глазу на глаз. По-свойски. Я только могу помешать.

— Что же, верно, — быстро согласился Денисов. Он немного подумал. — Но ты возвращайся поскорей. Обязательно. Перекусим.

— Час вам хватит? — спросил я.

— За милую душу.

— Если, конечно, надо, я могу погодить...

— Хватит, хватит, — махнул рукой Арефа. И, похлопав себя по животу, добавил: — Ему годить не прикажешь. Ты, значит, помни — Мирикло, сноха моя, что-нибудь сообразит.

Я отъехал от двора, ругая себя за недогадливость. Вообще появляться здесь в форме было глупо. Уж где-где, а в деревне языки работают неутомимо... Но Арефа тоже хорош. Мог предупредить. Или опять шпилька? Догадайся, мол, сам. Иди разбери этого Арефу...

Все же, что ни говори, деликатный он человек. И приглашение его было деликатным. И в то же время настойчивым. Может, и нет никакой хитрости у него за душой?

...Лейтенант, дежурный Альметьевского РОВД, ничего не знал о моем приезде, хотя Мягкенький заказал вчера при мне телефонный разговор с местной милицией.

Лейтенант что-то писал, и ему было не до меня.

— Может быть, начальство в курсе?

— Зам у себя. А начальник в отпуске. Что тебя занесло в такую даль?

Дежурный был вряд ли старше меня. Мог бы отнестись и повнимательней.

— Парней двух разыскиваю, — небрежно бросил я. — Пропала лошадь... Цыгане, они...

Он вскинул на меня глаза и, испуганно оглянувшись, тихо проговорил:

— Ты тут потише. Капитан наш как раз из них, из цыган, будет...

Я покраснел. Вечно попадаю в неловкое положение с этой моей несдержанностью. Хорошо, что в дежурке больше никого не было.

После такого конфуза я шел к капитану весьма пристыженный. Савченко, так звали лысеющего, средних лет капитана, встретил меня сдержанно, как подобает по ранжиру.

Мягкенький говорил именно с ним.

— Ладно, — подытожил зам, когда я, краснея и сбиваясь, изложил ему цель приезда. — Спали вы, товарищи, долго. Много воды утекло... Знаете, сколько людей проезжает через Альметьевскую? Сотни и даже тысячи! Н-да, сладко почивали... — Он задумался. — Вообще таких что-то не припомню. Мы этих аферистов знаем всех. А тот Сергей Денисов, случаем, не родственник нашего Денисова? Который помер недавно?

— Племянник, — подтвердил я.

— Скажи-ка! Как будто семья примерная. Отец его там у вас, кажется, в правлении колхоза?

— В сельсовете, — сказал я, — депутат.

— Смотри-ка, — усмехнулся Савченко. — Как это получается? Не уследил, выходит?

Мне стало обидно за Арефу. Через каких-нибудь полчаса я буду сидеть с ним за одним столом, пить обязательный для гостей чай...

— Мы считаем... В основном интересуется лошадьми Дратенко...

— Вы считаете, — снова усмехнулся капитан и набрал номер. — Степа, зайди. — Он положил трубку, потер руки, глядя в окно. — Пошел хлеб. Теперь ни сна, ни отдыха... Всех почти разогнал по колхозам.

В комнату вошел коренастый, лет шестидесяти, сильно припадающий на одну ногу мужчина в штатском. Он еже-

минутно поправлял широкой пятерней прямые волосы, падавшие на глаза, и с угрюмым любопытством бросал на меня взгляды.

— Степа, тут товарищ из Краснопартизанска. Не припомнишь такого Дратенко? Специалист по лошадям?

Степа, которого мне капитан так и не представил, сильно выставляя вперед челюсть, просто ответил:

— Знаю. — И, обернувшись ко мне, спросил: — Васька?

— Так точно, товарищ... — Я вопросительно посмотрел на него, ожидая, что мне хотя бы скажут его звание или должность. Но я так и не был в это посвящен.

— Что он у вас натворил? — смотрел на меня в упор Степа, опираясь сильной рукой на стул.

— Разыскиваем, — неопределенно ответил я.

— На блины хотите пригласить? — без тени юмора спросил Степа.

— Подозревается в краже породистого скакуна.

— Давно увели лошадку-то?

— В июле...

— Да, в июле Дратенко тут был. На линейке, запряженной двумя лошадьми.

Я сообщил подробные приметы Маркиза. Степа, подумав, сказал:

— Одного коня я помню. Вороной. А другой, врать не буду, не знаю. Кажется, светлый.

— Дратенко один был или с кем-нибудь?

— Их несколько сидело на линейке. Прокатились по станции лихо, почти не задерживаясь...

Вот и все сведения, какие я получил в Альметьевском РОВД.

Но меня так заинтересовала личность Степы, что я справился о нем у дежурного. После моего долгого визита к замначальника лейтенант стал словоохотливее.

— Степан Гаврилович — сила! Всех лошадей и лошадиников знает в области. Что там в области, думаю, по всему югу, до самого Кавказа. Лихой, говорят, кавалерист был. В отряде самого Огнева воевал...

— А кто такой Огнев? — спросил я.

— Ты Огнева не знаешь?

— Не знаю, — честно признался я.

Лейтенант покачал головой:

— Про выстрел с «Авроры» знаешь?

— Это каждый школьник знает.

— Правильно. А мало кому известно, что орудием, которое произвело этот выстрел, командовал Огнев Евдоким Павлович. Из соседней станицы Пролетарской. После уж, в Гражданскую, он сюда вернулся. Командовал отрядом под началом Пархоменко. Погиб как герой. Так вот, наш Степан Гаврилович в отряде Огнева начинал. В Отечественную получил ранение. Демобилизовался и пошел в милицию. Еще вопросы есть?

...Через час мы сидели с Арефой в хате вдовы Андрея Денисова. Признаться, кочки меня изрядно порастрясли и разыгрался волчий аппетит. Все мои помыслы были обращены к кухне, где хлопотала Мирикло. Я спросил Арефу, чем это так привлек его соотечественников Маркиз Жеребца ведь выбраковали зоотехники колхоза.

— Маркиза выбраковали из производителей, — пояснил старый цыган. — А конь красивый. Это у нас почитается в первую очередь. Цыган выбирает коня, как невесту. Чтобы самому было приятно и другие сказали, что красив. Маркиз — видный. Благородный статью. А без осанки и конь — корова. Правда, есть и у него свои недостатки: злой, заносчивый. Только ты никому об этом не говори, — шутливо сказал Арефа.

— Почему?

— У нас, у цыган, самым большим грехом считалось выдать, какой есть скрытый изъян в лошади. Особенно покупателю. За это в старое время били. Крепко били. И владелец лошади и другие. Все били. Вообще предательство не любили. Что знаешь, держи при себе...

— А если убийство? Молчать ведь — преступление.

Арефа пожал плечами:

— Конечно, это так... Но в старое время донести за убийство промеж себя тоже считалось позорным. Судили своим судом. По справедливости.

— Убивали? — спросил я.

— Зачем? — удивился Арефа. — Смысл какой? Убийства случались в основном по пьяной драке. Или из-за ревности. А рассуждали так: к чему еще одного убивать, сирот плодить и еще одну вдову оставлять? Виновный должен был откупиться деньгами. В зависимости от со-

стояния и нужды осиротевшей семьи. Что касается ревности — здесь посторонние не судьи. Кто может оценить меру любви? Измена, может, похлеще, чем другое, бьет.

— Пойдите, пойдите. Но это же сокрытие преступления! — не удержался я.

— Да, да, а как же! — быстро согласился Арефа. Но было видно, что к этому вопросу он относится по-своему. Он лукаво улыбнулся и добавил: — То ж в старое время... Другие нравы. Цыган со всех сторон бесправными держали. Они уже с рождения числились как бы в преступниках. Цыган — значит, вор, обманщик, махинатор... Ну, а если еще свои своего выдавать властям стали бы, как смотреть друг другу в глаза?

Я задумался над его словами. В них была своя горькая правда.

На столе легонько посвистывал самовар. Серебряный. Точная копия с того, что имелся у Арефы, «Баташов».

Мирикло, вдова Андрея, в темном кружевном платке, безмолвно появлялась в комнате и так же тихо уходила на кухню, откуда доносился запах мокрого птичьего пера и вареной курицы.

Интересно, для кого задумано это почетное угощение? И вообще прилично ли мне, представителю закона, который ведет в настоящее время официальную проверку, сидеть за одним столом с отцом предполагаемого преступника и вести непринужденную беседу, ожидая угощения с его стороны?

Странное дело, но мне казалось, что я просто в гостях.

— Тяжело ей, — сказал Арефа, когда его сноха в очередной раз что-то поставила на стол и вышла. — Любой бабе в ее годах тяжело остаться без хозяина. Это уж все. Вдовство на всю остальную жизнь.

— Конечно, — согласился я, — потерять кормильца...

— Не это самое страшное, — вздохнул Арефа. — Мирикло себя прокормит. — Он усмехнулся. — И еще любого мужика в придачу. Шьет на фабрике и дома. У нас в старое время, сам понимаешь, — его глаза опять сверкнули лукавинкой, — жена должна была кормить мужа. Станет где-нибудь табор, мужики остаются, а женщины с дочками

идут в село или город те мангу — это, значит, по-нашему: побираться, добывать пропитание, деньги... Не принесет жена ничего, кнута схлопочет обязательно.

— Ничего себе, положение! Это здоровых-то мужиков кормить. Мало того что женщины унижались, выпрашивали подавание, так еще кнут зарабатывали.

— Зарабатывали. И еще как! У русских как было в старое время? Мужик, напившись, бил жену. Но случалось, иная баба так отхаживала муженька за все обиды, не приведи господь. У нас же женщина никогда не имеет права поднять на мужа руку. Что там поднять руку — сказать наперекор. Какой бы ни был — пьяный или трезвый, урод или красавец, нищий или богатый, — ты ему не прекословь. Чуть что не так — кнут...

Я усмехнулся про себя: хоть Арефа и депутат сельсовета, а своя кровь, видимо, говорит.

— Несправедливо. Значит, мужчины кнутом оправдывали свое тунеядство?

— Почему тунеядство? У мужиков свое дело было. Муж ценился за умение достать хорошего коня, с лихвой продать его, выгодный обмен совершить. Не можешь этого — копейки за тебя не дадут в базарный день. Другое дело, если умеешь ловко дела делать да если при этом песни голосисто поешь, отплясываешь лихо да обнимаешь жарко — нет тебе цены. Не знаю, как другое, а за песни ты бы у нас сошел высоко...

Я все ждал, когда Арефа заговорит о самом главном. Есть ли какие вести о беглецах? Но Денисов словно забыл о цели нашего приезда.

Мы сидели, попивая чай, мирно беседуя. Потом тихая Мирикло поставила на стол раздувшуюся, с растопыренными в разные стороны ногами, исходившую сладковатым паром и жиром курицу.

И мы управлялись с ней за разговорами ни о чем и снова пили чай с вареньем и покупным печеньем.

Мирикло относилась ко мне настороженно и, видимо, получив от Арефы наказ, в беседу нашу не встревала.

Покончили с едой. Хозяйка вышла с грязной посудой. И вдруг Денисов сказал:

— Васька Дратенко не сегодня завтра должен быть в Юромске. Надо туда подаваться.

Я поразился: битый час болтать о пустяках и даже намека не подать, что получено такое известие.

Может быть, Арефа — единомышленник моей бабушки: во время еды надо думать только о еде, а дело — в свою очередь.

Юромск — три часа езды на поезде из областного центра.

— Помчались в город! — предложил я.

Арефа посмотрел на мою форму. Почесал за ухом.

— Больно мы с тобой заметные. Выходит, сначала домой...

Я прикинул — теряем сутки. Это в лучшем случае. Потому что возвращаться сегодня на мотоцикле в Бахмачевскую мне не улыбалось. Арефа тоже не мальчик. Тогда и завтра день потеряем.

Обидно, до города каких-нибудь тридцать километров. Полчаса езды.

У меня возник план.

В конце концов, неужели Борька Михайлов не одолжит на время какие-нибудь брюки и пиджак? В крайнем случае — куртку. Сам ведь в корешах лез.

Мы расстались с Арефой. Он решил заночевать в Альметьевской. Я поехал в город. Договорились с Денисовым встретиться там утром на вокзале.

Глава 24

Я настолько уже привык к одноэтажной станичной жизни, что когда въехал в областной центр, с его высокими современными зданиями, шумом и звоном вечерних улиц, голубых от неона и затухающей синей зари, то почувствовал себя Гулливером, попавшим в страну великанов.

После влажной прохлады степной вечерней дороги город пахнул на меня жаром перегретого за день асфальта, сухим воздухом, пропитанным испарениями бензина и выхлопных тазов.

В глазах зарябили окна домов, вывески магазинов, световая реклама, небо переплелось проводами троллейбусов, трамваев, засветились тревожные огни светофоров.

Я даже поначалу растерялся, очутившись в потоке автомобилей, беспощадно и жестоко прокладывающих себе путь на перекрестках. Мне казалось, что улица слишком тесная и слишком велик риск вот так мчаться и мчаться наперегонки, не давая себе ни минуты покоя.

Во мне еще жила ширь степи, пустота ее дорог, на которых не было необходимости завоевывать время и полосу продвижения...

По Ворошиловградскому проспекту, главной улице города, гуляло много народа. Просто неправдоподобно много. Словно людей специально свезли сюда и заставили ходить взад-вперед, забегать и выбегать из дверей магазинов, быстро пересекать улицу прямо перед радиаторами машин.

Я почувствовал себя муравьем, очутившимся среди большого леса.

И только когда я услышал в трубке телефона-автомата Борькин голос, ощущение одиночества прошло.

— Кича! Ты откуда?

— Долго объяснять. Мне нужны штаны и пиджак. Куртка тоже сойдет.

Михайлов хмыкнул:

— Ты что, голый?

— В форме, как полагается, и на мотоцикле...

— Ладно, разберемся. Жми ко мне. Ты где сейчас? (Я сказал.) Это прямо у нас под носом. Через три дома.

Я еще раз подивился: ловкач Михайлов, устроился в таком городе, прямо в центре. Да ведь это квартира тестя... Но устроиться зятем зампреда облисполкома тоже надо уметь.

Борька открыл сам. В легком шерстяном спортивном костюме, с белой полосой вдоль рукавов, он провел меня через пустой чистый паркетный коридор в небольшую светлую комнату, которая казалась совершенно не обставленной, но в то же время здесь было все: где сесть, где лечь и даже имелись ненужные для обихода вещи — полочки с безделушками, подставки, цветы.

В моей хате стояла кровать, стол со стульями, платяной шкаф, но выглядела она так, будто полна мебели.

Борька указал на кресло. Я сел в него с большой опаской — как бы не запачкать светло-зеленую обивку. Я весь

был пропитан пылью. Мне даже казалось, что она осела у меня внутри.

Честно говоря, обстановка меня смущала. Я отвык от современного городского уюта.

Но усталость взяла свое. Я поудобней устроился в кресле, тело расслабилось. И тут только дали о себе знать те километры, которые я отмахал за рулем. Они заныли в руках и ногах, замельтешили в мозгу бесконечной чередой поворотов, спусков, выбоин, кочек и подъемов...

Михайлов положил на низкий журнальный импортный столик пачку сигарет и диковинную зажигалку в виде кувшинчика.

— Закуришь?

Я отрицательно мотнул головой.

— Скажи-ка! До сих пор не начал. А я много курю. Работа нервная. Вообще обязанностей много...

Я почувствовал, что здесь, дома, Борька какой-то другой. При встрече в Краснопартизанске он выглядел прямо-таки рубакой — все нипочем.

— Может быть, женатая жизнь заедает? — усмехнулся я.

Михайлов солидно ответил:

— Этим я доволен. Сам видишь — полный порядок. — Борька небрежно обвел комнату рукой.

Порядок порядком, но провел к себе втихаря, никому не представил. Даже не спросит, хочу ли я есть. Мне-то не надо, потому что я еще сыт после прекрасного угощения Мирикло, но хотя бы ради приличия поинтересовался.

— Давай ближе к делу, — сказал я. — Мне надо завтра ехать в Юромск. В штатском. Смекаешь?

Что-то в нем все-таки заговорило.

— Постой. Сразу к делу... Я же знаю — наверное, шамать хочешь. Про себя небось ругаешься. Тут какая история: жинка вот-вот должна прийти. Теща-то дома, но я еще, сам понимаешь...

— Я сыт во!

Мой однокашник кисло произнес:

— Вот, обиделся! Ей-богу, Светка придет, сядем как надо. С коньячком, с хорошей колбаской...

— Иди ты к черту! Не хочу я.

— По глазам вижу, что хочешь. Ехать из своей Бахма-
чевской...

— Я из Альметьевской. Наугощался там — будь здоров.
Борька испытующе посмотрел на меня:

— Не врешь?

— С чего это ты стал такой мнительный? В конце кон-
цов, дай сказать...

— Говори, — тяжело вздохнул он.

Я понял, что он извиняется за свое присутствие здесь.
Потому что я всегда знал о его честолюбии. И, достигнув
своей мечты, он почувствовал себя в чем-то неуверенным.
Ну что ж, поделом тебе, Борька Михайлов. Если тебя здесь
затирают — сам виноват. А если ты принижаешься по сво-
ей воле — виноват вдвойне.

— Найти человека! Это не так просто, как тебе кажется!
— воскликнул мой дружок, когда я рассказал ему о
своих делах.

— Сам знаю.

— Знаешь, знаешь... По делу об убийстве инкассатора
какой месяц ищем, и не только мы. Вся милиция Совет-
ского Союза! А ты сам решил. Чепуха какая-то.

— Я делаю ставку на Арефу.

Михайлов недоверчиво пощелкал языком:

— Это надо продумать. А вдруг надует тебя твой цыган-
ский Иван Сусанин?

— Какой ему смысл?

— У тебя расчет только на доверие, но...

— Не только, — перебил я его. — Денисов сам хочет най-
ти сына. Хочет помочь ему осознать свою вину. Понима-
ешь, облегчить его участь, если тот виноват, конечно...

— А ты сомневаешься в этом?

— Всякое может быть...

— Ах, все-таки сомневаешься? Это уже совсем неплохо,
Кича. Прогресс.

— Брось трепаться.

— Я не треплюсь. Я радуюсь. — Борька небрежно за-
курил. — И вообще неплохо бы тебе новые монографии
почитать. По криминалистике, судебной психологии...

— Классиков русской литературы — Пушкина, Гого-
ля... Ты, Борька, индюк.

Все-таки разозлил меня.

— Давай трави дальше. — Он это сказал, как многоопытный профессор зазнавшемся ученику.

Я приготовился поддеть его. Помешали. Кто-то пришел. Я понял, что жена.

Борька вскочил с кресла, едва не опрокинув столик. Он выбежал в коридор, не сказав ни слова.

И через минуту в двери появилась его виноватая физиономия.

— Вот, Светик, тот самый Дима.

А его жена была простая девчонка. Не большая и не маленькая, лицо не очень приметное, все в конопушках и ямочках.

— Тот самый Дима, — повторила она, — из Бахмачеевской?

— Точно, — сказал я.

— Как там моя подружка Люба Коробова?

Я, стараясь не выдать своего удивления тем, что Света не только знает Любу, но и дружит с ней, рассказал о Любиных «боевых заслугах».

— Это похоже на Любку. Хоть она и младше меня, а всегда верховодила. Мы ведь из Бахмачеевской. Я там не была уже лет пять...

Теперь мне стало ясно, откуда Ксения Филипповна хорошо знает эту семью. Но ведь надо же было случиться, чтобы Борис женился на девчонке из Бахмачеевской. Поистине мир тесен.

Света спохватилась.

— Ты гостя накормил? — строго спросила она мужа.

— Умолял. Отказывается. Правда, Кича, умолял?

— Умолял, — подтвердил я.

— Ты с дороги?

Ого! Сразу на «ты». Мне это понравилось.

— С дороги, но есть не хочу, честное слово!

— На кухню, на кухню. — Она без дальнейших церемоний буквально вытолкнула нас на кухню.

Света пошла переодеться. Мы остались одни.

Борька как-то лихорадочно ставил на стол тарелки, рюмки, резал хлеб, колбасу...

— Работа в городе — одно, а у меня — совершенно другое, — продолжал я незаконченный разговор. — Когда ты в городе начинаешь какое-нибудь дело, то перед тобой

возникают люди, которых ты видишь впервые. Что ты о них знаешь? Ничего.

— Это как знать, — многозначительно усмехнулся Михайлов.

— Не перебивай. А я в колхозе знаю каждого как облупленного.

— За три месяца? — усмехнулся Борька, доставая бутылку коньяка с небольшим количеством жидкости, почти на самом доньшке.

— Я говорю о Денисовых. Понял? Так спрашивается, знаю я Арефу или нет, когда вижу его почти каждый день, бываю у него дома, ем с ним за одним столом?

— Ты смотри, — предупредил он меня строго, — подловят они тебя, погоришь. Не такие еще попадались на удочку. Вот у нас...

Он замолчал. Потому что пришла Света, в белом брючном костюме.

— Давай, Кича, прекратим на профессиональные темы... Не всем это интересно.

— Интересно, — сказала его жена и, взглянув на стол, прикусила палец.

Борька как-то сжался, словно ожидая выговора.

Но Света ничего не сказала. Она спокойно убрала бутылку в навесной шкафчик и достала другую, нераспечатанную.

— Мы тут сами, понимаешь, хозяйничаем... — Михайлов стал зачем-то двигать тарелочки, вилки, ножи...

— Садись. Вам, мужчинам, доверять нельзя.

Ну и молодчина! Получил Борька по мозгам. Мне все больше нравились ее конопушки и ямочки.

Ну что же, Михайлов! Укатали сивку крутые горки. Вернее, сам ты себя укатал.

Света распахнула холодильник, и на стол повалились овощи, фрукты, какие-то баночки, свертки, тарелочки с аппетитной и привлекательной едой.

Я уверен, что потом, когда они останутся одни, она ему выдаст. И поделом.

Я всегда подозревал, что за ухарским, нахрапистым поведением Борьки скрывается что-то другое. А это, оказывается, трусость. Мелковато...

Значит, он боится этого дома. Боится, потому что чувствует себя обязанным.

Мне стало жалко его. Я был рад видеть Борьку. Так всегда радуешься своему дому, в котором прожил детство, каким бы неказистым он ни был...

— Я разогрею голубцы, а вы пока закусывайте.

Михайлов разлил коньяк по рюмкам.

— Постой, постой, — замахал я руками. — Я же за рулем.

— Одну рюмочку. За встречу.

— Не хватало еще, чтобы меня застучали гаишники.

Красиво будет выглядеть — пьяный участковый...

— Ерунда! Все в наших руках.

— Тебе куда-то еще ехать? — Света навалила мне полную тарелку всякой всячины.

— В гостиницу. Кстати, Боря, раз уж все в ваших руках, организуй мне где-нибудь койку...

— Это запросто! — Он живо поднялся.

— Как, тебе негде ночевать? — Света удивленно посмотрела на меня, потом на своего мужа.

— Я же говорю — запросто! Даром, что ли, милиция?

— Подождите, Борис Иванович. — Видимо, так Света обращалась к мужу, когда бывала недовольна им. — Вы, значит, не предложили Диме остаться у нас?

— Откуда я знаю, какие у него планы? Светик, у нас дела. Дела государственной важности. Не все мы можем говорить...

Борька выкручивался, как мог. Он пялил на меня глаза, чтобы я поддержал его.

Но мне страшно хотелось позлить его. И я молчал. Интересно, как он справится со своим положением?

Борька нерешительно сел. Взялся за рюмку.

— Ну давай. Если останешься, можешь, между прочим, выпить.

Хитрец, хочет свалить решение этого вопроса на меня. Не выйдет.

— Мне завтра рано вставать. Все равно будет запах, — спокойно сказал я.

Михайлов, крикнув от досады, одним глотком опрокинул в рот рюмку. Света об этом больше не заикалась, думая, что вопрос решен и я останусь.

Оставаться я не думал. Ни в коем случае. Я никогда ни у кого не оставался ночевать. Может быть, это предрассудок, но так приучила бабушка. Она всегда говорила отцу: хоть ползком, мол, но добираться до своего дома, до своей постели.

Гостиница — это как бы свой дом, не чужой...

Борька тыкал вилкой в тарелку и на меня не глядел. Ладно, помуржу его еще минут двадцать и отчалю.

Прозвучал дверной звонок. Михайлов вскочил со стула.

— Боря, сиди спокойно. Мама открывает, — сказала его жена.

Из коридора донесся мужской голос. В доме произошло какое-то движение. И сразу почувствовалось, что пришел хозяин.

Он пришел, видимо, не один. Чей-то знакомый голос. Или мне показалось?

А в кухню уже входила... Ксения Филипповна, раскладываясь со Светой и Борькой.

— Тю-ю, — расставила она руки, увидев меня. — Вот так встреча!

И это бахмачеевское восклицание, ее доброе спокойное лицо и знакомая раскачивающаяся походка внесли в комнату что-то родное; стало тепло и уютно на душе, словно я перенесся за тысячу километров, в Калинин, в нашу маленькую кухню, где всегда собиралась в тихие дружные дни вся наша семья...

Борькин тесть шумно уселся за стол, потирая руки.

— Может, в гостиную перейдем? — захлопотала его жена, на которую очень была похожа Света.

— В кухне вкуснее, — отозвался глава семьи и указал на меня: — Это, как я понимаю, тот самый Дима?

— Он, Афанасий Михалыч, — подхватила Ксения Филипповна.

— Будем знакомы. Вот, понимаешь, Зоя Васильевна, мать Светланы и теща Бориса. Я, как видишь, папаша. — Он подмигнул дочке. — Молодежь наша больно культурная, не считает нужным представлять.

— Папа, неужели ты не наговорился на совещании? — добродушно отпаривала Света.

— Наговорились, что верно, то верно. Мать, поухаживай за нами. Соловья баснями не кормят. — Он потянулся за

бутылкой, налил коньяку в рюмки, поспешно поставленные перед ним и Ксенией Филипповной Зоей Васильев-ной. — И не поят... Молодежь, присоединяйтесь!

Борька с готовностью потянулся к нему чокаться.

— А Дима?

— Я за рулем, — отказался я.

— Что ж, правильно. Что это будет, если сама же милиция будет нарушать законы? — Афанасий Михайлович галантно чокнулся с Ксенией Филипповной. — Давай, председатель, запьем усталость...

— Ну и настырный ты, Афанасий Михалыч, — хохотнула Ксения Филипповна. — Мало что затянул домой. Теперь спаиваешь.

— Не оставлять же тебя без ужина по милости наших говорунов.

За столом было легко и весело. Даже Борька вел себя свободней. Это, наверное, объяснялось коньяком. Афанасий Михайлович снова наполнил рюмки.

— Гостю не жалея да погуще лей. Борь, давай. И ты, Филипповна, еще одну. Дима, я смотрю, ты и не ешь совсем...

— Спасибо. Честное слово, недавно из-за стола.

— Вот угодил! Сытого гостя хорошо потчевать, — засмеялся он. — Выгодный ты гость...

Ксения Филипповна раскраснелась. И все поглядывала в мою сторону. Не терпелось расспросить про станичные новости.

— Эх, мать, — продолжал балагурить хозяин, похлопывая по плечу жену, — гляжу я, дети наши выросли, пора нам с тобой на покой. Оставим им квартиру, поедем в Бахмачеевскую свой век доживать. Купим хатку, будем фрукты разводить, пчел заведем.

— Так многие говорят, — подцепила его Ксения Филипповна. — Но город крепко держит, как клещами.

— Это как сказать, — покачал головой хозяин. — Вот кончится этот срок, ни за что не останусь в исполкоме. Надо молодым давать дорогу. Потом, Ксюша, поговорим... Ты, Дима, — снова обратился он ко мне, — значит, с Ксенией Филипповной воюешь?

— Уж сразу и воюет! У нас все любовно. Живем — работаем душа в душу...

— Поутихомирилась? Стареешь, значит, — шутливо подытожил Афанасий Михайлович. — Лет двадцать пять назад к тебе не подъедешь, не подойдешь...

— Время такое было, — вздохнула Ксения Филипповна. — Что человек стоил? Вот и приходилось драться. Ты вспомни, тоже не очень-то ласковые песни пел...

— Было, было. И нас не жаловали. — Афанасий Михайлович покачал головой. — Я часто вспоминаю, как тебя едва не упекли. Страшно подумать, за килограмм зерна... А баба Вера жива?

— Крайнова? Жива. Нам бы с тобой такое здоровье.

— Помню, крепкая женщина была. А что с Ксюшей произошло? — Хозяин рассказывал как бы всем, но почему-то больше смотрел на меня. — Вызвали ее на бюро райкома. Меня только-только секретарем избрали. А вызвали почему? Поступили сигналы, что она разрешает колхозникам колоски, ну после уборки остаются, собирать и брать себе... Ксения Филипповна ввалилась в райком в телогрейке, в сапогах, с кнутом. Сразу видно — себя в обиду не даст. И своих колхозников. Докладывает о ней представитель НКВД. И предлагает — под арест. Без всяких. Ей бы покаяться, в ножки поклониться, так нет! Рвет и мечет. Ну, думаю, пропала землячка. Не сносить головы... Гляди-ка, обошлось. Отделалась выговором. Но и тот скоро сняли.

— Обошлось! — проворчала Ксения Филипповна. — Не встрянь ты, прямо с бюро и потопала бы по этапу. Сам ведь на вид заработал...

— Ладно, ладно, — отмахнулся Афанасий Михайлович. — Ты себя и отстояла. Но, в общем, мы дружили.

— Тю-ю! — рассмеялась Ксения Филипповна. — Дружили! Первый с меня семь шкур и спускал. Земляк, называется...

— Как со всех, — развел руками хозяин дома. — Ни на шкуру больше...

Скоро Ракитина заторопилась в гостиницу. Я наклонился к Борьке:

— Вот что, Борь, сделай мне гостиницу. Я действительно поеду. Кстати, Ксению Филипповну подвезу.

Он вздохнул, покосился на Свету.

— Не останешься, значит?

— Нет. Не в своей тарелке... Не привык я у чужих...

Мы поднялись, прошли в коридор, к телефону. Борька действительно устроил мне место в два счета. Потом повел в свою комнату и выбрал подходящую одежду. Я переоделся, а свою форму повесил у него в шкафу.

— Вот что, — сказал он на прощание, — прямо с утра приезжай ко мне в управление. Потолкуем о твоей поездке.

— Хорошо, — улыбнулся я. Если ему нравится, пусть считает себя моим наставником.

...Мы сидели с Ксенией Филипповной в маленьком холле гостиницы под колкими шуршащими листьями развесистой пальмы.

Администратор дремала за своей стеклянной конторкой, тикали настенные часы, спал за окном город.

Во мне, наверное, говорила усталость, обида на самого себя за то, что не могу одним махом разделаться с уймой мелких дел, не могу справиться со всеми обязанностями, которые навалены на меня и которые я сам на себя навалил.

Ракитина поняла это по-своему.

— Конечно, трудно, — согласилась Ксения Филипповна, когда я выговорился до конца. — Было бы легко, зачем тебе сидеть тогда на своем месте? Упразднили бы вас давно. Отчаиваешься ты попусту, скажу я тебе. С твоей колокольни действительно выходит, что вокруг одни беспорядки и творятся. Эх, мил ты человек, Дмитрий Александрович! Смолоду тебе приходится заниматься этой человеческой непристроенностью и разными отклонениями. Ведь так можно веру в хорошее потерять. Ой, не сломаться бы тебе по неопытности, не уверовать бы, что все люди — воры, проходимцы и жулики. А если бы ты в артисты вышел? Подавай тебе одни аплодисменты, цветы и прочую благодарность? И воспринимал бы ты всех людей по тому, хлопают тебе или нет. Но скажу тебе, всем трудно хорошо свое дело делать. И даже им, артистам, приходится иной раз ой как несладко! Сколько я их на своем веку перевидала, скольких мучений их насмотрелась! Мотаются по месяцу-два в автобусах, в холод и слякоть, из колхоза в колхоз. Ты думаешь, везде их апартаменты ждут с накрахмаленными салфетками и люкс-номерами? Иной раз переночевать негде, куска хлеба перехватить некогда. А им

киснуть нельзя. Ел ли артист, спал ли — никого не касается. От него всегда требуется хорошее настроение, улыбка во весь рот. Вот ты говоришь, что у нас в деревне не то что в городе: любое дело неделями тянется. Верно. Не спорю. Но видел бы ты нашу станицу лет этак двадцать пять назад. Батюшки! Нынешнее раем покажется, если сравнить. А будет еще лучше, честное слово! Вот Афанасий Михалыч то времечко вспоминал. Не переживи я все это сама, никогда бы не поверила. И мне тоже приходилось туго. Требовала от людей почти невозможного. Один раз пожалела Крайнову, так сам слышал — едва за решетку не села. Сколько раз приходилось прятать доброту и жалость подальше от сердца. Случалось понапрасну обижать человека. Не по злему умыслу и незнанию, а потому, что каждый старался свое горе спрятать. Как-то в году сорок четвертом я так напустилась на Настю Самсонову, ну, у которой Лариска Аверьянова живет, за то, что та не вышла на работу. Осрамила перед всеми колхозниками. А как узнала, что в этот день ей, оказывается, пришло извещение, что старший сын погиб, места себе не находила. И показать свою слабость нельзя. А ночью, чтоб никто не видел, пришла к ней прощения просить. Наревелись мы с ней... Что и говорить — хлебнули горя. Если вспоминать все, что пережито, осталось бы лишь волком выть. Нет, жизнь пошла дальше. И радость какая-то пришла.

— Тогда была война, — сказал я. — А теперь мирное время. Я вот в книжках читал, да и родители рассказывали, что в то время люди по-настоящему отдавали себя. И на фронте, и в тылу.

— Не все, — ответила Ксения Филипповна. — Человек во всякое время показывает, что он за птица. Думаешь, мало мародеров было, что нагрели руки на общем горе? Всякое встречалось. Так же как и нынче. Есть люди кривые, есть и прямые. Ведь из нашей станицы вышло немало таких, которые высоко летают. Вот Афанасий Михалыч — уважаемый человек во всей области. У моей соседки сын — маршал. Один из станичников за границей в нашем посольстве большой чин занимает. Как видишь, не важно, где ты родился и когда, важно, что у тебя в голове и здесь, на сердце. Да, вспомнила кстати, — она тихо рассмеялась, — Федю Колпакова помнишь?

— Нашего шофера, что ли?
— Его. Встретила на днях тут.
— Он ведь, кажется, в Москву собирался?
— Наверное, уже там. Встретила его на проспекте Ворошилова под руку с дамочкой. Глазам не верю — Федька это или нет. Баки до самой шеи, не то пиджак, не то пальто, с вздернутыми плечами. Представляет он мне дамочку. Законная, мол, супруга. Москвичка. А эта супруга лет на двадцать старше Федьки.

— Может быть, любовь? — Я улыбнулся, вспомнив наш последний разговор с Колпаковым. Вот, значит, какой он избрал путь к должности шофера министра.

— Конечно, любовь. А как же! — смеется Ксения Филипповна. Стенные часы пробили три раза. — Ну, засиделись с тобой до петухов, — поднялась Ракитина. — Скажу я тебе напоследок. В любом деле можно потерять голову и изувериться в доброе. В твоём деле это проще всего. Так что расти в себе крепость и не бойся проявлять молодость. Доверяйся душе, доверяйся первому порыву. Ошибешься — не беда. Зачерствеешь — тогда дело непоправимое.

Глава 25

Утром я встал, когда мои соседи по номеру еще спали. Тихо прибрал кровать; умылся, оделся в Борькин костюм, попрощался с дежурной и заглянул к Ксении Филипповне. Она ушла еще раньше.

Завтракая горячим чаем и сосисками, я клевал носом, потому что совершенно не выспался и чувствовал себя разбитым.

Только проехав с ветерком по еще прохладным улицам города, я кое-как пришел в себя. Ночь без сновидений не оставила во мне никакого следа.словно я совсем не спал, а лишь на минуту забылся на скрипучей гостиничной койке.

Во мне еще жил ночной разговор с Ксенией Филипповной. Не то чтобы он совсем развеял переживания, но, в общем-то, облегчил душу.

Борька располагался в просторном кабинете, отделанном линкрустом, с ковровой дорожкой. И хотя в нем был еще один письменный стол, все равно шикарно.

— Привет! — встретил меня Михайлов, выбритый и свежий. — Какой у тебя, значит, план операции?

— Не знаю. Все будет видно в Юромске.

— Как бог пошлет?

— Вот именно.

— А я бы первым делом...

— Постой, Боб. Первым делом помоги организовать два места до Юромска. А там я уж как-нибудь справлюсь.

— Эх, Кича, Кича... Погубит тебя деревня. В наш век научно-технического прогресса нужно мыслить по-научному. — Он уже снял было телефонную трубку, но в это время в комнату стремительно вошел мужчина лет сорока, в форме работника прокуратуры. На петлицах — майорская звездочка.

— Знакомьтесь, — представил меня Борька. — Мой однокашник. Кичатов. Участковый инспектор из Бахмачевской.

— Родионов, — протянул руку тот и тут же опустился на стул. — Боря, не сносить нам с тобой головы!

— Будем живы — не помрем, — улыбнулся Михайлов. Это он бодрился передо мной.

— Сейчас от комиссара. Акилев... — Родионов покрутил в руках крышечку от чернильницы. — Завтра прибывает зампрокурора республики. (Борька присвистнул.) Будем живы или нет, еще не известно... — Майор повернулся ко мне: — Вы у себя тщательно провели проверку по делу об убийстве инкассатора?

— Проверяли. Еще до меня — я ведь всего три месяца, — прежний участковый проверял. Вообще присматриваюсь ко всем проезжающим и временно прибывающим...

Родионов задумался.

— Крутимся мы вокруг вашего района, а воз и ныне там — все впустую.

— Я же предлагал получше прощупать Альметьевский, — сказал Борька. — Нет, словно свет клином сошелся на Краснопартизанском районе.

— По всем статьям выходит Краснопартизанский. А преступник словно сквозь землю провалился. Прокурор области заявил мне: «Не справляетесь, так и скажите». Будем, мол, просить помощи у Москвы. Понимаете, куда загнул?

— Понимаю, — ответил Михайлов. — В конце концов, выше себя не прыгнешь. Если бы что-нибудь успокаивающее сказать... Подкинули бы вы какую-нибудь новую идею...

— Какую?

— Хотя бы насчет Альметьевской.

— Самообман, — отмахнулся Родионов. — Альметьевская ни при чем. По запаху чую — преступник в Краснопартизанском. — Майор поднялся. — Короче, Боря, к одиннадцати комиссар приглашает всю нашу группу.

— Перед смертью не надышишься, — засмеялся Борька. — Надо бы перед совещанием тактику продумать...

— Какая тактика! Все как на ладони. А воз и ныне там. Родионов вышел.

— Что, зампрокурора едет? — спросил я.

— Будет снимать стружку с комиссара. А комиссар — с нас. Родионова жалко. Вообще он опытный следователь из следственного отдела прокуратуры области. Временно переселился к нам, чтобы поближе быть, так сказать, к жизни. Действительно, что следователь без нас, оперативников, а? — Борька хлопнул меня по спине.

— Я не оперативник. Я участковый. А значит, и следователь и опер одновременно, — отшутился я.

— И все равно на нас все держится! — Он посмотрел на часы. — Кича, прости, дела заедают. Пойдем, я попрошу, чтобы на вокзал позвонили. — Борька в шутку погрозил мне пальцем: — Порты береги как зеницу ока.

— Залог у тебя дома, в шкафу, — отпарировал я.

Арефа подждал меня на вокзале. На всякий случай даже занял очередь в кассу. Но стоять нам не пришлось: места для нас оставили по звонку из управления.

Наш поезд отправлялся после обеда, и мы без толку просидели полдня в зале ожидания. А когда до отхода остался час, засосало под ложечкой. Я предложил перед дорогой основательно заправиться. Ничего из этого не вышло — в ресторане была очередь.

Я по привычке хотел пройти прямо в дверь, но вспомнил, что без формы. Вообще-то пользоваться своим положением было не в моих правилах, но моральным оправданием могло служить то, что я находился как-никак при исполнении служебных обязанностей. Теперь я был

в штатском. Надо было предъявлять документы, объяснять... Короче, мы сели в вагон голодные. Купе нам отвели двухместное, возле проводников, которые с любопытством поглядывали на живописную внешность моего спутника. И чтобы никого не смущать и не привлекать к себе внимания, Денисов, не дожидаясь отправления, завалился на верхнюю полку. Сколько я ни уговаривал его занять нижнюю, Арефа не соглашался, уверяя, что наверху ему будет спокойней. Он расстелил постель и повалился на нее без простыней и наволочки, скинув с себя только сапоги и шляпу. То ли пожалел рубль, то ли по старой кочевой привычке.

Арефа заснул прежде, чем тронулся поезд. Он признался, что нынче плохо спал. Давала знать о себе вчерашняя дорога, волнение и неизвестность. Я сам был не прочь завалиться на боковую. Но меня мучил голод и будоражила вокзальная суета.

Я сидел на жестком теплом сиденье, пахнущем клеенкой, и, как мальчишка, с любопытством смотрел на перрон. Признаюсь, меня всегда завораживали вокзалы, аэропорты, их толчея, особое состояние ожидания. Ожидание чего-то необычного и нового, хотя мне приходилось много ездить и летать на спортивные соревнования.

Поезд тронулся неожиданно и мягко. Замелькали лица, станционные здания, привокзальные улицы, тихие и замкнутые в себе, прячущиеся за прокопченную зелень деревьев от шума и гари железной дороги...

Наш состав выскочил на мост, четко забарабанивший крестообразными перекладинами. Внизу промелькнула баржа, загруженная выше бортов полосатыми арбузами. Мы вырвались в пригород с суровым индустриальным пейзажем. Мимо поплыли темные от шлака, железа и отходов огороженные пространства, без людей и растительности.

Я вышел в коридор. С другой стороны — такая же безрадостная картина. Она поразила меня еще тогда, когда я ехал с назначением в Краснопартизанский район.

Чтобы не терять времени попусту, я решил сходить в вагон-ресторан, поесть, а потом прилечь поспать. Не известно, что нас ожидает в Юромске, может быть, придется ехать дальше, по следам Васьки Дратенко.

В ресторане только заканчивались приготовления. Девушка, в белом накрахмаленном кокошнике, расставляла по столам стаканчики с салфетками и приборами.

Предупредив, что придется порядком подождать, она исчезла в кухне. Я пристроился у двери, спиной к остальным столикам.

За окном мелькали бахчи, сады, поля подсолнечника. Знакомая картина приятно ласкала глаз. Поблекшая зелень позднего лета, море подсолнухов и плавный перестук колес. На какое-то время я забыл, куда и зачем еду, успокоенный движением, плавным ходом поезда и предчувствием новых встреч...

Из этого созерцательного состояния меня вывел голос, раздавшийся сзади:

— Прежде всего сто пятьдесят и бутылочку пива. Пиво холодное?

— Откуда холодное? Только загрузили в холодильник, — ответила официантка. — А закуску?

Мне очень хотелось повернуться. Знакомый голос...

— Помидорчиков.

— Нету... Шпроты, селедка, винегрет.

— Милая, вокруг тонны свежих овощей...

— Мы получаем продукты в Москве.

Я не выдержал и повернулся. Официантка предложила мне:

— А вы, товарищ, пересели бы к этому товарищу. А то, если каждый будет занимать отдельный стол...

Мне во весь рот улыбался отец Леонтий.

— Дмитрий Александрович, вот встреча! Вы никого не ждете?

— Нет.

— Пересаживайтесь.

— Давайте лучше ко мне. В уголке уютней...

Сказать честно, меня не очень обрадовала перспектива сидеть с попом в ресторане. Ведь может кто-нибудь случайно оказаться в поезде из бахмачеевских. Что подумают?

Батюшка выглядел иначе, чем дома, в станице. Укоротил волосы, приделался в модный легкий костюм. Впрочем, я тоже в другом обличье. В штатском.

Не замечая моего официально-вежливого лица, отец Леонтий захватил с собой ворох свежих газет и перебрался за мой столик.

— Значит, триста граммов... — с серьезным видом записала официантка.

— Вам сказали, сто пятьдесят, — поправил я.

— Нет, — запротестовал отец Леонтий, — за встречу и... проводы. Сделайте одолжение, а? (Я наотрез отказался.) Несите триста. На всякий случай, — кивнул он официантке. Девушка уплыла в кухню.

Мой собеседник долго смотрел мне в глаза, потом неожиданно расплылся в улыбке:

— Не бойтесь, Дмитрий Александрович, вы сидите не с отцом Леонтием, а просто с Игорем Юрловым. Был батюшка, да весь вышел...

Я удивился и не мог этого скрыть. Вспомнилась наша последняя встреча в больнице в Краснопартизанске. Вот почему он так упорно звал меня в гости. И еще что-то хотел сказать там, в школьном спортивном зале, но так и не решился.

Я смешался: поздравлять его или, наоборот, сочувствовать? Может быть, разжаловали?

— А теперь куда? — спросил я.

— Куда Макар телят не гонял, в Норильск. Буду детишек к спорту приобщать.

— Зачем же так далеко?

— Почетная ссылка, — засмеялся он. — Добровольная.

— А супруга?

— В купе. Отдыхает...

Официантка поставила перед нами выпивку и закуску.

— Не откажете? — поднял графинчик Игорь.

Отказываться теперь было не очень прилично. И вообще я, в конце концов, взрослый, самостоятельный человек.

— Столько событий. Отказать трудно...

— Это другой разговор! — обрадовался Юрлов, наполнив рюмки. — Это же надо, все вокруг ломится от свежих овощей, а тут шпроты, колбаса, винегрет. Может, сбегать в купе, принести помидоры?

— Не стоит. — Я поднял рюмку. — Скажу честно, не знаю, поздравлять вас или нет.

— Давай на «ты».

— Давай. Так как же?

— Я и сам не знаю. Наверное, к лучшему.

Водка обожгла горло, перехватило дыхание. Игорь быстро налил в фужер пива и протянул мне. Оно было теплое и кисловатое, но смыло острый вкус во рту.

— С непривычки противно, — оправдывался я, вытирая слезы.

— Запьем горечь жизни горечью горькой, — усмехнулся он. — Намотался я за эти дни, набегался. Переход из одного состояния в другое как-никак...

— Сам решил?

— Жизнь решила... Конечно, преподобный в районе нос воротил. Получается, дезертир. Но, кажется, уладилось.

— Нового батюшку прислали?

— Нет. Кадров не хватает. Временно за меня будет обслуживать приход староста. Начальство наше не очень обрадовалось, но отпустило с миром.

По ногам у меня разлилась теплота. Мышцы расслабились и стали безвольными. Напряжение последних дней отпустило, и захотелось болтать и слушать чью-нибудь болтовню.

— Я давно хотел с тобой поговорить, но сам понимаешь... — сказал я, совершенно не заботясь, как Игорь это воспримет.

— И я, — просто признался Юрлов.

— Ты спортсмен, я спортсмен. — Он засмеялся.

Мы выпили еще по одной.

— Хороши спортсмены, пьем почти не закусывая.

— Тренеры, — подмигнул он. И вдруг заявил без всякого перехода: — Дурак я! Никто меня из института не гнал. Был бы у меня сейчас диплом, все веселее. Диплом — он ведь ни пить, ни есть не просит, верно?

— Верно, — подтвердил я.

— Из комсомола меня, конечно, правильно попросили. А из института не просили. Честное слово, сам ушел. С четвертого курса!

— Знаю, — кивнул я.

— Ты все знаешь, — грустно сказал Игорь.

— Нет, не все. Например, что вы с Ольгой решили махнуть на Север.

Он засмеялся:

— Как это осталось в секрете для станицы, сам поражаюсь. У меня в Норильске приятель — директор спортивной школы. Однокашник. Я ему давно написал. Так, на всякий случай. Думал, даже не ответит! И к моему удивлению, сразу получил вот такое послание! Пишет, город отличный. Заработать можно. Подъемные выслал, квартиру обещает. Неудобно говорить о деньгах, но мне, Дима, этот вопрос поперек горла стоит. Хочется встать на ноги, Ольгу одеть, родить и растить сына и не думать о копейке. Вы все, наверное, думали, теплое местечко у отца Леонтия! Тысяч я не нажил в Бахмачеевской, поверь. Как вспомню эти несчастные трешки, рубли, стыдно становится. И не брать — обидишь. Да и в район к преподобному ехать с пустыми руками нельзя.

— Что же, я тебя понимаю, материальный вопрос очень важен, хотя мы и боимся его затрагивать.

Игорь болезненно поморщился.

— Не понял ты меня, Дима. Не понял... — Он стал смотреть в окно.

Я чувствовал, что хмелею. Не опьянел, нет, просто я мог говорить о чем угодно, спорить и вообще резать правду-матку в глаза.

— Понял я тебя, — возразил я. — Правда, не был в твоей шкуре. Мне жалованья хватает вот так: холостяк да и тратиться в деревне не на что. Но содержать семью, платить алименты...

Игорь молча разлил водку, потом тихо сказал:

— В мае я получил от Костика, от сына, письмо. Он спрашивал, действительно ли я поп. Его класс приняли в пионеры. А вопрос о Костике отложили. До выяснения... — Игорь залпом выпил свою рюмку и в упор посмотрел на меня. — До сих пор я ему не мог ответить. Понимаешь?

— Понимаю.

Он снова поднял рюмку:

— Давай за моего сына!

— За Костика! — чокнулся я с ним.

— За Костика и за второго сына... — У меня от удивления расширились глаза. Он засмеялся. — Понимаешь, у нас с Олей будет ребенок!

Мы выпили. Мне на какое-то мгновение показалось, что он намеренно настраивает себя на приподнятый, ве-

сельный лад. Решение, принятое им, далось Игорю, видимо, нелегко... В нем еще происходила какая-то борьба. Он, человек далеко не глупый, понимал, что, сделав только первый шаг в своем новом качестве, должен будет многое пересмотреть, многое в себе изменить. Может быть, его тревожило, как отразятся годы, проведенные под сенью церкви, на его дальнейшей жизни. Может быть, есть сомнения... Но на другую чашу весов положено очень многое: ребенок, открытое, прямое общение с Костином. И не только с Костином. Со всеми людьми. А главное — любимая работа!

— Кто сказал Костику, что ты священник? — спросил я.

— Свет не без «добрых» людей... — горько усмехнулся Юрлов. И по этой усмешке стало ясно, что ему вовсе не так весело, как он пытается представить...

В ресторане было много народу, но мы не обращали ни на кого внимания.

— Ты говоришь так, будто жалеешь, что уехал. Прости за откровенность.

— Что значит — жалею? Меня и из Бахмачевской не гнали. — Мой собеседник нахмурился. — Ты думаешь, все так просто?

— А что, если ты порвал с верой — дело одно, а если только сменил работу — другое...

Я видел, что задел его за живое. Но Игорь не обиделся, не отгородился от меня. Он некоторое время сосредоточенно вертел в руках фужер, потом твердо сказал:

— Порвал. И все об этом! Лучше поговорим о спорте. Поверишь, иной раз смотрел по телевизору соревнования по боксу, аж плакать хотелось. Вспоминал, как пахнут новые кожаные перчатки, вымытый пол в спортзале. Даже вкус крови во рту и то дорогим казался. Это дело — мое! Дело, понимаешь? Десятка два пацанов, слабеньких, неуверенных в себе... А ты учишь их спокойно смотреть на противника. Учишь их не бояться, учишь быть мужчиной. Да что тебе рассказывать!.. Ты сам, наверное, такой же. Закажем еще?

— Смотри сам. На меня больше не рассчитывай...

— Ты прав. Хватит. Как говорил Пифагор: «Никто не должен преступать меры ни в пище, ни в питье»... Впро-

чем, что тебя учить, — рассмеялся он, — ты ведь в этом вопросе разбираешься не хуже моего. «Запрет вина — закон, считающийся с тем, кем пьется, что, когда и много ли и с кем...»

Правильно сказал Коля Катаев после моей лекции: слова Хайяма станичники запомнят.

— Игорь, а ведь ты осведомлен получше меня.

— Не говори. Только священнику исповедуются добровольно.

— В своих слабостях, а не преступлениях...

Наш полусуточный спор оборвался. Юрлов поднялся и кому-то помахал рукой.

Я обернулся. Оля Лопатина стояла в другом конце вагона-ресторана, выискивая мужа. Увидев нас, она заулыбалась и подошла к столику.

— Приятного аппетита! Вот не ожидала, что попутчиком будет кто-нибудь из Бахмачеевской.

— Только до Юромска, — ответил я. — Садитесь к нам.

— Отдохнула, лапушка? — ласково спросил Игорь. При появлении жены он засветился нежностью.

— Жарко спать. Все смотрю в окошко и смотрю. Не верится, что мы уже едем...

— Есть хочешь?

— Ни капельки. — Она показала глазами на графинчик. — Приобщились?

— А как же! Посошок на дорогу. Пива выпьешь? — Игорь взялся за бутылку.

— Налей немного. Что-то ты трезвый, я смотрю. Правда, Дмитрий Александрович немного раскраснелся.

— Всего по сто пятьдесят, — сказал я. — Но голова уже кругом...

Оля засмеялась:

— С такой-то дозы? Не поверю.

— Честное слово! Я ведь непривычный.

— Ну все равно, с вашим здоровьем и комплекцией...

— Дело в привычке. Как себя человек натренирует, — засмеялся Игорь. — Какой-нибудь мужичок с ноготок выпьет бочку, и ничего. А другой верзила со ста граммов пьянеет.

— Медициной установлено, что отравляющее действие алкоголя прямо пропорционально весу человека. Если

сразу выпить столько, что на килограмм веса придется грамм спирта, человек может умереть...

— Заинька, какой дурак будет пить залпом столько водки! Пьют же постепенно.

— Это и спасает... — подхватила Оля.

— Вот именно. Но мы ведь говорили о степени опьянения, а она зависит от индивидуальности.

— И все равно, медицина считает, что опьянение также зависит и от веса пьющего.

— Она ошибается, — мягко возразил Юрлов.

— Медицина никогда не ошибается!

— Эраре гуманум эст. Человеку свойственно ошибаться. А врачи — люди.

— Не будем брать частные случаи. Речь идет о науке, — повысила голос Оля.

Назревала размолвка. Чтобы примирить супругов, я сказал:

— В жизни встречается столько отклонений, что все их трудно предвидеть.

— Патология, конечно, бывает. Медики такими случаями тоже занимаются. Но подавляющая масса людей нормальна...

— Может быть, наоборот? — поддразнивал ее Игорь. — Патология — нормальна, а нормальность — патологична?

— Ты, как всегда, хочешь быть оригинальным.

С одной стороны, меня забавлял их спор. Если раньше представлялось, что семейная жизнь Игоря была чем-то необыкновенным в силу его положения, то сейчас я видел, что они простая супружеская пара, со своими неурядицами, соперничеством. Это делало их отношения понятными и человеческими. Но, с другой стороны, я опасался, как бы их перепалка не перешла в ссору. Не хотелось, чтобы наша первая и, может быть, последняя откровенная беседа закончилась плохо.

— Ребята, бог с ней. Оставим медицину в покое, — предложил я.

— Оставим, — с удовольствием согласился Игорь.

— Тем более ты в ней мало смыслишь, — торжествующе закончила Оля.

— Не спорю.

— И спорить нечего. — Оля всем видом показывала, что победа осталась за ней. — Игорь вот всегда возмущал-

ся, — обратилась она ко мне, — что жена парторга Павла Кузьмича, здоровая женщина, ничего дома не делает. Они были нашими соседями. А я говорю, значит, у нее что-то не в порядке. Нам ведь, врачам, виднее. Поговорила я с ней. Маланья Яковлевна призналась, что в последнее время ей действительно все труднее что-нибудь делать. Я посоветовала прийти в амбулаторию. И что вы думаете — щитовидная железа. Ей, оказывается, и раньше предлагали операцию. Бойтся. А люди ничего не знают и болтают всякое...

— Признаться, я думал так же, как Игорь, — сознался я. — Оказывается, по внешности судить нельзя. Взять еще, например, Лохова. Крепыш, каких мало. А у человека одно легкое и туберкулез...

Лопатина округлила глаза:

— Это муж Клавки-продавщицы?

— Он.

— Кто вам сказал, что у него одно легкое?

— Сам и сказал. У него справка есть. Инвалид второй группы...

Оля пожала плечами:

— Глупость какая-то. Я его слушала. Легкие как у быка. Без одного легкого сразу узнать можно.

— А рентгеном проверяли?

— Он не обращался, — сказала Оля.

Я задумался. Действительно, какая-то неувязка. И если у него туберкулез, то как же его жене разрешают работать в продовольственном магазине?

— Он разве не состоял у вас на учете?

— Конечно, нет.

— Может быть, в районе, в тубдиспансере? — допытывался я.

— Что вы, мы таких больных знаем наперечет. Они на особом учете. Их обязательно посылают в закрытый санаторий, регулярно обследуют. Кроме всего прочего, они опасны для окружающих.

— Пойдите, а когда вы его слушали? Он сам к вам в амбулаторию пришел?

— Нет. Случайно получилось. Он как-то чинил крышу и сорвался. Как голова цела осталась, не представляю. Верно, здоров, как бугай. Клавка прибежала ко мне, кричит: Тихон

разбился. Я помню, успела схватить чемоданчик и бегом к ней. Тихон действительно сидит у хаты в полусознании. Клавдия его водой окатила. Я первым делом сердце прослушала, легкие. Дала понюхать нашатыря. Уложила в постель и сказала, чтобы пришел на рентген. Может, трещинка какая. Он так и не пришел. Я решила, что обошлось. Здоровый он, ничего не скажешь. Другой бы богу душу отдал...

— А легкие?

— Я же говорю — здоровее не бывает.

Хмель у меня из головы улетучился вмиг. Я вспомнил Лохова, его здоровые лапищи с короткими пальцами, походку носками внутрь. Меня самого тогда поразило, что у такого человека может быть всего одно легкое, да и то гнилое. Да, тут что-то не то. Паспорт я не смотрел. Поверил на слово. Положился на сычевскую проверку. Теперь мне подумалось, что Клава была чересчур уж приветлива. Неспроста.

Неужели Лохов — это... На фотороботе у преступника была борода. Бороду, правда, легко сбрить.

Надо срочно позвонить Борьке Михайлову.

Игорь и Оля с удивлением наблюдали за мной. Я попытался рассмеяться как можно беспечнее.

— А бог с ним, с Лоховым! Что вам теперь? О Бахмачеевской и думать забудете, наверное.

— Э, нет. — Игорь обнял жену за плечи. — Бахмачеевская — это великая станица. Она соединила нас с Ольенькой... Что и говорить, перевернула всю жизнь. Верно, лапушка? — Игорь лбом потерся о ее волосы.

— Отец Леонтий, люди же смотрят, — шутливо отстранилась она.

— Ну вот что, ребята, — поднялся я, — мне требуется поспать пару часов, как воздух.

— Дима, Дмитрий Александрович, заходите к нам в купе, — пригласила Оля.

— Постараюсь, — ответил я. — На всякий случай — счастливого пути и много-много радости. И напишите.

— Я напишу, — серьезно сказал Игорь. — Жаль, не успели поближе сойтись в Бахмачеевской. Интересный ты парень...

— Так не только ты считаешь. — Оля выразительно посмотрела на меня.

— Что же, правильно, — подтвердил ее муж.

— Дмитрий Александрович знает, о ком я говорю...

Конечно же, речь шла о Ларисе.

Я глупо улыбался и не знал, что делать. С официанткой рассчитался, с Юрловым вроде бы попрощался и стою, как дурак, жду чего-то...

— Понимаешь, Игорь, мы лежали с Ларисой в больнице, ну, с той библиотекаршей...

— Как же, помню.

— Чудная девчонка! — Оля словно рассказывала мужу, но я понял, что ее слова предназначались мне. И только мне. — спрашивает меня Лариса: можно ли любить двоих?

— Как это? — удивился Игорь.

— Вот так. Двоих одновременно.

Юрлов обернулся ко мне:

— Чушь какая-то, правда? У женщин иногда бывает... — Он рассмеялся. — Любить двоих!

— Ты вообще о всех женщинах невысокого мнения! — вспыхнула Оля.

— Действительно, — смеялся Игорь. — О всех, кроме одной. Или ты хочешь, чтобы я обожал всех?

Я не знал, радоваться тому, что сказала Оля, или нет? Но мое сердце било в литавры...

— Она хорошая, чистая девушка, — сказала Оля и почему-то мне подмигнула. — Можно кое-кому позавидовать...

Я еще раз попрощался с супругами и побежал в свой вагон, прямо в купе к проводникам.

— До Юромска следует без остановки, — ответил на мой вопрос проводник. — Теперь поезда несутся как угорелые. Раньше, например, останавливался в Будаеве. Гусей выносили, арбузы соленые... Нынче ни гусей тебе, ни арбузов. — Проводник удрученно вздохнул. — Как на самолете. Ни людей не увидишь, ни товару. Я вот в Среднюю Азию еще ездил. В Ташкент. Там на каждой станции свой особый смысл был. В Темуре дыни покупали, здоровенные, в пуд весом. Пахучие, сладкие! В Аральске — копченого леща, балык выносили. Подъезжаешь к Оренбургу — курей вареных, картошечку с луком и соленые огурчики. — Он еще раз вздохнул. — Охо! Техника, скорость! Все как будто о людях думаем, экономим человеческое время. А всю эту

прелесть зачеркиваем. Подумаешь, сократили путь на несколько часов. Спроси у любого пассажира, хотел бы он отведать будаевских гусей или там аральского балычка? Еще как! Нет, мчимся, мчимся. Куда, спрашивается, спешим? На кладбище? Так все равно там будем... А тебе что купить надо на станции или телеграмму послать?

— А так просто интересуюсь.

— Потерпи до Юромска. Скушно, стало быть?

— Малость.

Проводник подмигнул:

— А с тобой едет не родственник? (Это он про Арефу.)

— Нет, — сказал я.

— Подозрительный. Одежда необычная...

— Артист. В кино снимается. Обживает костюм.

— Да, да, да, да, — зацокал языком проводник. — Думаю, где его видел? Я, между прочим, так и решил...

Я зашел в свое купе. Арефа спал на спине, подложив под голову руки. Мне ничего не оставалось делать, как самому завалиться на свою лежанку.

Глава 26

Проснулся я с тяжелой, смурной головой и отвратительным привкусом во рту.

Арефа, словно поджидая, когда я открою глаза, тут же выглянул с верхней полки.

— Через час Юромск.

Ему, наверное, было скучно одному, и теперь он обрадовался. Я сел, взял со столика стакан с чаем. Остывший. Молодец, Арефа, позаботился.

— Знаете, кого я встретил в вагоне-ресторане? Отца Леонтия.

— Я слышал, будто он уезжает от нас. — Денисов спустился, присел рядом.

— Уже едет.

— С ним, значит?.. — подмигнул Арефа.

— Да, обмыли. — Я потер лоб, виски. — Голова как неродная.

Арефа вынул из-под сиденья бутылку пива и поставил на столик.

— Выпей. Полегчает...

— Не-е, — отмахнулся я.

— Не бойся. Это единственное лекарство. — Он сам откупорил бутылку и налил пива в стакан из-под чая. — Зачем мучиться?

Я стал цедить пиво.

Солнце, большое и багровое, мчалось параллельно поезду на размытом горизонте, чиркая по верхушкам столбов.

— Арефа Иванович, вы уверены, что мы застанем Драченко?

— Застанем, — кивнул Денисов. — Он свадьбу затевает. В Юромске и будет играть. Приглашения разослал...

Неужели у Васьки чиста совесть, если он спокойно готовится к свадьбе, да еще всех известил об этом? Или так сумел спрятать концы, что ему плевать на всех и вся?

— А чем он занимается?

— Говорят, большой делец. — Арефа закурил, видимо размышляя, стоит ли откровенничать. — Я, правда, точно не знаю, но будто зимой он возит на Север фрукты с Кавказа, летом промышляет скотиной, лошадьми в основном... Да мало ли можно найти выгодных занятий? Как говорится, у каждого Гришки свои делишки.

— А попасться не боится? Это ведь до поры до времени.

— Пока не попадался.

— Не понимаю таких людей. Мне кажется, риск себя не оправдывает. Честное дело всегда надежней, с какой стороны ни подойти...

— Таких, как Васька, трудно приучить к нормальному труду. С малолетства к махинациям приучен. Отец его занимался спекуляцией. Старший брат...

— Арефа Иванович, а почему о цыганах такая молва? — перебил я его.

Он задумался.

— Да как тебе сказать? С одной стороны — трудяги, умельцы, которые даже при королевских дворах в Европе славились. Были настоящие, всемирные музыканты, но находились и дельцы. У нас даже есть легенда, почему цыгане такими были. Не слышал?

— Нет, не слышал.

После некоторой паузы Денисов начал рассказывать:

— Случилось это бог знает когда. Решил всемогущий Иисус наделить людей ремеслами. Ну и послал за цыганом святого Петра. Тот искал цыгана недолго, потому что цыган лежал в своей халупе, на краю села, лежал прямо на земляном полу, на соломе, и гонял с живота мух. «Что ты делаешь, морэ?» «Морэ» — по-нашему, значит, цыган. А цыган отвечает: «Я пока без ремесла, вот и гоняю мух». Петр говорит ему, что, мол, поспеши к Богу, тот как раз раздаст всякие подходящие занятия. Цыган, разумеется, и не чешется. «Мне не к спеху, — говорит он. — Вот придет моя жена из деревни, может, чем-нибудь поживится, принесет поесть, я и тебя попотчую. А покуда я не могу уйти из дому». И начал песенку напевать, чтобы не скучно было. Святой Петр, конечно же, ждать не стал, дел у него было предостаточно, не одни ведь цыгане жили на земле, всем ремесла нужны. А может быть, ему песня не понравилась. Оставил он цыгана в халупе гонять мух. Так лежал цыган весь день, весь вечер. Уже ночь на дворе, а жены все нет и нет. В животе у него пусто и тоскливо. Жена вернулась в полночь да еще с пустыми руками. Так и легли спать с пустым брюхом. И как это полагается у настоящих ромов, то есть цыган, проспали до следующего вечера. Проснулся цыган и думает: а ведь к Богу надо навеститься, наверное, приберег какую-нибудь выгодную профессию. Разбудил он жену, стряхнул с нее солому, чтобы поприличней выглядела, и отправились они наверх, предстать пред святыне очи. Петр подвел их к Богу, а тот, к удивлению цыган, говорит: «Бедный цыган, раздал я ремесла все до одного. Ничего тебе не осталось. Но раз уж ты все-таки пожаловал ко мне, я тебя не оставлю без занятия. Пробавляйся-ка ты кражей, а жена твоя — гаданием. Вы, я слышал, и прежде этим занимались». Вот так будто и получилось, что цыган считают бесчестными, дразнят и ругают, потому что не захотели они перечить Богу...

Арефа замолчал.

— Невеселая сказка, — сказал я.

— Невеселая...

— Странно. Обычно народы сочиняют о себе красивые легенды. Богатырей разных, чудеса, смелых и добрых героев.

— И у нас такие есть.

— А эта очень критическая. Прямо сатира народная. Арефа улыбнулся.

— Лучше самим себя ругать, чем другим позволять. И еще как-то оправдываться надо было. А Бог чем нехорош?

— Это верно. Где вы эту байку слышали?

— От матери. Она работящая была. И отец дельный человек был. До революции извоз держал под Псковом. Имел с десяток лошадей, подводы, занимался гужевыми перевозками. Сам за кучера, братья и сыновья с ним. Семья у нас немалая росла. Жили оседло. Помнится, все дома работали. Хозяйство требовало рук. Сами ковали лошадей, чинили подводы. Шорничали, лечили скотину. Не скрою, жили не бедно. От той жизни у меня самовар остался из чистого серебра и дюжина ложек. Такой же самовар и брату достался. Ты видел у Мирикло. А потом много разного случилось. Отец умер, хозяйство распалось. Сыновья и братья разбрелись кто куда. Я многое перепробовал в жизни. В шорниках ходил, в кузнецах, в лудильщиках. Но меня больше к животным тянуло. Потом война. Сначала финская. Не успел я демобилизоваться, как Отечественная. В ней семью потерял. Только Полина осталась в живых. Чудом. Но что я приобрел на фронте, так это настоящего друга. Муж Ксюши Ракичиной, Игнат. Бывает такое, встретишь человека — и у тебя вся жизнь изменится. Славный Игнат был. Добрый, справедливый. Надо же, чтобы Бог соединил такую пару — его и Ксюшу. Я вот с тобой сейчас сижу, беседую, а на самом деле жить должен был он. Может быть, мою пулю на себя принял. В разведке это случилось. Попали в засаду. Он первый заметил фрицев. И как толкнет меня в овраг, а сам не успел. Подстрелили. Я его и схоронил. Вот этими руками закрыл глаза. Закончилась война, дома у меня нет, семьи — тоже. Кто я? Вольный цыган. Подался в Бахмачевскую. Ксюша мне ведь словно родная сестра стала. Работал на конеферме. Ох, трудное было время! Трудодней много, а хлеба нет. Я тогда на Заре женился. Дети пошли. Потом отыскал Полину. А жрать нечего. Зара меня все подбивала кочевать. Думаю, была не была, хуже не будет. А тут табор проходил мимо. Ну, сманили. Конечно, я не красная девица, которая побежит, только помани. Но если бы я с самого начала рос от земли, наверное, вытерпел бы, не ушел. А ког-

да в пятьдесят шестом вышел указ об оседлости, вернулся в колхоз... А зачем я тебе все это рассказываю? — спохватился Арефа.

— Рассказывайте, пожалуйста. Интересно.

— Между прочим, — закончил Арефа, — мой средний брат в Ленинграде преподает в институте. Кандидат наук.

— Значит, легенда ваша не соответствует действительности?

— Время другое.

В дверь заглянул проводник.

— Не помешал?

— Нет, входите, — предложил Арефа.

Проводник с почтением протиснулся в купе, не спуская глаз с Денисова.

— Я, товарищ, с вашего позволения, стаканчики... Может, еще чайку?

— Как, Дмитрий Александрович?

— После пива не хочется.

— Я могу еще сбегать за пивом, — с готовностью откликнулся проводник. — Только вы успеете? Скоро Юромск.

— Спасибо, не надо, — отказался я.

Проводник, продолжая глазами есть Арефу, нехотя удалился. Уж больно ему хотелось пообщаться с «артистом».

— Очень вежливый, — сказал Арефа, когда тот тщательно и аккуратно закрыл за собой дверь. — Все спрашивал, удобно ли я устроился. К чему бы это?

— Культура...

Меня разбирал смех, но я ничего Арефе не сказал.

Голова у меня действительно прошла, и все-таки я решил к спиртному больше не прикасаться.

Поезд застучал на стрелках, задергался. Пути стали раздваиваться и побежали рядом, пересекаясь и множась. Зашипели тормоза.

Когда мы сошли на перрон, я попросил Арефу подождать на вокзале и буквально бегом направился в комнату линейной милиции.

В управлении Михайлова не было. Пришлось звонить домой. Взяла трубку Света. Она мне обрадовалась. Сообщила, что Ксения Филипповна завтра возвращается в станицу. И еще сказала, что хочет сама съездить в Бахмаче-

евскую. Если удастся уговорить мужа немного отдохнуть. Я не стал говорить ей о том, что, возможно, еще сегодня Борьке придется отправиться туда.

— Соскучился, Кича? — спросил мой приятель, взяв трубку. — Откуда?

— Из Юромска.

— С приездом!

— Слушай, у меня нет времени. Проверьте в Бахмачевской Лохова. — Я продиктовал фамилию по буквам.

— Почему именно его?

— Да чушь какая-то получается. У него справка на инвалидность. В ней указано: одно легкое и туберкулез. В действительности — оба легких на месте.

— Ты что, из Юромска это разглядел?

— Да, в подозрную трубу. А если без шуток, нашего врача в поезде встретил. (Борька молчал.) Ты слышишь?

— Слышу. Большие вы деятели с Сычовым, скажу я тебе. А если промахнемся?

— Извинитесь.

— Ладно, Кича.

Глава 27

Юромск. Честное слово, если я снова попаду в него, то не узнаю!

Мы сели в автобус и ехали, ехали по зеленым улицам, пустым и тихим, с двухэтажными кирпичными домами, в которых светились желтым светом узенькие, низкие окошки. Желтые фонари прятались в кронах деревьев. Потом дома исчезли, и автобус переваливался через пустые холмы и снова окунался в бледный свет уличного освещения.

Вдруг ни с того ни с сего возник посреди дороги монастырь. Он протянулся на добрые четверть километра. За его стеной монолитной кладки красного кирпича возвышались храмы и казарменного вида постройки. За монастырем город нырнул под обрыв и засиял бледными огнями, зыбко отражаясь в излуине реки. И людей я совсем не помню. Уж больно широкие пространства занял этот городок, заблудившийся среди холмов, среди не то парков, не то рощ и пустырей.

Остановки четыре мы вообще ехали в пустом автобусе. Водитель, молоденький парень, развлекался радиоприемником, гремевшим на полную мощь. Машина, дребезжа всеми своими частями, вдруг остановилась, и шофер, с треском опустив окошечко, ведущее в салон, прокричал:

— Слезай, конечная!

И мы вышли в прохладную темную зелень кривой улочки, карабкающейся по косогору.

Мы шли, оглохшие от густой тишины, слегка пошатываясь после стремительной езды на поезде и автобусе, всматриваясь в запутанные номера на разномастных оградах частных домов.

Арефа растерялся. Он бросал на меня извиняющиеся взгляды, и мне передалась его растерянность. У нас были все шансы остаться на ночь без крыши над головой. Правда, всегда можно добраться до ближайшего отделения милиции. Но где оно, это отделение, и кто нам покажет путь? У меня было такое ощущение, что город вымер. И вообще здесь когда-нибудь жили люди? Мы уперлись в тупик.

— Странно, — сказал Арефа. — Тут должен был быть магазин...

— Но нет даже и продпалатки, — пошутил я.

Пришлось возвращаться и сворачивать в переулок.

Сколько времени продолжались наши поиски, я не помню. Вся затея с погоней за Васькой и Чавой стала казаться до того неумной и пустой, что я едва не сказал об этом своему спутнику. А может быть, Арефа дурачит меня и, как утка, оберегая своих птенцов, отводит от них охотника?

Мы опять куда-то свернули. У Денисова вырвался вздох облегчения. Место было ему знакомо. Он попросил подождать меня возле какого-то дома, вошел во двор и быстро вернулся, сообщив:

— Это, оказывается, совсем рядом.

Через несколько шагов нас осветили сзади автомобильные фары. Пришлось посторониться. Мягко урча мотором, переваливался по разбитой, заросшей травой колее «москвич».

Арефа проводил его взглядом и вдруг крикнул:

— Эй, морэ!

Машина стала как вкопанная, и из нее выглянула удивленная физиономия водителя.

— О, баро девла! — воскликнул шофер, взглядевшись в Денисова. — Арефа!

Арефа шагнул к «москвичу».

— Здравствуй, Василий. А я, черт возьми, заблудился. Битый час плутаем...

Дратенко открыл заднюю дверцу:

— Вот молодец, что приехал! А где Зара?

— Не могла.

— Жаль, жаль.

Денисов полез на сиденье и пригласил меня. Машина была новая, резко пахла краской, кожей и пластмассой, легко покачивалась от работы двигателя. Щиток с приборами уютно светился лампочками. Дратенко тронул. Свет от фар поплыл по изумрудной траве.

— Как внуки? — спросил Василий.

— Спасибо, живы-здоровы.

— Ну и слава богу! — Дратенко обернулся и подмигнул мне: — Ром?

Я не понял.

— Нет, русский, — ответил за меня Арефа. — Сережкин приятель.

«Да, — подумал я, — ничего себе приятель».

— Ты знаешь, на днях Сергей был. Что с ним такое?

— А что? — невольно воскликнул Арефа. Я сдал ему руку, чтобы он не сказал ничего лишнего.

— Сумасшедший какой-то! Набросился на меня. Где, говорит, лошадь?

— Давно был? — глухо спросил Денисов. От волнения он охрип.

— Три дня назад. Смешной человек! Зачем мне красть лошадь? Я, как и Остап Бендер, уважаю уголовный кодекс. — Дратенко засмеялся. — В наше время можно заработать честным трудом. А все эти цыганские штучки-дрючки с лошадьми пора сдать в музей.

Я чуть было не напомнил ему, как они пытались провести Нассонова, напоив кобылу водкой, но вовремя сдержался. Вообще мне надо пока делать вид, что мое дело — сторона. Пусть потрудится Арефа.

Денисов уже успокоился. Главное, Чава был жив и не-
вредим.

Мы остановились у высокого, глухого забора. Ворота для автомобиля поставили, видимо, совсем недавно и еще не успели покрасить.

Дратенко сам отворил их, завел машину во двор и пригласил нас в темный дом, открыв входную дверь, запертую на несколько замков.

— Мать у невесты, — словно оправдывался он. — Вы же знаете, что такое цыганская свадьба! Хлопот полон рот.

Он провел нас через сени в комнату и щелкнул выключателем.

Я зажмурился от яркого света. Комната была заставлена мебелью, набита дорогими вещами. Было видно, что эта полированная, позолоченная, граненая, бархатная и шелковая радость доставляла владельцу прямо-таки животное удовольствие. Он ждал от нас восхищения, в крайнем случае — одобрения. Но мы расположились на низком диване с деревянными полированными подлокотниками, покрытом толстым ковром, и молчали, занятые своими мыслями...

Дратенко сел возле стола, небрежно положив руку на плюшевую скатерть, явно огорченный тем, что мы не похвалили его дом.

— Куда уехал Сергей? — спросил Арефа.

— Чуриковых искать. Мы с ними у вас были.

— Не припомню таких... — сказал Арефа.

— Да знаете вы их! — нетерпеливо махнул рукой Дратенко. — Григорий и Петро. Братья.

Арефа задумался, силясь вспомнить.

— У Гришки лицо щербатое. После оспы.

— Вспомнил. Далеко они?

— Завтра будут на свадьбе. У них и справитесь о Сергее. А жеребец не нашелся?

— Обязательно будут? — спросил Денисов, не ответив на его вопрос.

— Прибегут. Большие любители выпить и закусить. — Василий обнажил в улыбке свои крепкие, желтые зубы. — Согласился бы ваш председатель, сейчас бы радовался. Такого бычка упустил! Мы его в соседний колхоз продали, «ХХ партсъезд». Довольны.

Я поражался: неужели Дратенко так здорово умеет притворяться? Или он и впрямь непричастен ко всей этой истории с Маркизом?

Арефа тоже был озадачен его поведением.

— Послушай, Василий, где вы провели ту ночь с Сергеем? — спросил он напрямик. Я хотел дать ему какой-нибудь знак, что так вести разговор не следует. Но Денисов на меня не смотрел.

— В соседнем хуторе, — небрежно ответил хозяин дома.

— Э, зачем врать! — покачал головой Арефа. — У Петриченко вы не были.

— Правильно, не были. А что, там одни Петриченки живут? — Ваську этот разговор смутил. Он старался отвести от Арефы глаза. Денисов это чувствовал. — Дорогой Арефа, давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты мой гость. — Он посмотрел на меня и поправился: — Вы мои гости. Завтра свадьба... Погуляем, повеселимся...

Денисов некоторое время сидел молча, что-то обдумывая. Потом тряхнул головой.

— Ты прав.

— Вот и хорошо! — поднялся Дратенко, радостный, словно у него гора свалилась с плеч. — Сергея мы отыщем. Завтра столько народу будет, обязательно узнаем, где твой сын. Закусим чем бог послал? Правда, всухомятку. — Он развел руками. — Матери нету...

Васька пошел на кухню, мурлыкая под нос.

— Арефа Иванович, мне кажется, надо его прижать, — поспешно стал я шептать Денисову. — Насчет Куличовки он, кажется, врет.

— Подожди, подожди, Дмитрий Александрович, — остановил меня Арефа, задумчиво глядя перед собой. — Мы с ним еще потолкуем. Закусим, ты спокойно иди спать. Договорились?

Что мне оставалось делать? Инициатива была в руках Арефы.

— Идет, — сказал я, вздыхая.

Закусили мы холодной курицей, жареной домашней колбасой, солеными помидорами. Дратенко открыл бутылку коньяку. Чтобы не вызвать подозрений у хозяина, мне пришлось выпить рюмочки две. Уж лучше не зарекайся! Совесть будет спокойней...

Дратенко определил меня в небольшую комнату на мягкой старомодной кровати с панцирной сеткой.

Я попытался разобрать негромкий разговор, доносившийся из соседней комнаты, но говорили по-цыгански.

Ругнув в душе Арефу за его поведение и себя за то, что клюнул на его предложение искать Сергея вместе, я решил спать. Утро вечера мудренее. В голове, легкой от коньяка, застучали серебряными молоточками рельсы, со всех сторон меня обступили разворачивающиеся веером кукурузные и подсолнечные поля, мелькающие за окном поезда, закачались лица Игоря, Ольги, Бориса, Ксении Филипповны. И в пламени заката встало лицо Ларисы...

Я понял, почему день, скрывшийся за юромскими холмами, не хотел уходить от меня, почему играли и жили во мне его теплые лучи и солнечные краски...

Во мне воскресла надежда, напоенная горячими ветрами степи, жаркими запахами чебреца, полыни и жердел.

Я перебирал в уме каждое слово, сказанное Олей Лопатиной, и в душу вливалась радость.

В голове возникли все наши встречи с Ларисой.

Я снова и снова переживал их. И теперь уже жизнь не казалась мне вереницей неудач и огорчений. В нее входили светлые, полные смысла перспективы.

А следствие, по всем признакам, неуклонно катится в тупик. Ну и черт с ним! Могу я хоть немного забыться?

Я уснул мертвым сном.

Глава 28

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось...

Эти строчки Есенина вспомнились мне еще во сне, наверное, от негромкого, ритмичного позванивания в оконное стекло ветки с яблоками. Я проснулся, смотрел на красные, созревшие плоды на фоне чистого голубого неба, а это четверостишие повторялось и повторялось само собой, и продолжение я никак не мог припомнить.

В комнатке было прохладно, и, когда в дверь заглянул умытый, причесанный Арефа, приглашая меня к завтраку, я без особой охоты вылез из теплой постели.

Завтракали мы с Арефой одни. Василий с утра умчался на своем «москвиче» к невесте, где предстояли последние, самые суетливые хлопоты перед свадьбой.

— Сдается мне, Васька тут ни при чем, — сказал Арефа за завтраком. — В ту ночь они были в Куличовке. — Я ему вопросов не задавал. Что толку? Они все, сговорившись, могут в два счета обвести меня вокруг пальца. Пиши, Кичатов, твоя затея провалилась. Придется в Бахмачеевской начинать все сначала. Живет там приятель Василия Филипп. Василий его на чем-то надул. Тот Филипп грозился при случае холку ему намылить. Васька решил с ним помириться и взял с собой моего телка. Сергей выпил лишку, спать завалился. А Васька, значит, устроился в другой комнате. Утром вышел — Сергея нет. Он скорей на автобус, чтобы на поезд успеть. Билет у него был. В Сальск. Как это у вас — версия? Считай, версия насчет Дратенко отпадает. Остались Сергей и еще братья Чуриковы, Петро и Григорий.

У меня было много вопросов и сомнений. Но, выезжая из Бахмачеевской, мы как бы договорились, что наш союз основан на полном доверии и искренности. Признаться, я ему доверял все меньше и меньше. Потому что он действовал не советуясь со мной... И если слова Дратенко он принял на веру — это его личное дело... Мое молчание Арефа истолковал по-своему. Решил, что я одобряю его действия. Что ж, пусть будет так. Пора кончать этот спектакль...

Пришла мать Дратенко, смуглая, словно обожженная на углях старушка, быстрая, шустрая и говорливая. Глаза у нее сверкали, как у молодой.

Я постарался поскорее увести Арефу, потому что она буквально заговорила его. Мы оставили ее дома переодеться в праздничное платье и поспешили в дом невесты.

— Мамаша Василия такая темная, черноглазая, а у него почему-то голубые глаза, — спросил я у Денисова.

— Василий — приемыш. Не наших кровей.

— Не цыган?

Арефа улынулся:

— Он любого цыгана за пояс заткнет... — И серьезно добавил: — Мальчонкой едва живого подобрали. Наверное, родители под немцами погибли.

— Когда это было?

— В сорок первом...

— И кто он, откуда, не известно?

— Кто? Человек...

Солнце сияло всюду, шел одиннадцатый час, но утренняя прохлада позднего лета еще стойко держалась под деревьями и в траве.

У меня в голове навязчиво повторялись есенинские стихи, и я все еще переживал размышления ночи... Мне очень хотелось сейчас очутиться в Бахмачеевской, пройти по площади центральной усадьбы колхоза, заглянуть в библиотеку, Лариса, наверное, уже вернулась. Мне казалось, что я уехал из дому давным-давно, целую вечность.

У невесты во дворе — дым коромыслом.

Вдоль забора сколочен длинный стол, уходящий за дом. Женщины хлопотали у большой русской печи и возле костров, на которых кипели огромные черные, прокопченные котлы. Сновали туда-сюда детишки, выполняя разные мелкие поручения; ржали кони, привязанные прямо на улице.

Какой-то парень с всклокоченной шевелюрой, с окровавленными по локти руками кричал хриплым, срывающимся голосом и размахивал внушительным мясницким ножом.

На широкой деревянной софе высилась гора выпотрошенных и ошипанных кур и уток, атели большие ломти говядины. Все это быстро исчезало в котлах и в печи.

Я сам постепенно заражался всеобщим возбуждением. Что бы там ни было, хоть посмотрю на цыганскую свадьбу.

Народ прибывал прямо на глазах.

Улица была запружена автомашинами, мотоциклами, двуколками, лошадьми. Со всей округи сбежалась пацанва. Они облепили забор и во все глаза смотрели на разряженных гостей.

Арефа отвел меня в сторонку.

— Давай присядем.

Мы нашли укромное местечко и устроились на толстом бревне. Я чувствовал, что Денисова тянет поболтать со

знакомыми, которые при встрече с ним выражали бурную радость. Но он не решался оставить меня одного.

Мы томились на своем бревне, разглядывали гостей и в основном молчали. У меня все время рвался с языка один вопрос к Арефе. Я сдерживался, сдерживался, но все-таки спросил. Тем более случай был вполне подходящий.

— Арефа Иванович, почему вы против женитьбы Сергея?

Он покачал головой.

— Это кто тебе сказал?

— Слышал...

— Я в его годы уже разошелся с женой. Вернее, она от меня ушла. — Он засмеялся. — Ушла, и я ничего не мог поделать. Мучился, как дитя, оторванное от мамки. Мне было восемнадцать лет. Мы прожили три года.

— Так это вы, значит...

— Да, да, я женился в пятнадцать лет. Жена — на шесть лет старше меня. Но я ее очень любил. Чуть не помешался. В нашем народе рано женились. Можно сказать — детьми... Это теперь считается рано. Потому как сперва надо закончить образование, там, глядишь, — армия. Хлеб насущный нынче зарабатывается какой-то специальностью. А она требует учебы. Еще положение нужно, крыша над головой, хозяйство. А в таборе мы были вольными птицами. Что найдем, то и поклюем. Никакой специальности, места обжитого не надо. И женись себе, когда захочется... С этой стороны я не против женитьбы Сергея. Какая никакая, а крыша у него есть. Я имею в виду мою хату. Потеснились бы первое время. Помог бы ему свое хозяйство наладить. А на хлеб он зарабатывает хотя бы и в нынешней должности. Но выбор с умом надо делать...

— Значит, вы выбор его не одобряете?

— А ты сам, Дмитрий Александрович, небось удивлялся: как это образованная девушка водится с неотесанным парнем. Скажи, думал?

Он не назвал имени Ларисы, но отлично знал, что я прекрасно понимаю его.

— Образование — дело наживное. В наше время не хочешь — за уши затянут куда-нибудь учиться.

— Не всякий, кто прошел учебу, уже человек. Много у нас еще для формальности делается. И вообще говорю:

Сережка — мой сын, но ведь я его знаю. Тесать его еще надо и строгать... и учить. Потом посмотрим. Может быть, она его и подстегнула бы, но на таких началах им было бы очень трудно... Не хочется, чтобы сразу комом пошло. Зара моя, та ни в какую и слышать о ней не хочет. Вплоть до того, что, говорит, копейки не даст. Деньжата у Зары есть. Копит. Думает, может, вдовой останется. Но я ей этой радости не доставлю. — Арефа улыбнулся, обнажив свои крепкие белые зубы. — Конечно, дошло бы дело до свадьбы, я бы с Зарой не советовался...

Почему все-таки Арефа избегал называть имя Ларисы? Может быть, догадывался о моих чувствах?

Вдруг с улицы послышался шум и радостные выкрики. Грянули гитары и хор нестройных голосов... Мы с Арефой подались ближе к калитке, которую обступили гости.

К воротам подъехала тачанка, на рессорах, устланная ковром. Коренная лошадь смотрела прямо вперед, пристяжные воротили от нее лоснящиеся, вычищенные морды в стороны. Прямо как на картинке. В их гривы были вплетены ленты и цветы.

Еще сильнее зазвенели струны, и человеческая толпа расступилась коридором, пропуская молодых в сопровождении дружков жениха и невесты.

Васька был в дорогом черном костюме, отлично сидевшем на нем, лакированных туфлях.

А невеста! Невеста была ослепительно красива. Белое платье, воздушная фата и черные прямые волосы, обрамляющие смуглое лицо.

Я вспомнил свое впечатление, когда впервые увидел Чаву. Лед и пламень! Такое же ощущение родилось у меня при виде новобрачной. Она была значительно моложе Василия. Я глядел на ее раскосые, черные до синевы глаза, нежный румянец, пробивающийся сквозь смуглоту щек, длинную шею с завитушками около маленьких, аккуратных ушей и не мог оторвать глаз.

— Не чайори¹, а цветок! — не удержался Арефа. Он так же, как и я, не мог налюбоваться ее красотой.

Молодых осыпали мелкими монетками, конфетами и цветами. Они прошли в глубь двора, где им отвели место

¹ Девушка (цыганск.).

под ярким ковром, развешанным на двух деревьях. Арефу, как почетного гостя, тянули сесть поближе к ним, но я украдкой шепнул, что хорошо бы устроиться возле выхода. Мы расположились у самой калитки в окружении молодых, очень шумных и суетливых ребят.

Я пригляделся к пирующей публике. В основном она была одета по-современному, особенно молодежь. Многие женщины нарядились в длинные, широченные юбки, спускающиеся до земли многоэтажными оборками, в шелковые кофты и платки, на шее и руках сверкали украшения. Пожилые цыгане были в сапогах, галифе, жилетах.

То, что происходило во главе стола, докатывалось до нас с веселым шумом и шуточками. Цыганская речь мешалась с русской.

Что-то прокричали около молодых, и все схватились за рюмки.

— Что? — тихо переспросил я у Арефы.

— За новобрачных, — сказал Денисов. Молоденький парень, в красной рубашке навывпуск, рассмеялся и, показывая на меня пальцем, сказал:

— Гаджо...¹— Он смолк под осуждающим взглядом Арефы и потянулся ко мне со своей рюмкой.

Денисов незаметно толкнул меня: чокнись, мол, хотя бы для виду. Пришлось чокнуться и немного отпить. Хорошо, наши соседи мало обращали внимания на других и дружно работали челюстями и руками, отрывая от птицы и мяса изрядные куски.

Веселье разгоралось. По двору сновали девушки, меняли пустые бутылки на полные, разносили угощение. Это было в основном мясо — птица, говядина, баранина. И все большими кусками, жареное и вареное.

На середину двора, свободную от столов и стульев, вышли парень и девушка. У парня в руках была гитара. Девушка придерживала за концы нарядную шаль.

Гости хмельно закричали, подбадривая их. Переливчатый лад гитары пропел грустно и задумчиво. Девушка взяла низкую ноту, и все вокруг смолкло.

Арефа обернулся к ним и застыл с отрешенной улыбкой на лице. И сидел так, пока песня не кончилась. Гости

¹ Не цыган (цыганск.).

опять закричали, захлопали, отчаянно жестикулируя и распаяясь. На пустой пяточок выскочило несколько новых певцов, а парень, продолжая наигрывать, стал обходить с девушкой гостей, которые давали им деньги.

— Обычай, — пояснил мне Арефа. — Для молодых.

Я подумал, что Васька, наверное, мог бы купить с по трохами всю эту публику и, может быть, пол-улицы в при дачу...

В кругу танцующих появился пожилой цыган. Грянули бубны, гитары заиграли ритмичную веселую плясовую. Все захлопали в такт музыке.

— Отец невесты, — шепнул мне Арефа.

Тесть Васьки Дратенко, с шапкой курчавых седых во лос, отплясывал так лихо, что буквально заразил всех сво ей удалью и азартом.

Он подскочил к нам и крикнул Денисову:

— Эй, пуро ром!¹ Покажем молодым!

Арефа вскочил с места, махнул рукой:

— А, была не была! — И тоже пустился в пляс.

Я успел заметить на лацкане пиджака отца невесты три медали ВДНХ — две золотые и одну серебряную. И во обще у многих немолодых цыган здесь, на свадьбе, име лись боевые ордена и медали. Они носили их с гордо стью.

Здорово плясали два цыгана! Они втащили в круг мать Дратенко, и та, распустив руками богатую шаль, плавно пошла по двору, мелко подергивая плечами...

Арефа вернулся на место возбужденный и счастливый.

— Ну как? — спросил он, опрокидывая в рот рюмку вина. — Есть еще порох в пороховницах?

— Есть, Арефа Иванович, есть! Прямо как птица! — по хвалил я его.

— А ты знаешь, мы, цыгане, когда-то были птицами. — Он улыбнулся своей лучезарной улыбкой. Давно я не ви дел такой улыбки на его лице. — Так говорится в одной нашей легенде. — Он вдруг зачем-то толкнул меня в бок.

Я оглянулся. Возле меня, раскланиваясь в танце, при глашала выйти в круг молодая цыганочка в нарядном со временном платье-миди.

¹ Старый цыган (цыганск.).

Я растерялся. Приложил руку к груди, как бы говоря, что не танцую. Девушка мягко, но настойчиво положила свою руку на мое запястье.

— Иди, иди! Такая чайори приглашает! — подтолкнул меня Арефа.

И я пошел. Что я выделял руками и ногами, не знаю. Просто присматривался к другим танцующим и пытался им подражать. К счастью, на пяточке было столько народу, что на мои танцевальные упражнения не обращали внимания.

— Ром? — спросила девушка.

Я уже знал, что это означает, и покачал головой.

— Гаджо.

Она засмеялась. Славная была девчонка. Просто прелесть. Честное слово, глядя на нее, я совершенно забыл о том, зачем мы здесь, забыл свои обиды и недовольство Арефой... И когда все повалили за стол выпить за очередной тост, я уже знал, что она учительница, родственница невесты, и что меня заприметила сразу... А кому, черт возьми, не понравится, если такая девушка скажет комплимент?

Арефа многозначительно подмигнул, когда я опустился рядом:

— Прямо настоящий цыган! Я тебе хотел легенду рассказать, как мы птицами были.

Я кивнул ему. Пусть говорит. Действительно, пусть рассказывает что угодно. Стало вдруг легко на душе. В конце концов, зачем портить людям праздник?

— Так вот, когда-то были у нас крылья, и кормились мы, как все птицы. Осенью улетали на юг, в Африку. Надоест на одном месте, перелетаем на другое. Конечно, жизнь не очень сладкая, потому как не везде есть корм, зато вольная. И вот однажды летели мы долго-долго. Много дней под нами была огромная степь. Изголодались птицы, еле крыльями машут. И вдруг показалась внизу богатая, плодородная нива. Тут наш, птичий вайда, вожак, значит, подал знак опуститься. Спустились мы на поле и стали клевать зерна. Ели, ели, не могли остановиться. Заночевали в поле, а с утра снова принялись за зерно. И уж так отяжелели, что не могли подняться в воздух. Время шло. Мы толстели, жирели. Теперь при всем желании не

могли взлететь. Да и желания уже не было. Привыкли к сытой жизни. А скоро мы и летать разучились. Ходили медленно, вперевалочку. Как ты сам понимаешь, всему приходит конец. Прошло лето. Наступила осень. Зерно, что кормило нас, кончалось. Что делать? Надо было запастись пищу на зиму. Стали мы рыть норы, утеплять на зиму, таскать корм в них, прикрывать, чтобы не пропадали запасы. Затем из веток и соломы настроили шатры, где можно было перезимовать. Трудились мы так, и ноги наши стали крепкими, крылья превратились в руки. Теперь хоть нас и тянет ввысь, да крыльев нет. Только душа осталась вольной... — Арефа кончил рассказывать.

— Красивая легенда, — сказал я.

Тут подъехали еще две грузовые машины. Из них валом посыпались на землю детишки, мужчины и женщины. С невообразимым шумом они устремились во двор, галдя, крича и обгоняя друг друга. У меня зарябило в глазах от мелькания рук, тел, голов, от развевающихся юбок, косынок и рубах...

Арефа напряженно всматривался в бурлящий, суетящийся поток людей, надеясь увидеть кого-нибудь из братьев Чуриковых. Куда там! Это было невозможно. А может быть, их и не было среди прибывших.

— Приедут, — успокоил он меня. — Васька уверял, что обязательно.

Вдруг сзади нас раздался голос Чавы:

— Дадоро!

Они обнялись. Сергей меня сразу не заметил. Не мудрено: такой балаган и неразбериха, что и мать родную не различишь. Потом, я ведь без формы...

— Понимаешь, — говорил Чава, присаживаясь по другую сторону Арефы, — шофер болван какой-то попался. Повез в другую сторону. — Он осекся, увидев наконец меня. — Привет, Дмитрий Александрович!

— Здравствуй, Сергей.

Смотри-ка, веселый, радостный, как ни в чем не бывало...

— Нехорошо, нехорошо, — журил его Арефа, накладывая полную тарелку. — Ты бы хоть предупредил. Мы с матерью волнуемся. Вот, понимаешь, — он указал на меня, — милицию на ноги подняли...

— Как это не предупредил? — искренне удивился Чава. — Я ведь Славке сказал, что еду за Дратенко искать Маркиза. Он разве не передал?

Мы с Арефой переглянулись.

— Ты сказки не рассказывай, — предупредил отец уже строже.

— Честное слово! Славка как ошарашил меня, что Маркиз пропал. Я по глупости решил, что это Васькина работа... А потом уж думал, что Гришка с Петькой. Зря только время потерял... Маркиза-то хоть нашли? — Чава переводил взгляд с отца на меня.

Неужели он так ловко притворяется? Ну и артист! А вдруг парень действительно ничего не знает?

— Нет, не нашли. А где твоя кобыла? — спросил Арефа.

— В колхозе «XX партсъезд». — Сергей, уплетая за обе щеки, достал из кармана бумажку и протянул отцу: — Вот... сохранная расписка. (Денисов-старший стал молча читать документ.) Не тащиться же мне верхом столько километров?.. Я сразу не подумал, а потом возвращаться не было времени. Спешил очень. — Он покачал головой. — Поспешил, только людей насмешил. Да вы скажите, Маркиза действительно не нашли?

— Нет, — сказал я.

Арефа зачем-то передал мне сохранную расписку. Я машинально прочел ее. Она подтверждала, что Сергей оставил свою лошадь в соседнем колхозе в тот же день, когда выехал из Крученого...

— Но мог пару слов черкнуть, где ты и что с тобой, черт возьми! — чертыхнулся Арефа.

Я видел, что он верит сыну безоговорочно.

— А что писать! — в свою очередь вспыхнул Сергей. — Я же сказал Славке, что, пока не найду Маркиза, не вернусь. — Чава стал загибать пальцы на руке. — У Васьки нет, у Петьки нет, у Гришки нет! И вообще про такого жеребца никто ничего не слышал. Значит, его украли другие, не цыгане!

— Сергей, зачем ты взял обротку? — спросил я.

— Какую обротку? — Он изобразил такое непонимание, что можно было усомниться, была ли на самом деле какая-то там обротка.

— Обротка Маркиза лежала в нашем доме, — пояснил Арефа. — Он был за нее привязан во дворе у Ларисы...

Сергей наморщил лоб.

— У нас дома? Глупость какая-то. Чепуха!

— Нет, не чепуха, — сказал я.

Чава ударил себя кулаком в грудь:

— Так вы считаете, что украд я? Я! Вот почему вы здесь... — Он резко взмахнул рукой. — Я так и знал. Сразу понял, что подумают на меня. Поэтому и помчался как угорелый за Васькой. В Сальск ездил... Мотался как дурак...

— Погоди, давай разберемся спокойно, — предложил я. — Ты в ту ночь был у Ларисы?

— Нет!

— Хорошо, допустим.

— Не допустим, а не был!

— Ладно, не был. А раньше заходил к ней в дом или во двор?

— Нет, не заходил.

— А кто же тогда бросил в ее дворе твой окурок? — спросил я.

Арефа недоуменно посмотрел на меня. Этого обстоятельства он не знал. Оно его крепко озадачило.

— Я был у Ларисы, — тихо сказал Сергей.

— Ты только что сказал, что не был. Как же так? — насмешливо спросил я.

Арефа помрачнел еще больше.

— Ты меня не сбивай, — хлопнул по столу Сергей. — Ты... Простите, вы спросили, был ли я раньше? Раньше я не был. Я был потом. Утром, когда уже Маркиз тютю.

— Интересно, зачем?

— Как зачем? Когда я узнал, что жеребца украли, поехал к Лариске. Надо же было узнать подробности!

— Так ведь ты знал, что Лариса сама прибежала в Крученый?

— И ушла... Я думал, вернулась домой. А дома ее не оказалось. Искать ее у меня не было времени. Надо было догонять Ваську. Я же на него подумал.

Арефа следил за нашей дуэлью и не вмешивался. Мне показалось, что он опасается, как бы сын где-нибудь не оступился.

— Расскажи подробнее про то утро, — сказал я. — Не спеша. Не думай, что мне приятно копаться в этой истории. Никто не хочет возводить на тебя напраслину.

— Именно так, сынок, — поддержал меня Арефа.

— И начинай свой рассказ с ночи, — предупредил я.

Мое последнее замечание его здорово смутило. Но деваться было некуда. Я знал больше, чем он предполагал...

— К Филиппу в Куличовку я пошел из-за Васьки. Надоел он мне. Пойдем, говорит, выпьем, надо помириться с ним. — Сергей не смотрел на отца, прятал глаза. — Я ему говорю: хочешь, мол, иди сам. Но Василий боялся, что его отметелят. Я все же свой. Да и знаю, как лучше смотреть в случае чего... Мы выпили, я сразу уснул. Проснулся около пяти. На коня и — к стаду.

— Когда ты уходил от Филиппа, Дратенко был там? — спросил я.

— Не знаю. В другую комнату не заглядывал... А что?

— Хорошо. Дальше.

— Дальше, приезжаю к стаду. Славка меня с ходу: Лариса была, Маркиз пропал! Ну, я сразу и подумал, что Васька... Крикнул Славке, что, мол, поехал искать Маркиза. Забежал домой, взял на всякий случай сто рублей. А то как же без денег? И в Бахмачеевскую, к Ларисе. А ее дома нет. Я постоял возле окна. Помню, курил. Может быть, действительно бросил окурочек. Потом махнул вдогонку Ваське. Решил, что он меня спойл и увел жеребца. Дурак, не догадался вернуться к Филиппу. Васька еще у него был. Проехал я километров десять, думаю, на лошади теперь не догонишь. Сдал свою кобылу в колхоз «XX партсъезд». На автобусе добрался до области... Васька говорил, что в Сальск поедет. Билет показывал. Вот так я и мотался за ним... И при чем здесь обротка, не знаю! Может быть, Ганс притащил?

— Вот ты тоже! — не вытерпел Арефа. — По-твоему Ганс, старая, больная обезьяна, ночью сбежал в станицу, отвязал Маркиза, снял с него обротку и принес на хутор? Это уж совсем чушь!

— А помнишь, как он таскал домой патроны? Ты же сам мне тумачков надавал! — Сергей обернулся ко мне: — Вы спросите у отца.

— Это он из степи таскал! — воскликнул Арефа.

— И ты тоже думал, что это я. Было такое?

— Было, — кивнул Арефа. — Понимаешь, Дмитрий Александрович, стали дома патроны появляться... боевые. От немецкого пулемета. Думаю, кто-то из детей балует.

Игрушка опасная. Перепорол внуков. Клянутся-божатся — не они. Я на Сергея... И что ты думаешь? Ганс! Он в степь любил ходить. Немецкий окоп обнаружил, и его желтые цапки заинтересовали. Откуда ему знать, что цапки эти могут на тот свет отправить? Верно, Сергей, было... Но так далеко, в станицу, Ганс никогда не бегал.

— Может быть, воры бросили обротку в степи? — сказал Чава.

Я выслушал обоих и высказался:

— Все это малоубедительно...

— Как хотите! — Сергей насупился. — Маркиза я не воровал. Хоть режьте меня!

— А за что тебе Василий двести рублей предлагал?

— Подбивал на одно дело. — Сергей пожал плечами. — Но я в его махинациях участвовать не собираюсь. И к Маркизу это никакого отношения не имеет.

— А что Чуриковы? — спросил я.

— Нет. Они тоже ни при чем. Ошиблись, младший лейтенант, — усмехаясь, проговорил Чава. — А настоящих воров проворонили, вот что я вам скажу.

— Петро и Гришка приехали? — спросил Арефа.

— Нет.

— Почему?

— Откуда мне знать? Если не верит, пусть сам во всем разбирается, — кивнул он на меня.

Отец зашипел на него:

— Попридержи язык! Понял?

— Как я еще докажу? — не унимался Сергей. — Пусть сажает в каталажку, пусть!

На нас стали обращать внимание.

— Не дури! Может быть, кто другой давно бы и посадил, а он...

Чава смотрел на меня мрачно и с обидой.

— Я не боюсь. Потому что плевать мне... Сам же будет оправдываться, когда... — Он махнул рукой, встал из-за стола и демонстративно сел подальше от нас.

Арефа тронул меня за руку:

— Ты не обижайся...

— Поеду я, Арефа Иванович. Без толку все это... Будем разбираться дома.

— Может, утречком двинемся вместе?

— Нет. Ждать не могу.

— Я провожу немного.

Мы вышли с Арефой со двора. Я все еще колебался, правильно ли поступаю. Но за каким чертом торчать здесь? По-цыгански я не понимаю. Все они как сговорились, каждый клянется, что невиновен.

Ничего не скажешь — выяснил. Как говорится, остался при своем интересе. Только бы опять не сбежал Чава...

Арефа, словно читая мои мысли, успокоил:

— Ты не волнуйся, Дмитрий Александрович. Завтра мы приедем... Я еще послушаю тут, может, кто ненароком сболтнет лишнее.

Я кивнул, а про себя подумал, что из всей этой затеи ничего не выйдет. Ворон ворону глаз не выклюет. Арефа же и говорил, что предательство считается у них самым подлым делом.

— Ты теперь в область или в станицу? — спросил он на прощание.

— А что?

— Да так. В область — поездом. А в станицу, вернее в район, отсюда рейсовый автобус ходит...

— В район, — сказал я. — Поезд поздно ночью идет...

— Может быть, все-таки останешься?

Я отказался. Неужели он думает, что я мальчишка, которого можно водить за нос? Это же надо выдумать такую историю, будто бы обезьяна притащила в дом обротку! Сказки для дошкольников...

Простился я с ним холодно. Во мне боролись два чувства: обида, что они воспользовались моим доверием, и жалость. Арефа, как мне показалось, метался между мной и сыном...

Глава 29

Автобус доставил меня в Краснопартизанск часов в пять вечера. Первым делом я зашел в лабораторию узнать результаты анализа крови, что обнаружил Славка Крайнов возле хутора Крученого.

Вообще-то меня уже не интересовало, что там скажут: Чава и Дратенко были живы и невредимы. Но зайти в ла-

бораторию надо было. Кровь под ракитником оказалась лошадиной. Вероятно, поранился чей-нибудь конь.

Я колебался, ехать в станицу или в область, где оставил форму и мотоцикл. Не придя к определенному решению, зашел в РОВД, хотя говорить там о своей поездке, которая провалилась, мне будет стыдно. Разбирало любопытство: что дала проверка Лохова?

Как только я появился в дежурке, меня ошаршили:

— Кичатов, молодец, что зашел! Тебя вызывает в область комиссар. Лично.

— Когда? — спросил я у дежурного лейтенанта, теряясь в догадках, зачем это я понадобился своему высшему областному начальству.

— Послезавтра.

— По какому делу?

— Не знаю. Спроси у майора.

Я незамедлительно поднялся на второй этаж и нос к носу столкнулся с Мягкеньким, который куда-то спешил.

— Вот и ты, кстати. Поехали в Бахмачеевскую. У вас ЧП.

Мы спустились во двор, сели в газик, и майор приказал водителю:

— Выжми из своей техники все, на что она способна.

По его суровому и замкнутому лицу я понял, что Мягкенький крепко озабочен. С вопросами сейчас лучше не соваться. Я сидел на заднем сиденье и думал о вызове к комиссару.

Неужели опять по делу Герасимова? Но ведь следствие давно закончено и дело прекращено.

Опять неизвестность. Не для того же вызывает меня комиссар, чтобы возвести в чин генерала! Если уж просят явиться к начальству, то это, как правило, для снятия стружки.

А с другой стороны, я не такая шишка, чтобы насолить начальнику облуправления. Он имеет дело с городским и районным руководством. Да, но ведь счел нужным выехать зампрокурора республики лично для наведения порядка у Родионова!

Короче, хорошего ожидать не приходится. Мало того что у меня полная запутанность с Маркизом, цыгане обвели вокруг пальца, еще и вызов к комиссару... А что это

за ЧП в станице? Придется подождать, пока Мягкенький скажет сам.

Меня стало угнетать молчание, царившее в машине.

Хорошо, заговорил водитель:

— Сильно горят?

— Не знаю. И надо же случиться такой беде... И начальство как раз приехало...

Значит, в Бахмачеевской пожар. Что же такое может гореть, если на место происшествия выехал сам Мягкенький? И какое еще начальство нагрянуло к нам в колхоз?

Майор повернулся ко мне и покачал головой:

— Что же это ты, младший лейтенант, не знаешь, какие люди живут у тебя под носом?

— А что? — спросил я неуверенно.

Мягкенький ответил, обращаясь к шоферу:

— Представляешь, почти полгода у них с Сычовым в станице ходил на свободе особо опасный преступник, а они и в ус не дули.

— Лохов? — воскликнул я.

— Он такой же Лохов, как я китайский император! У человека чужой паспорт, чужая, можно сказать, биография... Хорошо, хоть ты свою ошибку исправил, догадался еще раз проверить. Как говорится, победителей не судят...

— Значит, Лохов?..

— Вот именно. Твой приятель вчера приезжал из облуправления. Михайлов. Как ты, Кичатов, докопался?

— Случайно, — вырвалось у меня.

— Вот-вот! На авось надеемся.

— Я думал, что Сычов до меня его уже проверил, — стал оправдываться я.

— Иван кивает на Петра... Так как же тебя осенило?

— По медицинской справке у Лохова одно легкое и туберкулез. А фельдшер мне сказала, что у него два легких...

— Как в романе! Настоящая фамилия его — Севостьянов. Он знал мужа этой продавщицы, настоящего Лохова. Познакомились на Алдане, в бригаде старателей. Севостьянов недавно отбыл срок в колонии. Подался в наши края. Ему предложили дело. Какое — сам знаешь: ограбление и убийство инкассатора. Он вспомнил, что неподалеку живет Лохов. Вот он и поехал к нему. По старой

дружбе. Лохов совсем недавно умер. Он к его жене и пристроился. Говорит, хочу начать новую жизнь...

— Клава знала об убийстве? — спросил я.

— Говорит, что не знала. Севостьянов сказал ей, что сидел за автомобильную аварию. Плел еще разные сказки, будто по несправедливости в колонии еще срок набавили. Запятнали, мол, человека на всю жизнь. У тебя, говорит, мужик помер. Попросил, как говорится, руку и сердце. А также паспорт и документы покойного мужа. Отцом обещался быть примерным для ее детей. На чем сыграл, подлец!

— Поплакаться да разжалобить они умеют, — подтвердил шофер.

— Пойдите, но ведь паспорт сдается в обмен на свидетельство о смерти? — сказал я.

— Повезло ему, — продолжал майор. — Такая штука подвернулась. Лохов еще до смерти потерял паспорт. Как и полагается, подал заявление в милицию, и ему выдали новый. Этот паспорт и сдала жена в ЗАГС. А когда разбирала его бумаги, старый и отыскался. Вот по этому паспорту и жил Севостьянов. В поселке, где до этого обитала Лохова, ее мужа знали. Поэтому с Севостьяновым они переехали в Бахмачеевскую. Ты мне все рассказывал, что уж больно честная она была. Даже водку продавала строго по постановлению — с одиннадцати до семи. — Майор усмехнулся. — Не слишком ли примерная? Ведь в торговле как? Честный ты человек или нечестный, все равно хоть маленькие, а неувязки случаются. Недочет небольшой или, наоборот, излишки. А у нее прямо тютелька в тютельку...

— Боялась на мелочи попасться, — заключил шофер. — Какой ей смысл химичить, когда в хате такая тьма карбованцев.

Меня резанули слова водителя. Я знал, что Клава была «отличником торговли» задолго до приезда в Бахмачеевскую. Имела грамоты, поощрения. Может быть, она оказалась жертвой? Вспомнилось ее лицо, рано состарившееся, с глубокими морщинами возле губ. И как она говорила, что девчонкой ни одной танцульки не пропускала. Потом на ее плечи опустилась забота о детях — их было трое, о больном муже, который скитался вдалеке от дома, в си-

бирской тайге. Так и не довелось человеку пожить счастливо. Из девок — прямо в омут хлопот и неудач. Может быть, она действительно поверила Севостьянову, пошла на обман, чтобы помочь человеку обрести счастье? И самой хотя бы немного ощутить радость и спокойствие? Поэтому она и держала его дома, опасаясь, как бы он опять не сорвался на работе... Все это я высказал майору.

— Может быть, ты и прав. Разберутся... — сказал Мягенький.

— Это точно, — поддакнул шофер. — Куда везти, товарищ майор, колхоз большой?

— Кичатов, где у вас четвертая бригада?

— Еще километра три и направо.

— Ясно, — сказал водитель. — И вам обязательно надо было ехать, товарищ майор?

— Что ты, хлеб горит! Инструктор облисполкома звонила. Они как раз сегодня выехали в Бахмачеевскую вместе с инструктором райкома. Проверять, как Нассонов организовал обслуживание на полевых станах. Жалуются механизаторы. Они ведь в поле и днем и ночью пропадают.

— И сильно горит? — спросил я.

— Увидим. Эх, хлебушек, хлеб... — тяжело вздохнул начальник райотдела. И в этом вздохе почувствовалась боль и горе крестьянина, для которого хлеб — это все. Мягенький вырос на хуторе и прекрасно знал цену труду земледельца.

У меня самого сжалось сердце. Ведь и моя жизнь в Бахмачеевской теперь крепко-накрепко связана с трудом колхозников. Здесь я по-настоящему узнал, как говорится, что «булки не на дереве растут». Хорошо с хлебом — хорошо колхозникам. Урожаю грозит беда — все на ногах. День и ночь, будни и праздник, забота одна — хлеб...

— Сюда? — обернулся водитель, когда мы подъехали к перекрестку.

— Да, сворачивайте.

Далеко раскинулось поле пшеницы, тучной, золотой, тяжело колышущей созревшими колосьями. Ее тугие волны бежали до края земли, туда, где маленькими точками виднелись комбайны. Заходящее солнце косыми лучами играло в багряном золоте хлебов...

У самого горизонта разворачивались и тянулись зыбкие ленты — шлейфы плыли за автомашинами, движущимися по проселочной дороге.

Среди желтого моря резко выделялась черная плешина, над которой низко повис темный редкий туман дыма. Возле обгорелого места суетились люди, стояли красные пожарные машины, словно жуки на шелковой материи...

— Кажется, уже справились, — сказал майор.

— Кому-то не повезло, — указал на дорогу шофер. Только тогда я увидел, что навстречу нам быстро двигался белый фургон — карета скорой помощи.

Наш газик, задев краешек мягкой шелестящей стенки, дал ей дорогу. Мы проследили глазами «скорую помощь». В ее окошечках промелькнули головы в белых шапочках.

Пожар вырвал из колхозного поля огромный кусок. Здесь, на самом пепелище, было видно, что он мог натворить, развернувшись во всю мощь, подгоняемый сухим, горячим ветром.

Я никогда не видел столько усталых, измученных, перепачканных землей и сажай людей. Они все еще ходили по дымящейся, пышущей жаром земле, колотили чем попало по обгорелой стерне, исходящей едким белым дымом.

Последние ослабевшие струи воды из брандспойтов змеями обвивали редкие очажки пламени, шипели, убивая остатки огня.

Я ходил между людьми, всматриваясь в их лица, потные от жары и трудной борьбы, перемазанные золой. Тут было много не наших, из соседнего колхоза. На краю поля стояло десятка два грузовиков...

Наконец мне удалось разыскать нашего, бахмачеевского. Это был Коля Катаев. В обгоревшей рубашке, с опаленными бровями и волосами, он остервенело бил по земле ватной фуфайкой...

— Коля, как же это?.. — спросил я.

— Несчастье, Дима, — ответил Коля, бросив на землю истерзанный ватник.

— Вижу, вижу, Коля...

— Несчастье, — повторил он. — Ксения Филипповна... У меня перед глазами возник белый фургон с красным крестом, белые шапочки медиков...

Я схватил комсорга за расползавшуюся в моих руках тенниску:

— Что, что ты говоришь!..

Катаев поднял фуфайку и с еще большей злостью принялся колотить по белой шапке дыма...

Я сорвал с себя Борькин пиджак и стал бить, бить им по земле, на которой еще ползали горячие злые светляки.

Это потом уже, из рассказов Коли, инструктора райкома и Нассонова выстроилась цельная картина несчастья, постигшего нас. Потому что не было ни одного человека, которого не пронзило бы до самого сердца происшедшее с председателем сельсовета.

В середине дня она ехала на машине вместе с товарищами из области и района на полевой стан четвертой бригады. Она первая заметила струйку черного дыма и тут же разгадала, что это сигнал беды. И когда райкомовская легковушка подскочила к огню, Ксения Филипповна первая выскочила на поле и стала сбивать своей кофтой быстро разгорающееся на ветру пламя.

И еще она успела приказать шоферу ехать в Бахмачевскую, поднимать людей. Она заставила уехать и инструктора облизполкома, пожилую женщину, чтобы та побыстрее сообщила соседям...

Сначала они боролись с пламенем вместе с инструктором райкома. Скоро подоспела подмога: пламя заметили комбайнеры на соседнем поле. И даже потом, когда приехали пожарные машины, Ксения Филипповна не прекращала битвы с пожаром. С несколькими смельчаками она отвоевала у начавшей слабеть стены огня кусок в несколько метров. Их поддерживали с флангов пожарники с брандспойтами в руках. И вдруг в одном из рукавов не стало воды. Огонь с новой силой захлестнул землю, и люди потеряли Ксению Филипповну в клубах дыма...

Она была жива, когда приехала «скорая помощь». Она живая уехала в белом фургоне. И Нассонов, говорят, умолял, просил, требовал от хирурга, чтобы тот спас ей жизнь. Что он мог сказать, хирург? Он сказал, что сделает все возможное. Прямо отсюда, по радию, он связался с районом, чтобы из области вызвали санитарный самолет с лучшими врачами...

Люди покидали пожарище при свете автомобильных фар. Ни одной искорки, ни одного тлеющего уголька не осталось на опаленной, раненой ниве.

Напоследок мне пришлось успокаивать расплакавшегося Славку Крайнова. Он тоже приехал на пожар, потому что огонь тушили все, со всех хуторов и деревень, которые были в округе километров на двадцать... Нервы парнишки не выдержали, и он, уткнувшись лицом в землю, плакал навзрыд, вспоминая все время тетю Ксюшу... Я попросил майора Мягкенького, уезжающего самым последним, подвести мальчика домой.

Мы сели со Славкой на заднее сиденье. Я накинул ему на плечи Борькин пиджак, вернее, то, что от него осталось, и пацан кое-как успокоился. Около своего дома он вдруг сказал:

— Дмитрий Александрович, Ганс пропал...

Я даже сначала не сообразил, какой Ганс и к чему здесь эта старая обезьянка.

— Отыщется, — успокоил я его.

— Нет, не отыщется, — вздохнул мальчик, у которого, наверное, страшные воспоминания сегодняшнего дня все еще не могли улечься в душе. — Я его курточку нашел в камышах. Вся в крови...

Я подумал: что Ганс, когда случилось гораздо более страшное? Ксения Филипповна. Вот за кого болело сердце, и было пусто и жутко на душе.

Но мальчишка продолжал говорить:

— Никак волки задрали. Баба Вера еще сказывала, что видела рано утром, когда исчез Маркиз, вблизи от хутора Крученого конь пробегал. А за ним, она думала, собаки...

Я долго не мог понять, к чему Славка все это рассказывает. Но когда он, простившись, вылез из машины, а мы поехали дальше, в черноте степной ночи, в моей голове связалось в единый клубок все, что я знал и слышал о том, что случилось с Маркизом.

Ганс, лошадиная кровь на ракитнике, волки... Волки! Тот, кто погубил бедную обезьянку, мог погубить и жеребца...

Это, скорее всего, произошло так. Под утро, перед самым рассветом, Маркиз, с оборванной оброткой, бродил по двору бабы Насти. Что его испугало, не знаю, может

быть, волки, подобравшиеся к станице. Хата Самсоновой стояла на самой околице. Маркиз в страхе перемахнул невысокую ограду, как это делал не раз на скачках, беря препятствие.

Они его гнали и гнали все дальше, по степи, к своему логову...

И когда жеребец почуял за своей спиной страх смерти, он понял, что его спасение в белых хатках, окруженных деревьями, от которых веяло людьми и всем, что их окружает. Он хотел спастись в Крученом, но преследователи преградили ему дорогу...

Видимо, кто-то из них успел вцепиться в его сильное, нервное тело. На берегу речушки, в зарослях раkitника, Маркиз дал первый бой.

Но они заставили его повернуть от человеческого жилья и травили, травили до тех пор, пока не повалили на землю...

Несчастный Ганс. Он, наверное, нашел обротку и притащил домой, к Арефе, как таскал патроны из немецкого окопчика...

Впоследствии мое предположение подтвердилось полностью. А тогда, в машине начальника райотдела, мне было стыдно за свое недоверие к Арефе, за свои сомнения и подозрительность...

Мягкенький спросил:

— Тебе передали, что послезавтра к комиссару?

— Передали...

Голос майора потеплел:

— Не бойсь, не ругать вызвали. Приказ по облуправлению. Благодарность и именные часы. За мужество и отвагу при обезоруживании пьяного хулигана. Даю тебе три дня отпуска: день на дорогу, день в области и на обратный путь...

До меня не сразу дошло сообщение Мягкенького. Потом я вспомнил. Бедный Герасимов! Лучше бы ты никогда не брался за ружье. Лучше бы ты был жив. Пусть будут живы все, кому надо жить...

— Куда тебя подвезти? — спросил начальник РОВД, видимо озадаченный тем, что я никак не реагировал на его слова.

Ехать домой, в хату Ксении Филипповны... У меня сжалось сердце.

— С вами, в район, — сказал я. — Если разрешите, товарищ майор.

Мягкенький промолчал. Потом произнес:

— Понимаю. — И, повернувшись ко мне, добавил: — Бог даст, обойдется.

...Дежурная нянечка бежала за мной по ослепительно чистому, тихому коридору больницы, чуть не плача, уговаривала покинуть помещение.

Завернув за угол, мы столкнулись с высоким молодым мужчиной в белом халате и хирургической шапочке. Марлевая маска болталась у него на шее. Увидев меня, он остановился. Я тоже стал. По тому, как нянечка что-то лепетала в оправдание, я понял — мне нужен именно этот человек.

— Как Ракитина? — выпалил я, чувствуя, что меня сейчас выпроводят и надо успеть узнать главное.

Доктор покачал головой:

— Ну-ну. В таком виде даже в котельную заходить не рекомендуется, — строго сказал он. — Сейчас же покиньте больницу.

— Как Ракитина? — повторил я.

Доктор посмотрел на меня прищуренными глазами, коротко бросил:

— Пройдемте. Пройдемте, я говорю, — и быстро зашагал к выходу.

Я покорно двинулся за ним.

В приемном покое он остановился.

— Кто вы ей будете?

— Внук.

Почему у меня вырвалась эта ложь, не знаю. Может быть, потому, что образ бабушки часто сливался у меня с образом Ксении Филипповны?

— Что ж, — сказал он, — скрывать не буду. Положение тяжелое... — Он вдруг смягчился и попросил нянечку: — Дайте, пожалуйста, этому молодому человеку зеркало.

Нянечка принесла из соседней комнаты небольшое зеркало. Из него глянуло на меня перемазанное сажей, измученное лицо с неестественно белыми белками глаз.

— И еще раз прошу понять: вы мешаете работать. — Доктор открыл дверь и, прежде чем скрыться за ней, сказал: — Мы постараемся...

...Ребята из ГАИ подкинули меня в Бахмачеевскую.

Я шагнул в знакомый двор. В моей комнате горел свет.

С учащенно бьющимся сердцем я перемахнул крылечко.

— Димчик!

Алешка, невероятно повзрослевшая за год, который мы не виделись, вскочила со стула мне навстречу со шенком на руках. Песик удивленно смотрел на меня черными, с поволокой, ягодками глаз, держа во рту палец моей сестренки.

— Димочка! Ты не писал целый месяц. А мы с Мухтаром ждали тебя весь вечер. Я чуть не уснула. Мухтар будет твоим помощником. Он уже умеет служить...

Она повисла у меня на шее, легкая, гибкая, родная.

— Ты скучала тут?

— Нет. К тебе девушка заходила. Лариса. Мы с ней часа два болтали... Сказала, зайдет завтра.

— Постой. — Я усадил сестренку и сел сам, чтобы прийти в себя от нахлынувших чувств. — Алешка, говори честно: мать с отцом знают, что ты у меня?

— Конечно! Я им дала телеграмму. С поезда. Димчик! Ты похож на черта из печки...

Я вышел во двор умыться.

Надо мной светились бесчисленные звезды, и я подумал — завтра снова будет утро. Теплое утро с запахом полыни и чебреца. И не может того быть, что не будут жить те, кому надо жить.

Содержание

ИЗУВЕР.....	7
ИНСПЕКТОР МИЛИЦИИ.....	99

ISBN 978-5-9524-5308-1

Для возрастной категории 16+

Литературно-художественное издание

Безуглов Анатолий Алексеевич

ИЗУВЕР

Повести

Ответственный за выпуск *Д.О. Хвостова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 24.10.2018.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 18,04.
Тираж 2 500 экз. Заказ №10560.

ЗАО «Центрполиграф»
121471, Москва, Можайское ш., дом 29/2

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

